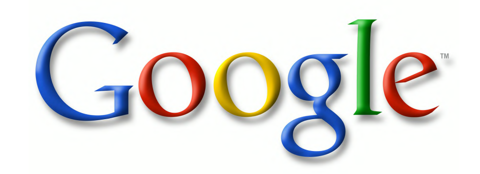
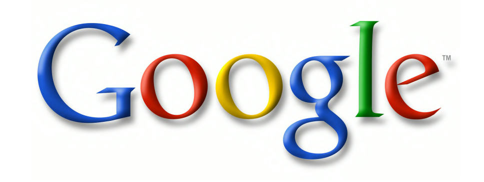
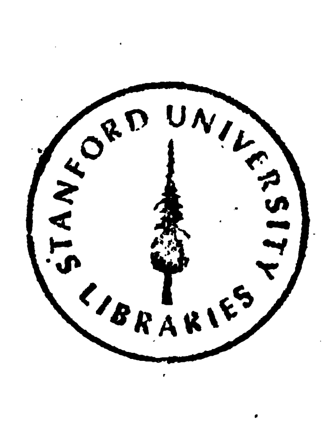

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Идеалы декабристовъ.

ПРОФЕССОРА
М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
Москва.—1907 г.

Великая русская революція, которая проходитъ передъ нашими глазами, въ нашемъ историческомъ прошломъ имѣла въ движеніи декабристовъ одну серьезную попытку освободиться отъ ига самовластія. Тайное Общество, члены котораго получили названіе декабристовъ, въ теченіе почти десятка лѣтъ готовилось къ ниспроверженію самодержавно - бюрократическаго режима. Это движеніе не было случайной вспышкой либерализма. Оно опиралось на глубокое негодованіе мыслящей части русскаго общества и выступало въ цѣляхъ освобожденія всѣхъ классовъ народа отъ тяжелаго рабства. Декабристы весьма серьезно отнеслись къ предстоящей имъ задачѣ. Они внимательно изучали современное имъ положеніе Россіи и стремились выяснить, при какой формѣ правленія русское государство можетъ достигнуть наивысшаго процвѣтанія. Такимъ образомъ въ освѣщеніи декабристовъ проходитъ какъ критика самодержавнаго строя, такъ и идеалъ будущаго государственнаго устройства. Тотъ режимъ, противъ котораго подняли знамя борьбы декабристы,—тотъ самый, съ которымъ борется наше поколѣніе. Охватывая этотъ режимъ съ точки зрѣнія теоретической, декабристы старались подготовить современное имъ общество къ перевороту, и сами дѣятельно готовились къ революціи.

Взгляды декабристовъ на современный имъ государственный и общественный строй представляютъ глубокій интересъ: помимо интереса, при-

сущаго всякой попыткѣ освободительнаго движенія, нельзя забывать и того важнаго факта, что среди декабристовъ представляла собою цвѣтъ тогдашней интеллигенціи, что не можетъ не усилить вниманія къ ихъ идеаламъ. Этому вопросу, т.-е. обзору государственныхъ и общественныхъ взглядовъ декабристовъ, и посвящена настоящая книга. Она естественно распадается на двѣ части: декабристы внимательно изучали тогдашній строй и, критикуя его, высказывали свои положительные взгляды. Это—одна часть вопроса. Критика приводила декабристовъ къ мысли о необходимости введенія въ Россіи республиканской или конституціонно-монархической формы правленія. И нѣкоторые изъ нихъ изложили свои взгляды на этотъ вопросъ. Обзоръ проектовъ конституцій составляетъ другую часть книги. Въ качествѣ введенія къ ней мы помѣщаемъ очеркъ реакціоннаго направленія правительства, естественно способствовавшаго революціонному движенію.

Многія обстоятельства сдѣлали революцію неудачной, роковая случайность разбила всѣ планы подготовлявшагося переворота. Но послѣдующія поколѣнія не могутъ не оцѣнить этой попытки, не могутъ не отнестись къ ней съ уваженіемъ.

Всѣ эти условія въ средѣ послѣдующихъ поколѣній вызывали большой интересъ къ дѣятелямъ декабрьской революціи. Это, между прочимъ, отразилось и на появленіи довольно значительнаго числа статей и матеріаловъ, касающихся этого движенія. Въ послѣднее время этотъ интересъ, по весьма естественной причинѣ, оживился. Но въ довольно обширной литературѣ о декабристахъ трудно найти общій очеркъ этого движенія: это отдѣльныя статьи, біографіи, эскизы, матеріалы или записки современниковъ. Это вполнѣ

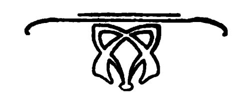
понятно: и цензурныя условія недавняго прошлаго и недоступность самаго главнаго источника для изученія декабрьской революціи—слѣдственнаго дѣла о декабристахъ—препятствовали серьезному и обстоятельному изученію этого движенія.

Задачей настоящей книги и двухъ другихъ, непосредственно съ нею связанныхъ, является желаніе дать общій очеркъ, который характеризовалъ бы всѣ стороны этого замѣчательнаго явленія въ русскомъ прошломъ. При этомъ была принята во вниманіе авторомъ какъ существующая литература о декабристахъ, такъ главнымъ образомъ подвергнуто изученію слѣдственное дѣло, хранящееся въ государственномъ архивѣ.

Съ нашей точки зрѣнія, весь вопросъ о декабристахъ разбивается на три части, заслуживающія самостоятельнаго изученія, именно: *на исторію тайныхъ обществъ*, составлявшихся декабристами, на *исторію декабрьской революціи* и на вопросъ о *государственныхъ и общественныхъ идеалахъ* декабристовъ. Соотвѣтственно такому распредѣленію, нами выпускаются въ свѣтъ три книги, тѣсно между собою связанныя: настоящая книга—„Идеалы декабристовъ“, одновременно съ ней выходящая въ свѣтъ „Тайное Общество декабристовъ“ и „Декабрьская революція 1825 г.“, которая не замедлитъ выходомъ въ свѣтъ.

Москва.
5 іюля 1906 г.

М. Д.-З.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

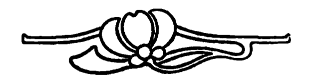
Періоды реакціи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Русскій государственный строй въ освѣщеніи декабристовъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Свобода и конституція.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Періодъ реакціи.

Гдѣ произволъ одного есть законъ верховный, тамъ прочная общая связь и существовать не можетъ; тамъ есть государство, но нѣтъ отечества, есть подданные, но нѣтъ гражданъ, нѣтъ того политическаго тѣла, котораго члены соединялись бы узломъ взаимныхъ правъ и должностей; одно пристрастіе бываетъ подвигомъ всякаго узаконенія, ибо не нравъ государя приноравливается къ законамъ, но законы—къ его нраву... Тутъ подданные порабощены государю, а государь—обыкновенно своему любимцу... Порабощенный одному или нѣсколькимъ рабамъ своимъ, почему онъ самодержецъ?.. Такое положеніе долго устоять не можетъ... Вдругъ всѣ устремляются расторгнуть узы нестерпимаго порабощенія, и тогда что есть государство? Колоссъ, державшійся цѣпями; цѣпи разрываются, колоссъ упадаетъ и самъ собою разрушается.

Изъ Д. И. Фонвизина.

I.

Аракчеевъ и состояніе администраціи.

Вторая половина царствованія имп. Александра I является періодомъ мрачной реакціи. Она начинается послѣ 1812 г., хотя вѣрные признаки ея можно найти и въ предшествующіе ей годы. Правда, и послѣ 1812 г. еще иногда звучатъ послѣдніе аккорды либеральной политики начала царствованія, въ родѣ рѣчи императора при открытіи польскаго сейма 1818 г., въ родѣ проекта уставной россійской грамоты, составленнаго по порученію императора Новосильцевымъ. Но на ряду съ либеральными заявленіями, императоръ все чаще и чаще говоритъ о необходимости борьбы „съ сатанинскимъ духомъ“, „съ язвой революціи“, „съ духомъ зла“, парящимъ надъ Европой. Фактически имп. Александръ I сталъ во главѣ европейской реакціи, поставивши себѣ цѣлью задавить все то, что было выработано французской революціей. Но самъ руководитель европейской реакціи находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ умнѣйшихъ ихъ реакціонеровъ — Меттерниха и Талейрана. Въ жизни и политикѣ, даже въ отношеніи Россіи, онъ имъ вѣрилъ, какъ людямъ, и оба они обманывали русскаго царя, какъ дипломаты. Въ религіозномъ отношеніи имп. Александръ I впалъ въ мрачный мистицизмъ, оказался подъ сильнымъ вліяніемъ англійскихъ квакеровъ и особенно столь

извѣстной въ свое время — Крюднеръ. Александръ I совершенно удалился отъ дѣлъ внутренняго управленія, найдя для него вѣрныя орудія въ лицѣ Аракчеева и кн. А. Н. Голицына. Самъ онъ рѣдко бывалъ въ Петербургѣ, занятый разъѣздами, и все управленіе государства оказалось въ рукахъ временщика. Презрѣніе къ Россіи и русскимъ, которое сказывалось въ Александрѣ еще въ молодости, достигло теперь полнаго развитія: государь уже не стѣснялся выражать такое отношеніе къ своему народу.

Александръ I былъ очень доволенъ своею европейской политикой и отдавался ей со свойственными ему жаромъ и настойчивостью. Но его политика какъ разъ была началомъ той ненависти, которая создалась въ народахъ Европы по отношенію къ Россіи, которая достигла высшаго своего напряженія при его преемникѣ и которой проникнуты народы Европы почти до настоящаго времени.

Европейская реакція охватывала не только правительственныя сферы, она далеко зашла въ глубь общества; рядъ философовъ, публицистовъ посвятили ей свои силы. Либеральная мысль съ трудомъ пробивалась и вела отчаянную борьбу съ реакціей. Для Россіи, для русскаго общества двѣнадцатый годъ сыгралъ такую же роль, какъ и въ остальной Европѣ, можетъ-быть, даже болѣе значительную. Изъ войны двѣнадцатаго года русское общество вышло съ весьма приподнявшимся національнымъ самосознаніемъ. Оно сдѣлало изъ этой войны и изъ послѣдовавшаго за нею непосредственнаго знакомства съ Западною Европой двоякаго рода выводы. Одна часть общества, и притомъ болѣе многочисленная, увидѣла въ Наполеонѣ, въ „мошенникѣ Буанопартѣ“ того самого духа зла, который создала европейская революція. Эта часть общества вступила въ борьбу съ проявленіями революціоннаго духа, оказавъ такимъ образомъ существенную поддержку правительству. Другая часть обще-

ства вынесла изъ знакомства съ европейской революціей другіе выводы — именно: уваженіе къ либеральнымъ идеямъ и тягостное сознаніе того различія, той пропасти, которая была въ государственномъ строѣ Россіи и Западной Европы. Эта часть общества составила основное ядро декабристовъ.

Но, куда бы ни склонялись идеалы той и другой части русскаго общества, можно замѣтить въ немъ одну основную черту — подъемъ національнаго самосознанія. Разумѣется, идеалъ народности у реакціонеровъ и либераловъ былъ неодинаковъ. Реакціонеры были довольны прошлымъ и настоящимъ и стремились лишь къ изгнанію революціоннаго духа. Люди либеральнаго направленія, относясь съ уваженіемъ къ русскому прошлому, понимали недостатки настоящаго, съ ненавистью относились къ установившемуся порядку вещей и мечтали о такомъ будущемъ, которое позволило бы и въ Россіи ввести либеральныя учрежденія Запада.

Таково было, въ общихъ чертахъ, настроеніе русскаго правительства и общества въ данный періодъ. Остановимся на болѣе детальной характеристикѣ реакціоннаго направленія. Оно выразилось прежде всего въ дѣятельности правительства, затѣмъ—въ настроеніи общества; кульминаціоннаго пункта развитія реакціонное направленіе достигло въ религіи и въ стремленіи слить „вѣру съ вѣдѣніемъ", т.-е. въ стремленіи сдѣлать изъ религіи орудіе для борьбы съ либеральнымъ настроеніемъ общества, подчинить науку религіи.

Наиболѣе рельефнымъ выразителемъ правительственной реакціи является фигура всесильнаго графа Аракчеева. Этой фигурой покрывается вся дѣятельность правительственнаго механизма въ теченіе болѣе 12-ти лѣтъ. Аракчеевъ не черпалъ уроковъ государственной мудрости даже и у реакціонеровъ Западной Европы. Въ его лицѣ мы встрѣчаемся съ россійской доморощенной реакціей; онъ и проводилъ свою политику въ „русскомъ

духѣ“, безъ всякихъ позаимствованій, тонкостей западно-европейской реакціи.

Біографическая справка въ наилучшей мѣрѣ можетъ освѣтить намъ то положеніе вещей, которое создалось въ государствѣ при этомъ временщикѣ.

Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ въ періодъ своей силы любилъ говорить, что онъ учился на мѣдныя деньги у сельскаго дьячка: „Я человѣкъ необразованнóй, бѣднóй дворянинъ“. Это не совсѣмъ вѣрно. Аракчеевъ происходилъ изъ среднихъ по состоянію дворянъ Новгородской губерніи. Онъ, дѣйствительно, началъ учиться у сельскаго дьячка, какъ это начинало тогда большинство русскаго средняго дворянства. Въ 1783 г. онъ поступилъ въ артиллерійскій и инженерный шляхетскій корпусъ. Тогда начальникомъ корпуса былъ извѣстный генералъ Мелессино, много сдѣлавшій полезнаго и для русской артиллеріи и для процвѣтанія самого корпуса. По тогдашнему времени корпусъ могъ дать достаточное образованіе. Но въ сферѣ воспитанія корпусная педагогія преслѣдовала неизмѣнный принципъ — повиновеніе начальству; и при благодушномъ Мелессино розги и другія суровыя наказанія считались наиболѣе вѣрнымъ воспитательнымъ средствомъ.

Уже въ корпусѣ Аракчеевъ поразилъ своихъ начальниковъ тѣми качествами, которыя впослѣдствіи создали ему государственную карьеру: точностью, исполнительностью и звѣрскимъ обращеніемъ съ кадетами, надъ которыми онъ въ качествѣ старшаго командовалъ. Въ 1787 г. мы видимъ уже Аракчеева офицеромъ и учителемъ ариѳметики и геометріи въ томъ же корпусѣ.

У Аракчеева былъ сильный покровитель въ лицѣ Салтыкова; по рекомендаціи послѣдняго, онъ попадаетъ въ адъютанты къ Мелессино. Но начальникъ корпуса былъ свѣтскимъ человѣкомъ, стремился подобрать себѣ такихъ же адъютантовъ, и угрюмый служака пришелся не ко

двору. Придумывая наилучшее средство избавиться отъ навязаннаго ему адъютанта, Мелессино рекомендуетъ Аракчеева великому кн. Павлу Петровичу въ его Гатчинское войско. Туда очень часто сбывались офицеры, которыхъ нужно было удалить начальникамъ подъ благовиднымъ предлогомъ.

Тутъ таланты Аракчеева нашли себѣ всестороннее примѣненіе: онъ быстро усвоивалъ приказанія, быстро приводилъ ихъ въ исполненіе, не останавливаясь передъ самыми крутыми мѣрами. Ни съ кѣмъ не сходясь, Аракчеевъ весь отдался службѣ и сдѣлался правою рукой наслѣдника. Не даромъ его впослѣдствіи называли „гатчинскимъ капраломъ". Разумѣется, онъ быстро повышался въ чинахъ. Его обычной тактикой было вѣчно взыскивать съ подчиненныхъ и засыпать наслѣдника, а потомъ и императора массой мелочныхъ донесеній. Всѣ были плохи, кромѣ его самого. Его любимой поговоркой было: „Только то и дѣлаютъ, что изъ-подъ палки". „Вы бы хоть обмолвкою иногда кого-нибудь похвалили", говорилъ ему Котлубицкій.

Аракчеевъ самъ очень много работалъ и хлопоталъ и старался другимъ задать какъ можно больше работы. Будучи генераломъ-квартирмейстеромъ при Павлѣ, онъ заставлялъ офицеровъ съ 7 час. утра до 7 час. вечера перечерчивать старые никому ненужные планы. Аракчеевъ съ жаромъ отдавался любимому занятію имп. Павла— строевому ученію. Это было тяжелое ученіе для солдатъ: не говоря о брани, генеральская трость безпрестанно ходила по рядамъ. Во время ученія Аракчеевъ былъ не только жестокъ, но не разъ проявлялъ признаки звѣрства. Онъ вырывалъ усы у солдатъ и на первомъ же разводѣ при императорѣ Павлѣ откусилъ у солдата ухо. Въ опредѣленіи наказаній Аракчеевъ не зналъ мѣры. Сотня палокъ за несоблюденіе какой-нибудь мелочи въ строю или казармѣ, прогнаніе десятокъ разъ сквозь тысячу шпицрутеновъ — было обычными мѣрами наказанія.

По отношенію къ офицерамъ грубость Аракчеева доходила до пощечинъ въ строю.

Даже императоръ Павелъ удивлялся жестокости и грубости своего любимца. При всемъ томъ Аракчеевъ былъ очень труслив и въ своей жизни никогда не былъ на театрѣ военныхъ дѣйствій,—чуть ли не единственное исключеніе изъ офицеровъ и солдатъ того времени.

Такъ, этотъ человѣкъ обладалъ, кажется, всѣми качествами, чтобы отталкивать отъ себя. Даже наружность графа производила непріятное впечатлѣніе. „Фигура графа,—говоритъ одинъ современникъ,—которую я тогда увидѣлъ, поразила меня своею непривлекательностью. Представьте себѣ человѣка средняго роста, сутулаго, съ темными и густыми, какъ щетка, волосами, низкимъ волнистымъ лбомъ, съ небольшими страшно холодными и мутными глазами, съ толстымъ, весьма неизящнымъ носомъ, формы башмака, довольно длиннымъ подбородкомъ и плотно сжатыми губами, на которыхъ никто, кажется, никогда не видалъ усмѣшки или улыбки; верхняя губа была чисто выбрита, что придавало лицу еще болѣе непріятное выраженіе“. Другой современникъ, Лубеновскій, короче характеризуетъ фигуру графа: онъ былъ похожъ „на большую обезьяну въ мундирѣ“, а въ его сѣрыхъ впалыхъ глазахъ и во всемъ выраженіи лица свѣтилась „странная смѣсь ума и злости“.

При такой несчастной наружности Аракчеевъ былъ весьма склоненъ къ женскому полу. Въ составѣ его библіотеки можно было найти книги въ родѣ слѣдующихъ: „Любовники и супруги“, или „Мужчины и женщины и то и сіе“, или „Читай, смекай, и, можетъ-быть, слюбится“, „Нѣжныя объятія въ бракѣ и потѣхи съ любовницами“; даже посуда въ Грузинѣ свидѣтельствовала о вкусахъ хозяина. На ней встрѣчались рисунки въ родѣ слѣдующихъ: „Любовь въ табатеркѣ“, „Венера въ бойнѣ“, „Любовь заставляетъ плясать трехъ грацій“

и т. п. Впрочемъ, на ряду съ книгами легкаго содержанія на полкахъ Аракчеевской библіотеки встрѣчались въ изобиліи и книги другого рода: „Сѣятель благочестія къ пользѣ живыхъ нынѣшняго и грядущаго, или высокая христіанская нравственность“, „Путь къ безсмертному сожитію ангеловъ“, „О воздыханіи голубицы или о пользѣ слезъ“, „Великопостный конфектъ“ и т. п.

Несмотря на удивительную твердость характера и силу воли, Аракчеевъ самъ подпалъ вліянію извѣстной Анастасіи Минкиной.

Сколько бы ни приводили любопытныхъ особенностей склада характера Аракчеева, мы не уяснимъ себѣ его безъ знакомства съ Аракчеевымъ, какъ съ помѣщикомъ Грузинской вотчины. Грузино было подарено Аракчееву императоромъ Павломъ. Тутъ въ сферѣ помѣщичьяго хозяйства Аракчеевъ могъ проявить себя, всѣ свои склонности, вкусы, еще гораздо ранѣе того момента, когда онъ вступилъ въ управленіе государствомъ. Порядки Грузинской вотчины—прототипъ тѣхъ порядковъ (только въ меньшемъ масштабѣ), которые Аракчеевъ завелъ впослѣдствіи во всей Россіи. Тогдашній помѣщикъ былъ маленькимъ царькомъ въ своей вотчинѣ и могъ примѣнять свои законодательныя идеи къ своимъ рабамъ-крестьянамъ.

Прежде всего Аракчеевъ былъ очень аккуратнымъ хозяиномъ. Для памяти онъ отмѣчалъ всегда у себя, какая, гдѣ и когда куплена вещь, даже самая мелкая вещица. Люди обязаны были ему доносить особыми рапортами о сохранности каждой вещи. Аракчеевъ былъ очень скупъ, и въ періодъ расцвѣта своей государственной силы находилъ время заботиться о продажѣ своего стараго фрака.

Вся жизнь грузинскаго дома и всѣхъ вѣрноподданныхъ рабовъ графа подверглась самой строгой регламентаціи. Для крестьянскихъ построекъ былъ выработ-

танъ однообразный планъ, и вся деревня была построена по этому плану. Жизнь деревни регулировалась множествомъ письменныхъ приказовъ графа и даже печатныхъ сложныхъ регламентовъ. По этимъ регламентамъ, напр., улицы должны были содержаться въ чистотѣ и опрятности. Для этой цѣли графскимъ указомъ въ 1815 году крестьянамъ воспрещено было держать свиней. Среди полей и лѣсовъ вотчины были проведены шоссе. Было издано даже цѣлое положеніе о метелкахъ, коими подметались улицы. Указы содержали въ себѣ точное предписаніе относительно крестьянскихъ домовъ, когда и чѣмъ красить крыши, лѣтомъ воспрещалась топка печей въ избѣ (лѣтнія печи были на дворѣ), кровати должны быть съ занавѣсками, а форточки должны быть открытыми въ извѣстные часы дня; ежедневно требовалось подметаніе мостовыхъ; распредѣлены были работы въ крестьянской семьѣ: старшая хозяйка должна была смотрѣть за скотомъ и пр.; крестьянскія семьи должны были содержать извѣстное количество скота, опредѣленное графскимъ уложеніемъ. Аракчеевъ заботился и о благосостояніи крестьянъ, даже завелъ мірской банкъ.

Регламентами графа охвачены были всѣ стороны крестьянской жизни. „У меня всякая баба,—пишетъ графъ въ одномъ приказѣ, — должна каждый годъ рожать, и лучше сына, чѣмъ дочь. Если у кого родится дочь, то буду взыскивать штрафъ. Если родится мертвый ребенокъ или выкинетъ баба — тоже штрафъ. А въ какой годъ не родитъ, то представь десять аршинъ точива (холста)“. Аракчеевъ не терпѣлъ въ своей вотчинѣ холостыхъ и вдовыхъ крестьянъ. Къ первому января ежегодно ему представляли списки неженатыхъ и списки незамужнихъ. Въ этихъ спискахъ онъ опредѣлялъ, кого женить, иногда и на комъ. Если кто-нибудь изъ предназначенныхъ къ женитьбѣ не соглашался, то слѣдовала краткая резолюція „согласить“. Нѣкоторыя резолюціи его очень оригинальны; въ одномъ случаѣ уже на просьбу

о разрѣшеніи вступить въ бракъ встрѣчаемъ: „не позволяю за грубость брата“. Если кто не зналъ изъ вступающихъ въ бракъ молитвъ, то встрѣчается обѣщаніе „больно высѣчь“. Для грузинскихъ крестьянъ брачная повинность была нелегкой. Аракчеевъ очень не любилъ, когда не выполнялись его предписанія о рожденіи дѣтей. Встрѣчаемъ извинительную записку даже дворецкаго, такъ сказать перваго министра въ вотчинѣ, въ такомъ родѣ: „У меня, ваше сіятельство, родилась дочь, и я боялся о томъ донести, потому что противу желанія моего родилась дочь, а не сынъ“.

Грузинскій вотчинникъ, кажется, былъ доволенъ процентомъ рождаемости, но съ трудомъ боролся со смертностью младенцевъ. Онъ издалъ „Краткія правилы для матерей-крестьянокъ Грузинской вотчины“. Эта печатная книжка состоитъ изъ предисловія и 36-ти параграфовъ наставленій, большею частью элементарныхъ правилъ гигіены дѣтскаго возраста. Книжка должна была быть прочитана всѣмъ бабамъ вотчины, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ. Сверхъ того, священникъ при крещеніи младенца обязанъ былъ прочитать бабѣ это наставленіе. За исполненіемъ правилъ наблюдаетъ старшина деревни, обходитъ избы, осматриваетъ дѣтскіе колыбельки и рожки и вообще строго понуждаетъ матерей исполнять правила.

По тогдашнимъ понятіямъ крѣпостниковъ-помѣщиковъ, Аракчеевъ долженъ былъ считаться дѣльнымъ хозяиномъ: онъ старался извлекать всѣми способами доходъ изъ своихъ крестьянъ. Онъ обучалъ дворовыхъ мальчиковъ для того, чтобы по хорошей цѣнѣ сдавать мастеровыхъ внаемъ; не стѣснялся поднимать оброкъ съ своихъ крестьянъ и успѣлъ его въ теченіе 20 лѣтъ (1797—1818 гг.) удвоить, поднявъ съ девяти до восемнадцати рублей съ души.

Сложное законодательство Грузинской вотчины не было для крестьянъ пустымъ звукомъ. У Аракчеева была

составлена сложная система доносовъ и наблюденія надъ крестьянами. Малѣйшее нарушеніе правилъ наказывалось съ утонченною жестокостью, которая даже для того времени была выдающеюся. Аракчеевъ требовалъ, чтобы вотчинный голова во всякой деревнѣ имѣлъ вѣрныхъ людей для тайнаго наблюденія за поведеніемъ крестьянъ. Онъ всячески поощрялъ доносы, при чемъ графскіе рескрипты бывали милостивы къ доносчикамъ и разъясняли имъ богоугодность ихъ дѣла. „Надобно и всегда быть таковымъ, — пишетъ графъ одному доносчику, — и обо всемъ доносить, что есть дурного. Таковая усердная служба и Богу пріятна и мною не оставлена будетъ безъ вознагражденія“.

Какъ во всемъ, Аракчеевъ былъ точенъ и въ системѣ наказаній, которымъ велись особые журналы. Кромѣ того, у каждаго изъ дворовыхъ была въ карманѣ особая „винная книжка“, въ которую заносились всякія малѣйшія упущенія.

Брань и личное воздѣйствіе графа были лишь самыми незначительными, пустыми наказаніями. Онъ часто прибѣгалъ къ ссылкѣ крестьянъ на цѣлыя недѣли на кирпичные заводы, на женщинъ и дѣвушекъ надѣвалъ самую грубую одежду, на шею рогатку и въ такомъ видѣ заставлялъ ихъ молиться въ соборѣ передъ народомъ. Въ Грузинѣ для болѣе важныхъ преступниковъ находилась особая тюрьма — темное, сырое, холодное и узкое помѣщеніе, въ которомъ виновные сидѣли по недѣлямъ, мѣсяцамъ и болѣе. Система тѣлесныхъ наказаній была также сложная. Въ Грузинѣ въ графскомъ арсеналѣ всегда стояли кадки съ разсоломъ, въ которомъ мокли розги, палки. Для наказанія дворовыхъ у него была такая градація. За первую вину онъ наказывалъ дворовыхъ на конюшнѣ; за вторую онъ отправлялъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ виновнаго наказывали особыми толстыми, „аракчеевскими“ палками; за третью вину наказаніе производилось предъ кабинетомъ графа особен-

ными специалистами: это было самое ужасное истязаніе. Несмотря на то, что градація наказаній была строго установлена, и палачи не осмѣлились бы ея нарушить, Аракчеевъ не забывалъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ напомнить, что подлежащаго наказанію надо „хорошенько высѣчь“. За физическимъ наказаніемъ слѣдовало нравственное. Наказанный писалъ графу письмо, въ которомъ „презрѣнный преступникъ“ выражалъ сокрушеніе о своей винѣ и давалъ обѣщаніе, какъ „презрѣнный и вѣрноподданный рабъ“, исправиться.

При всей своей жестокости Аракчеевъ проявлялъ склонность къ сентиментализму: любилъ слушать пѣніе соловья и въ заботѣ о нихъ въ 1817 году былъ изданъ приказъ графа повѣсить въ Грузинской вотчинѣ всѣхъ кошекъ.

Чтобы получить понятіе о томъ, въ какомъ положеніи находилось тогда государство, нужно себѣ представить, что Аракчеевъ съ пріемами грузинскаго вотчинника приступилъ къ управленію государства.

Но прежде всего интересенъ вопросъ: что сближало императора Александра I съ его временщикомъ и что внушало довѣріе къ Аракчееву у императора? Тутъ прежде всего нужно отмѣтить старинную дружбу обоихъ. Еще будучи гатчинскимъ капраломъ, Аракчеевъ успѣлъ оказать рядъ услугъ Александру Павловичу. Письма послѣдняго не оставляютъ сомнѣнія въ дружескихъ его чувствахъ: эти трогательныя дружественныя письма, въ которыхъ великій князь называетъ Аракчеева не иначе, какъ „другомъ“, выражаетъ „большое нетерпѣніе“ повидаться съ нимъ и т. п. Это была очень интимная дружба, извѣстная только Павлу. Уже въ моментъ агоніи императрицы Екатерины II Павелъ, соединивъ руки Аракчеева и Александра, сказалъ обоимъ: „Будьте навсегда друзьями“. Впрочемъ, либеральствующій наслѣдникъ престола при гвардейскихъ офицерахъ называлъ Аракчеева не иначе, какъ мерзавцемъ. Предсказаніе Павла

сбылось. Въ 1820 году императоръ Александръ I имѣлъ полное право писать своему другу: „Двадцать пять лѣтъ могли тебѣ доказать искреннюю мою привязанность къ тебѣ и что я не перемѣнчивъ".

Кромѣ старинной дружбы у обоихъ были и еще мотивы для тѣснаго сближенія. Аракчеевъ былъ едва ли не единственный изъ генераловъ, близкій къ императорской семьѣ и оказавшійся „чистъ душою и тѣломъ" по отношенію къ ночному событію 11 марта 1801 года. Александръ I не довольствовался преданностью вѣрноподданныхъ самодержавнаго царя: онъ искалъ личныхъ привязанностей. Аракчеевъ именно былъ личнымъ другомъ государя, проявлялъ „собачью преданность", какъ ее тогда же опредѣляли. Когда въ 1812 году многіе сановники обратились къ Аракчееву воздѣйствовать на государя въ смыслѣ удаленія императора изъ дѣйствующей арміи, доказывая, что въ противномъ случаѣ отечество находится въ опасности, Аракчеевъ искренно воскликнулъ: „Что мнѣ отечество! Скажите, не въ опасности ли государь?"

Не только характеромъ своей привязанности, но и другими чертами Аракчеевъ отличался отъ толпы придворныхъ и тѣми именно качествами, которыя цѣнилъ Александръ I. Государя окружали люди, которые въ приближеніи къ государю искали удовлетворенія своему корыстолюбію или честолюбію. Такихъ придворныхъ Александръ I презиралъ. Аракчеевъ не былъ корыстолюбивъ, довольствуясь всю жизнь сравнительно небольшой Грузинской вотчиной. Его нельзя упрекнуть въ казнокрадствѣ, къ чему тогда рѣшительно всѣ прибѣгали. Управляя всѣмъ государствомъ, что всѣ видѣли, онъ, однако, не заслонялъ собою фигуру императора. Біографія Александра I можетъ показать многочисленными фактами, что императоръ уважалъ и цѣнилъ такія отношенія къ нему.

Но, кромѣ того, оба друга имѣли много общаго въ смыслѣ общности вкусовъ. Ихъ объединяли прежде всего культъ императора Павла и ненависть къ Екатеринѣ II. Оба были страстные любители солдатской муштры и въ ней одной видѣли задачу военнаго дѣла. Оба они цѣнили точность, исполнительность и сами были проникнуты тѣми же качествами. При всемъ томъ Аракчееву нельзя отказать въ умѣніи приспособляться ко вкусамъ своего высокаго друга; въ первые годы либеральнаго управленія Аракчеевъ высказываетъ большую нѣжность къ угнетеннымъ, даже пишетъ проектъ, клонившійся къ облегченію крѣпостного права: во вторую половину царствованія онъ впадаетъ въ мистицизмъ.

Вотъ тѣ качества, которыя соединяли императора и временщика. Сдѣлавшись всесильнымъ, этотъ, по опредѣленію Карамзина, „вреднѣйшій человѣкъ въ государствѣ“, заслонилъ своею тусклою фигурой Россію отъ ея государя. Даже въ русской исторіи трудно подыскать другой примѣръ столь продолжительнаго и безграничнаго довѣрія къ временщику. Александръ I совершенно оставилъ управленіе государствомъ. Государственный Совѣтъ потерялъ всякое значеніе. Министры не имѣли доступа къ государю за исключеніемъ Нессельроде и кн. Волконскаго. Только униженіе передъ Аракчеевымъ могло доставить возможность министру явиться съ личнымъ докладомъ къ императору. О частныхъ лицахъ говорить нечего. Передняя временщика сдѣлалась центромъ, куда съ четырехъ часовъ утра стекались правители и вельможи государства. Вся государственная дѣятельность направлялась Комитетомъ Министровъ, въ которомъ предсѣдателемъ былъ графъ Аракчеевъ. Отмѣтки государя на протоколахъ Комитета хорошо разъясняютъ значеніе Аракчеева. Большинство статей, протоколовъ сопровождаются помѣтками Аракчеева объ его согласіи или несогласіи съ постановленіями Комитета

Министровъ, и надъ этими помѣтками встрѣчаемъ аналогичныя резолюціи государя.

Вліяніе Аракчеева сказывалось на всемъ строѣ государства, въ подборѣ правительственныхъ лицъ и въ устраненіи тѣхъ, кто былъ ему неугоденъ. Аракчеевъ дѣйствовалъ черезъ этихъ поставленныхъ имъ лицъ. Но непосредственнымъ проявленіемъ его дѣятельности были военныя поселенія.

Мы познакомимся съ этой стороной дѣятельности тогдашняго правительства, такъ какъ она является характернымъ выраженіемъ всего режима.

Идея военныхъ поселеній не была абсолютной новостью. Она бродила въ умахъ многихъ людей конца XVIII и начала XIX вѣка. Основныя черты ея можно отмѣтить въ замѣткахъ императора Павла, у польскаго публициста Сташица, наконецъ, въ устройствѣ австрійской военной границы. Въ Россіи военныя поселенія заведены были, повидимому, по идеѣ самого императора Александра I.

Въ 1825 году появилась брошюра знаменитаго Сперанскаго о военныхъ поселеніяхъ. Въ этой брошюрѣ излагаются причины военныхъ поселеній и выгоды, изъ нихъ происходящія. Среди причинъ для устройства поселеній авторъ указываетъ: неудобство рекрутскихъ наборовъ, необходимость разрыва семьи при уходѣ въ солдаты, безпріютность солдатъ въ отставкѣ, вредъ, доставляемый земледѣлію и промышленности наборами, наконецъ, трудность для государства содержать войско. Среди выгодъ отъ поселеній указано: уменьшеніе государственныхъ расходовъ по содержанію войскъ, увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, переходъ этихъ надѣловъ въ собственность крестьянъ и, наконецъ, тотъ фактъ, что солдатъ не отрывается отъ хозяйства и семьи. Но это— идеальная сторона дѣла. Суть была не въ ней, а въ той практикѣ, при помощи которой заводились военныя по-

селенія и которая была установлена для поддержанія строя въ самихъ поселеніяхъ. Поселенія начались въ 1810 году превращеніемъ Бобылецкаго Старостства Могилевской губерніи въ военное поселеніе. Съ 1816 года военныя поселенія стали проводиться въ широкомъ масштабѣ. Главнымъ штабомъ ихъ оказалась Новгородская губернія. Введеніе поселеній производилось съ большою таинственностью, порождавшей тревожные слухи среди крестьянъ. Для послѣднихъ было ясно только одно, что ихъ забираютъ въ солдаты. Въ Холынской волости міръ рѣшилъ не исполнять приказаній Аракчеева и не допустить въ волость „прехитростнаго человѣка нѣмца Бухмара". Написано было прошеніе царю о „защитѣ хрещенаго народа отъ Аракчеева", но оно успѣха не имѣло, и все дѣло окончилось жестокой расправой. При заведеніи поселеній на югѣ не обходилось также безъ народныхъ бунтовъ: результатомъ Чугуевскаго бунта было 245 осужденныхъ на смертную казнь, которыхъ Аракчеевъ, впрочемъ, „помиловалъ", осудивъ ихъ прогнать по двѣнадцать разъ сквозь тысячу, то-есть моментальную смертную казнь замѣнилъ медленнымъ истязаніемъ, окончившимся для многихъ смертью. Въ 1825 году военныхъ поселенцевъ было—90 новгородскихъ баталіоновъ, 36 баталіоновъ и 249 эскадроновъ слободско-украинскихъ полковъ.

Главное начальство надъ поселенскимъ войскомъ было ввѣрено Аракчееву. Регламенты для поселеннаго баталіона представляютъ собою полную аналогію законодательства Грузинской вотчины. Отъ ближайшихъ своихъ помощниковъ и подчиненныхъ Аракчеевъ требовалъ безусловнаго повиновенія. Не говоря о силѣ Аракчеева, у него были особыя средства для воздѣйствія—бланки съ подписью государя: на этихъ бланкахъ Аракчеевъ, по собственному признанію, могъ написать и то, что данное лицо лишается чиновъ и ссылается въ Сибирь, и то, что это лицо награждается чинами и орденами.

Аракчеевъ требовалъ безусловной строгости въ отношеніи начальствующихъ лицъ къ подчиненнымъ. И строгость была неумолимая. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: „Главное правило было, что всѣ средства хороши, лишь бы сдѣлано было, что приказано начальниками. Шпіонство, съ одной стороны, и побужденіе къ доносамъ нижнихъ чиновъ противу ближайшихъ ихъ начальниковъ, когда желали ихъ перемѣнить другими, съ другой—ослабили совершенно всю дисциплину и связь между начальниками и подчиненными". Управы нельзя было ни у кого найти: во всемъ царилъ личный произволъ. Офицеры и начальники были опутаны массой регламентовъ. Аракчеевъ самъ слѣдилъ за опрятностью офицерскихъ квартиръ. По сообщенію тогдашняго врача, даже число зарегистрованныхъ больныхъ напередъ было регламентировано.

Жизнь крестьянъ и солдатъ была строго регламентирована. Крестьяне были превращены въ солдатъ, получили амуницію и ружья. Солдаты были посажены среди крестьянъ и получили сельскохозяйственное орудіе. Для первыхъ было трудно привыкать къ военной муштрѣ, вторые уже отвыкли отъ сохи. Мальчиковъ отрывали отъ семьи и сдавали въ особыя школы кантонистовъ.

Съ внѣшней стороны военныя поселенія могли удивлять своимъ благоустройствомъ. Села были отстроены по особому плану. Избы были похожи одна на другую, отличались чистотою и даже нѣкоторою изящностью постройки. На окнахъ обязательны занавѣски. Улицы шоссированы и чисто выметены. Въ поселеніи были бульвары, госпитали, богадѣльни, школы, заемные банки. Крестьянамъ отведены были большіе надѣлы, выданъ скотъ и военная амуниція. Но это была только внѣшность. При устройствѣ военныхъ поселеній не соображались качества мѣстности и удобства ея для земледѣлія. По разсказу поселеннаго офицера Мартоса, подъ

поселенія часто отводились неудобныя для земледѣлія земли. Приходилось расчищать заросли и осушать болота. Въ мѣстности, гдѣ ранѣе могло существовать всего 720 душъ, поселено было еще тысяча. Надѣлы оказались очень удаленными отъ мѣста поселенія. Разумѣется, такія поселенія сами себя не могли прокармливать, и не одни солдаты, но и все населеніе оказалось на казенномъ полкѣ.

Крестьяне были подчинены военнымъ законамъ и управленію офицеровъ. „Крестьяне были подчинены мнѣ,—пишетъ Мартосъ,—они вышли изъ всякой зависимости гражданскаго начальства: я творилъ судъ и расправу“. Земля и движимое имущество отдавались въ полную „собственность“, но поселенецъ долженъ быть хорошаго поведенія и непремѣнно женатъ, иначе баталіонный командиръ могъ отнять имущество. Такъ какъ желательно было развести какъ можно больше будущихъ поселенцевъ, то брачное дѣло находилось подъ особымъ попечительствомъ Аракчеева. Въ одномъ изъ своихъ предписаній онъ пишетъ: „Собрать свѣдѣнія о всѣхъ дѣвкахъ, пришедшихъ въ возрастъ, а равно и о вдовахъ. Запрещать дѣлать свадьбы безъ моего позволенія, а о всѣхъ свадьбахъ предоставлять ко мнѣ по данной формѣ; позволяется же дѣвкамъ и вдовамъ выходить замужъ и безъ моего позволенія за однихъ лишь солдатъ, коимъ выдавать на свадьбу по 25-ти рублей и доносить о томъ мнѣ“.

Всякій шагъ крестьянина-солдата былъ предусмотрѣнъ инструкціей. Ежедневно унтеръ-офицеры по утрамъ осматриваютъ всѣ дома, слѣдя за чистотою. Форточки должны были быть открыты въ опредѣленные часы дня. Лучина изгнана изъ употребленія. Кровати должны быть занавѣшены пологомъ. Всѣ вещи поселянина, говоритъ инструкція, должны находиться на узаконенныхъ для нихъ мѣстахъ. Очистка улицъ, подметаніе снѣга, починка тротуаровъ и бульваровъ, даже процедура выгона скота въ поле,—

все подчинено было опредѣленнымъ правиламъ. Ночью по улицамъ ходили патрули.

За всякую неисправность крестьяне отвѣчали. Загорѣлась по неосторожности бабы изба — резолюція начальника: „бабу высѣчь хорошенько".

Съ внѣшней стороны въ поселеніяхъ господствовало однообразіе и щегольство: даже заслонки въ печахъ были съ амурами. При проѣздахъ императора устраивались парадные обѣды въ избахъ: поросенокъ и жареный гусь по задворкамъ переносились изъ избы въ избу. Аракчеевъ хотѣлъ вліять на публику и расположить ее къ военнымъ поселеніямъ и съ этой цѣлью издавалъ журналъ— „Семидневный листокъ военнаго поселенія учебнаго баталіона гренадерскаго графа Аракчеева полка".

Вельможи, заискивавшіе у Аракчеева, восхваляли его мудрость въ устройствѣ военныхъ поселеній. Но тогдашнее общество и исторія оцѣнили ихъ иначе. Военныя поселенія были самымъ ужаснѣйшимъ видомъ рабства. Насколько оно было тяжело, доказывается большимъ процентомъ смертности (10%) и самоубійствъ среди поселенцевъ („апоплексическіе удары" официіальныхъ рапортовъ), наконецъ, психическія заболѣванія (меланхоліи, по рапортамъ). Военныя поселенія стоили очень дорого государству не только потому, что требовали большихъ казенныхъ средствъ на свое содержаніе, но и потому, что отвлекали рабочую массу населенія отъ земледѣлія, а солдатъ—отъ военнаго дѣла. Военныя поселенія образовали касту, опасную для спокойствія государства. Страшный бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 году, стоившій массы жертвъ съ обѣихъ сторонъ, былъ отвѣтомъ со стороны поселенцевъ на тѣ жестокости и притѣсненія, которыя они испытали.

Другія стороны управленія въ Аракчеевскій періодъ пришли въ упадокъ.

Состояніе администраціи и подвластнаго ей населенія было самое печальное. Провинціальная администрація

пользовалась полною безнаказанностью — лихоимство и всякаго рода насилія, вообще столь свойственныя русскому прошлому, достигли невѣроятныхъ предѣловъ; такое положеніе вещей характеризуется не только отзывами современниковъ, но также и офиціальными документами—сенаторскими ревизіями. Эти ревизіи, напримѣръ, дали поводъ къ изданію Сенатскаго Указа 1814 г. Этотъ Указъ отмѣчаетъ, что губернаторы управляютъ губерніями, не сносясь съ губернскимъ правленіемъ, „своимъ однимъ лицомъ“, нарушаютъ законы, вмѣшиваются въ судъ; любопытно, что Сенатскій Указъ запрещаетъ губернаторамъ вести частную переписку съ заинтересованными въ дѣлахъ лицами для того, чтобы воспрепятствовать взяточничеству.

Отдѣльные факты поразительны. Костромской губернаторъ Пасынковъ обвинялся въ 22 дѣлахъ; это все взятки, незаконные поборы съ населенія; тульскій губернаторъ Богдановъ обвинялся въ 8 дѣлахъ, среди которыхъ находимъ превышеніе власти, незаконные сборы съ населенія и разныя хищенія. Самовластіе и самодурство губернаторовъ не знало предѣловъ. Тамбовскій губернаторъ Безобразовъ требовалъ постановки себѣ портрета въ залѣ дворянскаго собранія, какъ „избавителю города Тамбова отъ злодѣевъ“. При ревизіи Новгородской губ. сенаторъ Мясоѣдовъ нашелъ, что въ рекруты изъ казенныхъ крестьянъ отдавались люди больные и къ службѣ неспособные. Высочайшіе указы не приводились въ исполненіе въ теченіе 10 лѣтъ; за губерніей числилось много недоимокъ и главнымъ образомъ на содержателяхъ питейныхъ сборовъ; земскіе суды хватали людей по подозрѣніямъ и заковывали ихъ въ кандалы. Тотъ же сенаторъ Мясоѣдовъ принужденъ былъ отдать подъ судъ въ Курскѣ 300 чиновниковъ. Хуже всего приходилось крестьянамъ. „Мы теперь, — жаловались нижегородскіе крестьяне,—стали хуже нищихъ отъ нашихъ секретарей и приказныхъ. Кто только къ намъ въ се-

леніе завернетъ, тотъ, что хочетъ, то съ насъ и беретъ. А жаловаться негдѣ: одинъ другому потакаетъ и нигдѣ у нихъ ни суда ни правды не найдешь". Дѣйствительно, въ судахъ преобладали медлительность въ дѣлахъ и страшное лихоимство.

Государь все свое вниманіе — поскольку онъ бывалъ въ Россіи—обращалъ на военное дѣло, но оно заключалось въ безполезной для солдатъ маршировкѣ, вытягиваніи носковъ и прочее.

Военная служба была тогда очень трудной, а наказанія солдатамъ и офицерамъ раздавались съ большой легкостью. Баронъ Розенъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ о томъ, какіе находились среди офицеровъ знатоки тогдашней муштровки. Баронъ Розенъ, тогда молодой офицеръ, показывалъ свою роту одному такому виртуозу, полковнику Люце. Онъ нашелъ роту Розена хорошей, но съ недостаткомъ въ стойкѣ и далъ совѣтъ молодому офицеру: „При стойкѣ прикажите людямъ прижать, сжимать заднія щеки, и будетъ тотчасъ другая стойка и выправка". Тотъ же полковникъ Люце не одобрилъ построенія въ баталіонѣ боевого генерала Бистрома, потому что, когда баталіонъ стоитъ на мѣстѣ, „примѣтно дыханіе солдатъ, видно, что они дышатъ".

Даже генералы приходили въ отчаяніе. „Одинъ учебный шагъ,—писалъ генералъ Сабанѣевъ,—и переправка амуниціи задушила всѣхъ, отъ начальника до нижняго чина... Какое мученіе несчастному солдату... Вотъ гдѣ тиранство".

Стоитъ пересмотрѣть переписку генераловъ Закревскаго и Киселева, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько удручающимъ образомъ дѣйствовали на нихъ правила военной муштровки. Однимъ словомъ, военное дѣло сводилось къ шагистикѣ, къ наблюденію за дыханіемъ солдатъ или къ сжиманію челюстей. Интересно, что даже такой любитель фронта, какъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, неоднократно въ откровенныхъ письмахъ къ

Сипягину иронизировалъ надъ той „танцовальной наукой“, которая завелась въ Петербургѣ.

„Да я такихъ теперь мыслей о гвардіи,—писалъ цесаревичъ,—что ее столько учатъ и даже за десять дней приготовляютъ приказами, какъ проходить колоннами, что вели гвардіи стать на руки ногами вверхъ, а головою внизъ и маршировать, такъ промаршируютъ, и не мудрено: какъ не научиться всему—есть у насъ въ числѣ главнокомандующихъ танцмейстеры, фехтмейстеры, пожалуй, Франкони завелся“.

II.

Идеалы реакціонной части общества.

Мы разсмотрѣли одну сторону реакціонной дѣятельности правительства Александра I. Она проводилась доморощеннымъ путемъ и получила характерное названіе Аракчеевщины. Но мы уже имѣли случай замѣтить, что реакція пустила глубокіе корни: она выражалась не только въ правительствѣ, но гнѣздилась въ нѣдрахъ самого общества.

Познакомимся теперь съ настроеніемъ реакціонной части общества. Наиболѣе рельефнымъ образомъ оно выражалось тогдашней публицистической литературой. Литературнымъ застрѣльщикомъ явился извѣстный адмиралъ Шишковъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего любопытна произнесенная имъ въ Бесѣдѣ Любителей Россійскаго Слова въ 1811 году рѣчь—„разсужденіе о любви къ отечеству“. Оно было написано ранѣе 1811 года, но авторъ не рѣшался его опубликовать: „Времена казались мнѣ такія, что я, наслышась о преобладаніи надъ нами французскаго двора и чванства посланника его Коленкура, а притомъ зная и неблаговоленіе ко мнѣ государя императора, опасался, чтобы не поставили мнѣ это въ какое-нибудь смѣлое покушеніе безъ воли правительства возбуждать гордость народную“.

Въ лицѣ Шишкова и другихъ реакція пріобрѣтаетъ прежде всего націоналистическую окраску и вступаетъ въ борьбу съ „развращенными идеями Запада". Шишковъ защищаетъ старый слогъ и нападаетъ на поклонниковъ новаго стиля. Новый стиль есть проявленіе всякаго рода новшествъ, а потому приверженность къ нему есть признакъ неблагонамѣренности и отсутствіе любви къ отечеству. Поэтому Шишковъ нападаетъ на „развратные нравы, которымъ новѣйшіе философы обучили родъ человѣческій, и которыхъ пагубные плоды, послѣ толкого пролітія крови, понынѣ еще во Франціи гнѣздятся".

Такъ, споръ о слогѣ переходитъ на почву политическую: старый слогъ — національное и политическое наслѣдіе русскаго народа. „Почему обычаи и понятія предковъ нашихъ кажутся вамъ достойными такого презрѣнія, что вы не можете подумать о нихъ безъ крайняго отвращенія? Мы видимъ въ предкахъ нашихъ примѣры многихъ добродѣтелей: они любили отечество свое, тверды были въ вѣрѣ, почитали царей и законы (при этомъ подразумѣвалось, само собою, что защитники новаго слова не тверды въ вѣрѣ и не „почитаютъ" царей и законовъ); свидѣтельствуютъ въ томъ Гермогены, Филареты, Пожарскіе, Трубецкіе и пр. Храбрость, твердость духа, терпѣливое повиновеніе законной власти, любовь къ ближнему, родственная власть, вѣрность, гостепріимство и иныя многія достоинства ихъ украшали". Поддержать эти достохвальныя качества необходимо. Для этой цѣли, по мнѣнію Шишкова, слѣдуетъ поддерживать въ обществѣ вѣру, проводить воспитаніе въ духѣ противодѣйствія всякимъ новшествамъ и особенно поддерживать славянскій языкъ. Языкъ отражаетъ въ себѣ политическое настроеніе народа: языкъ— душа народа, зеркало нравовъ, гдѣ нѣтъ въ душѣ вѣры, тамъ нѣтъ въ душѣ благочестія. „Гдѣ ученіе основано на мракѣ лжеумствованія, тамъ въ языкѣ не возсіяетъ

истина; тамъ въ наглыхъ и невѣжественныхъ писаніяхъ господствуетъ одинъ только развратъ и ложь. Однимъ словомъ: языкъ есть мѣрило ума, души и свойствъ народныхъ".

Въ публицистикѣ появляются журналы съ исключительной цѣлью поддержать реакціонное направленіе. Таковъ, напримѣръ, „Демокритъ" (1815 г.); его задача—борьба съ либеральными идеями и съ источникомъ ихъ. По мнѣнію Демокрита, лучшее воспитаніе это то, въ которомъ ни одинъ университетъ не принималъ участія: для образованія достаточно „всещедрой" природы. Для образованнаго человѣка достаточны „врожденная тихость и умѣренность въ желаніяхъ", отсутствіе „мечтательнаго умствованія".

Впрочемъ, самымъ виднымъ журналомъ на этомъ поприщѣ въ то время былъ „Русскій Вѣстникъ" Сергѣя Глинки (съ 1808 года). Въ предисловіи къ первой книжкѣ издатель обѣщаетъ дать чисто русское направленіе: западно-европейской философіи будутъ противопоставлены „нравы и добродѣтели праотцевъ нашихъ". Глинка—убѣжденный поклонникъ русской старины. Его направленіе консервативное, націоналистическое, но безъ безсмысленныхъ реакціонныхъ выходокъ. Онъ помѣщалъ въ своемъ журналѣ много статей по русской исторіи. Русское прошлое въ нихъ — полная идиллія. Бояринъ Матвѣевъ разсуждаетъ о воспитаніи буквально словами Локка и Кондильяка. Кормчую книгу авторъ сопоставляетъ съ изреченіями Солона: „Всѣ правила, содержащіяся въ Кормчей книгѣ, согласны съ разсужденіемъ всѣхъ знаменитыхъ просвѣтителей всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ". Въ „Русскомъ Вѣстникѣ" мы встрѣчаемъ статьи, посвященныя фактамъ особаго подъема духа въ русскомъ прошломъ, напр., статьи о Мининѣ и Пожарскомъ, Авраамѣ Палицынѣ и пр.

Вообще издатель журнала очень высокаго мнѣнія о состояніи просвѣщенія и нравовъ въ старой Россіи.

„Возрастая въ страхѣ Божіемъ и простотѣ нравовъ,— говоритъ издатель,—предки наши заимствовали всѣ понятія свои отъ наставленія отцовскаго и изъ духовныхъ книгъ. Они не спорили о какомъ-то первобытномъ природномъ состояніи, о безпредѣльномъ усовершенствованіи ума человѣческаго, но старались исполнять обязанности человѣка, гражданина и христіанина“. Глинка доказываетъ, что во времена Рюрика ни одна страна Европейская не была просвѣщеннѣе Россіи въ нравственномъ и политическомъ образованіи, и что вообще до Алексѣя Михайловича и до Петра Великаго Россія „едва ли уступала какой странѣ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, въ законодательствѣ, чистотѣ нравовъ, въ жизни семейственной и во всемъ томъ, чѣмъ благоденствуетъ народъ, чтущій обычаи праотеческіе, отечество, царя и Бога“.

Любопытную особенность тогдашней журналистики представляетъ собою „Сынъ Отечества“ Греча, начавшій выходить 1812 года. Воинственно-патріотическій тонъ его объясняется моментомъ появленія журнала: онъ посвящаетъ свои силы борьбѣ съ Наполеономъ и со всѣмъ тѣмъ, что тогда связывалось съ именемъ великаго завоевателя. „Въ то время,—говорится уже въ первомъ номерѣ журнала, — когда злобный разрушитель царствъ и престоловъ занесъ дерзкую ногу въ предѣлы благословенной земли русской и тлетворнымъ дыханіемъ своимъ распространяетъ повсюду ужасъ, боязнь и недоумѣніе, каждый россіянинъ долженъ употреблять всѣ силы и способности свои для вящаго одобренія мужественныхъ, для возстановленія малодушныхъ, для изобличенія безстыднаго хищника во лжахъ и кощунствахъ его“. Противъ Наполеона печатались филиппики въ такомъ родѣ: „Предчувствуй безсмертіе, тебя достойное! Предчувствуй, какъ и когда потомки будутъ клясться твоимъ именемъ! Ты возсѣдаешь на престолѣ своемъ среди блеска и пламени, какъ сатана̄ въ средоточіи ада,

препоясанъ смертью, опустошеніемъ, яростью и пламенемъ". Но надо помнить, что тогдашняя журналистика была еще очень слаба. Она была слаба силами и талантами и притомъ находилась въ тискахъ цензуры: даже и патріотическое усердіе было сжимаемо цензурой.

Но вообще умы находились въ сильномъ броженіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многія изъ лицъ, переживавшихъ эту эпоху. Извѣстный впослѣдствіи С. С. Уваровъ въ письмѣ къ знаменитому Штейну (1813 г.) такъ характеризуетъ настроеніе окружающаго общества: „Состояніе умовъ въ настоящую минуту таково, что смѣшеніе понятій достигло послѣдней крайности. Одни хотятъ просвѣщенія безъ опасностей, т.-е. огня, который жжетъ. Другіе—и это большая часть—сваливаютъ въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа, мечты Ш(ишкова) и открытія Лейбница. Наконецъ это такой хаосъ воплей, страстей, ожесточенныхъ раздоровъ, увлеченія партій, что невозможно даже выдержать это зрѣлище. У всѣхъ на языкѣ слова: религія въ опасности, нарушеніе нравственности, приверженецъ иноземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкъ-масонъ, фанатикъ и т. д. Словомъ, совершенное безуміе".

Въ заключеніе остановимся еще на мысляхъ одного изъ самыхъ выдающихся людей эпохи—столь прославленнаго Н. М. Карамзина. Карамзинъ очень хорошій показатель настроенія общества. Будучи въ основѣ своихъ убѣжденій человѣкомъ умѣреннаго образа мыслей и притомъ не совсѣмъ постояннымъ, онъ обладалъ чутьемъ писателя, и въ своихъ статьяхъ и запискахъ вѣрно схватывалъ настроеніе общества, часто въ тотъ моментъ, когда оно не для всѣхъ было еще ясно, и своимъ выразительнымъ, точнымъ и красивымъ языкомъ онъ умѣлъ передавать идеи, чувства, которыми проникалось современное ему общество; наконецъ онъ самъ проникался этимъ настроеніемъ, самъ переживалъ его и ста-

рался разобраться въ окружающихъ его сложныхъ явленіяхъ. Трудно сочувствовать идеаламъ Карамзина, но нельзя не отдать ему справедливости, какъ публицисту эпохи, какъ умѣлому выразителю настроенія большинства. Онъ умѣлъ продумывать это настроеніе и не доходилъ до тѣхъ абсурдныхъ крайностей, до которыхъ доходили слѣпые реакціонеры эпохи. Не даромъ со стороны послѣднихъ на благонамѣреннѣйшаго Карамзина сыпались доносы въ распространеніи якобинскаго духа.

Кодексъ политическихъ взглядовъ Карамзина высказывается въ слѣдующей тирадѣ, находящейся въ статьѣ „Пріятные виды, надежды и желанія нашего времени“: „Революція объяснила идеи, мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ; что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что, разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій, которыя несравненно злѣе всѣхъ обыкновенныхъ злоупотребленій власти; что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать законы нравственному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ;... что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; и что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправить несовершенство гражданскихъ обществъ“. По убѣжденію Карамзина, французская революція, вмѣсто того, чтобы ниспровергнуть всѣ правительства, утвердила ихъ. Съ половины XVIII в. всѣ лучшіе умы желали измѣненія общественнаго устройства; всѣ недовольные зломъ настоящаго мечтали объ измѣненіяхъ; всѣ ждали бури, и когда „грянулъ громъ во Франціи,—говоритъ Карамзинъ,—мы видѣли издали ужасы пожара, и всякій изъ насъ возвратился домой благодарить небо за цѣлость крова нашего и быть разсудительнымъ“. Чѣмъ же кончилась эта эпоха волненій и политическихъ переворотовъ, по словамъ

Карамзина? — Убѣжденіемъ, что status quo лучше всего, и что всякая перемѣна вредна. „Теперь всѣ лучшіе умы стоятъ подъ знаменами властителей и готовы только способствовать успѣхамъ настоящаго порядка вещей, не думая о новизнѣ. Никогда согласіе ихъ не бывало столь явнымъ, искреннимъ и надежнымъ“. Такимъ образомъ, по словамъ Карамзина, революція была тяжелою эпидеміей, не принесшею никакой пользы человѣчеству.

Таковы общія черты Карамзинскаго міровоззрѣнія. Но онъ возставалъ также и противъ мысли освобожденія крестьянъ уже въ статьѣ 1802 года. Онъ жалуется на лѣнь, пьянство среди крестьянъ и развиваетъ идею о томъ, что главное право русскаго дворянина — быть помѣщикомъ, прибавляя—„добрымъ помѣщикомъ“. „Самая эта власть помѣщика, по нашимъ законамъ, не есть тиранская и неограниченная“. Вообще же, по убѣжденію Карамзина, помѣщикъ—благодѣтель своихъ крестьянъ.

Во всемъ этомъ въ достаточной мѣрѣ вырисовываются политическіе идеалы Карамзина. Но, безъ всякаго сомнѣнія, лучшимъ публицистическимъ памятникомъ эпохи является знаменитая записка Карамзина „О старой и новой Россіи“. Онъ читалъ свою записку въ Твери великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, съ которой былъ друженъ. Въ 1811 г. послѣдняя передала эту записку государю.

Записка Карамзина во многихъ отношеніяхъ имѣетъ громадное значеніе. Прежде всего въ ней отразились идеи Карамзина и людей его круга,—того круга, который стоялъ на почвѣ національно-консервативной и не вполнѣ раздѣлялъ крайности реакціи. Вліяніе этой записки, несомнѣнно, сказалось на дѣятельности Александра I: Александръ I много обдумывалъ мысли, въ ней высказанныя, и, сначала будучи недоволенъ рѣзкостью тона, впослѣдствіи сохранилъ неизмѣнное благоволеніе къ исторіографу. Записка Карамзина была политическимъ завѣщаніемъ эпохи; императоръ Николай

Павловичъ былъ, можно сказать, политическимъ ученикомъ Карамзина, и выдвинутые запиской Карамзина идеалы самодержавнаго царства въ теченіе десятилѣтій проводились въ народную жизнь. Наконецъ записка Карамзина, блестящая по формѣ, отличается благородною рѣзкостью тона, напоминающею „стрѣчу старыхъ бояръ“. Записка могла быть напечатана, несмотря на свой консерватизмъ только въ 1871 году, будучи извѣстна до этого времени только въ отрывкахъ или въ заграничныхъ изданіяхъ.

Въ своей запискѣ Карамзинъ прежде всего исходитъ изъ того общаго положенія, что „настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первыхъ, надлежитъ вспомнить послѣднее“. Съ этой цѣлью историкъ сначала разсматриваетъ прошедшее, чтобы освѣтить настоящее и найти въ прошломъ идеалъ будущаго. Ѳнъ даетъ краткую характеристику исторической жизни русскаго народа.

Древнѣйшій періодъ въ его представленіи является періодомъ полнаго благоденствія. Но вотъ начинаются междоусобія „малодумныхъ“ князей, вслѣдствіе чего утратилось „почтеніе“ народа къ князьямъ. Отсюда слабость государства и татарское бѣдствіе. Съ возстановленіемъ самодержавія московское царство окрѣпло. Московское царство является именно періодомъ, поучительнымъ для настоящаго и будущаго. Подъ перомъ Карамзина, московское самодержавіе является періодомъ силы и народнаго благоденствія. „Внутри самодержавіе укоренилось: никто, кромѣ государя, не могъ ни судить ни жаловать, — всякая власть была изліяніемъ монаршей. Жизнь, имѣніе зависѣли отъ произвола царей, и знаменитѣйшее въ Россіи титло уже было не княжеское, не боярское, но титло слуги царева. Народъ, избавленный князьями московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть

государеву; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ“.

Отъ идиллической картины московскаго царства, въ которой произволъ царей и рабство населенія исторіографъ признаетъ наилучшими формами государственнаго устройства, онъ переходитъ къ Петровской эпохѣ. Отношеніе Карамзина къ Петру Великому — неодобрительное. До Петра „измѣненія (въ государственномъ строѣ) дѣлались постепенно, тихо, едва замѣтно“. Петровская реформа является насильственнымъ переворотомъ. Страсть Петра къ новшествамъ оскорбила народный духъ. Петръ слишкомъ много придавалъ значенія внѣшности: борода не мѣшала заведенію школъ. Съ Петра начинается разладъ среди классовъ общества, братство исчезло. Соціальныя отношенія допетровской эпохи— чистая идиллія „Въ теченіе вѣковъ, народъ обыкъ чтить бояръ, какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ, поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда они со своими благородными дружинами, съ азіатскою пышностью, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя во храмъ Божій или на совѣтъ къ государю“.

Петръ уничтожилъ даже патріаршество. Между тѣмъ патріархъ вѣщалъ истину государю. Перенесеніе столицы тоже не нравится Карамзину. Новая столица основана въ мѣстахъ, осужденныхъ природою на безплодіе и недостатокъ.

Заключивъ характеристику этой эпохи массой громкихъ фразъ объ утратѣ нравственнаго вліянія въ отечествѣ, исторіографъ останавливается на періодѣ между Петромъ I и Екатериной II и рисуетъ его мрачными чертами. Царствованіе Екатерины II — блестящій періодъ русской исторіи; ему посвящаетъ свой панегирикъ авторъ записки. Но и въ этомъ періодѣ были недостатки: паденіе нравовъ, господство разврата, „торговали правдою и чинами“, предпочитали „красивыя лица“

Времена Павла—царство страха и ужаса. Періодъ тираніи обрисованъ въ сочныхъ краскахъ, свидѣтельствующихъ то тяжелое состояніе, которое переживало общество въ это царствованіе. Въ обществѣ жило „великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленія власти". Однако „вредное царствованіе" было пресѣчено „вреднымъ способомъ". „Заговоры суть бѣдствія, колеблющія основу государствъ,—говоритъ онъ,—и служащія опаснымъ примѣромъ для будущности. Если нѣкоторые вельможи, генералы, тѣлохранители присвоятъ себѣ власть тайно избирать монарховъ или смѣнять ихъ, что будетъ самодержавіе? Игралищемъ олигархіи и должно скоро обратиться въ безначаліе". Общество должно ждать: „да видятъ въ зломъ самодержцѣ бичъ гнѣва небеснаго". Впрочемъ, въ заключеніе авторъ утѣшается, что въ Россіи было только два тирана (Іоаннъ Грозный и Павелъ).

Такова историческая часть записки.

Вторая часть записки посвящена критикѣ либеральныхъ начинаній Александровскаго царствованія. Ко всѣмъ этимъ мѣрамъ Карамзинъ относится крайне отрицательно: спасительное самодержавіе поколебалось ими. Онъ исходитъ изъ того общаго положенія, что всякая новость въ государствѣ есть зло. Онъ недоволенъ внѣшнею политикой, громитъ учрежденіе министерствъ, отдѣлившихъ государя отъ народа, недоволенъ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта. Въ частности онъ очень негодуетъ на министерство „такъ называемаго просвѣщенія": „У насъ нѣтъ охотниковъ до высшихъ наукъ". Законъ 1809 года объ экзаменахъ для чиновниковъ закрылъ дорогу къ службѣ многимъ способнымъ и требуетъ отъ чиновниковъ ненужныхъ имъ познаній. Финансовыя мѣры привели государство на край гибели. Представленный въ Государственный Совѣтъ Сперанскимъ проектъ гражданскаго уложенія является перифразомъ французскаго законодательства. Карамзинъ недоволенъ и мѣрами, касающимися крестьянъ, напр., указомъ, воспре-

щающимъ покупать людей для сдачи въ рекруты. Администрація находится въ самомъ безнадежномъ состояніи: губернаторы глупы и грабители.

Въ критикѣ Карамзина особенно почетное мѣсто занимаетъ крестьянскій вопросъ. Разумѣется, онъ является ярымъ противникомъ эмансипаціи. По его убѣжденію, крестьянинъ—холопскаго происхожденія, слѣдовательно, собственность ихъ господъ, хотя вообще трудно разобрать происхожденіе крѣпостного класса. Во всякомъ случаѣ, крестьяне никогда не имѣли правъ на землю. Освобожденіе крестьянъ опасно и въ финансовомъ отношеніи: безъ помощи помѣщиковъ трудно собрать подушную подать. Авторъ задается вопросомъ: „Что значитъ освободить у насъ крестьянъ?“ —и отвѣчаетъ: „Дать имъ волю жить, гдѣ угодно, отнять у господъ всю власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти правительства“. Такой исходъ представляется Карамзину страшнымъ по своимъ послѣдствіямъ, и онъ прибѣгаетъ къ обычной системѣ крѣпостниковъ—запугиванію. „Дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность, тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ... Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу или полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ земскихъ судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать,—какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности! Однимъ словомъ, теперь дворяне, разсѣянные по всему государству, содѣйствуютъ монарху въ храненіи тишины и благоденства; отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ какъ Атласъ возьметъ себѣ Россію на рамена... Удержитъ ли? Паденіе страшно!“

Разсмотрѣвъ критически прошлое и настоящее, Карамзинъ переходитъ къ изложенію положительной стороны своихъ взглядовъ. О ней можно догадаться по ходу

предшествующихъ его разсужденій: самодержавная власть государя ослабѣла, и ее нужно поднять до предѣловъ московскаго періода, вообще надо пойти назадъ, во всѣхъ отношеніяхъ, сохранивъ изъ настоящаго лишь то, что не противорѣчитъ идеальному прошлому. Въ основѣ русскаго государственнаго устройства лежитъ безграничная власть самодержавнаго государя, поддерживаемая суровыми наказаніями и спасительнымъ страхомъ: „Въ Россіи государь есть живой законъ: добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ, и любовь первыхъ пріобрѣтается страхомъ послѣднихъ. Не боятся государя — не боятся закона. Въ монархѣ россійскомъ соединяются всѣ власти Наше правленіе есть отеческое, патріархальное. Отецъ семейства судитъ и наказываетъ безъ протокола, такъ и монархъ въ иныхъ случаяхъ долженъ необходимо дѣйствовать по единой совѣсти... Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви: гдѣ десять за одного боятся, тамъ десять смотрятъ за однимъ“.

Знаменитый историкъ не замѣтилъ въ этомъ опредѣленіи, что оно довольно совпадаетъ (можетъ-быть, заимствовано) съ опредѣленіемъ царской власти, выраженнымъ однимъ изъ государей, котораго самъ Карамзинъ признаетъ тираномъ; Іоаннъ Грозный опредѣлялъ царскую власть, какъ право казнить и жаловать своихъ рабовъ по своему хотѣнію. Однимъ словомъ, къ политическимъ воззрѣніямъ Карамзина „самодержавіе есть палладіумъ Россіи: цѣлость его необходима для ея счастія“. Таково знаменитое опредѣленіе исторіографа.

Но при всемъ своемъ преклоненіи предъ суровой формой единовластія Карамзинъ и на него налагаетъ въ извѣстной мѣрѣ ограниченія: будучи единственнымъ источникомъ власти, государь не имѣетъ причинъ „унижать дворянство, столь же древнее, какъ и Россія“. По опредѣленію Карамзина, „дворянство не что иное, какъ братство знаменитыхъ слугъ великокняжескихъ или царскихъ. Худо, ежели слуги овладѣваютъ слабымъ госпо-

диномъ, но благоразумный господинъ уважаетъ отборныхъ слугъ своихъ и красится ихъ честью".

Этотъ выводъ является довольно неожиданнымъ и не совсѣмъ мирится съ безграничностью самодержавія.

Практически для своего времени Карамзинъ совѣтуетъ возвращеніе ко временамъ Екатерины Великой съ нѣкоторыми исправленіями. Подданнымъ при помощи спасительнаго страха должны быть внушены смиреніе и слѣпое подчиненіе власти, произволъ ея необходимъ въ государствѣ. Монархъ долженъ усилить личную строгость. Въ частности Карамзинъ рекомендуетъ монарху найти хорошихъ людей для управленія; монархъ можетъ имѣть при себѣ совѣтъ, но онъ долженъ быть тайнымъ для подданныхъ. Необходимо возвысить дворянство, усилить власть губернаторовъ, поднять ихъ престижъ, т.-е. усилить централизацію. Эти совѣты имѣли руководящее значеніе для послѣдующаго царствованія. Очень любопытно, что, изложивъ свои практическія предложенія, Карамзинъ обращается къ государю, которому рекомендуетъ произволъ: „Александръ, воцари законъ въ Россіи!"

Мы уже указали на то, что записка Карамзина, отражая понятія цѣлаго круга людей, имѣла весьма важное вліяніе на политику русскаго правительства. Рѣзкость выраженій и блестящая форма увлекали читателей; будучи мало подготовлены, находя въ Запискѣ выраженіе собственныхъ мыслей и понятій, высокіе читатели Карамзина не замѣчали, конечно, логическихъ противорѣчій въ запискѣ, которыя скрывались подъ красивыми фразами и исторической лирикой. Вѣдь по существу дѣла историческая часть записки представляетъ собою безотрадную картину русскаго прошлаго. Самодержавіе спасло государство отъ татаръ, но оно же повернуло Россію къ нѣмцамъ. Идиллическій московскій періодъ кратокъ, но и въ немъ тиранія Іоанна IV, появленіе Бориса Годунова и смуты. Весь XVIII вѣкъ въ изображе-

ніи Карамзина является темнымъ пятномъ въ исторіи самодержавія: Петръ Великій нарушилъ устои народной жизни; при Петрѣ II — ужасная олигархія; господство женщинъ отличалось большими недостатками: при Аннѣ былъ Биронъ, Елизавета предавалась веселью и нѣжнымъ стихамъ, а при ней Бестужевъ торговалъ дипломатіей; ея царствованіе смѣняется насиліями Петра III; Екатерина II не безъ слабостей, поддерживала неправосудіе и корыстолюбіе любимцевъ; и ея царствованіе смѣняется ужасами Павла; Александръ I своими либеральными начинаніями принесъ только вредъ. Однимъ словомъ, Россія тысячу лѣтъ жила подъ эгидой самодержавія и въ результатѣ русскій народъ—больной организмъ. И въ конечныхъ выводахъ записки рекомендуется самодержавіе въ формѣ тираніи.

III.

Религіозное настроеніе общества.

Изъ того, что говорилось выше о настроеніи реакціонной части общества, вытекаетъ нѣсколько весьма важныхъ заключеній. Въ настроеніи этого общества можно подмѣтить недовольство либеральными мѣропріятіями правительства, ужасъ и отвращеніе ко всему тому, что связывалось съ именемъ Франціи и французской революціей; наконецъ преклоненіе передъ прошлою жизнію русскаго народа и попытки искать въ ней идеаловъ настоящаго и будущаго. Если такое направленіе общественной мысли сопоставить съ нѣсколько болѣе раннимъ періодомъ, съ концомъ XVIII и первыхъ годовъ XIX вѣковъ, то въ настроеніи обоихъ періодовъ можно замѣтить глубокое различіе. Русское общество предшествующаго періода было проникнуто „вольнодумствомъ и вольтерьянствомъ“. Оно было въ лучшей части его

хорошо образовано, и источникъ этого образованія заключался въ философіи просвѣтительнаго вѣка. Въ религіозномъ отношеніи это общество было или индиферентнымъ или удовлетворялось признаніями философскихъ началъ. Въ національномъ отношеніи оно было заражено космополитизмомъ. Его политическое міровоззрѣніе явно клонилось къ „истинной монархіи", т.-е. къ конституціонной формѣ правленія: оно ненавидѣло „деспотичество", и путемъ литературы или вліянія на монарховъ пыталось превратить свои идеи въ дѣйствительность. Стоитъ вспомнить, какъ отраженіе этихъ взглядовъ, публицистическіе труды кн. Щербатова, Радищева, попытки графа Палена, графа Мордвинова и другихъ ввести конституцію, наконецъ, знаменитый проектъ государственнаго преобразованія М. М. Сперанскаго. Съ наступленіемъ реакціи замѣчается переворотъ въ міровоззрѣніи общества. Отъ космополитизма оно переходитъ къ національному; отъ увлеченія свободными политическими идеями оно переходитъ къ преклоненію предъ самодержавіемъ. И въ области религіи оно стремится замѣнить философію вѣрою въ Божественное откровеніе.

Въ сферѣ религіозной русское общество отъ вольнодумства не сразу перешло къ старой религіи. Въ его настроеніи можно наблюдать краткій переходный періодъ. Въ Россіи наблюдается такое же явленіе, какъ и въ западно-европейскомъ обществѣ, гдѣ старый католицизмъ получилъ господствующее значеніе лишь послѣ краткаго періода увлеченія мистическимъ ученіемъ.

И въ Россіи общество, потерявшее связь съ старой религіей, первоначально съ увлеченіемъ встрѣтило иновѣрное ученіе. Здѣсь замѣчается краткое господство католицизма и болѣе серьезное вліяніе мистическихъ ученій. Увлеченіе католицизмомъ связано съ краткимъ періодомъ вліянія на петербургское общество предста-

вителей іезуитскаго ордена. Отцы-іезуиты имѣли адептовъ преимущественно въ кругу высшей аристократіи. Начало его относится еще къ послѣднимъ годамъ XVIII вѣка и связано съ дѣятельностью знаменитаго патера Грубера, проникшаго въ царскую семью въ качествѣ зубного врача, имѣвшаго серьезное вліяніе на императора Павла и даже представившаго ему проектъ соединенія церквей. Съ его времени отцы-іезуиты свили себѣ прочное гнѣздо въ Петербургѣ. Послѣ удаленія патера Грубера, наибольшимъ успѣхомъ среди петербургской аристократіи пользовался патеръ Розавенна. Онъ велъ пропаганду среди аристократическихъ дамъ. Это былъ очень образованный, ловкій, красивый человѣкъ, дѣлавшій изъ аристократокъ не только орудіе ордена, но и подчинявшій ихъ себѣ. М. А. Нарышкина, Толстая, Батурлина, Голицына, Растопчина, Шувалова, Куракина и многія другія оказались въ числѣ его адептокъ и поклонницъ. Впрочемъ, при удаленіи патера Розавенны полиціей изъ Петербурга, въ его бумагахъ были найдены записочки его поклонницъ, свидѣтельствовавшія, что духовнаго отца и его дочерей соединяла не одна религіозная связь.

Іезуиты пользовались и покровительствомъ высшаго правительства. Министръ народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, покровительствуетъ іезуитамъ, способствуетъ учрежденію въ Одессѣ іезуитской школы, поощряетъ ихъ пропаганду; извѣстный графъ Кочубей, министръ внутреннихъ дѣлъ, дѣлаетъ попытку предоставить іезуитамъ открыто распространять католицизмъ среди инородцевъ Сибири, Астраханской и Оренбургской губерній. Въ Петербургѣ получаетъ основаніе іезуитскій институтъ, гдѣ получаютъ воспитаніе князья Юсуповы, Голицыны, Орловы, Гагарины, Волконскіе и другіе; нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались впослѣдствіи видными дѣятелями католической церкви.

Іезуиты были изгнаны изъ Россіи въ 1822 году, когда послѣдовало закрытіе вообще всѣхъ тайныхъ обществъ.

Вліяніе католицизма распространялось преимущественно среди петербургской аристократіи, особенно среди дамъ. Гораздо болѣе широкое вліяніе имѣли мистическія ученія, напр., ученіе англійскихъ квакеровъ, посѣтившихъ Петербургъ.

Впрочемъ, наибольшимъ успѣхомъ пользовались двѣ представительницы мистики — Юлія Крюднеръ и Татаринова.

Крюднеръ, внучка знаменитаго Миниха, урожденная баронесса Фитингофъ, бурно провела молодость, но смерть близкаго лица потрясла ее, и она стала искать утѣшенія въ религіи. Сначала она попала въ общество Моравскихъ братьевъ. Затѣмъ въ Карлсруэ она сошлась съ Юнгомъ Шиллингомъ, который посвятилъ ее въ тайны мистическихъ ученій. Она сдѣлалась ревностной проповѣдницей. Черезъ камеръ-юнкера Струдзу она имѣла свиданіе въ Гейдельбергѣ съ императоромъ Александромъ I и произвела на него сильное впечатлѣніе своей восторженной проповѣдью. Нѣкоторые даже склонны приписывать ея внушеніямъ идею Священнаго Союза.

Для распространенія Духа Божія, Крюднеръ явилась въ Петербургъ, но здѣсь была нѣсколько холодно принята императоромъ Александромъ I. Но въ обществѣ она встрѣтила живое сочувствіе. Всѣ реакціонеры сплотились вокругъ нея. Къ ней примкнули Лабзинъ, Поповъ,—„кроткій изувѣръ“, по выраженію Вигеля, Кошелевъ и многіе другіе; перешелъ и князь А. Н. Голицынъ. Впрочемъ, Крюднеръ скоро стала вмѣшиваться въ политику и была удалена по распоряженію императора Александра I.

Кружокъ Татариновой, духовный союзъ ея, имѣлъ еще болѣе широкое распространеніе, такъ какъ руководительница сумѣла объединить въ своемъ союзѣ различные элементы общества. Ученіе Татариновой имѣетъ мѣстное происхожденіе. Татаринова, урожденная баронесса Буксгевденъ, послѣ смерти мужа переселилась въ

1825 году въ Петербургъ и жила здѣсь въ Михайловскомъ замкѣ. Она начала свою дѣятельность широкою благотворительностью. Затѣмъ она стала посѣщать радѣнія скопцовъ, и результатомъ ея знакомства съ скопческою ересью явилось образованіе духовнаго союза. Заведены были бесѣды, на которыхъ сначала читались книги священнаго писанія, затѣмъ происходили радѣнія, сопровождавшіяся круженіями и медленными движеніями. Наконецъ кто-нибудь изъ присутствовавшихъ, почувствовавъ въ себѣ наитіе Святаго Духа, начиналъ пророчествовать. Большею частью пророчествовала сама Татаринова и извѣстный скопецъ Ѳедоровъ. Радѣнія Татариновой пользовались въ Петербургѣ большой извѣстностью. Они посѣщались даже духовными лицами, а также наиболѣе видными представителями мистики, Лабзинымъ, Поповымъ, кн. А. Н. Голицынымъ. Самъ императоръ Александръ I зналъ сбъ этихъ радѣніяхъ и относился къ нимъ благосклонно. Кружокъ Татариновой является представителемъ піэтизма, русскимъ квакерствомъ.

Когда, въ 1822 году, были закрыты тайныя общества, Татаринова переселилась за городъ и здѣсь продолжала свои радѣнія.

Вообще въ Петербургѣ мистическія ученія имѣли въ то время очень большое распространеніе. Представители ихъ издавали многія сочиненія, преимущественно переводныя, напр., переводы Юнга Шиллинга, Эккарстгаузена, Бема и другихъ. Виднымъ представителемъ на поприщѣ мистической литературы былъ вице-президентъ Академіи Художествъ Лабзинъ, начавшій съ 1806 года изданіе спеціальнаго журнала подъ названіемъ „Сіонскій Вѣстникъ".

Въ заключеніе этого обзора поисковъ религіознаго удовлетворенія, остается нѣсколько словъ сказать о масонствѣ. Впрочемъ, надо сдѣлать оговорку, что масонство въ данный періодъ объединяло въ себѣ далеко не

реакціонную часть общества. Въ масонствѣ искали удовлетворенія люди, не удовлетворявшіеся ни философіей ни старой религіей и по своимъ общественнымъ и политическимъ симпатіямъ составлявшіе полную противоположность политическому изувѣрству мистиковъ. Значительное число декабристовъ мы встрѣчаемъ въ спискѣ членовъ и даже руководителей масонскихъ ложъ. Впрочемъ, декабристы не находили полнаго удовлетворенія въ масонствѣ и появленіе ихъ въ ложахъ было, такъ сказать, переходнымъ періодомъ къ прямой политической дѣятельности. Надо замѣтить, что новое масонство (послѣ запрещенія Екатерины II ложи появляются съ 1805 года), основавшееся преимущественно на ученіяхъ Шредера и Фесслера, значительно отличалось отъ стараго масонства Новиковскаго типа. Въ немъ незамѣтно стремленія къ просвѣщенію, благотворительности. Въ масонскихъ ложахъ либо склонялись къ выполненію масонскихъ обрядностей, либо переходили на почву общественныхъ потребностей, что привлекало туда декабристовъ.

Масонскія ложи были закрыты въ 1822 г. на ряду со всѣми тайными обществами.

Увлеченіе общества религіозной мистикой самой разнообразной формы является очень важнымъ показателемъ тогдашняго настроенія. Религіозное вольнодумство и вольтерьянство конца XVIII вѣка, охватившее русское общество, смѣнилось другой крайностью — стремленіемъ къ мистицизму и піэтизму. Часть русскаго общества уже не удовлетворялась философскими воззрѣніями конца XVIII вѣка. Индиферентизмъ въ религіозныхъ вопросахъ смѣняется экзальтаціей.

Мистицизмъ, какъ извѣстно, противорѣчитъ церковному авторитету. Сущность мистицизма заключается въ стремленіи къ достиженію богопознанія путемъ непосредственнаго, внутренняго созерцанія Бога. Онъ стремится къ постоянному духовному общенію съ божествомъ и

къ духовному возрожденію силою дѣйствующаго въ человѣкѣ духа благодати. Ища откровенія въ самомъ себѣ, человѣкъ порываетъ съ внѣшними признаками церковнаго авторитета. Церковная обрядность является только символами, внѣшнею церковью, въ противоположность внутренней. Но это различіе между церковнымъ ученіемъ и внутреннею церковью было не велико тамъ, гдѣ мистицизмъ не успѣлъ прочно укрѣпиться.

По самому характеру распространенія мистицизма въ Россіи легко усмотрѣть, что онъ падалъ на крайне зыбкую почву. Общество легко набрасывалось на всякую новинку. Однихъ и тѣхъ же лицъ мы видимъ благоговѣйно присутствующими и при радѣніяхъ Татариновой со скопческимъ оттѣнкомъ, и принимающими участіе въ тихой духовной молитвѣ англійскихъ квакеровъ, и слушающими экзальтированную проповѣдь Крюднеръ. И въ то же время тотъ же, напр., князь Голицынъ, не довольствуясь духовнымъ самоуглубленіемъ, внутренней церковью и чтеніемъ священнаго писанія, исхлопатываетъ себѣ разрѣшеніе имѣть домовую церковь и выполняетъ обрядовую сторону церкви. Онъ даже находится подъ вліяніемъ правовѣрнаго Фотія.

Всѣ эти соображенія способны, какъ кажется, подтвердить мысль о томъ, что увлеченіе мистицизмомъ являлось временнымъ, и что послѣ краткаго періода господства его религіозное настроеніе общества легко проникнется рвеніемъ въ духѣ господствующей церкви. Такъ въ дѣйствительности и случилось. Въ русскомъ обществѣ проявилась та же эволюція, какая замѣтна была въ Западной Европѣ: кратковременное господство мистицизма смѣнилось здѣсь стремленіемъ къ католицизму.

Этотъ поворотъ къ господствующей церкви сталъ въ сильной мѣрѣ замѣчаться около 20 года.

Кромѣ религіознаго и общественнаго значенія, мистицизмъ еще имѣетъ другое—и болѣе важное—политическое. Религіозное воодушевленіе, привнесенное мистициз-

момъ, является реакціей по отношенію къ философской мысли. Философская мысль конца XVIII вѣка разбила не только старые религіозные идеалы, но и политическіе. Бурныя событія, послѣдовавшія за французской революціей, утомили общество. Реакція въ области религіи стала сказываться и въ области политическихъ идеаловъ. Мало того, философія XVIII вѣка ставила на первомъ планѣ господство разума, она вносила съ собою просвѣщеніе и при посредствѣ просвѣщенія низвергала старые традиціонные авторитеты. Религіозный мистицизмъ является радикально противоположнымъ началомъ. Ясно, что онъ вноситъ и реакціонное настроеніе и по отношенію къ просвѣщенію и по отношенію къ либеральнымъ учрежденіямъ, онъ призываетъ общество къ старинѣ.

Дѣйствительно, мистицизмъ проявляетъ враждебное отношеніе къ либеральнымъ идеямъ и стремится подчинить просвѣщеніе массъ религіозному началу. Въ этомъ отношеніи религіозное настроеніе совершенно сливается съ стремленіями проводниковъ реакціонной политики. Въ предѣлахъ Германской имперіи Меттернихъ очень хорошо оцѣнилъ съ этой стороны религіозный энтузіазмъ и воспользовался имъ для политической борьбы. И въ Россіи вскорѣ нашлись дѣятели, направившіе религію на борьбу съ либеральными идеями.

IV.

Кн. А. Н. Голицынъ. Библейское общество, Министерство Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.

Реакціонная дѣятельность правительства достигаетъ полной силы, когда во главѣ ея сталъ близкій къ императору Александру человѣкъ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, и когда реакціонеры свили себѣ

прочное гнѣздо въ Библейскомъ обществѣ. Необходимо познакомиться, какъ съ названнымъ представителемъ реакціи, такъ и съ тѣмъ учрежденіемъ, изъ котораго она выходила.

Князь А. Н. Голицынъ былъ сверстникомъ и другомъ Александра I. Въ молодости это былъ веселый малый, ведшій бурную жизнь. Онъ получилъ поверхностное энциклопедическое образованіе. Въ 1803 году, по настоянію императора, Голицынъ принялъ должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. По своимъ убѣжденіямъ онъ считалъ себя малоподходящимъ для руководства духовнымъ вѣдомствомъ: дѣло въ томъ, что въ этотъ періодъ онъ увлекался философіей и серьезно считалъ себя деистомъ, но въ сущности былъ полнымъ невѣждой, какъ въ философіи, такъ и въ религіи.

Свою должность князь Голицынъ началъ съ кощунства надъ рясами, среди которыхъ ему пришлось засѣдать. Но черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже оказался подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства. „Вижу, что попы сдѣлали надъ тобою свое дѣло", сказалъ ему Александръ I послѣ одного разговора, отмѣтивъ тѣмъ удивившую его перемѣну въ князѣ. Ударившись въ религіозность, Голицынъ подчинился вліянію мистиковъ, особенно Кошелева и Лабзина. Одновременно съ увлеченіемъ мистиками, онъ то подвергаетъ себя строгимъ аскетическимъ испытаніямъ, то предается необузданному разврату. Впрочемъ, изъ мистическихъ ученій князь Голицынъ усвоилъ себѣ болѣе внѣшнюю ихъ сторону. Страшные образы сатаны, употребляющаго „хитрѣйшія усилія" въ борьбѣ съ истиннымъ свѣтомъ, „тьма невѣрія", „подрывъ основъ" и т. п., — вотъ призраки, съ которыми боролся оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода. Голицына мы видимъ на собраніяхъ мистиковъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, потому что во всѣхъ онъ плохо разбирался.

И въ то же время Голицынъ является правовѣрнымъ сыномъ господствующей Церкви и любитъ „вкушать хлѣбцы духовные“ у правовѣрнаго архимандрита Фотія. Впрочемъ, Голицынъ съ Фотіемъ часто говорятъ на разныхъ языкахъ, что легко замѣтить по ихъ перепискѣ: первый говоритъ о внутренней Церкви, а второй о внѣшней. Съ теченіемъ времени Голицынъ оказывается подъ сильнымъ вліяніемъ Фотія.

При всемъ своемъ невѣжествѣ, Голицынъ былъ человѣкъ добрый и благодушный. Будучи другомъ Александра I, онъ не искалъ милости. Это едва ли не единственная определенная черта въ его характерѣ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ легко поддавался вліянію окружающихъ, и всякій могъ направить его въ свою сторону. Окруженный святошами, Голицынъ выдвигаетъ и А. И. Тургенева, который составлялъ проекты конституціи, занимая квартиру въ казенномъ домѣ, надъ кабинетомъ реакціоннаго министра.

Незамѣтно для самого себя, направляемый пронырливой кликой реакціонеровъ, Голицынъ становится во главѣ самаго мрачнаго обскурантизма. Близкій къ государю, стоявшій во главѣ Святѣйшаго Синода, а потомъ и Министерства Народнаго Просвѣщенія, онъ оказался очень удобнымъ орудіемъ въ рукахъ реакціи. Черезъ него реакція направила свои удары на народное просвѣщеніе и печать, прикрываясь религіей.

Активный походъ противъ просвѣщенія открыло Библейское общество.

Петербургское Библейское общество явилось отпрыскомъ очень симпатичнаго по своимъ задачамъ лондонскаго Библейскаго общества. Цѣлью послѣдняго было распространеніе книгъ священнаго Писанія, заведеніе школъ и филантропическія цѣли. Въ 1812 году, по порученію лондонскаго общества, является въ Петербургъ Патерсонъ и открываетъ здѣсь петербургское Библейское общество. Первоначальной цѣлью его было рас-

пространеніе книгъ священнаго писанія среди инородцевъ.

Съ 1814 года общество намѣчаетъ себѣ болѣе широкія задачи и преобразуется въ россійское Библейское общество. Первоначальный составъ общества является весьма пестрымъ. Во главѣ его стали очень видные вельможи, высшее духовенство.

Сюда же проникли въ большомъ числѣ и мистики съ Лабзинымъ и Поповымъ во главѣ. Были и люди, цѣнившіе въ обществѣ его просвѣтительныя задачи, въ родѣ А. И. Тургенева и нѣкоторыхъ членовъ будущихъ тайныхъ обществъ, въ родѣ М. Ѳ. Орлова.

Первоначальная дѣятельность самаго общества приняла весьма симпатичное направленіе: оно стремилось распространять книги священнаго писанія, издавало переводы его на русскій языкъ, заботилось о распространеніи народныхъ школъ по методу взаимнаго обученія, заботилось о составленіи учебниковъ.

Въ провинціи Библейское общество открыло много своихъ отдѣленій, и заслуга ихъ заключалась въ томъ, что они будили провинціальную спячку, пріучали общество къ общественной дѣятельности. Правда, дѣятельность провинціальныхъ членовъ не обходилась безъ курьезовъ. Такъ какъ во главѣ центральнаго столичнаго органа стояли сильные люди, то и въ провинціальныхъ отдѣленіяхъ особенное усердіе выказывали губернаторы, архіереи и другіе высшіе чиновники. Многіе изъ нихъ учреждали отдѣленія общества „по долгу званія своего“, какъ доносили они въ Петербургъ. Повсюду въ канцеляріяхъ происходили сборы пожертвованій, провинціальные чиновники писали своимъ начальникамъ—членамъ общества—длинныя реляціи о необыкновенныхъ успѣхахъ библейскихъ книгъ среди общества,—свидѣтельствовавшія о чиновничемъ усердіи подчиненныхъ. Письма испещрены текстами священнаго писанія и благочестивыми разсужденіями. Вообще тогда промышляли тексты. Усердіе

доходило, напримѣръ, до того, что калмыцкій князь Тюмень сообщаетъ Голицыну, что „соотвѣтствуя приказаній“ его, онъ читаетъ присланную книгу (Библію) и надѣется заставить читать всенародно всю свою орду. Ректоръ астраханской семинаріи въ своемъ письмѣ удивляется, что „многіе калмыки, вѣроятно, по простотѣ понятій и невѣжеству, не совсѣмъ охотно пользуются симъ даромъ Всеблагого Бога“.

Въ этомъ лицемѣріи провинціальнаго чиновничества много жалкаго и комичнаго. Но провинція знала и ревностныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ.

Но дѣло въ томъ, что само петербургское ядро общества, состоявшее изъ ханжей и лицемѣровъ, вскорѣ мѣняетъ свою окраску. Въ своей миссіи оно видитъ великій подвигъ борьбы съ ядомъ невѣрія, разрушающаго Церковь и государство. Изъ органа религіознаго, просвѣтительнаго общество превращается въ органъ политическій. Эти задачи общества начали отражаться въ рѣчахъ его первенствующихъ членовъ.

„Экземпляры божественной книги,—говорилъ президентъ общества, князь Голицынъ, въ одномъ изъ годичныхъ его засѣданій,—расходясь повсюду, торжествуютъ и въ самой глуши дальнихъ степей и среди неизмѣримыхъ водъ океановъ“.

Столь значительные успѣхи общества способствуютъ, по убѣжденію президента, крупнымъ перемѣнамъ въ общественномъ настроеніи, они способствуютъ борьбѣ съ мнимымъ просвѣщеніемъ: „скорымъ преобразованіямъ въ духѣ и умѣ угрожаютъ оставить далеко за собою тѣхъ горделивыхъ мнимо-просвѣщенныхъ, кои одолжены будучи всѣми преимуществами ума и познанія единственно христіанству, презрѣли оное и возымѣли приписать все это самимъ себѣ, силѣ собственнаго ума. Когда врагъ человѣковъ ищетъ тонкими спорами и истолкованіями затмить истину, Библейское общество не дѣлаетъ и не издаетъ никакихъ толкованій на св.

писаніе, приводя книги онаго въ употребленіе безъ примѣчаній и поясненій. Посему истина Божія въ словѣ Господнемъ исходитъ изъ рукъ общества во всей ея чистотѣ".

Въ болѣе опредѣленной формѣ велъ борьбу въ обществѣ противъ невѣрія и просвѣщенія митрополитъ Серафимъ. Просвѣщеніе въ его представленіи связывается съ вольнодумствомъ, невѣріемъ и развратомъ. Оно—плодъ дѣятельности сатаны.

„Между тѣмъ,—говорилъ онъ въ засѣданіи московскаго отдѣла общества,—и врагъ рода человѣческаго не дремлетъ: и онъ также отъ самаго начала вѣка началъ сѣять злыя и горькія слова своего сѣмени,—сперва самъ собою во образѣ змія, а потомъ черезъ подобныхъ себѣ рабовъ и служителей своихъ, черезъ коихъ и нынѣ неутомимо продолжаетъ сѣять оныя на селѣ міра сего". Результатъ дѣятельности врага рода человѣческаго ораторъ описываетъ въ такихъ чертахъ: „Онъ сѣетъ повсюду вольнодумство, невѣріе, ереси, развратъ, и дабы тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе успѣть въ предпріятіи своемъ, онъ адскую тьму свою выдаетъ за просвѣщеніе, за высокую доблесть духа". Описавъ плоды дѣятельности врага рода человѣческаго, митрополитъ Серафимъ задается вопросомъ: „И какой же видимъ мы плодъ отъ сего ученія его, отъ сего просвѣщенія?" И дѣлаетъ выводъ уже политическаго характера: „Мы видимъ самовольство, непокореніе власти, Самимъ Богомъ для блага обществъ установленной; видимъ крамолы, бунты, междоусобія, убійства, кровь, слезы, рѣками текущія; все сіе видимъ мы здѣсь, на земли; а тамъ, въ вѣчности? — тамъ уготовляется рабамъ и послѣдователямъ его (т.-е. просвѣщенія) червь неумирающій, огнь неугасающій, плачъ и скрежетъ зубомъ,—таковъ есть плодъ ученія и мудрости бѣсовскія!" Итакъ, самый мрачный обскурантизмъ въ самой грубой формѣ свилъ себѣ гнѣздо въ Библейскомъ обществѣ. Въ понятіяхъ его заправилъ религія является лишь средствомъ политической борьбы.

Этотъ обскурантизмъ достигъ высшей точки своего развитія, когда во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія сталъ самъ князь А. Н. Голицынъ, когда это вѣдомство было соединено съ вѣдомствомъ Святѣйшаго Синода. Это былъ замѣчательнѣйшій періодъ соединенія „вѣры и вѣдѣнія“, какъ тогда выражались.

Но прежде, чѣмъ перейти къ исторіи „министерства затменія“ (выраженіе консервативнаго Карамзина), необходимо познакомиться съ тѣмъ, что представляло собою наше просвѣщеніе въ началѣ XIX вѣка. Тогдашнее просвѣщеніе было тепличнымъ растеніемъ, которое тщательно надо было выращивать. При Екатеринѣ II оно получило прекрасное начало въ планахъ знаменитой комиссіи 1786 года. Эта комиссія выдвинула рядъ здоровыхъ педагогическихъ началъ, она стремилась раскинуть широкую школьную сѣть, отъ сельской школы до университета. Но заведеніе школъ дѣло трудное, комиссія наткнулась на рядъ препятствій, состоявшихъ въ отсутствіи преподавателей, средствъ и, главнымъ образомъ, въ измѣненіи политики самой Екатерины II и затѣмъ въ вихрѣ Павловскаго царствованія.

Въ первые же годы правленія Александра I заботы о просвѣщеніи заняли видное мѣсто, передѣланы были уставы Екатерининской комиссіи. Уставъ 1804 года дѣлитъ училища на приходскія, уѣздныя, губернскія гимназіи; завершеніемъ этой схемы служитъ университетъ. Училища цѣлой губерніи составляетъ дирекцію подъ вѣдомствомъ директора мѣстной гимназіи. Направленіе учебныхъ занятій ввѣрено университетамъ. Имперія разбита на нѣсколько учебныхъ округовъ. Во главѣ каждаго округа явился его попечитель, жившій, впрочемъ, въ Петербургѣ. Центральное вѣдомство состояло изъ главнаго училищнаго правленія подъ предсѣдательствомъ министра; въ правленіе входили и попечители окру-

говъ. Схема новыхъ школъ отличалась большимъ энциклопедизмомъ [1]).

Вновь образованное Министерство Народнаго Просвѣщенія натолкнулось на тѣ же препятствія, которыхъ не могла побороть Екатерининская комиссія. Такъ какъ государство средствъ не имѣло, то приходилось собирать пожертвованія, но даже такія публикаціи, какъ обѣщанія ставить жертвователямъ „монументы", вписывать ихъ имена золотыми буквами и пр., мало содѣйствовали приливу средствъ.

Ученики шли въ школу неохотно. Ихъ мало соблазнялъ даже чинъ 14 класса, но труднѣе всего было найти учителей. Небольшое количество университетскихъ питомцевъ избѣгало учительской службы, такъ что совѣтомъ университетовъ приходилось назначать учителями неокончившихъ студентовъ. Въ совѣтскихъ опредѣленіяхъ того времени встрѣчаются иногда, напримѣръ, такія характерныя опредѣленія: „Отъ студентовъ казеннаго содержанія Концевича, Галкина, Щелкунова и Степуровскаго нельзя надѣяться дальнѣйшихъ успѣховъ", почему совѣтъ рѣшилъ: „опредѣлить ихъ учителями въ уѣздныя училища". Собранный кое-какъ учительскій персоналъ былъ мало образованъ и отличался обычнымъ въ то время порокомъ—пьянствомъ. Не только совѣтамъ университетовъ приходилось разсылать по округу циркуляры „О подтвержденіи учителямъ, дабы они не обращались въ пьянствѣ", но даже и министръ

---

1) Такъ въ уѣздныхъ училищахъ преподавались слѣдующія науки: Законъ Божій, о должностяхъ человѣка, русская грамматика, правила слога, всеобщая географія и начала математики, географія Россіи, всеобщая и русская исторія, ариѳметика, начальныя правила геометріи, физика, естественная исторія, чистописаніе, рисованіе. Въ гимназіяхъ: чистая и прикладная математика, опытная физика, исторія, географія, миѳологія, статистика, философія, политическая экономія, естественная исторія, технологія, наука о торговлѣ, изящныя науки и рисованіе, латинскій, французскій и нѣмецкій языки.

народнаго просвѣщенія, въ циркулярной бумагѣ 1814 года, заявлялъ: „Изъ доходящихъ ко мнѣ свѣдѣній, къ крайнему прискорбію моему, усматриваю, что учителя, которые должны служить для учащихся примѣромъ въ поведеніи, нерѣдко обращаются въ пьянствѣ, такъ что дѣлаются неспособными къ отправленію должности“.

Пьяныя оргіи часто приводили учителей къ буйству, къ дракамъ, что приходилось разбирать университетскимъ совѣтамъ.

Невѣжество и безграмотность преподавательскаго персонала приводили въ смущеніе само начальство. Такъ встрѣчаются циркуляры, совѣтующіе учителямъ всемѣрно стараться объ усовершенствованіи въ правописаніи, потому что учителя „не только наставники юношества, но и выдаютъ свидѣтельства на поступленіе въ гражданскую службу“, объясняетъ официальная бумага. Одинъ гимназическій директоръ прямодушно заявлялъ училищному совѣту, что онъ не можетъ вести журналовъ совѣтскихъ засѣданій: онъ „никогда не былъ знающъ въ наукахъ и встрѣчаетъ большое затрудненіе въ отношеніи всѣхъ бывающихъ въ засѣданіи разговоровъ и преній“.

Приведенныя здѣсь черты указываютъ на то, что тогдашняя средняя школа едва зарождалась. Въ ней было много недостатковъ, но, разумѣется, эти недостатки могли бы постепенно стираться.

Не безъ недостатковъ была и высшая школа, тогдашніе юные университеты.

Сверхъ стараго Московскаго и Дерптскаго, открытаго при Павлѣ, въ первые годы Александровскаго царствованія были открыты университеты: въ Харьковѣ, Казани, Вильнѣ (преобразованъ изъ мѣстнаго коллегіума), въ Петербургѣ былъ основанъ педагогическій институтъ, впослѣдствіи преобразованный (съ 1819 года) въ университетъ. Университетамъ дана была широкая автономія и они привлечены были къ административной

дѣятельности, такъ какъ университетамъ передана была цензура и завѣдываніе училищами.

Среди первыхъ попечителей мы встрѣчаемъ людей просвѣщенныхъ, много сдѣлавшихъ для привлеченія изъ-за границы солидныхъ ученыхъ силъ. Такъ, въ Московскомъ университетѣ, гдѣ попечителемъ былъ извѣстный Муравьевъ, появляются такіе профессора, какъ Шлецеръ, Буле, Гоффманъ, Байе и другіе. Въ Харьковѣ рядомъ съ видными иностранцами, въ родѣ философа Шада, встрѣчаемъ и выдающихся русскихъ профессоровъ; попечителемъ Харьковскаго округа былъ просвѣщенный графъ Северинъ-Потоцкій. Школа казанскихъ математиковъ обязана своимъ происхожденіемъ попечителю Румовскому, который пригласилъ въ Казань знаменитаго Бартельса, Литрова, Броннера. Въ Петербургѣ славились въ то время философы Галичъ, Велланскій, правовѣды Раупахъ, Германъ, Куницынъ.

Наибольшимъ вниманіемъ въ то время пользовалась философія. Какъ она вліяла на молодые умы, можно видѣть изъ тѣхъ панегириковъ, которые встрѣчаются въ студенческихъ сочиненіяхъ того времени. „О философія, божественная наука (пишетъ одинъ юный авторъ) ты имѣешь благодѣтельное вліяніе на развитіе дарованій и познаній человѣческихъ... Ты усугубляешь наши удовольствія, притупляешь остріе скорби; одна ты сильна даровать смертныхъ роду истинное счастіе и чистое удовольствіе!“

При университетахъ основываются ученыя общества и вообще дѣло налаживается вполнѣ благопріятнымъ образомъ.

Если съ точки зрѣнія научной наши университеты въ первое десятилѣтіе своего существованія для того времени могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными, то въ нихъ была и обратная сторона. Общество было еще мало подготовлено. Отсутствіе среднихъ школъ

сказывалось въ томъ, что юные университеты (Харьковскій и Казанскій) съ трудомъ могли собрать незначительное количество слушателей. Да и это число приходилось набирать нерѣдко изъ неокончившихъ студентовъ семинаріи. Приходилось задабривать молодыхъ людей казеннокоштнымъ содержаніемъ въ университетѣ и чиновничьими благáми по окончаніи высшаго образованія. Такъ, напримѣръ, въ Харьковскомъ, университетѣ въ 1805 году было всего 57 студентовъ, а въ 1812—всего 118. Въ Казани въ 1805 году было 33 студента, въ 1812 году—44.

Профессора не могли быть приглашены сразу въ достаточномъ количествѣ, отчего факультеты были не полны. Особенно страдалъ неполнотою преподаванія Казанскій университетъ, гдѣ, напримѣръ, бывали такіе случаи, что единственному медицинскому профессору Брауну приходилось читать „матерію медику" единственному своему слушателю. Указанное обстоятельство было причиной того, что въ Казани университетъ существовалъ безъ раздѣленія на факультеты до 1814 года, когда, наконецъ, онъ былъ открытъ въ полномъ составѣ. Вообще Казанскій университетъ за первый 10-й періодъ претерпѣлъ не мало тягостныхъ перипетій еще и по другому случайному поводу. Благодаря слабости и довѣрчивости престарѣлаго попечителя Румовскаго, вся власть въ университетѣ перешла къ директору казанской гимназіи и профессору Яковкину (въ Казани гимназія до 1814 года была соединена съ университетомъ). Яковкинъ фактически упразднилъ автономію университетскаго совѣта. Господство Яковкина сопровождалось безпрерывной борьбой съ университетскимъ совѣтомъ взаимными жалобами и доносами.

Были еще препятствія успѣшному теченію научныхъ занятій. Иностранные профессора читали лекціи на своихъ родныхъ языкахъ или на латинскомъ. Слушатели часто не были подготовлены для пониманія лекцій на

этихъ языкахъ, отчего аудиторіи иностранцевъ часто оставались пустыми. Встрѣчаемъ мы иногда любопытныя жалобы профессоровъ совѣтамъ: въ 1813 году даже такая знаменитость, какъ казанскій проф. Литровъ, докладывалъ совѣту, что онъ тщетно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ожидаетъ въ свою аудиторію двоихъ своихъ слушателей. Впрочемъ, если одни изъ студентовъ проявляли мало интереса къ наукамъ, то другіе работали хорошо и усердно: вѣдь въ тотъ же періодъ въ Казани складывалась математическая школа и знаменитый родоначальникъ ея, Лобачевскій, успѣвалъ слушать по сорока часовъ въ недѣлю.

Не всегда университетамъ удавалось удерживать своихъ питомцевъ до окончанія курса: они уходили въ гражданскую или военную службу. Наконецъ и составъ слушателей, кромѣ малоподготовленности, имѣлъ еще и другіе недостатки. Возрастъ слушателей—отъ 12 до 20 лѣтъ. Этотъ возрастъ отражался на ихъ отношеніяхъ къ занятіямъ. Даже такому замѣчательному лектору, какъ профессоръ Рижскій, приходилось прерывать свою лекцію замѣчаніями въ родѣ слѣдующаго: „А зачѣмъ пеструшками-то забавляетесь?“ (картами).

Впрочемъ, шалости харьковскихъ и московскихъ студентовъ носили въ общемъ невинный, дѣтскій характеръ. Нравы казанскихъ ихъ сотоварищей носили иной колоритъ. Тутъ нерѣдко встрѣчаемъ жалобы на шумъ во время чтенія лекцій, на такія шалости, какъ бросанье шариками, „выдавливаніе“ кого-либо изъ сотоварищей со скамьи, хожденіе по аудиторіи, хохотъ. Но не рѣдки эпизоды и другого характера: студентовъ нельзя собрать на лекцію, они бродятъ въ саду „въ сомнительномъ состояніи“, „въ предосудительномъ видѣ“. Вообще пьянство здѣсь было довольно развито. Инспекторы провѣряли жизнь въ интернатѣ по ночамъ; но это имъ не всегда благополучно сходило, потому что студенты встрѣчали ихъ изъ-за засады брусьями и каменьями.

Всѣ эти дефекты тогдашней университетской жизни находятъ себѣ объясненіе въ малолѣтствѣ и недостаточной подготовкѣ слушателей. Но, разумѣется, эти недостатки, иногда присущіе всякой школѣ во всѣ времена, не имѣютъ серьезнаго значенія и съ избыткомъ покрывались здоровыми началами, несомнѣнно утверждавшимися въ тогдашнихъ университетахъ. Во всякомъ случаѣ раціональная политика и благо государства требовали бы поддержки этихъ началъ. Этого-то въ дѣйствительности и не случилось.

Уже изъ предыдущаго ясно, что реакція направляла свои силы на борьбу съ просвѣщеніемъ. Просвѣщеніе представлялось обскурантамъ продуктомъ революціонной язвы, подрывающей основы государства и религіи. Въ этомъ направленіи для борьбы съ просвѣщеніемъ многое подготовлялось въ реакціонныхъ сферахъ, но открытому нападенію на университеты помогли обстоятельства, совершившіяся въ это время въ Германіи: они то послужили оправданіемъ для дѣятельности русскихъ реакціонеровъ.

Въ Германіи реакціонное направленіе нѣмецкихъ правительствъ начало встрѣчать сильный отпоръ въ средѣ либерально настроеннаго общества. Въ 1817 году нѣмецкіе студенты и профессора собрались въ Вартбургѣ, чтобы отпраздновать 300-ній юбилей начала реформаціи и годовщину лейпцигской битвы. Тутъ говорились горячія либеральныя рѣчи въ высоко патріотическомъ духѣ. При этомъ были торжественно сожжены книги, напоминавшія либераламъ время Наполеоновскаго господства и сочиненія реакціоннаго направленія, въ томъ числѣ и нѣмецкая исторія извѣстнаго Коцебу. Коцебу былъ русскимъ агентомъ въ Германіи и извѣстенъ, какъ писатель крайняго реакціоннаго направленія. Черезъ два года послѣ вартбургской годовщины Коцебу былъ убитъ студентомъ Зандомъ. Зандъ нашелъ себѣ подражателей, и аптекарь Ленингъ пытался умертвить президента Ибелля.

Вартбургскія событія съ ихъ послѣдствіями поставили на ноги нѣмецкихъ реакціонеровъ. Начались преслѣдованія, направленныя уже прямо противъ университетовъ. Меттернихъ въ 1819 году собираетъ въ Карлсбадѣ конференцію представителей нѣмецкихъ государствъ, гдѣ приняты жестокія мѣры противъ университетскаго преподаванія и свободы слова. Начинаетъ преобладать мысль, проводимая въ дѣйствіе, что образованіе должно быть основано на началахъ Священнаго Союза. На выраженіи акта Священнаго Союза о томъ, что Христосъ есть единственный источникъ знанія и мудрости, была построена цѣлая система, по которой религія должна была явиться единственнымъ источникомъ познанія.

Карлсбадская конференція нанесла не малый вредъ нѣмецкой наукѣ, но не могла ее подавить. Не то было въ Россіи. Малочисленные русскіе университеты не имѣли, конечно, такого политическаго значенія, какъ германскіе. Университетская наука была лишь въ зародышѣ. Вотъ почему примѣненіе реакціонныхъ мѣръ въ Россіи принесло страшныя и непоправимыя опустошенія.

Мы уже знаемъ, что походъ противъ просвѣщенія въ Россіи начался даже нѣсколько ранѣе, чѣмъ въ Германіи,—именно съ момента назначенія князя Голицына министромъ народнаго просвѣщенія, съ 10 августа 1816 года, но дѣйствія нѣмецкихъ правительствъ послужили прочнымъ авторитетомъ для русскаго.

Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ вступленія князя Голицына въ правленіе министерствомъ, пришли къ мысли о соединеніи въ одно учрежденіе духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Это была замѣчательная реформа, результатомъ которой явилось оригинальное „Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія“ съ княземъ Голицынымъ во главѣ. Указъ опредѣлялъ характеръ новаго министерства: „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“. Обскуранты могли осуществить свои мечты.

Въ устройствѣ новаго министерства рельефно выказались государственныя дарованія новаго министра. Министерство было раздѣлено на два департамента—духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Во главѣ перваго департамента былъ поставленъ А. И. Тургеневъ, человѣкъ хорошо образованный, большой ловеласъ и едва ли склонный признавать какую-нибудь религію, во главѣ второго—извѣстный мистикъ Поповъ, религіозный изувѣръ и полный невѣжда.

При новомъ министерствѣ зарождается весьма важное учрежденіе, имѣющее печальную извѣстность до настоящаго времени. Это былъ ученый комитетъ. Онъ имѣлъ цѣлью разсмотрѣніе учебныхъ книгъ, предназначаемыхъ для школъ. Была составлена инструкція, опредѣляющая дѣятельность комитета. Основной цѣлью ея полагалось, чтобы „народное воспитаніе, основу и залогъ благосостоянія государственнаго и частнаго, посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ, направить къ истинной, высокой цѣли—къ водворенію въ составѣ общества въ Россіи постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властію или, другими выраженіями, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ".

Въ этой задачѣ ясно сказалась основная цѣль комитета—поддерживать самодержавіе при помощи религіи и подчиненнаго ей просвѣщенія. Комитетъ обязанъ просматривать всѣ „стихійныя книги" и истреблять въ нихъ все то, что не соотвѣтствуетъ его основному плану. При пересмотрѣ книгъ комитету вмѣняется въ обязанность въ учебныхъ книгахъ о вѣрѣ „отметать все то, что могло бы внушить отвращеніе къ семейнымъ и общественнымъ обязанностямъ и къ дѣятельной жизни, а также всѣ произвольныя умствованія, несовмѣстимыя съ повиновеніемъ верховной и духовной власти". Въ области нравственной философіи и законодательства, комитетъ обязанъ отвергать всѣ книги, которыя не отдѣляютъ

нравственности отъ вѣры, равно и книги, учащія „мнимой добродѣтели, безъ всякаго указанія на единственный ея источникъ“, теоріи естественнаго права и первобытнаго состоянія. Впрочемъ, ученіе о первобытномъ состояніи человѣка можетъ излагаться только въ видѣ „гипотезы, неосновательность которой надлежитъ сдѣлать очевидною“. „Ложныя ученія о происхожденіи верховной власти не отъ Бога, а отъ условія между людьми, подлежатъ тому же отверженію“. Въ особенности комитетъ будетъ заботиться о книгахъ историческихъ. Послѣднія должны „возвѣщать о единствѣ исторіи, столь поучительномъ для ума и сердца учащихся; частое указаніе на дивный и постепенный ходъ богопознанія въ человѣческомъ родѣ и вѣрная синхронистика съ священнымъ бытописаніемъ и эпохами церкви, должны напоминать учащимся высокое значеніе и спасительную цѣль науки“. Въ естественныхъ наукахъ устраняются „всѣ суетныя догадки о происхожденіяхъ и переворотахъ земного шара“. Въ физическихъ и химическихъ книгахъ должны содержаться полезныя свѣдѣнія „безъ всякой примѣси надменныхъ умствованій, порождаемыхъ во вредъ истинамъ, не подлежащимъ опыту и раздробленію“. Въ руководствахъ по физіологіи, патологіи и сравнительной анатоміи комитетъ наблюдаетъ, чтобы „не вкрадывалось ученіе, низвергающее духовной санъ человѣка, внутреннюю его свободу и высшее предопредѣленіе въ будущей жизни“. Сказаннаго достаточно для характеристики направленія ученаго комитета и его будущей роли. Для внѣдренія въ русское юношество истинныхъ началъ православной вѣры, самодержавія и народности, ученый комитетъ былъ составленъ изъ трехъ... иностранцевъ. Въ него вошли капитанъ прусской службы, церемоніймейстеръ графъ Лаваль, котораго еще въ Пруссіи ненавидѣли нѣмецкіе студенты за его реакціонное направленіе, авторъ реакціонной брошюры, выпущенной на французскомъ языкѣ въ Германіи камеръ-юнкеръ Стурдза,

полу-грекъ, полу-молдаванинъ по происхожденію, мечтавшій объ освобожденіи Греціи и писавшій для нея конституцію; наконецъ ученый академикъ Фусъ; неизвѣстно владѣлъ ли онъ русскимъ языкомъ, потому что всѣ представленія его, присланныя въ комитетъ, писаны по-французски.

Вообще настроеніе главнаго правленія училищъ становилось все болѣе и болѣе враждебнымъ просвѣщенію. Выразительнымъ показателемъ этого настроенія является знаменитый докладъ 1820 года члена правленія училищъ Магницкому. Это гимнъ затменію.

Либеральныя вспышки на Западѣ даютъ поводъ автору доклада указать на страшную опасность, угрожающую отечеству.

Европу охватилъ „растлѣвающій духъ", который грозитъ проникнуть и въ Россію. Это тотъ самый духъ, который скрывался у Іосифа II подъ личиною филантропіи, у Фридриха, Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ—подъ скромнымъ плащемъ философизма; въ царствованіе Робеспьера—подъ красною шапкою свободы; у Бонапарте—подъ трехцвѣтнымъ перомъ консула, и, наконецъ, въ коронѣ императорской. „Этотъ духъ съ трактатами философіи и хартіей конституціи въ рукѣ поставилъ престолъ свой на Западѣ и хочетъ быть равнымъ Богу".

„Европа успокоилась подъ эгидой Священнаго Союза,—говоритъ Магницкій,—но вдругъ взволновались университеты, явились изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада. Что значитъ сіе неслыханное въ исторіи явленіе? Чего хотятъ народы посреди общаго спокойствія, подъ властью кроткихъ государей, среди всѣхъ благъ законной свободы? Чего хотѣли Зондъ, Тистельвудъ, Лебель?" Авторъ записки отвѣчаетъ, поясняя цѣли людей, не помирившихся со всѣми благами „законной свободы". Вотъ чего они хотятъ: „прочь алтари, прочь государей, смерть и адъ надобны", вопіютъ уже во многихъ странахъ Европы. Какъ не узнать, чей это голосъ? *Самъ князь тьмы*, видимо, подступилъ къ намъ; рѣдѣетъ завѣса, его закрывавшая, и

вѣроятно, уже скоро расторгнется“. Итакъ, согласно воззрѣніямъ членовъ Библейскаго общества, въ глазахъ Магницкаго самъ сатана является главнымъ двигателемъ волненій противъ алтарей и троновъ. Князь тьмы нашелъ себѣ орудіе для проведенія своихъ намѣреній. „Слово человѣческое есть проводникъ сей адской силы; книгопечатаніе — орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ подаютъ тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ“. Изъ такого пониманія вещей ясно вытекала и программа Магницкаго, и онъ предлагаетъ объявить войну университетамъ и литературѣ. „Настоящую войну духа злобы не могутъ остановить арміи, ибо противъ духовныхъ нападеній нужна и оборона духовная. Благоразумная цензура, соединенная съ утвержденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ, есть единый оплотъ безднѣ, затапливающей Европу невѣріемъ и развратомъ“.

Цитированная записка Магницкаго является программою для дѣятельности министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ. Самъ Магницкій и его послѣдователь Руничъ былъ проводникомъ предложенныхъ имъ же началъ борьбы съ просвѣщеніемъ.

V.

Магницкій и университеты.

М. Л. Магницкій—чрезвычайно любопытная личность изучаемой эпохи. Это человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ, обладавшій чарующей внѣшностью и блестящимъ даромъ рѣчи. Его сарказмы и эпиграммы въ свое время доставляли большую непріятность даже императору Наполеону, по желанію котораго Магницкій, бывшій членомъ русскаго посольства въ Парижѣ, былъ оттуда ото-

званъ. Магницкій былъ другомъ Сперанскаго и его главнымъ помощникомъ по организаціоннымъ работамъ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ ссылкѣ Магницкаго одновременно со Сперанскимъ. Но Магницкій не выработалъ въ себѣ ни серьезныхъ политическихъ убѣжденій, ни гражданскихъ чувствъ. Непомѣрное честолюбіе влекло его въ ту сторону, которая могла его выдвинуть. Въ дѣлахъ чисто личныхъ онъ кощунственно относился ко всякаго рода политическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ.

Убѣдившись на опытѣ, сколь неудобно исповѣданіе либеральныхъ убѣжденій, Магницкій быстро переходитъ на противоположную сторону. Онъ былъ помилованъ одновременно со Сперанскимъ и назначенъ симбирскимъ губернаторомъ. Здѣсь онъ какъ будто сначала продолжалъ въ прежнемъ духѣ. Міръ провинціальнаго чиновничества представился Магницкому въ весьма непривлекательномъ видѣ. По его словамъ, это была „коллекція, какой я сроду не видалъ, точно четвероногіе стали на заднія лапы и надѣли шитые ошейники, на которыхъ виднѣлись ленты и звѣзды, съ изображеніемъ страха и ожиданіемъ наказанія, словно повѣшанныя собаки; на всѣхъ лицахъ были видны пошлость и страхъ". При первомъ же представленіи симбирскіе чиновники просили новаго губернатора не быть строгимъ къ ихъ грѣхамъ, на что Магницкій отвѣтилъ коротко: „Берите, но не дерите". Внимательное отношеніе Магницкаго къ крестьянамъ, и его борьба съ дикими проявленіями рабовладѣльческихъ инстинктовъ мѣстныхъ помѣщиковъ вызвали противъ него негодованіе всего дворянства Симбирской губерніи; стали жаловаться, что Магницкій „притѣсняетъ помѣщиковъ и бунтуетъ крестьянъ". Магницкому приходилось уходить со своего губернаторскаго поста. Но онъ успѣлъ подготовить себѣ путь къ отступленію, заручившись благосклонностью А. Н. Голицына. Этого нетрудно было достигнуть бойкому предсѣдателю симбирскаго отдѣленія Библейскаго общества.

1819 г.

Въ 1819 году Магницкій былъ назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ и тогда же получилъ назначеніе произвести ревизію Казанскаго университета. Бывшій симбирскій губернаторъ уже имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ университетѣ по навѣтамъ врача Владимирскаго, безуспѣшно пытавшагося получить каѳедру въ Казани. Нетрудно догадаться, что самая мысль о ревизіи принадлежала самому Магницкому, подъ вліяніемъ котораго всецѣло оказался князь Голицынъ.

Ревизоръ немедленно отправился въ Казань, и здѣсь произошла жалкая комедія ревизіи университета. Весь университетъ найденъ былъ въ неисправности. Хозяйственная часть университета, по словамъ отчета Магницкаго, была поставлена весьма плохо. Профессорская коллегія оказалась неудовлетворяющей ни условіямъ благонадежности, ни научнымъ. Интересно, что научное достоинство цѣлаго университета Магницкій опредѣлилъ въ теченіе нѣсколькихъ дней своей ревизіи. Изъ двадцати пяти профессоровъ и адъюнктовъ Магницкій нашелъ только пять человѣкъ дѣйствительно „достойныхъ", всѣ остальные оказались людьми неблагонадежными и запутанными въ долгахъ. Магницкій не стѣсняется дѣлить профессоровъ на знающихъ и незнающихъ, не приводя, конечно, основаній такого раздѣленія. Про извѣстнаго профессора Бартельса, напримѣръ, онъ говоритъ, что Бартельсъ „лучше могъ бы быть академикомъ, нежели преподавателемъ". Профессоръ хирургіи Арнгольдъ, по словамъ Магницкаго, „человѣкъ, не знающій латинскаго языка и неумѣющій доселѣ собрать остовъ тѣла человѣческаго, человѣкъ, коего незнаніе хирургіи обличается представляемымъ у сего спискомъ сдѣланныхъ имъ операцій". Въ этомъ родѣ отзывы и о другихъ профессорахъ. Зато о „достойныхъ" съ точки зрѣнія Магницкаго профессорахъ встрѣчаемъ обыкновенно отзывы, что этотъ профессоръ „доброй нравственности", „отличный познаніями и поведеніемъ". Учебно-вспомогательныя учрежде-

нія совсѣмъ плохи. Библіотека плохо устроена. Въ естественно-историческомъ кабинетѣ коллекція представляетъ случайный подборъ, и чучела съѣдены молью. Анатомическій театръ представляетъ нѣчто „постыдное для публичнаго заведенія". Здѣсь Магницкій только и нашелъ „небольшой шкапъ съ набранными какъ бы по случаю человѣческими разныхъ частей костями, изъ коихъ нѣкоторые объѣдены крысами; одинъ полный скелетъ четвероногаго пѣтуха (sic) и двухъ утокъ".

Но особенно былъ возмущенъ Магницкій своими наблюденіями надъ учащимися. Каѳедра закона божьяго въ университетѣ оказалась незанятой. Студенты оказались несвѣдущими въ законѣ божіемъ: „Какимъ образомъ, — возмущается Магницкій, — могъ студентъ, не имѣющій достаточнаго понятія о заповѣдяхъ, быть студентомъ?"

Общее заключеніе Магницкаго весьма печально для всего Казанскаго университета. Университетъ не можетъ выполнить возложенныхъ на него обязанностей, даже „причиняетъ общественный вредъ", выпуская воспитанниковъ, зараженныхъ „противнымъ религіи духомъ деизма". Наконецъ университетъ очень дорого стоитъ государству. На этихъ основаніяхъ Магницкій не задумывается подписать смертную казнь цѣлому университету „въ видѣ публичнаго его разрушенія". На мѣстѣ университета должны быть воздвигнуты новыя учрежденія, проектированныя Магницкимъ, а весь округъ долженъ быть подчиненъ „надежному попечителю" съ особенной инструкціей.

Теперь легко догадаться, куда мѣтилъ Магницкій. Главное правленіе училищъ представило отчетъ Магницкаго на усмотрѣніе государю, который, однако, не согласился на публичное разрушеніе университета. Но Магницкій достигъ того, чего желалъ: онъ былъ назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа съ неограниченными полномочіями. „Je vous donne carte blanche",

сказалъ ему государь при назначеніи его на эту должность.

Немедленно часть профессоровъ была уволена, и Магницкій сталъ проводить свои идеи очищенія университета. Рядомъ съ выборнымъ ректоромъ (впрочемъ, при Магницкомъ свобода избранія ректора была пустой комедіей) появляется директоръ университета. По отношенію къ университету, „директоръ есть первое лицо“. Въ дѣйствительности директоръ является полицейской властью въ университетѣ, какъ по отношенію къ профессорамъ, такъ и по отношенію къ студентамъ.

Магницкій увѣряетъ министра, что его цѣлью является основать народное воспитаніе на благочестіи, согласно съ актомъ Священнаго Союза. Съ этой цѣлью Магницкимъ были изданы инструкціи директору и ректору университета. По этимъ инструкціямъ основною задачей университетскаго „воспитанія“ является „воспитаніе вѣрныхъ сыновъ православной Церкви, вѣрныхъ подданныхъ государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству“. Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть „покорность“. Поэтому юноши должны „упражняться въ покорности“, а директоръ наблюдаетъ, „чтобы уроки религіи о любви и покорности были исполняемы на самомъ дѣлѣ“; для этого воспитанники должны постоянно видѣть „вокругъ себя примѣры строжайщаго чинопочитанія“. Директоръ долженъ наблюдать, чтобы „духъ вольнодумства“ не могъ проявиться въ студентахъ, для чего онъ обязанъ имѣть „достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о духѣ университетскихъ преподавателей“. Въ студентахъ выше всего должны цѣниться „христіанскія добродѣтели“, и такимъ студентамъ университетъ обязанъ исхлопатывать лучшія мѣста. Награды за науки не выдаются студентамъ, поведеніе коихъ не одобрено директоромъ. Установлены правила чтенія молитвъ въ университетѣ и посѣщенія церкви. Инструкція Магницкаго требуетъ, „чтобы самая наружность и выраженіе ихъ (т.-е. студентовъ) были пріятны

и благоприличны“. Студенты находятся подъ неослабнымъ надзоромъ „честныхъ и богобоязненныхъ надзирателей“, которые непрестанно находятся въ комнатахъ студентовъ (въ интернатахъ); а внѣ стѣнъ университета студентъ состоитъ подъ надзоромъ полиціи. При всемъ томъ студенты должны покоряться властямъ не изъ страха, но изъ любви. Директоръ обязанъ наблюдать и за преподавателями, отъ которыхъ требуются тѣ же качества, что и отъ студентовъ; неудовлетворяющіе этимъ требованіямъ должны быть представляемы къ немедленному увольненію.

Самый ходъ университетскаго преподаванія былъ опредѣленъ попечительскою инструкціей; цѣль ея, „чтобы вредный духъ времени, всеразрушающій духъ вольнодумства, не проникнулъ“ въ стѣны университета. Вообще, профессора должны работать „во славу Божію, для спасенія ввѣренныхъ имъ душъ“.

Преподаваніе всѣхъ наукъ должно быть проникнуто единымъ духомъ Евангелія. Профессоръ философіи долженъ прежде всего внушить слушателямъ различіе между мудростью земной и небесною. „Слушатели должны удостовѣриться, что все то, что не согласно съ разумомъ священнаго писанія, есть заблужденіе и ложь, и безъ всякой пощады должно быть отвергаемо. Положительныя начала философіи должны быть извлекаемы изъ Платона и Посланій апостола Павла. Науки политическія должны служить къ утвержденію принципа, что правленіе монархическое установлено Самимъ Богомъ, оно должно клонить мысль къ покорности и почтенію къ государю. Преподаватель этихъ наукъ „долженъ съ отвращеніемъ указать на правила Макіавеля“.

Положительныя начала наукъ политическихъ должны опираться на ученіе Платона и Аристотеля, и „источникъ сихъ началъ“ преподаватель обязанъ показать въ „Моисеѣ, Давидѣ, Соломонѣ, въ пророкахъ и апостолахъ“. Каѳедра математики и естественныхъ наукъ служитъ

той же цѣли, указанію на премудрость Божію и ограниченность человѣческаго разума. Профессора медицины должны внушать студентамъ, что „святое писаніе нераздѣльно полагаетъ искусство врачеванія съ благочестіемъ“. Съ большимъ вниманіемъ инструкція Магницкаго останавливается на наукахъ историческихъ и словесныхъ. Профессора древнихъ языковъ должны изучать Іоанна Златоустаго и другихъ отцовъ Церкви. Профессоръ россійской словесности долженъ заниматься разборомъ священныхъ писателей, а образцы истиннаго краснорѣчія „покажетъ онъ въ Библіи и докажетъ, сравненіемъ съ ней лучшихъ авторовъ древнихъ, ея надъ всѣми ими превосходство“. Профессоръ восточныхъ языковъ обязанъ предостерегать слушателей отъ увлеченія арабской наукой и поэзіей. Преподаваніе исторіи поставлено въ тѣсныя рамки. Профессоръ долженъ отвергнуть древнее баснословіе. На чтеніи Геродота и другихъ писателей профессоръ покажетъ, что въ основаніи Рима нѣтъ ничего положительнаго. Отъ Рождества Христова онъ займется древностями христіанскими, а новую исторію пройдетъ кратко. Профессоръ россійской исторіи покажетъ, „что отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя государства и докажетъ сіе распоряженіями по учебной части (т.-е. конечно, распоряженіями самого Магницкаго) и духовною Владиміра Мономаха“.

Сообразно идеямъ обновителя университета измѣненъ былъ и весь строй его. Университетъ превращенъ былъ въ монастырь. Студенты были раздѣлены на разряды, къ первому изъ которыхъ отнесены отличные, весьма хорошіе и хорошіе, ко второму—испытуемые и исправляемые и къ третьему—подъ особымъ надзоромъ состоящіе. Всякое дѣйствіе начиналось молитвою. Наказуемые назывались грѣшниками и отбывали наказаніе „въ комнатѣ уединенія“, гдѣ находились картины Распятія и Страшнаго суда.

На мѣсто одиннадцати уволенныхъ профессоровъ Магницкій назначилъ своихъ избранниковъ; среди нихъ встрѣчаемъ, напр., профессора греческой словесности Мистаки, о предшествующей дѣятельности котораго было только извѣстно, что онъ былъ домашнимъ учителемъ у Ипсиланти и „въ награду получилъ табакерку". Французъ Жобаръ былъ назначенъ профессоромъ греческой и латинской словесности „за благочестивый образъ мыслей".

„Обновленный" университетъ, какъ любилъ выражаться Магницкій, даже началъ свое лѣтоисчисленіе съ года обновленія университета. Профессорская коллегія съежилась, хотя часть ея сочла для себя выгоднымъ поддерживать новаго попечителя. Профессора должны были представлять конспекты преподаваемыхъ наукъ, и эти конспекты отражаютъ на себѣ тотъ гнетъ, которому подверглась университетская наука. Вотъ, напр., опредѣленія наукъ анатоміи и физіологіи, сдѣланныя даже такимъ почтеннымъ ученымъ, какимъ былъ профессоръ Фуксъ: „Анатомія показываетъ строеніе человѣческаго тѣла, а физіологія объясняетъ дѣйствіе органовъ въ соединеніи безсмертной души съ тѣломъ. Цѣль анатоміи—находить въ строеніи человѣческаго тѣла премудрость Творца, создавшаго человѣка по образу и подобію Своему. Тѣло наше—храмъ души. При тѣсной связи тѣла и души, надо всячески остерегаться, чтобы не впасть въ ужасный матеріализмъ, подобно нѣкоторымъ безумнымъ врачамъ". Въ лекціяхъ профессоровъ проводились тѣ же тенденціи. Профессоръ математики Никольскій доказывалъ равенство треугольниковъ такимъ образомъ: „Съ помощью Божіею этотъ треугольникъ равняется другому". Онъ же въ публичной рѣчи доказывалъ, что въ математикѣ содержатся превосходныя подобія священныхъ истинъ; такъ, напримѣръ, числа нѣтъ безъ единицы, такъ и вселенной нѣтъ безъ Единаго.

Официальные отчеты Казанскаго университета пѣли цѣлые дифирамбы мудрости попечителя и поражали

обвиненіями предшествующую дѣятельность университета. Такъ, одинъ изъ отчетовъ съ торжествомъ объявляетъ, что университетъ, наконецъ, избавился отъ „хищническаго владычества философіи“; теперь философія научаетъ „мудрствовать небесная“ и отучаетъ „мудрствовать земная“. Отчетъ въ восхищеніи оттого, что, наконецъ, въ университетскомъ преподаваніи заложенъ тотъ „краеугольный камень, на которомъ зиждется и утверждается благосостояніе царствъ земныхъ“. Отчетъ вспоминаетъ о неустройствѣ „внутренней полиціи“ при прежнемъ режимѣ, и съ удовольствіемъ отмѣчаетъ перемѣну въ поведеніи студентовъ. Инспекторъ студентовъ „преклоняетъ“ юношей подъ „спасительное иго послушанія“. „Смиренномудріе, терпѣніе и любовь сопровождаютъ поступки студентовъ“. Всѣ науки въ университетѣ преподаются въ духѣ святого Евангелія, и ядъ вольнодумства окончательно оставилъ университетъ, гдѣ нынѣ обитаетъ „страхъ Божій“.

Магницкій могъ гордиться проведенными имъ реформами. Совѣтъ университета его славословилъ въ офиціальныхъ рѣчахъ и отчетахъ.

Впрочемъ, и самъ Магницкій не забывалъ похвалить себя. Присутствуя на актѣ университета (онъ былъ только одинъ разъ въ Казани послѣ „обновленія“ университета), самъ Магницкій произнесъ рѣчь, которая является дифирамбомъ его же собственной дѣятельности. „Въ то самое время, — говорилъ казанскій попечитель, — какъ лжеименная философія бунтуетъ умы на Бога и людей, въ университетѣ нашемъ самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума. „Воспитанники поняли нелѣпость естественнаго права и относятся съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ бреднямъ“. Особенно остался доволенъ попечитель преподаваніемъ исторіи; профессоръ исторіи „смѣлою рукою свергнулъ тѣ идеалы языческаго величія, предъ коими весь ученый міръ, преклоняя ко-

лѣна, стоитъ уже двѣ тысячи лѣтъ... Въ житіяхъ святыхъ исчезла тѣнь Брутовъ".

Успѣхи вскружили голову Магницкому. Онъ не былъ доволенъ достигнутыми результатами, и стремился во что бы то ни стало найти слѣды крамолы. Въ Казанскомъ университетѣ это трудно было сдѣлать, но тѣмъ не менѣе предлогъ былъ найденъ, и Магницкій въ 1821 году началъ процессъ противъ профессора естественнаго права Солнцева.

Профессоръ Солнцевъ былъ однимъ изъ очень видныхъ преподавателей казанской науки; онъ былъ ректоромъ университета, когда Магницкій производилъ ревизію университета, и умѣлъ очень понравиться будущему казанскому попечителю. Но профессоръ Солнцевъ отличался достаточной самостоятельностью, и хотя онъ съежился при новомъ режимѣ, но тѣмъ не менѣе попечитель чувствовалъ въ немъ скрытую оппозиціонную силу. Судъ надъ Солнцевымъ нуженъ былъ казанскому попечителю еще и для доказательства своей мысли о вредѣ преподаванія въ университетѣ естественнаго права и философіи. Эту мысль, какъ мы увидимъ, Магницкій какъ разъ одновременно проводилъ хотя и неуспѣшно въ главномъ правленіи училищъ. Магницкій, однако, считалъ, что для него полезнѣе опереться на судъ самой профессорской коллегіи, почему онъ добился университетскаго суда надъ Солнцевымъ. Это была комедія суда, тянувшаяся въ теченіе 1821—23 годовъ. Предсѣдателемъ чрезвычайнаго университетскаго суда былъ назначенъ фаворитъ Магницкаго, директоръ университета Владимирскій; прокурорскія обязанности возложены были на профессора Тимянскаго, спеціальнымъ секретаремъ назначенъ профессоръ Пальминъ. Были забраны у Солнцева подлинныя рукописи его лекцій, а у студентовъ были отобраны, для сличенія, ихъ записи. Однако при всемъ усердіи ставленниковъ Магницкаго, борьба съ Солнцевымъ оказалась дѣломъ не изъ легкихъ, потому что под-

судимый былъ прекраснымъ юристомъ. Самъ Игнатій Лойола позавидовалъ бы тѣмъ инквизиторскимъ вопросамъ, какіе придумалъ, въ числѣ двухсотъ семнадцати, профессоръ Пальминъ, требуя отвѣтовъ отъ Солнцева. Это все были вопросы, касающіеся такихъ щекотливыхъ пунктовъ, какъ происхожденіе монархической власти, значеніе конституціи, религіозной свободы и т. п.

Долгая судебная процедура окончилась обвинительнымъ приговоромъ. Обвинительные пункты чрезвычайнаго суда, въ числѣ 12, голословно утверждаютъ, что инкриминируемыя мѣста въ лекціи противорѣчатъ священному писанію или „ослабляютъ положительные законы“. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. Натяжки въ обвиненіи доходятъ до курьезовъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своего курса профессоръ Солнцевъ утверждалъ, что бракъ не есть простой договоръ, но священный союзъ, освящаемый достоинствомъ таинства. И эта мысль была признана противорѣчащей священному писанію.

Въ концѣ-концовъ судъ призналъ профессора Солнцева оскорбившимъ Духъ Господень и власть общественную, почему онъ и былъ отрѣшенъ отъ должности. Судъ надъ Солнцевымъ сослужилъ плохую службу самому Магницкому, когда наряжена была ревизія, долженствовавшая провѣрить дѣятельность самого Магницкаго въ Казани.

Казанскій университетъ не стоялъ одиноко, когда начались репрессіи на науку. Реакція сказалась и въ другихъ университетахъ, хотя съ меньшею силою и безъ тѣхъ нелѣпостей, къ которымъ прибѣгнулъ Магницкій.

Такъ, въ Харьковѣ реакція началась удаленіемъ профессора Шада въ 1816 году. Шадъ былъ однимъ изъ лучшихъ профессоровъ тогдашняго Харьковскаго университета, но его философскія сочиненія были признаны неблагонамѣренными, ибо авторъ ихъ придерживался

философіи Шеллинга, „а, между тѣмъ, весьма сомнительно, можно ли прямо допускать ее въ Россіи и вкоренять въ память россійскаго юношества“. Дѣло было рѣшено не въ пользу философіи Шеллинга, и Шадъ былъ высланъ за границу, а сочиненія его сожжены.

Харьковскимъ попечителемъ былъ тогда графъ С. О. Потоцкій. Но онъ мало подходилъ къ Голицынскому режиму, почему и удалился въ 1817 году. Его мѣсто занялъ близкій къ Голицыну человѣкъ, товарищъ президента Библейскаго общества въ Петербургѣ З. Я. Карнѣевъ. Онъ сначала служилъ въ военной службѣ, затѣмъ по администраціи, и здѣсь отличался тѣмъ, что иногда предлагалъ самыя противоположныя мѣры. Карнѣевъ не получилъ никакого образованія и, будучи попечителемъ учебнаго округа, внушалъ профессору, что молнія падаетъ въ видѣ треугольника въ ознаменованіе троичности Божества. Будучи попечителемъ, онъ немедленно завелъ чтеніе молитвъ въ университетѣ и посѣщеніе студентами церкви. Попечитель харьковскаго округа считалъ науки „небезопасными“. Философію онъ признавалъ недостаточною „къ возстановленію падшаго человѣческаго естества“ и считалъ необходимымъ бороться противъ „мрака философскаго заблужденія, основаннаго на кичливости разума“. Неудивительно поэтому, что Харьковскій университетъ сталъ пустѣть; особенно важна была такая потеря для университета, какъ удаленіе профессора Осиповскаго. Кратковременное управленіе округомъ Р. В. Карнѣева, племянника предыдущаго попечителя, сдѣлало новый шагъ по тому же пути, пробивъ брешь въ университетскомъ самоуправленіи. Однако въ Харьковскомъ университетѣ реакція выразилась сравнительно слабо.

Наибольшій разгромъ потерпѣлъ Петербургскій университетъ, гдѣ, благодаря настойчивости Рунича, былъ удаленъ цѣлый рядъ наиболѣе замѣчательныхъ профессоровъ. Только что основанный Петербургскій универ-

ситетъ имѣлъ такихъ видныхъ преподавателей науки, какъ Галичъ, Германъ, Раупахъ, Арсеньевъ и др.

Дѣло было поднято въ 1821 г. Руничемъ, который донесъ главному правленію училищъ, что философскія и историческія науки въ университетѣ преподаются въ противномъ христіанству духѣ. Преподаваніе названныхъ профессоровъ было пріостановлено и начато было противъ нихъ слѣдствіе. Собраны были тетради слушателей, записки профессоровъ, былъ составленъ университетскій судъ, предсѣдателемъ и руководителемъ котораго явился самъ Руничъ. Положеніе подчиненной ему профессорской коллегіи было въ высшей степени затруднительно, потому что Руничъ, не стѣсняясь, направлялъ свои инквизиціонные допросы не только къ обвиняемымъ, но и къ тѣмъ, которые высказывали малѣйшее сочувствіе къ нимъ. Это былъ злобный походъ, направленный противъ всего университетскаго совѣта. Неудивительно поэтому, что Руничъ добился обвинительнаго приговора надъ названными профессорами, а также надъ профессоромъ Плисовымъ. Къ дѣлу о профессорахъ приложены выписки вредныхъ мѣстъ изъ ихъ сочиненій и лекцій. Нужна была вся сила злого воображенія Рунича, чтобы въ этихъ отрывкахъ увидѣть „опасныя мѣста". На судѣ Руничъ велъ себя совершенно непристойно. Онъ требовалъ раскаянія со стороны подсудимыхъ и не добился его. При чтеніи письменныхъ отвѣтовъ подсудимыхъ, въ ихъ же присутствіи, Руничъ коверкалъ слова, ломалъ языкъ, кривлялся, смѣялся и хохоталъ.

Заключеніе университетскаго суда поступило въ главное правленіе училищъ, которое признало ученіе Германа и его послѣдователя Арсеньева вреднымъ и опаснымъ для государственнаго благосостоянія. Вышедшія раньше печатныя сочиненія Германа („Краткое руководство ко всеобщей теоріи статистики", „Всеобщую теорію статистики" и „Историческое обозрѣніе литера-

туры статистики, въ особенности россійскаго государства"), Галича („Исторію философскихъ системъ") и Арсеньева („Начертаніе статистики россійскаго государства") запретить въ преподаваніи и изъять изъ всѣхъ библіотекъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того, такъ какъ сами обвиняемые требовали уголовнаго суда для своего оправданія, то постановлено передать это дѣло надлежащему судебному мѣсту. Магницкій протестовалъ противъ послѣдняго постановленія, заявивъ въ своемъ особомъ мнѣніи, что „подсудимые и общество назовутъ людей, подвергающихъ бездоказательно людей уголовной отвѣтственности, не судьями, а палачами". Онъ предлагалъ, со свойственнымъ ему цинизмомъ, расправиться съ профессорами безъ суда, выславъ Раупаха и Германа какъ иностранцевъ, за границу. Дѣло поступило въ Комитетъ Министровъ, который, однако, предоставилъ обвиняемымъ возможность привести всѣ данныя къ своему оправданію, и даже назначилъ изъ своей среды особую комиссію. Впрочемъ, эта комиссія дѣйствовала или, лучше сказать, бездѣйствовала до 1827 г., когда высочайше повелѣно было считать это дѣло оконченнымъ. Профессора перешли на службу въ другія вѣдомства. Такимъ образомъ, Руничъ и Магницкій потерпѣли въ данномъ случаѣ пораженіе, потому что не добились обвиненія и изгнанія профессоровъ. Назначеніемъ комиссіи дѣло было замято, и вѣроятной причиной является письмо Уварова къ государю. Это письмо — страстный протестъ противъ постановленія главнаго правленія училищъ. Уваровъ указываетъ, что книги Галича и Арсеньева изданы съ одобренія цензуры, что Германъ не самъ составлялъ свои лекціи и что въ рукахъ суда были однѣ подлинныя тетради Раупаха. Уваровъ возмущается тѣмъ, что для вынужденія показаній Руничъ угрожалъ сдать студентовъ въ солдаты, тюрьмою и Сибирью; самая прецедура суда сопровождалась скандалами, при которыхъ „все было попрано до поруганія человѣческаго достоинства",

даже просьба профессоровъ привести всѣ данныя для своего оправданія была признана мятежной.

Такъ кончилось это характерное дѣло. Руничу и Магницкому нужно было найти мятежный духъ, гдѣ бы то ни было и во что бы то ни было.

VI.

Цензура и паденіе кн. Л. Н. Голицына.

Гнетъ реакціи отразился не на однихъ университетахъ. Если реакція боролась съ университетами, стремясь подавить въ нихъ живую мысль, то легко догадаться, что оно не оставило и другой стороны выраженія той же мысли—печатнаго слова.

Либеральный уставъ 1802 года началъ постепенно урѣзываться, съ 1811 года появляется родъ отдѣльныхъ указовъ и распоряженій, ограничивающихъ печать въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ. Съ 1811 года при министерствѣ полиціи заводится особый комитетъ для просмотра уже одобренныхъ цензурою книгъ и напечатанныхъ. Само собою разумѣется, что такая надставка уже производила давленіе на цензоровъ. Въ 1812 г. встрѣчаемъ распоряженіе о томъ, чтобы издатели журналовъ почерпали бы изъ иностранныхъ журналовъ только старыя, не касающіяся Россіи, свѣдѣнія, свѣдѣнія же, касающіяся Россіи, они могутъ почерпать только изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“, „издаваемыхъ подъ ближайшимъ надзоромъ“. Членъ главнаго правленія училищъ, Уваровъ, даже вноситъ предложеніе о томъ, чтобы журналисты, „писавшіе въ 1812 г., иначе писали бы въ 1815 г. и мало-по-малу согласовались бы съ намѣреніями правительствъ“. Министръ полиціи Вязьмитиновъ стремится изъять изъ обсужденія журналовъ „предметы, относящіеся до попеченія самого правительства и отнюдь не могущіе подлежать сужденію важныхъ лицъ публично“.

Тотъ же Вязьмитиновъ достигъ того, что изъ сужденія журналовъ было изъята игра казенныхъ актеровъ, какъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Многіе вопросы были совершенно изъяты изъ обсужденія печати, напр.: крѣпостное право и вопросы, касавшіеся конституціи. Интересно, что послѣднее распоряженіе было вызвано обличительной статьей самого Магницкаго „Нѣчто о конституціи“, появившейся безъ подписи. По этому поводу министръ народнаго просвѣщенія разъяснилъ цензурѣ, что частному лицу не слѣдуетъ писать о вопросахъ политическихъ, потому что правительство лучше знаетъ, когда и что сообщить публикѣ.

Вслѣдствіе такой придирчивости со стороны цензуры печать оказалась подъ страшнымъ гнетомъ. Цензурная исторія того времени богата удивительными курьезами. Для характеристики достаточно привести одинъ-другой фактъ, рисующій положеніе печати и отношеніе къ ней цензуры. Самые благонамѣренные писатели, даже Жуковскій, не избѣгали цензурныхъ преслѣдованій. Цензура превратилась въ учрежденіе, не только просматривающее рукописи, но въ сыскъ противъ авторовъ.

Въ Петрозаводскѣ была представлена пьеса „Дидона наизнанку“. Авторъ пьесы захотѣлъ ее напечатать и препроводилъ ее въ цензурный комитетъ. Но тутъ она подверглась строгому обсужденію. „Вся пьеса,—писалъ цензурный комитетъ,—наполнена выраженій, слишкомъ подлыхъ для тонкаго слуха, особенно, когда произносятъ ихъ Эней или Дидона или другія важныя особы“, вообще царственныя особы выведены „въ непристойномъ видѣ“: напр., Дидона говоритъ: „вся глотка пересохла“, или— „охъ, матушка, охъ, милая, не огурчика мнѣ хочется“. Эней непочтительно говоритъ своему дядѣ: „Эхъ, дядюшка, нелегкая тебя несетъ“. „Въ уваженіе прописанныхъ причинъ“ книга запрещена.

Особенной достопамятностью пользуется дѣятельность цензора Красовскаго. Это былъ какой-то маніакъ, ко-

торый преслѣдовалъ отдѣльныя слова и въ особенности всякіе намеки по отношенію между обоими полами. Не даромъ Уваровъ, сдѣлавшись министромъ, называлъ Красовскаго доброй цѣпной собакой. Красовскій слово „свобода“ замѣнялъ словомъ „независимость“. Александра Македонскаго называлъ „такъ называемымъ Великимъ“, а не просто Великимъ. Онъ запретилъ книгу о вредности грибовъ, потому что грибы составляютъ постную пищу. Красовскій разрѣшалъ къ напечатанію картинки только въ томъ случаѣ, если платья женщинъ были нарисованы ниже колѣнъ.

Когда поэтъ Туманскій хотѣлъ напечатать въ „Сынѣ Отечества“ переводное стихотвореніе „О дѣвѣ“, которое оканчивалось, между прочимъ, стихами: „а съ милой лаской на устахъ туда не приходила дѣва“, то Красовскій вычеркнулъ всѣ стихи, касающіеся дѣвы, и съ боку написалъ: „Какая дѣва?“ Очевидно, въ этомъ онъ готовъ былъ видѣть кощунственный намекъ автора. Стихотвореніе было запрещено и противъ помѣты автора „девятое марта 1823 г.“ цензоръ написалъ „девятое марта 1823 года, т.-е. въ одинъ изъ первыхъ дней Великаго поста, весьма неприлично писать о любви дѣвы, неизвѣстно какой, когда говорятъ о материнской любви и о смерти. При этомъ „Сынъ Отечества“ читаютъ люди степенные и даже духовные“. Вообще, Красовскій не разрѣшалъ въ недѣли поста помѣщать въ журналахъ стихотворенія, воспѣвающія любовь.

Но къ особымъ курьезамъ даже въ дѣятельности Красовскаго надо отнести его объясненія по поводу стиховъ посредственнаго поэта Олина „Стансы къ Элизѣ“, переведенныхъ изъ одной баллады Вальтера Скотта. По поводу запрещенія этихъ стиховъ Олинъ поднялъ цѣлое дѣло, и Красовскій въ офиціальной бумагѣ выяснилъ, почему онъ считаетъ стихи неподлежащими напечатанію. Эти объясненія въ высшей степени любопытны. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ цензорской критики. Приво-

димъ стихи Олина и параллельно имъ замѣчанія Красовскаго.

„Улыбку устъ твоихъ небесную ловитъ...	Слишкомъ сильно сказано, женщина недостойна того, чтобы ея улыбку называть небесной.
„И молча на тебѣ свои покоитъ взоры“...	Тутъ есть какая-то двусмысленность.
„И поняла, чего душа моя искала“...	Надобно объяснить, чего именно, ибо здѣсь дѣло идетъ о душѣ.
„О, какъ бы я желалъ всю жизнь тебѣ отдать!“	Что же останется Богу?
„У ногъ твоихъ порою для пѣсней лиру строить!..“	Слишкомъ грѣшно и унизительно для христіанина сидѣть у ногъ женщины.
„И на груди твоей главу мою покоить!..“	Стихъ чрезвычайно сладострастный.

Любопытно, что когда Олинъ поднялъ дѣло о запрещеніи его стиховъ, то въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ это запрещеніе было еще подкрѣплено многими соображеніями. Стихи признаны весьма соблазнительными, а, между тѣмъ, авторъ могъ бы ихъ выпустить въ свѣтъ постомъ, особенно въ Страстную недѣлю, „а извѣстно, какъ строго запрещены въ словѣ Божіемъ соблазны“, писалъ комитетъ; не менѣе интересно и то, что цензурный комитетъ добивался у переводчика, къ кому эти стихи написаны,—„къ женщинѣ, или къ дѣвицѣ, къ ближайшей родственницѣ, или къ посторонней“.

Несмотря на цензурный терроръ, руководителямъ его и этого было недостаточно. Рѣшено было составить проектъ новаго цензурнаго устава. Авторомъ проекта явился тотъ же Магницкій. Рядомъ съ уставомъ Магницкій предлагалъ издать особую инструкцію цензорамъ. Особенностью этого проекта устава, къ счастію, не получившаго утвержденія, было предположеніе запретить всякаго рода книги, въ которыхъ прямо или косвенно отвергается, ослабляется или представляется сомнительнымъ ученіе Церкви, монархическій строй и т. д.; но при этомъ пред-

положено запрещать всѣ книги о нравственной философіи и умозрительномъ законодательствѣ, кои отдѣляютъ „нравственность отъ вѣры“, всѣ книги, почерпнутыя изъ теоріи естественнаго права, всякое произведеніе словесности, въ которомъ „гордость и своевольство разума человѣческаго усиливаются объяснить и доказать недоступныя для нихъ святыя таинства вѣры“; должны быть даже запрещаемы книги, противныя „добрымъ нравамъ и свѣтскимъ приличіямъ“. Вообще проектъ устава долженъ, по мысли его автора, предупредить „всѣ извороты и уловки настоящаго духа времени“.

Въ секретной инструкціи цензорамъ изъясняется пагубный духъ времени. Это цѣлая проповѣдь къ будущимъ стражамъ Церкви, государства и доброй нравственности; имъ совѣтуется выискивать намеки невѣрія, запрещать похвалу чужимъ государственнымъ порядкамъ и тайно доносить на авторовъ. Эта проповѣдь къ цензорамъ заканчивается молитвеннымъ обращеніемъ: „Да просвѣтитъ Господь цензоровъ на важное ихъ служеніе“. Нѣкоторые изъ членовъ главнаго правленія училищъ были въ колебаніи относительно нѣкоторыхъ сторонъ проекта Магницкаго. Одинъ Руничъ соглашался вполнѣ, но предлагалъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія, а именно: запрещать сочиненія, писанныя нечистымъ слогомъ и безпорядочно написанныя, книги физіологическія, анатомическія и патологическія, потому что въ нихъ заключается матеріализмъ, книги по философіи и добродѣтели, если въ нихъ не доказывается первенство вѣры.

Въ томъ же 1823 году Магницкій выступаетъ еще съ однимъ проектомъ. По его мнѣнію, недостаточно одного только надзора за преподаваніемъ, необходимо изъять нѣкоторые предметы, какъ, напр., философію и естественное право. Съ одной стороны, Магницкій застращиваетъ тѣмъ „развратомъ“, который проникъ въ стѣны университетовъ, съ другой стороны, дѣлаетъ цѣлый доносъ на иллюминатовъ, франкмасоновъ и на отдѣльныхъ лицъ.

Ему не нравится логика профессора Давыдова, послѣдователя Шеллинга. Вообще Магницкій боится Шеллинга, потому что въ сочиненіяхъ его „какой-то таинственный тонъ“ и „глубокомысліе“. Послѣдніе извѣты Магницкаго были настолько нелѣпы, что встрѣтили даже оппозицію среди членовъ главнаго правленія училищъ.

Магницкій собственно и добивался этой оппозиціи со стороны своего же министерства. Ему надо было, во что бы то ни стало, явиться спасителемъ отечества и, такимъ образомъ, замѣнить съ бою своего же министра. За спиной у Магницкаго стоялъ всесильный Аракчеевъ. Для обоихъ князь Голицынъ былъ неудобенъ. Аракчеевъ ревновалъ къ тому довѣрію, которымъ пользовался князь Голицынъ у государя, а Магницкій не довольствовался второстепенною ролью попечителя казанскаго округа. Оба поэтому искали союзниковъ и предлога къ сверженію министерства. Такіе союзники нашлись, нашелся и эффектный предлогъ.

Тутъ намъ необходимо познакомиться еще съ однимъ лицомъ, которое играло во всей этой комедіи роль застрѣльщика. Мы имѣемъ въ виду архимандрита новгородскаго Юрьевскаго монастыря Фотія. Это была замѣчательная личность, даже въ средѣ тогдашнихъ обскурантовъ.

Архимандритъ Фотій, въ мірѣ Петръ Спасскій, провелъ бѣдственную и тяжелую молодость. Онъ рано попалъ въ монастырь и предался самому суровому аскетизму. Въ своей автобіографіи онъ разсказываетъ о тѣхъ мученіяхъ, которыя ему приходилось переносить для того, чтобы вынести свои аскетическіе обѣты.

Однажды ему пришлось пролежать ночь въ избѣ на горячей печи изъ боязни, „дабы не восхитилъ къ нему дѣвицу (которая спала въ той же избѣ) духъ нечистый, и ему ее не подложилъ“. Аскетизмъ и другія качества молодого монаха вскорѣ обратили на него вниманіе, и онъ сталъ выдвигаться среди петербургскаго духовен-

ства. Онъ былъ друженъ съ преосвященными Филаретомъ и Иннокентіемъ. Но ни этой дружбой, ни учительствомъ въ морскомъ корпусѣ Фотій не былъ удовлетворенъ. Онъ искалъ болѣе широкой дѣятельности и быстро сообразилъ, куда надо направить свою энергію—къ борьбѣ съ просвѣщеніемъ. Честолюбивый монахъ самъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ готовился къ борьбѣ съ „врагами“ Церкви. Этотъ разсказъ обличаетъ въ немъ крайнее невѣжество. Онъ началъ собирать книги и разсортировывать ихъ. По его опредѣленію, книги оказались: „злыми“, „бѣсовскими“, „скверными“, „революціонными“, „масонскими“. Прежде всего Фотій вступаетъ въ борьбу съ мистиками, и особенно съ Лабзинымъ. Онъ ходилъ по всему городу, „возвысилъ гласъ свой и вопль свой, яко трубу и яко городъ ходилъ всюду“. Это значитъ, что онъ являлся ко всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ съ доносами на мистиковъ. Фотій возсталъ противъ „злочестивыхъ собраній тайныхъ обществъ“. Олицетвореніемъ всякаго злочестія для Фотія явился прежде всего Лабзинъ, который въ его представленіи олицетворялъ собою „премудрость земную, бѣсовскую“, напр., Лабзинъ „прославлялъ магнетизмъ, сущее бѣсовское дѣло и упражненіе“; вообще Лабзинъ „самъ сущій апостолъ и пророкъ сатаны“. Какъ извѣстно, Лабзинъ, дѣйствительно, былъ удаленъ, но съ помощью Аракчеева.

Въ дѣятельности архимандрита Фотія имѣла большое значеніе его дружба съ графиней Анной Орловой-Чесменской. Это былъ очень подходящій матеріалъ для назиданій изувѣрнаго монаха. Первая бесѣда 28-лѣтняго „старца“ Фотія съ его будущей духовной дщерью была посвящена вопросу о томъ, какъ надо блюсти дѣвство. Дружба между Фотіемъ и графиней Орловой быстро упрочивалась. Фотія часто посѣщаютъ видѣнія, которыми онъ дѣлится съ графиней. Ему было также видѣніе и о томъ, что „дѣва ему предадеся вся“ и будетъ оружіе на діавола. Графиня Орлова дѣлается духовною дщерью

архимандрита Фотія. Тогда же Фотій успѣваетъ познакомиться съ княземъ Голицынымъ. Впрочемъ, митрополитъ Михаилъ не вполнѣ благосклонно смотрѣлъ на отношенія молодого „старца“ и его духовной дщери, особенно въ виду неблагопріятныхъ слуховъ объ обоихъ и даже сослалъ было Фотія въ Деревицкій монастырь. Но преемникъ митрополита Михаила, Серафимъ, уже извѣстный намъ своею дѣятельностью въ Библейскомъ обществѣ, приблизилъ къ себѣ Фотія и снова перевелъ его въ Петербургъ.

Это было время наибольшихъ успѣховъ Фотія. Онъ успѣлъ весьма подружиться съ княземъ Голицынымъ и держалъ съ нимъ „братство“. Въ одномъ письмѣ Фотій увѣрялъ даже князя Голицына въ томъ, что ему было видѣніе. Самъ Господь возложилъ десницу Свою на главу Голицына, „ибо ты кротокъ и добръ по сердцу“. Голицынъ доставилъ Фотію свиданіе съ государемъ, и результатъ этого свиданія выразился въ законѣ о воспрещеніи тайныхъ обществъ. Но уже предварительно Фотій велъ упорную борьбу съ г-жою Крюднеръ, „женкой зловѣрія“, и съ Татариновой, съ „жабами, клокотавшими во время оно“, какъ характеризуетъ ихъ Фотій.

Фотій, наконецъ, былъ сдѣланъ архимандритомъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря. Графиня Анна Орлова купила себѣ имѣніе за баснословную цѣну вблизи самаго монастыря. Теперь уже „старецъ“ и духовная дщерь могли видѣться, не боясь соглядатаевъ. „Сердце и душа ея были едино съ нимъ“, говоритъ Фотій въ своей автобіографіи; равнымъ образомъ и „вся ея благая быша яко общее съ нимъ“. Въ Москвѣ духовная дщерь и ея отецъ проводятъ „дни и нощи“; огромное состояніе графини шло на удовлетвореніе различныхъ прихотей юрьевскаго архимандрита. Монастырь утопалъ въ роскоши; одна архимандричья митра обошлась графинѣ въ 100.000 рублей. Фотій украшалъ монастырь, пріобрѣталъ для него имущество, а себя украшалъ богатыми одеждами.

Впрочемъ, жизнь архимандрита въ монастырѣ не обошлась безъ нѣкоторыхъ скандалезныхъ эпизодовъ: таковы его отношенія къ другой духовной дщери, фигуранткѣ петербургскихъ театровъ инокинѣ Фотинѣ.

Таковъ былъ новый соратникъ Магницкаго и Аракчеева. Къ нимъ присталъ митрополитъ Серафимъ, а въ лицѣ добродушнаго и недалекаго адмирала Шишкова найденъ былъ союзникъ, въ честность котораго безусловно вѣрилъ Александръ I.

Внѣшній предлогъ для открытой борьбы возникъ по слѣдующему поводу. Баварскій проповѣдникъ Госнеръ, бывшій тогда въ Петербургѣ и пользовавшійся большимъ вниманіемъ среди петербургскихъ мистиковъ, издалъ книгу о подражаніи Христу. Въ Петербургѣ нашелся переводчикъ этой книги, умершій, впрочемъ, до окончанія своего перевода. Тогда за дѣло изданія книги на русскомъ языкѣ взялись другія лица и между прочимъ покровительствуемый Голицынымъ директоръ департамента Поповъ. Магницкій узналъ о печатаніи книги и о томъ, что она получила разрѣшеніе на печатаніе отъ министерства, и досталъ корректурные листы ея. Вся клика тотчасъ же забила тревогу. По объясненію Фотія, книга Госнера было „паролемъ“ тайныхъ обществъ противъ царствъ. Фотій выискивалъ отдѣльныя фразы въ книгѣ и давалъ имъ свои собственные комментаріи. Вотъ образчикъ его инквизиторской критики. Въ книгѣ находится фраза: „Се тайна послѣднихъ временъ, тайна великая“. Фотій объясняетъ это мѣсто такъ: „Скрывайте все до времени, молчите“. Между тѣмъ книга Госнера представляла собою обыкновенное мистическое сочиненіе.

Врагамъ Голицына удалось смутить императора Александра I. Онъ поручилъ Шишкову сдѣлать разборъ книги. Разборъ Шишкова отличался тѣмъ же колоритомъ, что и критика Фотія. Вотъ образецъ Шишковской критики. Въ книгѣ Госнера встрѣчается фраза: „Развѣ съ именемъ Христа не можемъ преодолѣть и стереть

главу змія?“ Шишковъ въ недоумѣньи: „Кто сей змій, противъ котораго крѣпки мы сами собою? Такой скрытной языкъ, умышленно ли онъ, или нѣтъ, не подаетъ ли поводъ злонамѣреннымъ людямъ почерпать изъ сего двусмысленнаго иносказанія совсѣмъ иное заключеніе?“ Или Госнеръ говоритъ объ Иродѣ: „Иродъ помышлялъ сіе“ и т. д. Шишковъ въ тревогѣ: „Но почему же, указуя на тѣ времена, говорить такъ, какъ будто бы нынѣшніе цари были Ироды?“

Однако государь былъ въ колебаніи. Тогда Фотій пишетъ посланіе къ государю; это общій доносъ. Отъ Господа Фотій узналъ о готовящейся революціи. Ему было видѣніе: ангелъ разогнулъ книги и услышанъ былъ гласъ: „Зри и разумѣй“. И эта книга оказалась Госнеровской. Господь открылъ тайну Фотію: „Знай, о великій царь, что Господь все мнѣ открывалъ прежде, все впередъ откроетъ: никакой бѣды не будетъ, если ты послушаешь Господа, черезъ меня тебѣ глаголющаго“.

Всѣ эти происки были сшиты настолько бѣлыми нитками, что не могли поколебать окончательно довѣрія государя къ Голицыну. Митрополитъ Серафимъ самъ исхлопоталъ аудіенцію у государя, настоятельно требовалъ закрытія Библейскаго общества, прекращенія переводовъ священнаго писанія на русскій языкъ и удаленія князя Голицына; Фотій также имѣлъ свиданія съ государемъ.

Наконецъ враги Голицына прибѣгли къ послѣдней мѣрѣ—Фотій зазвалъ князя Голицына въ домъ графини Орловой и здѣсь потребовалъ отъ него отреченія отъ его заблужденій. Князь Голицынъ вспылилъ, тогда Фотій произнесъ надъ нимъ анаѳему, немедленно санкціонированную митрополитомъ Серафимомъ. Въ городѣ немедленно обо всемъ этомъ узнали. Получился грандіозный скандалъ: ревностный сынъ православной Церкви, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода и министръ духовныхъ дѣлъ, оказался отлученнымъ отъ Церкви.

апрель 1824

Между тѣмъ 29 апрѣля 1824 года Фотій пишетъ новое посланіе государю. Ему было видѣніе, и Господь открылъ Фотію враговъ государя—это князь Голицынъ, Руничъ, Поповъ, архимандритъ Ѳеофилъ, Фонь-Фокъ, начальникъ тайной полиціи. „Какъ пособить? молился я Господу“, пишетъ Фотій, „и вотъ что мнѣ открыто: Библейское общество уничтожить, министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, Синоду быть попрежнему, изгнать Госнера“ и проч. „Провидѣніе Божіе теперь ничего болѣе дѣлать не открыло“, скромно замѣчаетъ авторъ письма.

Несомнѣнно, Александръ I хорошо оцѣнилъ гнусность поступковъ Фотія и Магницкаго, но онъ не могъ удержать Голицына вслѣдствіе происшедшаго скандала; кромѣ того, въ ту пору Александръ I имѣлъ уже свѣдѣнія о тайныхъ обществахъ, такъ что указанія на политическую роль Библейскаго общества для него имѣли устрашающее значеніе. Этимъ и объясняется рѣшеніе государя: Голицынъ былъ удаленъ, министерство духовныхъ дѣлъ уничтожено, но министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ Шишковъ. Всѣ мечтанія Магницкаго были разбиты. Государь, видимо, охладѣлъ и къ Фотію. Этимъ и кончилась роль Магницкаго, Шишковъ его также не любилъ. Аракчееву не было нужды поддерживать опаснаго честолюбца послѣ того, какъ онъ сыгралъ свою роль. Вскорѣ была даже назначена ревизія Казанскаго университета, и уже въ первое время Николаевскаго правленія дѣятельность Магницкаго по казанскому учебному округу подверглась жестокой критикѣ со стороны генерала Желтухина; Магницкій оказался причастнымъ къ казеннымъ суммамъ, отпускаемымъ на постройку казенныхъ зданій, почему Николаемъ I былъ удаленъ съ своего мѣста и высланъ изъ столицъ.

Легко догадаться, какая программа могла выйти изъ-подъ пера такого министра, какъ Шишковъ. „Тишина царствуетъ повсюду,—говорилъ онъ,—что же еще нужно Россіи“. Шишковъ былъ глубоко увѣренъ, что зло ре-

волюціи широко охватило русскую школу, особенно университетъ, и въ первой же докладной запискѣ просилъ государя дать ему всѣ способы „къ тихому и скромному“ потушенію зла, и для этого разрѣшить ему обуздать развратъ въ книгахъ. Шишковъ ставилъ девизомъ своего министерства, что просвѣщеніе, не основанное на вѣрѣ и вѣрности къ государю и отечеству, есть мракъ и заблужденіе. Какъ понималъ свою задачу Шишковъ, видно хотя бы изъ того, что онъ былъ противъ перевода священнаго писанія на русскій языкъ. Такъ, въ извѣстномъ катихизисѣ митрополита Филарета, изданномъ по порученію государя, находились изъясненія славянскихъ текстовъ по-русски. Шишковъ возсталъ и противъ этого катихизиса, требуя и его запрещенія. Даже митрополитъ Серафимъ былъ смущенъ ревностью о вѣрѣ новаго министра и въ поискахъ за возраженіями указывалъ Шишкову и Аракчееву, что Синодомъ затрачены деньги на отпечатаніе новаго изданія катихизиса. Шишковъ былъ серьезно увѣренъ, что нельзя измѣнять словъ заповѣдей Господнихъ, ибо это слова, „исшедшія изъ устъ Божіихъ“. Онъ не могъ себѣ представить текстовъ священнаго писанія, переведенныхъ на русскій языкъ. Если сказать „Се женихъ грядетъ во полунощи“, то Шишковъ представлялъ себѣ грядущаго Христа, но если сказать: „Вотъ женихъ идетъ“, тутъ нѣтъ Христа.

До смерти Александра I Шишковъ успѣлъ мало проявить свою дѣятельность, онъ успѣлъ только составить проектъ цензурнаго устава, прошедшаго потомъ при Николаѣ I.

Это былъ самый жестокій и самый многорѣчивый уставъ среди русскихъ цензурныхъ уставовъ. Шишковъ былъ увѣренъ, что его уставъ не можетъ стѣснять свободы и дарованія писателя, но только служитъ обузданіемъ своевольныхъ и неосновательныхъ мыслей...

Таковъ финальный аккордъ Александровскаго царствованія.

Прилагаемъ списокъ наиболѣе важныхъ сочиненій и статей, трактующихъ о второй половинѣ царствованія императора Александра I.

Изъ сочиненій, охватывающихъ всю эпоху, укажемъ:

Богдановичъ. Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Сочиненія автора исторіи отечественной войны 1812 года. VI томовъ. СПБ., 1869—1871 г.

Н. К. Шильдеръ. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. IV тома. Изданіе Суворина. СПБ. 1898 г.

А. Н. Пыпинъ. Общественное движеніе при императорѣ Александрѣ I. 2 изданія.

Дубровинъ. Русская жизнь въ первой четв. XIX стол., статьи въ „Русск. Стар.", 1896—1902 г.

Наиболѣе важными статьями объ Аракчеевѣ являются: **Ратчъ,** Свѣдѣнія о графѣ А. А. Аракчеевѣ. СПБ., 1864 г. (Изъ „Военнаго Сборника"). Статья **Карцева** о военныхъ поселеніяхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1891 г., №№ 2, 3, 4. **Богословскій,** Аракчеевщина. СПБ., 1882 г. О Грузинскомъ хозяйствѣ Аракчеева, статья **Отто,** „Древняя и новая Россія", 1875 г., кн. 1, 2, 3. Матеріалы для новѣйшей русской исторіи. Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г. Разсказы и воспоминанія очевидцевъ. СПБ., 1870 г. Записки Мартоса въ „Русскомъ Архивѣ", 1893 г. **А. Г. Слезкинскій,** Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831—1893 г. Рядъ матеріаловъ по исторіи военныхъ поселеній помѣщенъ въ „Новгородскомъ Статистическомъ Сборникѣ", издававшемся Богословскимъ. Изъ многочисленныхъ статей, помѣщавшихся въ историческихъ журналахъ, укажемъ лишь на нѣкоторыя: **Александровъ,** О военныхъ поселеніяхъ, „Русскій Архивъ", 1873 г. Разсказы доктора **Европеуса,** „Историческій Вѣстникъ", 1887 г., сентябрь. Времена военныхъ поселеній (изъ разсказовъ бывшаго военнаго поселянина). И. П. Можайскаго, „Историческій Вѣстникъ", 1886 г., августъ. Эпизодъ изъ бунта военныхъ поселянъ въ 1831 г., И. Поддубнаго, тамъ же, 1883 г., августъ. Воспоминанія очевидца о бунтѣ военныхъ по-

селянъ въ 1831 г. П. Павлова, 1893 г., мартъ. Разсказы **Европеуса** въ „Русской Старинѣ“, 1872 г. См. въ томъ же журналѣ статьи, 1885 г., январь, ноябрь.

О литературныхъ направленіяхъ эпохи существуетъ спеціальная обширная литература. Сдѣлаемъ нѣсколько наиболѣе необходимыхъ указаній: **А. П. Пятковскій,** Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Монографіи и критическія статьи. Въ двухъ томахъ. СПБ., 1876 г. **Н. Н. Буличъ.** Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX в. СПБ. **А. М. Скабичевскій.** Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). СПБ., 1892 г. **Пыпинъ.** Исторія русской литературы. **Весинъ,** Очерки исторіи русской журналистики XX годовъ. СПБ., 1881 г. Записка Карамзина напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“, 1870 г. Кромѣ обширной монографіи Погодина о Карамзинѣ, укажемъ на его же статьи въ „Вѣстникѣ Европы“, 1866 г., томы 2, 4, 11. О **Шишковѣ** можно найти у **Кочубинскаго,** Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ графъ Румянцевъ. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. Одесса, 1887—1888 г. Въ „Историческихъ сочиненіяхъ“ **В. Стоюнина,** ч. I., СПБ. 1880 г. Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова. Изданіе Киселева и Самарина, Берлинъ, 1870 г.

Біографія Магницкаго написана **Ѳеоктистовымъ.** (Первоначально помѣщена въ „матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“, СПБ. 1866 г.). Очень важной книгой, характеризующей направленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія и дѣятельность Магницкаго, является сочиненіе академика **Сухомлинова,** Историческія изслѣдованія и статьи, СПБ. Кромѣ того, о Магницкомъ см. статьи въ „Русской Старинѣ“, 1874 г., октябрь, 1875 г., ноябрь, „Русскій Архивъ“, 1864—1867 г. Девятнадцатый вѣкъ Бартенева, выпускъ I „Русскій Архивъ“, 1876 г., томъ II, 1877 г., томъ II, 1880 г., томъ III, „Вѣстникъ Европы“, 1867 г. (Воспоминанія Панаева). О князѣ Голицынѣ, см. разсказы Голицына, „Русская Старина“, 1884 г., томъ 41; Записки Стурдзы, „Русская Старина“, 1876 г., февраль. Записки Греча.

О Библейскомъ Обществѣ: **Пыпинъ,** Россійское Библейское Общество, „Вѣстникъ Европы“, 1868 г., томы 4, 5, 6. **Чистовичъ,** Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Комиссія духовныхъ училищъ. СПБ. 1894 г. Объ архимандритѣ Фотіи, см. статью **Миропольскаго,** Фотій Спасскій, юрьевскій архимандритъ, историко-біографическій очеркъ, „Вѣстникъ Европы“, 1878 г. ноябрь, декабрь, и многочисленныя статьи въ „Русской Старинѣ“ и „Историческомъ Вѣстникѣ“.

Исторія университетовъ за данный періодъ хорошо представлена. Кромѣ устарѣвшей исторіи Московскаго университета покойнаго

Шевырева, имѣются: **Н. Булича.** Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, часть 1 и 2, Казань, 1887—1891. **Н. П. Загоскина.** Исторія Казанскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія, 1804—1904 г. Вышло три тома. Казань, 1903 г. **Д. И. Багалѣя.** Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Вышло два тома. По исторіи низшихъ школъ см. **В. В. Калашъ.** Очерки по исторіи школы и просвѣщенія. Москва, 1902 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Русскій государственный строй въ освѣщеніи декабристовъ.

Покорны вѣрному ярму
Сердца не чувствуютъ несчастья
И умъ не вѣруетъ ему.
Я видѣлъ рабскую Россію:
Передъ святыней алтаря,
Гремя цѣпями, склонивши выю,
Она молилась за царя.

Языковъ.

Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей
Съ свирѣпой радостью я вижу!
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народа;
Ты ужасъ міра, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу и землѣ.

Пушкинъ.

I.

Настроеніе либеральной части общества.—Критика общей правительственной политики и государственнаго строя.

Въ эпоху реакціи общественная мысль казалась покрытой густымъ мракомъ. Но такое впечатлѣніе она производила только на поверхностнаго наблюдателя. Русское общество въ нѣдрахъ своихъ хранило еще достаточно общественно-здоровыхъ организмовъ. Эта часть общества глубоко возмущалась реакціоннымъ направленіемъ правительства. Она критиковала его дѣйствія, слѣдя за ними шагъ за шагомъ. Она съ сердечной болью воспринимала всякое реакціонное дѣйствіе правительства. Первоначально либерально настроенная часть общества не вполнѣ ясно понимала поворотъ назадъ, сдѣланный Аракчеевскимъ режимомъ. Такой поворотъ казался ей немыслимымъ послѣ либеральныхъ заявленій и начинаній перваго десятилѣтія Александровскаго царствованія; ей казалось немыслимымъ итти назадъ, даже не итти впередъ въ то время, когда вся либеральная Европа добивалась участія народа въ государственныхъ дѣлахъ. Но когда усиленный рядъ репрессій, планомѣрность реакціонной политики окончательно раскрыли печальную картину реакціи, эта часть общества, побуждаемая высокимъ сознаніемъ гражданскаго долга, принялась за работу. Эта работа сначала выразилась въ созданіи тайныхъ обществъ, а потомъ и въ революціи. Революція оказалась неудавшейся для поднявшихъ знамя свободы. Но она не была случайнымъ явленіемъ. Напротивъ, это была серьезная задача, зрѣло обдуманная.

Человѣкъ вступаетъ въ борьбу съ правительственной властью или берется за оружіе, конечно, строго взвѣсивъ мотивы такого риска. Декабристы въ теченіе многихъ лѣтъ обсуждали правительственную политику во всѣхъ ея проявленіяхъ; и общій итогъ ихъ размышленій привелъ ихъ на Сенатскую площадь и собралъ роты въ Васильковѣ. Обстоятельства показали, что дѣло не было достаточно хорошо приготовлено, и побѣда осталась не за ними. Однако съ точки зрѣнія исторической подготовительная работа, проходившая въ рядахъ декабристовъ, представляетъ огромный интересъ. Интересъ этотъ представляется прежде всего въ той критикѣ правительственныхъ дѣйствій и всего государственнаго механизма, которую представили декабристы.

Важно отмѣтить, что каждый новый шагъ реакціи поднималъ недовольство въ средѣ общества, и наиболѣе отзывчивые его члены порывались къ дѣйствію. „Чѣмъ сильнѣе дѣйствовала реакція,—говоритъ декабристъ Бѣляевъ,—тѣмъ неудержимѣе было въ умахъ противодѣйствіе. Особенно это замѣтно было въ гвардіи, гдѣ недовольныхъ было множество, да иначе и быть не могло, потому что недовольныхъ составляли почти всѣ мыслящіе, образованные люди, которые не могли не видѣть всѣхъ безобразій тогдашняго порядка вещей“ [1]).

Въ болѣе яркомъ видѣ ту же мысль проводитъ декабристъ Якубовичъ въ своемъ письмѣ изъ крѣпости къ Николаю I: „Недовольныхъ, или карбонаріевъ, въ природѣ человѣка и порядкѣ вещей нѣтъ; правительство ихъ созидаетъ; оно несправедливостями и притѣсненіями, малымъ попеченіемъ о благосостояніи своихъ подданныхъ или медленнымъ слѣдованіемъ за ходомъ народнаго образованія, не вникая въ духъ времени, не давая полезнаго направленія кипучимъ страстямъ юношества, порождаетъ сіи пагубныя идеи, которыя, какъ нравствен-

[1]) Бѣляевъ. Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ. „Р. Ст.“ 1881 г., мартъ, 490.

ная эпидемія, разливаясь по государству, заражаютъ воображеніе каждаго и прежде, нежели доведутъ до общихъ пользъ, истребятся тысячи лучшихъ гражданъ, добродѣтельнѣйшіе государи содѣлаются лютыми тиранами; и тутъ-то совершится навсегда раздѣленіе трона отъ народа, а горе той отчизнѣ, гдѣ произойдетъ сіе раздѣленіе“ [1]).

Общество не могло забыть тѣхъ надеждъ, осуществленіе коихъ казалось столь близкимъ даже въ исходѣ либеральныхъ годовъ царствованія. Показанія и письма къ императору Николаю Павловичу декабристовъ отражаютъ въ себѣ горечь разочарованія и рѣзкую, но справедливую критику истекшаго царствованія. Вотъ, напр., въ какихъ словахъ характеризуетъ Александръ Бестужевъ происшедшую перемѣну въ политикѣ, разбитыя надежды и горечь разочарованія: „Начало царствованія императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостоянія Россіи. Дворянство отдохнуло, купечество не жаловалось на кредитъ, войска служили безъ труда, ученые учились, чему хотѣли, всѣ говорили, что думали, и всѣ по многому хорошему ждали еще лучшаго. Къ несчастію, обстоятельства до того не допустили, и надежды состарѣлись безъ исполненія. Неудачная война 1807 г. и другія много стоящія разстроили финансы, но того еще не замѣчали въ приготовленіяхъ къ войнѣ отечественной. Наконецъ Наполеонъ вторгся въ Россію, и тогда-то народъ русскій впервые ощутилъ свою силу, тогда-то пробудилось во всѣхъ сердцахъ чувство независимости, сперва политической, а впослѣдствіи и народной. Вотъ начало свободомыслія въ Россіи. Правительство само произнесло слова: „Свобода, освобожденіе!“ Само разсѣвало сочиненія о злоупотребленіи неограниченной власти Наполеона, и коихъ русскаго монарха огласилъ берега Рейна и Сены. Еще война длилась,

[1]) Письмо къ государю въ дѣлѣ № 470.

когда ратники, возвратясь въ домъ, первые разнесли ропотъ въ классѣ народа. „Мы проливали кровь,—говорили они,—а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа“. Войска отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ, сравненіе со своимъ естественно произвело вопросъ, почему же не такъ у насъ? Сначала, покуда говорили о томъ безпрепятственно, это расходилось на вѣтеръ, ибо умъ, какъ порохъ, опасенъ только сжатый. Лучъ надежды, что государь императоръ дастъ конституцію, какъ онъ то упомянулъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, и попытка нѣкоторыхъ генераловъ освободить рабовъ своихъ, еще ласкали многихъ. Но съ 1817 г. все перемѣнилось. Люди, видѣвшіе худое, или желавшіе лучшаго, отъ множества шпіоновъ принуждены стали разговаривать скрытно—и вотъ начало тайныхъ обществъ. Притѣсненіе начальствомъ заслуженныхъ офицеровъ разгорало умы. Предпочтеніе нѣмецкихъ фамилій передъ русскими обижало народную гордость. Тогда-то стали говорить военные: „Для того ль освободили мы Европу, чтобы наложить цѣпи на себя? Для того ль дали конституцію Франціи, чтобы не смѣть говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы насъ унижали дома? Уничтоженіе нормальныхъ школъ и гоненіе на просвѣщеніе заставило думать, въ безнадежности, о важнѣйшихъ мѣрахъ. А какъ ропотъ народа, отъ истощенія и злоупотребленія земскихъ и гражданскихъ властей происшедшій, грозилъ кровавою революціею, то общества вознамѣрились отвратить меньшимъ зломъ большее и начать свои дѣйствія при первомъ удобномъ случаѣ“ [1]).

Баронъ Штейнгель приходитъ въ отчаяніе отъ одной мысли о томъ, что новое царствованіе будетъ повтореніемъ предыдущаго, какъ это было объявлено въ высочай-

---

[1]) Письмо къ императору Николаю Павловичу. Дѣло 470.

шемъ манифестѣ. Онъ пишетъ горячее письмо изъ тюрьмы къ императору Николаю I, детально разсматривая недостатки предыдущаго царствованія, и умоляетъ новаго государя вступить на путь реформъ. „Въ высочайшемъ манифестѣ о восшествіи вашемъ на престолъ,—говорится въ началѣ этого письма,—какъ бы въ утѣшеніе народа, сказано, что ваше царствованіе будетъ продолженіемъ предыдущаго. О, государь, ужели сокрыто отъ васъ, что эта самая мысль страшила всѣхъ, и что одна только общая увѣренность въ непремѣнной перемѣнѣ порядка вещей говорила въ пользу цесаревича". Указавъ на личныя качества императора Александра I, на его способность привлекать къ себѣ симпатіи людей, баронъ Штейнгель обращается къ тому непостижимому противорѣчію, которое при столь блестящихъ личныхъ качествахъ монарха сдѣлало его царствованіе пагубнымъ для Россіи. Средніе и низшіе классы народа были въ недоумѣніи и, встрѣчая радушно государя роптали на распоряженія правительства; народный ропотъ искалъ виновниковъ въ министрахъ. Но тѣ, кои просвѣщеннѣе, смотрѣли и разсуждали иначе" [1]).

Подполковникъ Поджіо, касаясь въ своихъ показаніяхъ того же вопроса, останавливается на несоотвѣтствіи внѣшней политики государства, ставшаго тогда, благодаря побѣдамъ солдатъ, на первое мѣсто въ Европѣ, съ внутреннимъ положеніемъ Россіи и отношеніемъ къ нему правительства. „Послѣ трехлѣтнихъ компаній Россія, хотя и увѣнчанная славой, хотя и получившая въ политическомъ отношеніи первостепенное мѣсто въ Европѣ, однакожъ, относительно гражданскаго ея положенію, являла еще черты большія своего изнеможенія. Слѣды опустошительные громадъ Наполеона, какъ-то: сожженіе Москвы, понесеніе убытковъ дворянствомъ, купечествомъ, а болѣе еще крестьянъ, утратившихъ все

[1]) Письмо напечатано въ „Общественныхъ движеніяхъ", т. I, стр. 475—476.

движимое ихъ имущество,—однимъ словомъ, всѣхъ сословій, усилія и пожертвованія всякаго рода къ предохраненію престола и чести народной отъ покушеній вторгнувшагося врага въ нѣдра Россіи,—все сіе казалось достаточнымъ къ обращенію вниманія на то нашего правительства. Духъ завоеваній, исчезнувшій съ паденіемъ Наполеона, не усматривалъ нужды въ увеличеніи войска; ожидали мира, отдохновенія, съ нимъ уменьшенія налоговъ и улучшенія всѣхъ гражданскихъ отраслей правленія, вотъ какъ говорили мы о надеждахъ Россіи; вотъ къ чему приписывали потомъ ропотъ и какъ толковали о немъ, чтобы убѣждать себя въ необходимости прибѣгнуть къ тѣмъ беззаконнымъ средствамъ, кои мы избрали къ достиженію нашей цѣли". Охарактеризовавъ многія стороны тогдашней политики, Поджіо приходитъ къ тому печальному выводу, что въ Россіи власть сдѣлалась чуждою „въ отношеніи ея гражданскаго образованія". Онъ прямо заявляетъ Слѣдственному Комитету, что „вольнодумства не было въ Россіи внѣ общества нашего, но былъ ропотъ". „Но какое разстояніе,—говоритъ онъ далѣе,—одно отъ другого. Ропотъ, въ особенности при духѣ народа нашего, есть моленіе лучшаго и всего. Вольнодумство кичится, подымается и все ниспровергаетъ. Первое, конечно, получаетъ большую степень отъ степени образованія народа; второе есть дѣйствіе страстей, которыя и среди необразованія могутъ имѣть свои начала въ людяхъ, не умѣющихъ обуздывать себя среди волненій первыхъ" [1]).

Въ столь же мрачномъ свѣтѣ представлялось положеніе вещей братьямъ Бестужевымъ, Александру и Николаю. Первый въ своемъ письмѣ къ императору пишетъ: „Солдаты роптали на истому ученьями, чисткою, караулами; офицеры—на скудость жалованья и непомѣрную строгость. Матросы—на черную работу, удвоенную по злоупотребле-

---

1) Показанія Поджіо.

нію, морскіе офицеры—на бездѣйствіе. Люди съ дарованіями жаловались, что имъ заграждаютъ дорогу по службѣ, требуя лишь безмолвной покорности, ученые—на то, что имъ не даютъ учить, молодежь—на препятствія въ ученіи. Словомъ, во всѣхъ углахъ видѣлись недовольныя лица, на улицахъ пожимали плечами, вездѣ шептались, всѣ говорили: „Къ чему это приведетъ?“ Всѣ элементы были въ броженіи. Одно лишь правительство беззаботно дремало на волканѣ, однѣ судебныя мѣста блаженствовали, ибо только для нихъ Россія была обѣтованною землею. Лихоимство ихъ возрасло до неслыханной степени безстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни, и только возвышеніе цѣны взятокъ отличало вышнія мѣста, такъ что въ столицѣ подъ глазами блюстителей производился явный торгъ правосудіемъ. Хорошо еще платить бы за дѣло, а то брали, водили и ничего не дѣлали“ [1]).

Его братъ Николай въ своемъ показаніи смотритъ на вещи не менѣе мрачно: „Ропотъ всѣхъ гражданскихъ сословій россійскаго государства, удрученіе земледѣльческаго состоянія налогами и особенно въ послѣднее время подставами и дорогами, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекращеніе многихъ способовъ къ обращенію внутренней промышленности, притѣсненіе внутренней торговли послѣднимъ Гаявдейскимъ постановленіемъ, недостатокъ кредита для внѣшней торговли, недостатокъ финансовъ, пренебреженіе во многихъ случаяхъ дворянскихъ сословій, наконецъ, строгость, съ которою управлялись военныя поселенія и неудовольствіе войска,—все это вмѣстѣ подавало поводъ думать, что когда-нибудь неминуемо должно случиться великому государственному потрясенію, ежели останутся тѣ же распоряженія“ [2]).

Декабристы не только давали общія характеристики, или общія указанія, на необходимыя реформы, но въ ихъ показаніяхъ и позднѣйшихъ запискахъ можно найти

[1]) Письмо въ дѣлѣ № 470.

[2]) Показанія Николая Бестужева.

детальное обоснованіе ихъ мнѣній и наблюденій. У нихъ можно найти отвѣтъ подробный и дѣльный на всѣ затрогиваемые ими вопросы. Мы познакомимся съ тѣмъ, какъ смотрѣли декабристы на различныя стороны тогдашняго положенія государства.

Многіе изъ нихъ прежде всего отмѣчаютъ сильное паденіе популярности императора Александра I и возрастающее къ нему и къ его политикѣ недовѣріе въ обществѣ. Генералъ фонъ-Визинъ въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ, что пока русскіе патріоты могли еще надѣяться на преобразованія, которыя бы вышли отъ самого Александра I, они готовы были всѣми силами содѣйствовать правительству. Но когда послѣ конгрессовъ всѣ убѣдились въ тщетности такихъ надеждъ, то „совершенно охладѣли къ нему“ [1]). Какъ велико было недовѣріе къ императору, можетъ свидѣтельствовать слѣдующее мнѣніе Каховскаго: „Покойный императоръ,— писалъ П. Каховскій,—объѣзжая области, встрѣчалъ повсюду радость и привѣтствіе, но были ли они искренни? Клянусь Богомъ, нѣтъ! Александръ зналъ, что его всегда и вездѣ обманываютъ. При частыхъ его путешествіяхъ по Россіи губернская администрація употребляла всѣ средства, чтобы скрыть отъ государя положеніе населенія. Въ нѣкоторыхъ городахъ передъ пріѣздомъ императора цѣлыя улицы обносились высокими заборами, чтобы скрыть за ними развалившіяся лачуги бѣдныхъ жителей. Полиція употребляла всѣ мѣры къ тому, чтобы не допускать населеніе къ подачѣ прошеній“ [2]).

Несимпатичныя личныя черты императора прежде всего выражались въ суровомъ и странномъ полицейскомъ режимѣ. Батеньковъ возмущается заведеннымъ императоромъ шпіонствомъ, отъ котораго не былъ избавленъ даже всесильный графъ Аракчеевъ. „Квар-

[1]) Записка въ „Общественныхъ Движеніяхъ“, стр. 183.

[2]) Письмо Каховскаго къ государю, Дубровинъ, Послѣ Отечественной Войны. „Р. Ст.“, 1903 г., декабрь, стр. 482.

тальные,—разсказываетъ онъ,—слѣдили за каждымъ шагомъ всемогущаго графа". По словамъ Батенькова, императоръ Александръ „не почиталъ никого противъ себя чистымъ и безгрѣшнымъ, а потому попускалъ и терпѣлъ всякаго рода епитиміи, лишь бы не прямо самому произвольно налагать ихъ; таковъ былъ нравъ его". Вообще Батеньковъ утверждаетъ, что „тяжесть двухъ послѣднихъ годовъ царствованія Александра I превосходила все, что мы когда-либо воображали о желѣзномъ вѣкѣ. Гнетъ дѣйствовалъ пропорціонально его европейской славѣ. Всѣ подведены были уже подъ одинъ уровень невозмутимаго безсилія и всѣ зависѣли отъ многочисленныхъ тайныхъ полицій" [1]).

Императоръ Александръ I весь отдался внѣшней политикѣ. Среди своихъ союзниковъ покоритель Европы игралъ первенствующую роль. Но декабристы отмѣчали во внѣшней политикѣ несоотвѣтствіе ея съ интересами государства и съ желаніями народа. Россія съ ея массою войска стала на стражѣ тьмы и реакціи въ Западной Европѣ. Русскія войска двигались въ защиту интересовъ западно-европейскихъ государей, солдаты гибли тысячами, экономическія средства страны истощались, рекрутскіе наборы отягощали страну. Въ мирное время приходилось держать огромную армію. Подполковникъ Поджіо въ мѣткихъ штрихахъ даетъ оцѣнку этой безцѣльной и вредной политикѣ. И эта оцѣнка непреувеличенная: подъ ней долженъ подписаться самый благосклонный къ императору Александру I историкъ. Съ точки зрѣнія Поджіо, напрасно Россія двинула въ 1815 году огромную армію, даже гвардію. „Вновь рекрутскій наборъ, вновь издержки, увлекающія за собой всякое приготовленіе къ походамъ дальнимъ и къ войнѣ". Эти сборы были излишними, потому что достаточно было силъ болѣе заинтересованныхъ Англіи и Франціи для того, чтобы разрушить замыслы

1) Шильдеръ, „Императоръ Николай I", т. I, стр. 164.

Наполеона. Поджіо одобряетъ присоединеніе къ Россіи Польши просто потому, что этимъ положена преграда, по его мнѣнію, дальнѣйшимъ распрямъ между двумя сосѣдними народами. Но дарованіе Польшѣ конституціи было обставлено обидными для русскаго національнаго чувства условіями. „Въ рѣчи, произнесенной при дарованіи ей конституціи, есть слова, оскорбительныя для духа народнаго нашего". Въ средѣ русскихъ дарованіе Польшѣ конституціи вызвало „ревность". Въ обществѣ готовы были многое приписывать увлеченію иностранной политикой,—„всѣ мѣры, несообразныя съ пользою государства, какъ-то: увеличиваніе войска, поѣздки частыя покойнаго государя на конгрессы". „Правительство наше,— говоритъ онъ далѣе, — обративши все свое вниманіе къ дѣламъ политики внѣшней, симъ самимъ и увлекало вниманіе и нами. Здѣсь усматривалъ каждый участіе правительства нашего въ принятіи мѣръ къ сопротивленію распространенія духа переобразованія". Вообще увлеченіе государя внѣшней политикой производило непріятное впечатлѣніе.

„Не мы одни говорили о долговременномъ отсутствіи покойнаго государя; было весьма много и истинно благомыслящихъ людей, кои вздыхали по долгому пребыванію его въ Троппау и Лайбахѣ и кои усматривали съ горестью, что внѣшнія дѣла политическія, вовсе до Россіи не касавшіяся, отклоняли государя отъ внутренняго управленія Россіи, и что всѣ дѣла, а въ особенности гражданскія, производились съ величайшею медленностію; усматривали также не мы одни, сколько сія политика обременяла Россію налогами, ибо для поддержанія сей политики покойный государь объявилъ на конгрессѣ, что многочисленность его войска не имѣетъ другой цѣли, какъ предохраненіе прочихъ государствъ отъ возмущеній внутреннихъ".

Русскихъ оскорбляло „явное господство и вліяніе Вѣнскаго кабинета надъ нашимъ". Между тѣмъ величай-

шій изъ политиковъ того времени, Меттернихъ, какъ всѣмъ хорошо было извѣстно, оказывалъ сопротивленіе присоединенію Польши къ Россіи. Вѣнскій же кабинетъ отклонялъ Россію отъ поддержки возставшихъ грековъ, что вполнѣ соотвѣтствовало бы традиціонной русской политикѣ. Въ Россіи надѣялись, что русское правительство поддержитъ грековъ и воспользуется замѣшательствомъ Турціи. Между тѣмъ правительство понуждаетъ Францію усмирять освободительное движеніе въ Испаніи [1]).

Поджіо вѣрно замѣтилъ, что русская политика относительно Польши и Греціи весьма возмущала тогдашнее общество. По отношенію къ Польшѣ въ Россіи чувствовали именно ревность—иначе нельзя назвать этого чувства. Съ одной стороны, въ пріобрѣтеніи Польши тогда видѣли вознагражденіе, результатъ военныхъ успѣховъ. Съ другой стороны, въ введеніи конституціи въ Польшѣ видѣли вызовъ, брошенный русскому обществу: Россія какъ будто не была сочтена достойной пріобщиться къ благамъ свободы. Вѣсть о возстановленіи Польши, разсказываетъ генералъ М. Ѳ. Орловъ, „горестно меня поразила, ибо я всегда почиталъ, что сіе возстановленіе будетъ истиннымъ несчастіемъ для Россіи“ [2]), очевидно, исходя изъ соображеній чисто политическаго характера. По словамъ позднѣйшихъ записокъ Завалишина, дарованіе конституціи Польшѣ, „почитаемой за непримиримаго врага Россіи, побѣжденной и завоеванной Польшѣ, прежде нежели она была дана побѣдительницѣ ея самой Россіи“, вселило искру сомнѣнія и недовѣрія къ правительству. Этотъ правительственный шагъ готовы были истолковать какъ тонкій расчетъ на популярность Александра I въ Европѣ. Дарованіе конституціи Польшѣ сопровождалось еще слухами объ отдѣленіи отъ Россіи Литвы и о присоединеніи ея къ Польшѣ [3]). Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ

1) Показанія Поджіо.

2) Показанія М. Ѳ. Орлова.

3) Записки декабриста Д. И. Завалишина, т. I, стр. 191—192.

слуховъ, въ кружкѣ декабристовъ, собравшемся въ Москвѣ, въ 1818 году, происходили первые разговоры о цареубійствѣ. Тогда въ Москвѣ были Якушкинъ, Александръ и Никита Муравьевы, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы, князь Шаховской и другіе. Въ этомъ желаніи государя, о которомъ сообщало въ Москву письмо князя Трубецкого изъ Петербурга, собравшіеся готовы были видѣть сложный планъ: въ полякахъ Александръ I хотѣлъ найти опору при сопротивленіи Россіи, если онъ его встрѣтитъ при введеніи военныхъ поселеній. Собравшіеся провели нѣсколько вечеровъ въ очень возбужденномъ состояніи, и Якушкинъ даже вызвался убить государя. Какъ бы общество ни объясняло русскую политику относительно Польши, понимало ли оно ее широко или близоруко, но во всякомъ случаѣ ясно одно, что эта политика была крайне непопулярна.

То же надо сказать и о русской политикѣ относительно грековъ и южныхъ славянъ. „Единовѣрные намъ греки,—писалъ Каховскій изъ тюрьмы императору Николаю I,—нѣсколько разъ возбуждаемые нашимъ правительствомъ противъ тиранства магометанскаго, тонутъ въ крови своей; цѣлая нація истребляется, и человѣколюбивый союзъ равнодушно смотритъ на гибель человѣчества. Сербы, вѣрные наши союзники, стонутъ подъ игомъ безчеловѣчія турецкаго. Черногорцы, не дающіе никому войскъ своихъ, столь усердно намъ служившіе во время кампаніи флота нашего въ Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ адмирала Сенявина, забыты, покинуты на произволъ судьбы. Одинаковое чувство одушевляетъ всѣ народы Европы, и сколь ни утѣснено оно, но убить его невозможно. Сжатый порохъ сильнѣе дѣйствуетъ“ [1]).

По словамъ Завалишина, внѣшняя политика Россіи признавалась прямою измѣной народу въ пользу поляковъ и нѣмцевъ. „Всѣ говорили,—пишетъ онъ,—о про-

[1]) Щеголевъ, Петръ Григорьевичъ Каховскій. „Былое“, 1906 г., январь, стр. 151.

тиворѣчіяхъ, въ которыхъ запуталось правительство въ дѣлѣ грековъ, когда, дозволивъ было вначалѣ даже выставить кружки при церквахъ для сбора подаяній въ помощь имъ, оно оставило однако, по вліянію, какъ говорили, Меттерниха, безъ поддержки этихъ самыхъ грековъ, къ которымъ обращалось тогда сочувствіе Россіи заодно со всѣмъ, что только было либеральнаго въ Европѣ“ [1]).

Итакъ, одни злорадствовали, видя, какъ русская политика запуталась, другіе были возбуждаемы состраданіемъ къ единовѣрнымъ грекамъ. Послѣднихъ было больше, особенно среди молодежи. „Болѣе всего воспламеняло молодежь,—пишетъ Лореръ,—извѣстіе о возстаніи Греціи. Всѣ были увѣрены, что государь подастъ руку помощи единовѣрцамъ и что двинутъ наши арміи въ Молдавію. Но политика Меттерниха, преобладая въ европейскихъ кабинетахъ, молчала, а общество, между тѣмъ, не переставало высказывать свое сочувствіе къ несчастнымъ угнетеннымъ. Многіе офицеры гвардіи стали проситься въ полки арміи, думая тѣмъ приблизиться къ имѣющемуся въ виду походу на помощь грекамъ“. Нѣкоторые и ушли самовольно въ Грецію [2]). Баронъ Штейнгель въ своемъ письмѣ къ императору Николаю также отмѣчаетъ это настроеніе общества: „Греки оставлены своей судьбѣ. Связь единовѣрства, восемь вѣковъ нерушимо существовавшая, которой всегда страшилась Порта и опасалась Европа, вдругъ разрушена“ [3]).

Уже въ послѣднемъ замѣчаніи барона Штейнгеля видно, что декабристы взвѣшивали не одни чувства къ угнетенному народу; они учитывали и международныя послѣдствія такой политики. Поджіо, въ своей характеристикѣ внѣшней политики, вспоминаетъ, что греки пользовались покровительствомъ русскаго двора со временъ Екатерины II. Вѣнскій кабинетъ сталъ между гре-

[1]) Записки декабриста Д. И. Завалишина, т. I, стр. 194.
[2]) Изъ записокъ декабриста. „Рус. Богатство“, 1904 г., № 3, стр. 68.
[3]) „Общественныя Движенія“, стр. 487.

ками и Россіею. Между тѣмъ греческое возстаніе привело въ упадокъ русскую торговлю, и скорое приведеніе греческихъ дѣлъ въ порядокъ могло бы привести южную торговлю въ цвѣтущее состояніе [1]). Кромѣ этихъ политическихъ и экономическихъ причинъ, которыя дѣлали такую политику не національною, была и еще одна, о которой говоритъ Лунинъ: „Тайное общество отстаивало независимость грековъ, покинутыхъ почти всѣми европейскими государствами; оно подняло голосъ противъ рабства и торга русскими, несовмѣстимо съ Божьими и человѣческими законами" [2]).

Внутренняя политика правительства подвергалась во всѣхъ отношеніяхъ суровому и справедливому осужденію.

Прежде всего не сбылись надежды тѣхъ, которые мечтали объ устроеніи внутреннихъ дѣлъ, какъ только государство избавится отъ внѣшнихъ враговъ. „Въ 1812 году,—писалъ Каховскій;—нужны были неимовѣрныя усилія, и народъ радостно несъ все въ жертву для спасенія отечества. Война кончена благополучно, монархъ, украшенный славой, возвратился. Европа склонила передъ нимъ колѣна, но народъ, содѣйствовавшій его славѣ, получилъ ли какую льготу? — Нѣтъ" [3]). Уже послѣ Тильзитскаго мира Россія заняла самостоятельное положеніе. „Эпоха самостоятельности настала,—говоритъ Трубецкой,—оставалось только вкусить плоды такого положенія" [4]).

Между тѣмъ дѣйствительность говорила другое. Правительство отдѣлило себя отъ народа и какъ бы готово было способствовать его бѣдности и невѣжеству. „Правитель-

---

[1]) Показаніе Поджіо.

[2]) Взглядъ на тайное общество въ Россіи. „Полярная Звѣзда", 1859 г., № 5, стр. 233.

[3]) Изъ письма къ Николаю I, Дубровинъ, „Р. Ст.", 1905 г., январь, стр. 24.

[4]) Тамъ же, стр. 25.

ство,—характеризуетъ эту сторону его политики баронъ Штейнгель въ письмѣ къ государю,—отдѣляло себя отъ государства и, казалось, вѣрило, что оно можетъ быть богато и сильно, хотя всѣ сословія государственныя и особенно народъ въ изнеможеніи. Правительство имѣло, кажется, правиломъ, что развратнымъ и бѣднымъ народомъ легче и надежнѣе управлять, нежели имѣющимъ гражданскія добродѣтели и въ довольствѣ живущимъ, а потому не прислушивалось къ народному мнѣнію, не входило въ его нужды: повелѣвало и требовало безусловнаго повиновенія, хотя бы отъ того все разорилось" [1]).

Правительственная политика отличалась непостоянствомъ и „въ управленіи государствомъ,—говоритъ онъ же,—не было никакого положительнаго, твердаго плана".—„Правительство считало все прежнее худымъ; многое начинало вновь, отмѣняло и, вообще, ничего не докончило, все разстроило". Въ самомъ дѣлѣ, сначала его дѣятельность отмѣчена періодомъ либерализма и филантропіи; потомъ періодъ мистицизма и, наконецъ, противныхъ мнѣній и дѣйствій тому и другому" [2]).

Эта печальная общая картина распадалась на рядъ столь же грустныхъ частностей. Предпочитая все иностранное всему русскому, императоръ Александръ I охотно поддерживалъ иностранцевъ и привлекалъ ихъ на службу въ Россію. Эти иностранцы не всегда соотвѣтствовали тому отвѣтственному положенію, которое они занимали въ государствѣ, а предпочтеніе ихъ русскимъ людямъ оскорбляло въ нихъ національное чувство. Оцѣнку такой политики мы находимъ въ письмѣ Каховскаго къ государю. „Далекъ я,—писалъ онъ,—чтобы оправдывать лѣность, нерадѣніе, безпечность дворянства русскаго. Но со всѣмъ тѣмъ нельзя не замѣтить, что тому причиной явное предпочтеніе, даваемое прави-

[1]) „Общественныя Движенія", 484.

[2]) Письмо въ „Общественныхъ Движеніяхъ", стр. 476 и 489.

тельствомъ всѣмъ иностранцамъ безъ разбора. На этотъ разъ я укажу только на корпусъ инженеровъ водяной коммуникаціи. Такъ, всѣ офицеры, перешедшіе къ намъ изъ иностранной службы, находятся на жалованьи огромномъ, но пользы отъ нихъ мало или, лучше сказать, нѣтъ никакой. Всѣ работы производятся инженерами русскими; когда же были употреблены иностранцы,— вездѣ работы были неуспѣшны до того, что графъ Воронцовъ принужденъ былъ для работъ въ Одессу просить именно инженеровъ русскихъ. Иностранцы хорошіе теоретики, но что мѣшаетъ отправлять нашихъ русскихъ молодыхъ офицеровъ вояжировать. Они могли бы наблюдать работы, учиться и быть собственностью отечества. Издержки для того не превышали бы теперешнихъ издержекъ на жалованье иностранцевъ... Мнѣ мало извѣстны способности государственныхъ людей, но, какъ ревностному сыну отечества, простительно надѣяться, что у насъ, конечно, нашлись бы русскіе замѣстить мѣста государственныя, которыми теперь обладаютъ иностранцы. Очень натурально, что такое обладаніе обижаетъ честолюбіе русскихъ, и народъ теряетъ къ правительству довѣренность“ [1]).

Вмѣсто ожидаемыхъ реформъ во внутреннемъ управленіи, во главѣ правительства является Аракчеевъ, и начинается періодъ тяжелаго деспотизма временщика. Конечно, среди декабристовъ мы встрѣчаемъ должную оцѣнку такого явленія. Для декабристовъ казалось непонятнымъ столь сильное вліяніе на Александра грубаго гатчинскаго капрала. „Про себя скажу откровенно,—пишетъ въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ Лореръ,—что я не былъ ни якобинцемъ ни республиканцемъ, это не въ моемъ характерѣ, но съ самой юности я ненавидѣлъ всѣ строгія начальственныя мѣры. Я мечталъ часто о монархической конституціи и былъ преданъ императору Александру,

[1]) Дубровинъ, „Р. Ст.“, 1904 г., январь, стр. 8—9.

какъ человѣку, хотя многіе изъ членовъ такъ же, какъ и я, негодовали на него за то, что онъ въ послѣднее время, усталый отъ дѣлъ государственныхъ, передалъ почти все управленіе Аракчееву, этому деспоту необузданному" [1]). Съ фигурой Аракчеева неразрывно связаны и фигуры его соратниковъ — Магницкаго и Рунича. Самая „безнадежность для внутренняго развитія" представлялась въ господствѣ этихъ лицъ. „Всѣ уже,—пишетъ Завалишинъ, — даже самые преданные государю люди, возмущались и не таили своего негодованія, видя униженіе и раболѣпство предъ временщикомъ, доходившее до крайности, и слыша, какъ важныя даже лица не только пресмыкались предъ самимъ Аракчеевымъ, но и льстили грубой его наложницѣ. Сами духовные въ лицѣ Фотія (архимандрита Новгородскаго Юрьевскаго монастыря) унижали значеніе религіи своимъ отношеніемъ къ Аракчееву" [2]). И Якушкинъ въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ съ горечью вспоминаетъ, что ожесточеніе противъ императора шло параллельно возрастающему могуществу Аракчеева. Графъ Аракчеевъ явно управлялъ государствомъ. Члены государственнаго совѣта и министры относились къ нему по повелѣнію императора въ большей части случаевъ, гдѣ требовалось высочайшее разрѣшеніе [3]).

Отношеніе декабристовъ къ Аракчееву общеизвѣстно. Оно отлилось въ знаменитомъ посланіи Рылѣева „къ временщику". Оно имѣетъ подзаголовокъ: „Подражаніе Персіевой сатирѣ къ Рубеллію", но, конечно, въ немъ легко было узнать Аракчеева. Это посланіе является однимъ изъ раннихъ произведеній Рылѣева (1820 г.) и написано имъ еще до вступленія въ тайное Общество. Стихотвореніе начинается такимъ обращеніемъ къ временщику:

„Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,

---

1) Изъ записокъ декабриста, „Р. Богатство", 1904 г., мартъ, стр. 72.
2) Записки декабриста Завалишина, т. I, стр. 194.
3) Записки, стр. 33.

Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!"

Выражая свое полное презрѣніе къ подлому временщику, поэтъ напоминаетъ ему времена Рима:

„Тиранъ, вострепещи! Родиться можетъ онъ:
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!"

Поэтъ собирается прославить на своей лирѣ того, кто поразитъ тирана. Если не родится теперь мститель, то тирана ждетъ судъ потомства:

„Какъ ни притворствуешь и какъ ты ни хитришь,
Но свойства злобныя души не утаишь:
Твои дѣла тебя изобличатъ народу;
Познаетъ онъ, что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временникъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,
Все трепещи, тиранъ! За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство!"

Эта ода произвела на современниковъ огромное впечатлѣніе. Вызовъ былъ прямо брошенъ ненавистному временщику, шагъ былъ чрезвычайно смѣлый, который могъ имѣть весьма плохой конецъ для автора посланія. Николай Бестужевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ характеризуетъ впечатлѣніе, произведенное сатирой на современное общество. „Въ сатирѣ на временщика, — говоритъ онъ, — открывается все презрѣніе къ почестямъ и власти Аракчеева. Въ томъ положеніи, въ какомъ была и есть Россія, никто еще не достигалъ столь высокой степени силы и власти, какъ Аракчеевъ. Этотъ вельможа, подъ личиной скромности, устраняя всякую власть, одинъ, незримый никѣмъ, безъ всякой явной должности, въ тайнѣ кабинета, вращалъ всею тяжестью дѣлъ государственныхъ, и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ

отрасли правленія. Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависѣло бы или оставалось неизвѣстно сему невидимому Протею-министру, политику, царедворцу; не было мѣста, куда бы не проникъ его хитрый подсмотръ; не было происшествія, которое не отозвалось бы въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ. Малые угнетались средними, средніе—большими, сіи—еще высшими; но надъ тѣми и другими притѣснителями, равно какъ и надъ притѣсненными, была одна гроза: временщикъ. Одни карались за угнетеніе, другіе—за жалобы. Все государство трепетало подъ желѣзною рукою любимца-правителя. Никто не смѣлъ жаловаться. Едва возникалъ малѣйшій ропотъ и навѣчно исчезалъ въ пустыняхъ Сибири или въ смрадныхъ склепахъ крѣпости.

„Въ такомъ положеніи была Россія, когда Рылѣевъ громко и всенародно вызвалъ временщика на судъ истины; когда назвалъ его дѣянія, опредѣлилъ имъ цѣну и смѣло предалъ проклятію потомства слѣпую или умышленную покорность вельможи для правленія отечества. Нельзя представить изумленія, ужаса, даже можно сказать оцѣпенѣнія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему; но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно. Туча пронеслась мимо, оковы оцѣпенѣнія мало-по-малу расторглисъ, и глухой шопотъ одобренія былъ наградой юнаго, правдиваго поэта“ [1]).

Рылѣевъ и его ближайшіе друзья—цвѣтъ тогдашней интеллигенціи. Но Аракчеевщина вызывала то же чувство горести и среди рядовыхъ декабристовъ. Мы можемъ указатѣ еще на одинъ чрезвычайно любопытный

[1]) „Девятнадцатый вѣкъ“ Бартенева, 338—339.

фактъ, на стихотвореніе, характеризующее въ очень мрачныхъ чертахъ личность Аракчеева. Насколько намъ извѣстно, объ этомъ произведеніи до сихъ поръ не появлялось свѣдѣній въ печати. Къ дѣлу о декабристахъ былъ привлеченъ подпоручикъ Путята, незадолго передъ революціей отставленный отъ службы во 2 егерскомъ полку. Онъ имѣлъ очень слабое отношеніе къ декабристамъ, виновность его въ точности установлена не была и потому Путята безъ суда былъ отправленъ унтеръ-офицеромъ въ Кавказскій корпусъ. Въ бумагахъ Путяты было найдено стихотворное сочиненіе „Дни моего отчаянія". По объясненію автора, данному имъ наслѣдствіи, это стихотвореніе было написано имъ вслѣдствіе огорченій по службѣ. Такъ какъ это объясненіе было дано для того, чтобы выгородить себя изъподъ суда, то, конечно, въ искренности его можно усомниться. Къ слѣдственному дѣлу приложена выписка нѣсколькихъ мѣстъ этого произведенія Путяты, въ которыхъ очень не трудно узнать, въ кого мѣтилъ авторъ его и какими чувствами онъ былъ преисполненъ.

Авторъ преисполненъ чувства злобы и горитъ мщеніемъ:

„Сквозь тьму отчаянья пробьюся,
И чувства мщенью посвящу;
Превыше злобы вознесуся,
Въ жестокость сердце обращу.
Пребуду врагъ къ себѣ подобнымъ,
Надѣну варварства вѣнецъ,
Пускай я буду вѣкъ подлецъ...
Но больше средствъ нѣтъ быть спокойнымъ.
Я прежде зрѣлъ съ прискорбнымъ окомъ
На тѣнь коварства злыхъ людей;
И мнѣ служило то урокомъ,
Урокъ ужъ вытвердилъ я сей,
Теперь остался долгъ послѣдній".

Въ довольно неуклюжихъ стихахъ авторъ пытается изложить волнующее его чувство. Онъ готовъ „во всемъ

имъ подражать“ (т.-е. представителямъ силы и власти), но только для того, чтобы не упустить минуты мщенія:

„Изъ виду то не упускать,
Что только въ мірѣ есть презрѣнный
Источникъ лютости жестокой!“

Очевидно, для мщенія поэтъ готовъ сдѣлаться „питомцемъ“ этой самой „жестокой лютости“, онъ готовъ заставить свою душу „изгибаться“. Но это трудно:

„Я чувствую, какъ будто адъ
Разлился въ нѣдрахъ нервъ моихъ“.

Эти чувства такъ мучатъ автора, что онъ самъ готовъ отдаться „злу“ или погасить въ себѣ человѣческую природу, „забыть Бога и жить съ звѣрями наравнѣ“. Онъ обращается къ „злу“ съ мольбою:

„Открой и мнѣ ты тотъ секретъ,
Какими должно ползть стезями,
Чтобъ быть въ сравненьи съ подлецами,
Которыми исполненъ свѣтъ“.

Въ дальнѣйшемъ авторъ раскрываетъ основной мотивъ своей тяжелой думы:

„Когда нощная тьма покроетъ
Завѣсой мрачной видъ вселенной,
Ко сну главу свою преклонитъ
Тиранъ, владыка, мужъ надменный:
Тогда отчаянья пѣвецъ
Сидитъ и, павши въ размышленья,
Онъ мнитъ: быть добрымъ—нѣтъ терпѣнья,
Бороться съ мыслей, наконецъ.
То зло его обуреваетъ,
То свойство доброе влекетъ,
Съ чѣмъ быть согласну онъ не знаетъ
И лишь въ порывѣ чувствъ вздохнетъ.
О, чувство горести ужасно!
Твой щитъ—отчаянье одно,
Когда тиранамъ суждено
Карать невластныхъ самовластно“.

Тиранъ, о которомъ говоритъ авторъ произведенія, къ которому онъ пылаетъ мщеніемъ, это, несомнѣнно,

всесильный Аракчеевъ. Вотъ окончаніе имѣющейся въ дѣлѣ выписки изъ „Дней моего отчаянія“, характеризующее весь Аракчеевскій режимъ:

„Тебя въ примѣръ я поставляю,
Уполномоченный злодѣй!
Твои дѣла изображаю:
Ты врагъ отчизны, льстецъ царей,
Ты бичъ столь славнаго народа,
Ты самый ядовитый змѣй,
Не человѣкъ, а чародѣй.
Тобой гнушается природа:
Она извѣстна, что коварный
Сего ты времени подлецъ.
Самолюбивый и тщеславный,
Рушитель благъ, ты общихъ льстецъ!
Ты адъ въ самомъ себѣ вмѣщаешь,
Твоя душа, какъ ты черна,
Однимъ невѣжествомъ полна,
Кое ты пользой называешь.
Взгляни на пользу твоихъ дѣлъ:
Чьи разорилъ селенья ты,
Лишилъ того, что кто имѣлъ,
И сдѣлалъ жертвой нищеты?
Привелъ народъ въ подобострастья,
Открылъ жестокости слѣды.
Какіе же съ того плоды?
Лишь только всѣмъ одни несчастья“ [1]).

Поэзія Путяты не высокаго достоинства; но для насъ интересна здѣсь не форма, а чувства, которыми былъ одушевленъ авторъ. Для насъ тутъ интересно, что такими чувствами, такимъ пониманіемъ Аракчеевскаго режима обладалъ человѣкъ, имѣвшій весьма слабое отношеніе къ декабристамъ. Это обстоятельство указываетъ на то, что пониманіе современнаго порядка вещей не было привилегіею наиболѣе образованныхъ дѣятелей декабрьской революціи: аналогичными чувствами проникалась вся тогдашняя либеральная среда.

[1]) Дѣло подпоручика Путяты.

Теперь обратимся къ другимъ сторонамъ дѣятельности тогдашняго правительства.

Съ именемъ Аракчеева неразрывно связано устройство военныхъ поселеній. Жестокость, проявленная имъ при усмиреніи бунтовъ среди новопоселенцевъ, приводила въ содроганіе современниковъ. „Извѣстіе о новгородскихъ происшествіяхъ привели всѣхъ въ ужасъ", вспоминаетъ Якушкинъ объ этихъ усмиреніяхъ, но онъ же высказываетъ и здравую мысль: при своемъ развитіи военныя поселенія составятъ касту съ оружіемъ въ рукахъ, не имѣющую ничего общаго съ остальнымъ населеніемъ Россіи [1]).

Введеніе поселеній сопровождалось насиліями, какъ нравственными, такъ и физическими. „Насильственная система,—говоритъ баронъ Штейнгель,—такъ называемаго водворенія поселеній, принята была съ изумленіемъ и ропотомъ". Всѣ состоянія, въ томъ числѣ и крестьяне, послѣ утомительныхъ войнъ ожидали спокойствія. Но вдругъ врываются въ поселенія мирныхъ земледѣльцевъ, и старинный прадѣдовскій бытъ совершенно видоизмѣняется. Военныя поселенія не облегчаютъ военной службы: послѣдняго проще было бы достигнуть убавленіемъ срока [2]).

Подполковникъ Батеньковъ самъ служилъ въ военныхъ поселеніяхъ при графѣ Аракчеевѣ. Это человѣкъ наблюдательный, вдумчивый, который оставилъ много полезныхъ слѣдовъ въ своей административной дѣятельности въ Сибири. Лучшей характеристикой для него служитъ тотъ фактъ, что онъ былъ близкимъ сотрудникомъ Сперанскаго по устройству управленія въ Сибири. Аракчеевъ гордился тѣмъ, что военныя поселенія мало стоятъ правительству. Александръ I былъ очень доволенъ этимъ. Между тѣмъ Батеньковъ сообщаетъ слѣдующую любопытную историческую справку о томъ, какъ составля-

1) Записки, стр. 12—13.

2) „Общественныя движенія", стр. 482—483.

лись въ управленіи военныхъ поселеній отчеты. Эту справку не безынтересно привести: „Въ военныхъ поселеніяхъ, — пишетъ онъ въ письмѣ государю, — считается экономически составившихся свыше двадцати милліоновъ рублей. Я самъ писалъ краткій отчетъ, въ которомъ доказывалъ, что поселенія сіи не только не стоятъ государству ни копейки, но, прикрывъ всѣ издержки, на нихъ употребленныя, имѣютъ собственный свой огромный капиталъ. Въ существѣ не такъ. Военныя поселенія стоятъ очень много: суммами, землями, лѣсами, работою и народомъ. Ежели сдѣлать правильную оцѣнку всѣхъ пожертвованій, то, конечно, пятипроцентнымъ доходомъ съ употребленнаго капитала на неоконченное еще водвореніе какого-нибудь полка гренадерской дивизіи можно было бы навѣки обезпечить содержаніе сего полка во всѣхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ самая цѣль населенія обѣщаетъ одно продовольствіе провіантомъ. Огромный же капиталъ составился, большею частью, отъ снисхожденія провіантскаго и комиссаріатскаго департаментовъ и другими средствами, кои въ крайнемъ результатѣ составляли налогъ на государство“ [1]).

Тотъ же Батеньковъ не разъ касался военныхъ поселеній въ своихъ разговорахъ съ сотоварищами. По словамъ Николая Бестужева, Батеньковъ говорилъ ему о военныхъ поселеніяхъ, что „до сихъ поръ они не принесли государству никакой пользы, но что надѣется оной впредь и что если бы не такъ поспѣшно и не такъ сурово съ ними поступали, то, конечно, не было бы тѣхъ неудовольствій и того ропота, которые теперь возрасли до невѣроятности, такъ что онъ опасается какихъ-нибудь движеній“ [2]). Вообще на этого знатока военныхъ поселеній они производили тяжелое впечатлѣніе. По словамъ Батенькова, „зрѣлище военныхъ поселеній и

[1]) Письмо Батенькова въ дѣлѣ № 11.
[2]) Показанія Николая Бестужева.

Западной Сибири, угнетаемой самовольнымъ и губительнымъ управленіемъ, общее неустройство, общія жалобы, бѣдность, упадокъ и стѣсненіе торговли, ученія и самыхъ чувствъ возвышенныхъ, неосновательность и бездѣйствіе законовъ, несуществованіе истинной полиціи: все располагало, съ одной стороны, не любить существующій порядокъ, а съ другой — думать, что революція близка и неизбѣжна“ [1]).

Бѣдственное положеніе военныхъ поселеній, недовольство въ нихъ населенія были предметомъ зоркаго наблюденія за ними со стороны декабристовъ: отсюда они могли всегда ожидать помощи. Князь С. П. Трубецкой, въ своихъ запискахъ передаетъ намъ сужденія членовъ общества о военныхъ поселеніяхъ. „Пріучивъ поселянъ, — говорили они,—съ малолѣтства къ отправленію военной службы, представится возможность держать войско съ меньшими отягощеніями народа, уничтоживъ частные рекрутскіе наборы; но, съ другой стороны, оно образуетъ въ государствѣ особую касту, которая, не имѣя съ народомъ ничего общаго, можетъ сдѣлаться орудіемъ угнетенія. Эта каста, составляя особую силу, которой ничто въ государствѣ противостоять не можетъ, сама будетъ въ повиновеніи безусловномъ у нѣсколькихъ лицъ, а можетъ случиться, что и у одного; и если это будетъ искусный честолюбецъ, то онъ легко можетъ, пріобрѣтя любовь подчиненныхъ, обольстить ихъ и сдѣлать изъ нихъ орудіе своего честолюбія. Сверхъ того ненавистный начальникъ можетъ быть причиною возстанія ввѣренной ему части, и тогда какая возможность къ усмиренію озлобленныхъ, имѣющихъ средство къ отпору силы силою. Кто можетъ поручиться, что небольшое даже неудовольствіе не породитъ бунта, который, вспыхнувъ въ одномъ полку, быстро распространится въ цѣломъ округѣ поселенія, и можно ли предви-

---

[1]) Показанія Батенькова.

дѣть, чѣмъ кончится такое возстаніе многихъ полковъ вмѣстѣ“ [1]).

Отраженіемъ этихъ надеждъ и разговоровъ является анонимная записка, помѣченная 30 октября 1825 года и озаглавленная: „Состояніе военнаго поселенія въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ“. Записка составлена неизвѣстнымъ намъ членомъ тайнаго общества, который о себѣ говоритъ, что онъ служитъ въ военныхъ поселеніяхъ уже семь лѣтъ. Авторъ заявляетъ, что онъ принятъ въ члены тайнаго общества многихъ членовъ, „людей съ большими способностями“. Изъ числа принятыхъ авторомъ 37-ми человѣкъ, два генерала, два полковыхъ командира, одинъ подполковникъ, три майора, и т. д. Судя по этимъ указаніямъ, авторомъ этой записки является одинъ изъ увлекающихся членовъ, можетъ-быть, Лихаревъ [2]), Вадковскій или графъ Булгари. Во всякомъ случаѣ для насъ интересно, что авторъ свидѣтельствуетъ о большомъ возбужденіи противъ правительства не только поселянъ, но и офицеровъ. „Вообще негодованіе какъ генералитета, такъ и штабъ-и оберъ-офицеровъ съ нижними чинами въ высшей степени“, заявляетъ авторъ. Онъ увѣряетъ, что можно поднять до шестидесяти тысячъ человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ. „Стоитъ только схватить удобную минуту, и все готово встать, но только не противъ Россіи, а противъ деспотизма“ [3]).

Вслѣдъ за военными поселеніями строгой критикѣ подвергались и другія общія мѣры правительственной политики. Мы знаемъ уже, что эти мѣры заключались въ поддержкѣ мистицизма, потомъ въ гоненіи на него, въ гоненіи на науку, просвѣщеніе, печать. Баронъ Штейнгель весьма ядовито упрекаетъ Александровское правительство, отмѣчаетъ увлеченіе высшихъ сферъ ми-

---

1) Дубровинъ, „Р. Ст.“, 1904 г., апрѣль, стр. 14—15.

2) Лихаревъ, дѣйствительно, писалъ для тайнаго общества докладъ о военныхъ поселеніяхъ, что и призналъ на слѣдствіи (дѣла Лихарева).

3) Дѣло № 470,

стикой, и потомъ вдругъ открывшееся гоненіе на просвѣщеніе. „Достопочтенный министръ просвѣщенія,—говоритъ онъ о Шишковѣ,—между тѣмъ въ рѣчи своей открылъ намѣреніе правительства остановить успѣхи превратнаго просвѣщенія“ [1]). Николай Бестужевъ въ своихъ показаніяхъ вспоминаетъ о строгомъ наказаніи, которымъ подверглись университетскіе профессора, о стѣснительности цензуры и о безплодности всѣхъ этихъ мѣръ сдержать общественную мысль. „Распространеніе просвѣщенія и образованія, давая средства людямъ читать, сравнивать и замѣчать, необходимо должно было приводить ихъ къ понятіямъ о правахъ каждаго и общихъ политическихъ правилахъ, на которыхъ благосостояніе государствъ основано, и хотя въ послѣднее время царствованія государя Александра Павловича строгость, съ которою поступлено было съ гг. профессорами, преподававшими въ университетахъ, и вмѣстѣ строгость цензуры клонилась къ прекращенію нѣкоторыхъ политическихъ идей, принадлежащихъ XIX столѣтію, но не менѣе того идеи сіи еще скорѣе распространились отъ преслѣдованія, и тѣ изъ молодыхъ людей, которые не имѣли понятія о книгахъ гг. Куницына и Арсеньева, старались имѣть ихъ и читать“ [2]).

Баронъ Штейнгель возмущается скандаломъ, который произошелъ вслѣдствіе удаленія князя Голицына и торжества извѣстнаго Фотія. Онъ указываетъ на постоянное колебаніе въ цензурномъ вѣдомствѣ, которое то запрещаетъ книгу и караетъ пропустившихъ ее цензоровъ, то вдругъ разрѣшаетъ ее же къ печатанію. Скандалъ дошелъ до того, что вдругъ даже катихизисъ Филарета подвергся запрещенію [3]).

Отъ декабристовъ не ускользнуло основное назначеніе тогдашней цензуры—тайной полиціи мысли. „Строгая

[1]) „Общественныя движенія“, стр. 486 и 489.

[2]) Показанія Н. Бестужева.

[3]) „Общественныя движенія“, стр. 488.

цензура,—говоритъ въ своемъ письмѣ къ государю Каховскій,—со всѣми способами полиціи и таможни никакъ и нигдѣ не можетъ остановить ни ввоза книгъ ни внутреннихъ сочиненій. И стоитъ только какое сочиненіе запретить, то оно сдѣлается для всѣхъ интереснымъ и даже писанное разойдется по рукамъ. Во Франціи запретится книга—и въ самомъ скоромъ времени въ Россіи она явится. Размноженное шпіонство доказываетъ лишь слабость правительства, и что они сами чувствуютъ, сколь они неправы передъ народомъ. Посредствомъ шпіонства прекращаются толки и осужденія. Мѣры берутся противъ мѣръ и утончаются способы скрывать желанія, дѣйствія и надежды“ [1]),

Нѣкоторыхъ декабристовъ просто возмущалъ произволъ цензоровъ. Вильгельмъ Кюхельбекеръ, примкнувшій къ обществу въ самое послѣднее время, литераторъ по всему складу своего ума, далекій отъ политики, выясняя слѣдственной комиссіи причины, побудившія его стать въ ряды заговорщиковъ, говоритъ между прочимъ: „Другою причиною моего неудовольствія настоящимъ положеніемъ дѣлъ было крайнее стѣсненіе, которое россійская словесность претерпѣвала въ послѣднее время, не въ силу цензурнаго устава, но, какъ полагалъ я, отъ самоуправства цензоровъ. Считаю долгомъ объяснить, что сіе до невѣроятія тягостное стѣсненіе породило рукописную словесность, весьма вредную для нравовъ и религіи, и опасную, можетъ быть, и для правительства“ [2]).

Администраціи какъ высшей, такъ и низшей посвящено много краснорѣчивыхъ страницъ въ письмахъ, показаніяхъ и запискахъ декабристовъ.

Критика административнаго зданія распадается на нѣсколько частностей. Декабристы указывали на неустройство центральной и мѣстной администраціи, на отсут-

[1]) Щеголевъ, Петръ Григорьевичъ Каховскій. „Былое“, 1906 г., январь, стр. 151.

[2]) Показанія В. Кюхельбекера.

ствіе руководящихъ началъ при изданіи законовъ, административныхъ распоряженій, на цѣлый рядъ неудачныхъ и разорительныхъ для народа мѣропріятій, предпринятыхъ въ области народнаго хозяйства. Всѣ эти недостатки государственнаго механизма сопровождаются бюрократическимъ произволомъ и полной безнаказанностью должностныхъ лицъ. Отсюда проистекало страшное безправіе личности, усиливавшееся еще отсутствіемъ какой-либо гарантіи въ законѣ.

Батеньковъ въ своемъ письмѣ къ государю отъ 28-го марта 1826 года заявляетъ, что онъ вынесъ одно общее убѣжденіе: „Проходя мысленно исторію внутренней нашей администраціи, я удостовѣрился, что она, не бывъ утверждена на политической свободѣ, не можетъ быть прочна и не можетъ достигать своего назначенія“ [1]). Какъ бы въ параллель этому замѣчанію, Якубовичъ въ своемъ письмѣ изъ каземата отъ 28 декабря 1825 года указываетъ на то, что правительство, пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ, находится въ антагонизмѣ съ народомъ. „Мнѣніе есть первая сила государей, оно соединяетъ и движетъ государство, служитъ охраной противу пороковъ всѣмъ гражданамъ. Но его въ Россіи нѣтъ, и власть старается, какъ нарочито, истреблять и зародыши общаго мнѣнія; слѣдствіями сего мы видимъ раздѣленіе въ понятіяхъ между государемъ и государствомъ, что должно быть единымъ“. При такомъ порядкѣ вещей, къ власти пробираются люди, проникнутые личными видами. „Не ревнители къ пользамъ общимъ ободряются,—говоритъ онъ,—но люди, готовые пожертвовать всѣми гражданами, дабы выслужиться у властей, доставляя временныя выгоды казнѣ, какъ будто изобиліе народа не есть богатство государя. Если политика необходима для внѣшности государства, то съ собственными подданными она итого нужнѣе. Ибо не всегда по законамъ механики

---

[1]) Дѣло № 11.

можно дѣйствовать одной силой рычага, умъ и сердце, съ его пороками и добродѣтелями,—вотъ пружины, которыми двигаютъ цѣлое правители народовъ“ [1]).

Общественное мнѣніе пренебрежено въ дѣлѣ внутренней политики. Все сосредоточено въ единомъ лицѣ государя. Но это внѣшнее единство ведетъ на практикѣ къ разнымъ случайностямъ, къ противорѣчіямъ въ законахъ, къ медленности въ производствѣ дѣлъ. „Въ Россіи три власти,—характеризуетъ Якубовичъ,—составляютъ неограниченную силу государя: 1) законодательная, 2) судная, 3) исполнительная. 1 (законодательная). Не введеніемъ полезныхъ законовъ и постояннымъ стремленіемъ къ одной цѣли дѣйствуетъ на государство, но безпрерывно новыми указами, отступленіями отъ своихъ системъ, только это затрудняетъ государственное управленіе, и своими же дѣйствіями разрушаетъ собственную силу. 2 (судная). Многочисленностью инстанцій, противорѣчіемъ указовъ по одному и тому же предмету, медленностью производства дѣлъ и худымъ выборомъ присутствующихъ производитъ, что не правосудіе, а лихоимство засѣдаетъ въ судилищахъ, гдѣ не защищается жизнь, честь и состояніе гражданина, но продаютъ за золото или другія выгоды пристрастныя рѣшенія. 3 (исполнительная). Дѣйствуетъ сильно, но не рѣшительно, и не всегда вѣрно“ [2]).

Батеньковъ разсматриваетъ образованіе въ Россіи высшихъ центральныхъ учрежденій и приходитъ къ выводу, что хорошія начала, заложенныя Петромъ Великимъ, съ теченіемъ времени въ нихъ перестали дѣйствовать, а реформы временъ Александра I повели не къ улучшенію, а къ ухудшенію. Учрежденіе Сената и коллегій было „одно изъ прочнѣйшихъ, и развито было въ практикѣ во всемъ пространствѣ“. Такъ было при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ. Но съ теченіемъ вре-

[1]) Дѣло № 470.
[2]) Дѣло № 470.

мени Сенатъ и коллегіи, „не бывъ поддерживаемы общимъ мнѣніемъ, начали клониться къ упадку". Въ Сенатъ стали попадать лица, готовыя на все соглашаться. „Мало-помалу Сенатъ впалъ въ полную зависимость генералъ-прокурора, Коллегіи висѣли на одномъ кредитѣ президентовъ. До насъ дошли, можно сказать, однѣ развалины сихъ, нѣкогда великихъ и почтенныхъ государственныхъ зданій". „Сенатъ, сіе хранилище законовъ, не зналъ ни о чемъ, и обращенъ былъ въ простую типографію, подчиненную каждому лицу въ кредитѣ. Онъ считаетъ величайшимъ подвигомъ, что осмѣлился одинъ разъ возразить на статью указа о почтовой таксѣ" [1]. Упадокъ Сената и Государственнаго Совѣта, какъ учрежденій, сильно замѣтенъ и по составу ихъ членовъ, отмѣчаетъ И. Каховскій. „Читая мнѣнія Сената и Совѣта,—говоритъ онъ въ письмѣ изъ крѣпости къ генералу Левашеву,—я нѣсколько познакомился съ сенаторами и совѣтниками государя. Къ сожалѣнію, мало между ними людей ясно видящихъ и способныхъ понимать здраво и обсуживать предметы. Большая часть изъ нихъ дурно знаетъ состояніе государства" [2].

Мало возлагаетъ надежды на совѣтниковъ новаго государя и баронъ Штейнгель. Онъ рисуетъ тяжелую картину разстройства государства и констатируетъ отсутствіе у кормила правленія людей съ умомъ и твердымъ характеромъ. „Такъ, государь!—пишетъ онъ.—Вамъ оставлено государство въ изнеможеніи, съ развращенными нравами и внутреннимъ разстройствомъ, съ истощающимися доходами, съ преувеличенными расходами, съ внѣшними долгами, и при всемъ томъ ни единаго мужа у кормила государственнаго, который бы съ извѣстнымъ глубокимъ умомъ, съ характеромъ твердымъ, соединяя полное и безошибочное свѣдѣніе о своемъ отечествѣ, питалъ къ нему любовь, себялюбіе превозмогающую,—

[1]) Дѣло № 11.

[2]) Дубровинъ, „Р. Ст.", 1904 годъ, мартъ, стр. 254.

словомъ, не одного мужа, на которомъ могла бы возлечь высочайшая ваша довѣренность въ великомъ дѣлѣ государственнаго управленія. Если присовокупить къ сему разлившійся неспокойный духъ съ неудовольствіемъ противъ правительства прежняго, съ родившеюся изъ того недовѣрчивостью къ будущему и, наконецъ, самую необходимость, въ коей вы нашлись опечалить многія семейства въ общихъ столицахъ, то, дѣйствительно, положеніе ваше, государь, весьма затруднительно“ [1]).

Особенно рѣзкія замѣчанія со стороны декабристовъ вызывало учрежденіе министерствъ и установившаяся въ нихъ практика. Бюрократизмъ, безотвѣтственность и всесиліе министровъ и подчиненныхъ имъ чиновниковъ сразу внѣдрился въ эти учрежденія. „Сіе учрежденіе,— говоритъ о министерствахъ Батеньковъ,—въ самомъ его существѣ исполнено важныхъ недостатковъ и явно составлено было на скорую руку. Кромѣ употребленія именованій, оно ни въ чемъ почти не приведено въ исполненіе, но, тѣмъ не менѣе, не бывъ надлежащимъ образомъ связано съ губернскимъ управленіемъ, мѣшало ему и само встрѣчало отъ него препятствія. Департаменты, выключая немногихъ, вовсе не приняли отдѣльнаго дѣйствія: директоры обратились въ секретарей, начальники отдѣленій—въ писцовъ, и вскорѣ вся администрація представила собою огромныя и праздныя канцеляріи министровъ. Сіи истинные въ наше время аристократы владѣли ввѣренными имъ частями, какъ бы удѣлами; смѣна или смерть одного министра производила новый раздѣлъ департаментовъ не по существу предметовъ, но по уваженію лицъ, и они тягались между собою какъ бы о правѣ на наслѣдіе“ [2]).

Баронъ Штейнгель отмѣчаетъ непостоянство въ государственномъ значенія личности министровъ. Въ началѣ царствованія министры были въ силѣ. Но потомъ послѣ-

[1]) „Общественныя движенія“, 493.
[2]) Письмо къ государю въ дѣлѣ № 11.

довали частныя перемѣны министровъ и вліяніе отдѣльныхъ лицъ [1]).

Батеньковъ въ своемъ письмѣ удивительно мѣтко оцѣнилъ Комитетъ Министровъ. Комитетъ прикрылъ безотвѣтственность министра. „Государь одинъ несъ на себѣ всю тяжесть ошибокъ и неустройства“. Комитетъ Министровъ образовался „къ довершенію неустройства“. „Ничего не можно было придумать лучше къ прикрытію всѣхъ безпорядковъ предъ государемъ и къ обнаженію одного лица его предъ народомъ“. Дѣятельность Комитета покрылась глубокою тайной; подъ предлогомъ простоты и скорости въ рѣшеніи дѣлъ, министры могли прикрыть всѣ свои упущенія и своевольства; все это прикрывало высочайшее соизволеніе на журналахъ Комитета Министровъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности министерскія канцеляріи дѣлали все, что хотѣли. Такъ, не получило осуществленія постановленіе при учрежденіи министерствъ объ отвѣтственности министровъ. „Въ Комитетѣ Министровъ,—картинно описываетъ Батеньковъ, — какъ на большой дорогѣ толпились всѣ неустройства, безпорядки и несправедливости“. Батеньковъ даетъ характеристику юридическихъ и фактическихъ послѣдствій учрежденія Комитета Министровъ; эти недостатки были присущи Комитету Министровъ въ теченіе почти столѣтія, до самаго момента его упраздненія. Установленіе Комитета, по мнѣнію Батенькова, имѣло три сложныя послѣдствія: 1) множество самыхъ мелочныхъ дѣлъ, привлеченныхъ въ Комитетъ и восходящихъ до государя, столько затрудняли его священную особу, что удивляться надобно, какъ доставало времени для одного прочтенія; 2) каждый дѣлопроизводитель въ министерствѣ легко могъ ошибки свои скрыть и частныхъ видовъ своихъ достигнуть, не опасаясь никакого взысканія; 3) высочайшія повелѣнія потеряли свойственную имъ силу и важность.

1) „Общественныя движенія“, стр. 476.

Я многократно встрѣчалъ по дѣламъ самыя несвойственныя противъ оныхъ возраженія. Къ довершенію неустройства, вошло въ обычай составлять разные комитеты по разнымъ дѣламъ. „Эти комитеты получили такую же силу, какъ и Комитетъ Министровъ, и одинъ комитетъ перевершалъ дѣла другого, высочайшая власть утверждала всѣ рѣшенія, нерѣдко противорѣчивыя по одному и тому же вопросу, смотря по тому, что было удобнѣе отдѣльнымъ лицамъ. Однимъ словомъ, „верховное правительство въ послѣдніе годы, можно сказать, разсыпалось, потеряло все единство и представляло собою нестройную громаду“ Однако множество законодательныхъ постановленій вовсе не означало ихъ исполненія на дѣлѣ, законы или не исполнялись или измѣнялись со дня изданія [1]).

Баронъ Штейнгель приводитъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ произвольныхъ министерскихъ дѣйствій. Эти дѣйствія нарушали интересы частныхъ лицъ. Таково, напр., преслѣдованіе винныхъ откупщиковъ, Злобина и Перетца, поведшее къ разоренію обоихъ. Министры притѣсняли лицъ, имѣющихъ претензіи къ казнѣ. Такія дѣйствія носятъ характеръ „полнаго насилія и несправедливости“ [2]).

Вообще и на многихъ другихъ декабристовъ административная организація производила тяжелое впечатлѣніе. Вотъ что говоритъ о ней Басаргинъ, жизнь котораго протекала внѣ столицъ и который вообще былъ менѣе освѣдомленъ въ сложныхъ вопросахъ государственнаго механизма. „Внутренняя ея (т.-е. Россіи) организація,— говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, — ея администрація, общественное и нравственное ея положеніе, ея правительственныя формы и, наконецъ, ея малое развитіе въ отношеніи умственнаго образованія, явно бросались въ глаза каждому просвѣщенному и благомыслящему человѣку

---

[1]) Письмо къ императору Николаю I отъ 28 марта 1826 года. Дѣло № 11.

[2]) „Общественныя движенія“, стр. 478, 479.

и невольно внушали ему желаніе измѣнить или, по крайней мѣрѣ, исправить по возможности этотъ порядокъ. Все, что оказывается или оказалось нынѣ вреднаго и порочнаго, во всѣхъ отрасляхъ ея гражданскаго быта, существовало и тогда, — съ тою только разницею, что замѣчалось меньшимъ числомъ лицъ, чѣмъ нынѣ, и что правительство смотрѣло иначе на всѣ эти недостатки, или не думая или не рѣшаясь приступить къ ихъ преобразованію. Прибавьте къ этому, что и понятія тогдашняго времени были гораздо грубѣе и одностороннѣе нежели нынѣ, и потому все, что дѣлалось, представлялось еще возмутительнѣе тѣмъ изъ немногихъ, которые мыслили и поступали вслѣдствіе другихъ идей и правилъ“ [1]).

Завалишинъ вспоминаетъ, что зло было такъ велико, что казалось непостижимымъ, какъ еще все держится. „Чрезъ это мнѣ открылась вся глубина зла, разъѣдавшаго всѣ органическія основы Россіи, такъ что уму было даже непостижимо, какъ все это еще держится, и въ то же время ясно было, что административное разстройство далѣе итти не можетъ, но что такъ или иначе, но непремѣнно долженъ быть положенъ конецъ этому. Всякій день открывались мнѣ явленія, одно возмутительнѣе другого. О людяхъ не имѣли ни малѣйшаго попеченія, все воровало, начиная отъ военнаго губернатора до ничтожнѣйшаго лица въ управленіи“ [2]).

II.

Государственное хозяйство, администрація и военное дѣло.

Крупными недостатками отличались отдѣльныя отрасли государственнаго управленія и внутренней политики. Рѣзкому осужденію подвергалась система налоговъ и экономическая политика.

---

[1]) Записки, XIX вѣкъ Бартенева, т. I, стр. 69.

[2]) Записки декабриста Д. И. Завалишина, т. I, стр. 106.

Въ своихъ письмахъ къ императору и генералъ-адъютанту Левашеву Каховскій въ мрачныхъ чертахъ обрисовывалъ русскую финансовую и экономическую политику, указывая на истощеніе страны, вызываемое непосильными налогали, прямыми и косвенными. Онъ считалъ государственный балансъ потеряннымъ, „онъ считалъ вредными запретительную систету и обиліе“ казенныхъ монополій, являвшихся причиной отсутствія торговли. Правительство преслѣдуетъ только интересы фиска, совершенно забывая о пользѣ народной: „Выгоды казны совершенно не согласны съ выгодами народа“ [1]). Тургеневъ въ частности указывалъ на несправедливость самаго принципа обложенія: налоги должны быть взимаемы не „съ лица подданнаго“ (подушная подать), а съ его имущества [2]). Многіе указывали на тяготу земскихъ повинностей, особенно дорожной, признавая подушный окладъ сравнительно не большимъ [3]).

Батеньковъ признаетъ систему налоговъ обманчивою для высшаго правительства. Онъ признаетъ, что податная система кое-какъ еще выполнялась. Но она давала широкое поле для множества злоупотребленій. Смѣты разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ, но выполненіе ихъ предоставлено безконтрольной администраціи. Наиболѣе тягостны были не государственныя подати, но земскія повинности, при выполненіи коихъ господствовалъ произволъ. „Ни повѣрки, ни учеты, никакихъ формъ въ умноженіи налога не наблюдалось, особенно въ повинностяхъ личныхъ — и народъ не могъ не чувствовать всей ихъ тягости“ [4]).

Вслѣдствіе слабаго развитія промышленности, вся тяжесть налоговъ падала на бѣдное крестьянство. Якубо-

1) Щеголевъ, Петръ Григорьевичъ Каховскій. „Былое“, 1906, январь, 146.

2) Корниловъ, Очерки общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла, 21.

3) Каховскій у Дубровина, „Русская Старина“, 1903, декабрь, 503.

4) Письмо въ дѣлѣ № 11.

вичъ характеризуетъ это положеніе вещей въ такихъ яркихъ строкахъ. „Вся тягость налоговъ и повинностей, разорительное мотовство дворянства, все лежитъ на семъ почтенномъ, но несчастномъ сословіи. Россія богата всѣми произведеніями земли, всѣми климатами; отъ знойной Апшерани до льдовъ Лапландіи, отъ Бессарабіи до Сибири, на такомъ пространствѣ, чего не вмѣщаетъ въ себѣ сей необъятный колоссъ; но нѣтъ твердыхъ законовъ, взаимной довѣренности, удобнаго сообщенія, промышленности, слѣдовательно, нѣтъ видныхъ капиталовъ и денегъ въ оборотѣ. Пахарь богатъ хлѣбомъ, но, продавъ большую часть труда цѣлаго года, только что можетъ удовлетворить правительство; къ тому же злоупотребленія чиновниковъ, не пекущихся о благѣ ввѣренной имъ части, но радѣющихъ о личныхъ выгодахъ, имѣя въ виду выслужиться у властей насчетъ сихъ несчастныхъ“ [1]).

Но вся тяжесть лежала въ способахъ взиманія податей и выколачиванія недоимокъ. Уплата податей производилась не безъ „темныхъ“ расходовъ на подарки чиновникамъ [2]). „Экзекуціи за недоимки отымаютъ рабочій скотъ, одежду, разоряютъ даже домы и истязаютъ пытками несостоятельныхъ, какъ во времена варварства“ [3]). Экзекуціи учащались, когда губернаторъ находилъ нужнымъ выслужиться. „Стоило пожелать губернатору награды,—вся губернія должна была приносить величайшія пожертвованія. Произвольныя распоряженія одного ярославскаго губернатора могутъ служить оправданіемъ того всеобщаго ропота, который на земскія повинности постепенно умножался“ [4]). Баронъ Штейнгель рисуетъ тяжелую картину выколачиванія податей и недоимокъ: „Предписано за недоимку помѣщиковъ отдавать подъ опеку, а съ казенныхъ крестьянъ взыскивать хотя бы то

---

1) Дѣло № 470.

2) Батеньковъ, письмо въ дѣлѣ № 11.

3) Якубовичъ. Дѣло № 470.

4) Батеньковъ. Дѣло № 11.

было съ пожертвованіемъ послѣдняго ихъ имущества. Начали у нихъ продавать домашній скотъ, лошадей и самые домы; а такъ какъ съ такихъ обобранныхъ взять уже нечего, то постановлено правиломъ, въ отвращеніе недоимокъ за неимущихъ, взыскивать съ обществъ. Въ нѣкоторыхъ „выбить, выколотить недоимку" сдѣлалось техническимъ словомъ. Между тѣмъ, въ однѣхъ губерніяхъ, какъ-то: въ Бѣлорусской, Псковской, Тверской, Вологодской и Ярославской, по нѣскольку лѣтъ былъ неурожай, и помѣщики, не получая дохода, кормили крестьянъ; въ другихъ, напротивъ, какъ въ Тамбовской, Пензенской и Симбирской хлѣбъ былъ ни по чемъ отъ неимѣнія сбыта, и деревни тоже не давали дохода. Обстоятельства сіи уподобляютъ Россію тому состоянію, въ которомъ была Франція во время Генриха III, когда сборщики податей обирали послѣднее у бѣдныхъ земледѣльцевъ" [1]).

Особенно часто останавливаются декабристы на дорожной повинности. Отъ частыхъ перемѣнъ въ планѣ и непрочной работы, эта повинность обратилась въ безконечную [2]). „Устройство непрочныхъ дорогъ занимали руки трети Россіи, а хлѣбъ гнилъ на корнѣ", говоритъ Александръ Бестужевъ [3]). Якубовичъ набрасываетъ цѣлую картину выполненія этой повинности: „Между повинностями одна изъ тягостнѣйшихъ—исправленіе дорогъ. Необозримыя пространства, малое народонаселеніе, семь мѣсяцевъ слякотной осени или зимы, глинистая почва (не говоря о злоупотребленіяхъ) суть уже непреоборимыя препятствія; за 50 и болѣе верстъ во время пахоти собираютъ на работы; сколько разъ отымаютъ отъ сохи за тѣмъ, чтобы труды осени истребляла весна, а весенніе—осень; съ тѣхъ поръ, какъ введенъ новый образъ разрабатыванія дорогъ, повинности стали затруднитель-

1) „Общественныя движенія", стр. 479, 480.

2) Штейнгель, тамъ же, стр. 480.

3) Якубовичъ, письмо въ дѣлѣ № 11.

нѣе, и Россія въ общій итогъ всего времени потеряла $^1/_{10}$ изъ всего рабочаго скота, не говоря о капиталѣ и трудахъ. Другихъ менѣе важныхъ утѣсненій сему сословію не стану и исчислять“ [1]).

Въ погонѣ за увеличеніемъ податей, правительство прибѣгало къ монополіямъ. Но, по мнѣнію декабристовъ, онѣ приносили большой вредъ странѣ. „Казна посягнула на монополію. Подъ видомъ экономіи разныя части обратили вниманіе на такъ называемые хозяйственные способы. Симъ обманчивымъ средствомъ правительство мало-по-малу отдѣлялось отъ народа и лишало цѣлыя семейства, а иногда и цѣлыя селенія пропитанія, отъемля у нихъ или дѣлая безплодною работу, коею занимались они со временъ не памятныхъ. Вмѣсто того, чтобъ разныя улучшенія распространять въ народѣ, ихъ дѣлали исключительно собственностью казны“ [2]). Впрочемъ, хозяйство казны шло неудачно. Такъ, управленіе военныхъ поселеній на Волховѣ задумало держать пассажирскіе пароходы, но отъ этого пострадали частные предприниматели, лодочники. Чиновники не замедлили воспользоваться хозяйствомъ казны въ свою пользу. Западно-сибирскій генералъ-губернаторъ ставилъ себѣ въ большую заслугу дешевую скупку хлѣба въ казну. Но оказалось, что хлѣбъ, просто, взимался съ крестьянъ по раскладкѣ и по казенной цѣнѣ. Переходъ къ винной монополіи считался „одной изъ бѣдственнѣйшихъ мѣръ“; она привела къ разоренію многихъ дворянъ. По словамъ Батенькова винная монополія была вредна тѣмъ, что „ умножила развратъ и корыстолюбіе въ чиновникахъ“; чиновники корыстовались при монопольной скупкѣ вина у дворянъ. Чиновники нажились, но не умѣли сдѣлать или не смѣли дѣльнаго употребленія изъ нажитыхъ ими капиталовъ [3]).

---

[1]) Дѣло № 470.

[2]) Письмо Батенькова, дѣло № 11.

[3]) Батеньковъ, тамъ же.

Уничтоженіе откуповъ привело къ разоренію откупщиковъ. „Размножены повсюду трактиры, герберги, харчевни, портерныя лавочки, питейные дома, временныя выставки, изъ коихъ нѣкоторыя съ билліардами, съ музыкой и съ другими разными для черни приманками“ [1]). По мнѣнію Александра Бестужева, политика по отношенію къ винокуренію дала отрицательные результаты: „Запрещенное винокуреніе отняло во многихъ губерніяхъ всѣ средства къ сбыту сѣмянъ, а размноженіе питейныхъ домовъ испортило нравственность и разорило крестьянскій бытъ“ [2]).

Торговая и экономическая политика сопровождалась запретительной системой, перемѣнами тарифа подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, неудачнымъ принятіемъ нѣсколькихъ мѣръ и рядомъ указовъ, стѣснившихъ торговое сословіе. Якубовичъ даетъ слѣдующую общую характеристику этой стороны правительственныхъ дѣйствій: „Финансы есть жизнь государства, довѣренность правительства къ частнымъ лицамъ и ихъ обратно къ нему, также взаимная между гражданами и промышленностью, суть главные вспомогатели существованія всякаго гражданскаго общества; но въ Россіи взаимной довѣренности нѣтъ, казна не исполняетъ условій, законы слабы, чиновники во зло употребляютъ власть мѣстъ своихъ, и давно уже къ правительству потеряли всякое довѣріе. Банкрутскій уставъ не дѣйствителенъ на богатаго или знатнаго должника; кто лишился стыда, тотъ можетъ въ Россіи удобно жить на счетъ ближняго, не страшась справедливости и строгости законовъ. Послѣдній указъ и постановленіе о мѣщанахъ и купечествѣ стѣснило и остальную бѣдную промышленность; сотни тысячъ семействъ лишились честнаго способа содержать себя и платить подати, цѣлыя губерніи—средствъ размѣнивать свои произведенія, и только правительство получило вре-

---

[1]) Штейнгель, „Общественныя движенія“, 479.

[2]) Письмо въ дѣлѣ № 11.

менныя выгоды на счетъ цѣлости капитала народнаго богатства. О внѣшней торговлѣ умалчиваю" [1]).

По словамъ барона Штейнгеля, русская коммерція находится въ паралитическомъ состояніи въ то время, когда даже во Франціи торговля процвѣтаетъ. Причиной этого является, между прочимъ, нетвердая таможенная политика—тарифъ 1810 года, внезапная перемѣна его въ пользу Австріи, Польши и Пруссіи въ 1816 году, новое его измѣненіе въ 1819 году. „Многіе купцы обанкротились, фабриканты разорились, золото и серебро уплыли за границу" [2]). Александръ Бестужевъ отмѣчаетъ, что многія фирмы разорились, въ торговлѣ упало довѣріе. „Шаткость тарифа привела въ нищету многихъ фабрикантовъ, и испугала другихъ и вывела правительство наше изъ вѣры, равно у своихъ, какъ и чужеземныхъ негоціантовъ... Запретительная система, обогащая контрабандистовъ, не поднимала цѣны на наши издѣлія, и, слѣдуя модѣ, всѣ платили за такъ называемые конфискованные товары втридорога" [3]).

Правительство обвиняли въ недостаточномъ вниманіи къ торговому сословію: правительство недостаточно ободряетъ его, недостаточно поддерживаетъ купечество [4]). Александръ Бестужевъ обращаетъ вниманіе на упадокъ низшихъ классовъ городского населенія и на запустѣніе городовъ. Одной изъ причинъ послѣдняго явленія онъ считаетъ тотъ фактъ, что дворянство спѣшитъ перебраться въ города. „Мѣщане, — говоритъ онъ,—классъ почтенный и значительный во всѣхъ другихъ государствахъ, у насъ ничтоженъ, бѣденъ, обремененъ повинностями, лишенъ средствъ къ пропитанію. Въ другихъ націяхъ они населяютъ города, у насъ же, какъ города существуютъ только на картѣ, и вольность ремеслъ стѣс-

[1]) Дѣло № 470.

[2]) „Общественныя движенія", 478.

[3]) Письмо въ дѣлѣ № 11.

[4]) Якубовичъ, дѣло № 470.

няютъ въ нихъ цехи, то кочуютъ, какъ цыгане, занимаясь щепетильною перепродажею. Упадокъ торговли отразился на нихъ сильнѣе, по ихъ бѣдности, ибо они зависятъ отъ купцовъ, какъ мелкіе торгаши, или какъ работники на фабрикахъ".

Онъ также считаетъ, подобно Якубовичу, весьма вреднымъ указъ, по которому мѣщане и мелкіе торговцы должны были бы записываться въ гильдіи или платить налоги; этотъ указъ не былъ выполненъ, но вызвалъ ропотъ [1]).

Мы уже видѣли, что Бестужевъ неодобрительно отзывается о преобладаніи въ экономической жизни страны столицы. Петербургъ былъ вообще нелюбимъ декабристами, и они готовы были приписывать Петербургу даже болѣе того, чѣмъ эта столица заслуживала. Вотъ какъ, напр., Батеньковъ выясняетъ вредъ преобладанія столицы: „Всѣ почти капиталы и все обращеніе оныхъ привлечено было въ столицу, находящуюся въ самомъ углу имперіи. Здѣсь собраны всѣ почти казенныя заведенія, здѣсь также производились важныя работы; но могла ли вся имперія брать участіе въ обращеніи капиталовъ, такимъ образомъ употребляемыхъ? Конечно, нѣтъ. Отъ сего губерніи, лежащія вдали отъ границъ и внѣ водяныхъ путей къ столицѣ, скоро оскудѣли, впали въ неоплатныя недоимки и при изобиліи хлѣба терпѣли во всемъ недостатокъ. О пособіи имъ почти не помышляли" [2]).

Итакъ, предъ нами прошелъ цѣлый рядъ замѣчаній о правительственной политикѣ по разнымъ капитальнымъ вопросамъ государственной жизни. Этой критикѣ въ общемъ нельзя отдать справедливость въ дѣльности и цѣнности. Многіе изъ декабристовъ понимали то, чего не хотѣли понимать или не могли понять люди, направлявшіе внутреннюю политику.

---

1) Дѣло № 11.
2) Дѣло № 11.

Неудачныя мѣры сопровождались подборомъ еще болѣе неудачныхъ исполнителей. Лихоимство пронизывало всю государственную машину сверху до низу. „Прибыльныя мѣста продавались по таксѣ и были обложены оброкомъ", говорилъ въ своемъ письмѣ Александръ Бестужевъ [1]).

Опорой центральной администраціи служила мѣстная. Но губернскія учрежденія имѣли въ себѣ рядъ неустройствъ. „Губернаторы мало-по-малу присвоили себѣ всю мѣстную власть и едва не сравнялись съ бывшими воеводами. Опредѣленіе генералъ-губернатора довершило испровerженіе губернскихъ мѣстъ: всѣ дѣла стекались къ симъ сатрапамъ. Самое высшее правительство смотрѣло на вещи не иначе, какъ ихъ токмо глазами, и не смѣло имъ ни въ чемъ противорѣчить. Легче было отрѣшить генералъ-губернатора, нежели указать ему законный путь, отъ коего онъ уклонился. Страннѣе всего было видѣть, что одному изъ генералъ-губернаторовъ позволено было дѣлать опыты новой губернской администраціи,—будто бы для подобнаго опыта довольно нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и будто бы нельзя было лучше видѣть удобности или неудобности" [2]). Батеньковъ, слова котораго мы только что цитировали изъ письма къ Николаю I уже изъ крѣпости, не разъ разъяснялъ въ кружкахъ декабристовъ невыгодныя стороны тогдашней губернской администраціи; онъ подвергалъ критикѣ указанный опытъ генералъ-губернатора Балашева [3]). Штейнгель заявляетъ, что опытъ Балашева вызвалъ среди жителей общее негодованіе [4]). Каховскій указывалъ на страшное безправіе личности предъ всесильной властью генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Ему вообще казался генералъ-губернаторскій институтъ безцѣльнымъ и нелѣпымъ: власть ихъ тяжела для населенія, правительство же

---

[1]) Дѣло № 11.

[2]) Батеньковъ, дѣло № 11.

[3]) Показанія Николая Бестужева.

[4]) „Общественныя движенія", стр. 481.

имѣетъ отъ нихъ мало пользы: „Если генералъ-губернаторы учреждены для новаго образованія присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ, то выборъ сдѣланъ весьма неудачно: и отличный дивизіонный начальникъ можетъ быть весьма плохимъ генералъ-губернаторомъ“ [1]). Это принципіальная сторона дѣла. Но практика была еще гораздо тяжелѣе.

Жадная мѣстная администрація грабила населеніе безъ всякаго стѣсненія. Ревизующіе сенаторы отдавали подъ судъ тысячами мелкихъ чиновниковъ, но они попадали на новыя мѣста и грабили еще смѣлѣе, потому что были подъ защитой и протекціей [2]). „Никто изъ служащихъ не дорожилъ своимъ мѣстомъ, если оно не прибыльно,—говорилъ П. Каховскій.—Гражданская часть унижена, жалованье совершенно недостаточно для насущнаго пропитанія, но секретарь, получающій 200 рублей въ годъ, проживалъ тысячи. Всѣ это знаютъ, всѣ это видятъ, а правительство равнодушно терпитъ. Не значитъ ли это поощрять преступленія и водворять развратъ?“ „Лихоимство и подкупы,—говоритъ В. Кюхельбекеръ,—производились безъ всякаго стыда и страха“ [3]). „Проѣхавъ отъ сѣвера на югъ Россіи,—пишетъ Каховскій въ письмѣ государю,—старался вникнуть въ положеніе различныхъ классовъ людей. Отовсюду слышалъ ропотъ на правительство и правителей, имъ поставленныхъ“ [4]). Въ городскомъ самоуправленіи дѣла были не лучше. „По нашему городовому положенію,—писалъ баронъ Штейнгель въ одномъ изъ своихъ показаній,—всѣ права даны деньгамъ, а не лицамъ, и всякій безчестный богачъ предпочитается честнѣйшему бѣдняку“ [5]).

---

[1]) Щеголевъ, „Былое“, 1906, январь, 146.
[2]) „Общественныя движенія“, 481.
[3]) Дубровинъ, „Р. Ст.“, декабрь, 1903 года, стр. 496.
[4]) Тамъ же, стр. 511.
[5]) Тамъ же, стр. 496.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, бывшій членомъ Тайнаго Общества, но своевременно его оставившій, впослѣдствіи извѣстный виленскій генералъ-губернаторъ, немного спустя послѣ декабрьской революціи, составилъ цѣлую записку-проектъ объ уничтоженіи взяточничества. Въ этой запискѣ онъ отмѣчаетъ не только фактъ взяточничества, но и изображаетъ въ рѣзкихъ штрихахъ тогдашнюю губернскую административную машину, которая была проникнута рѣзко выраженнымъ бюрократизмомъ. „Молодые дворяне, съ юности попадая въ канцеляріи, — пишетъ онъ, — научаются безстыдно брать взятки и, познавъ весь смыслъ и теорію губернской гражданской службы, состоящей по большей части лишь въ очищеніи бумагъ, въ явномъ лицепріятіи и лихоимствѣ, мнимымъ порядкомъ законовъ прикрытыми, со временемъ занимаютъ мѣста столоначальниковъ, секретарей всѣхъ палатъ и даже письмоводителей у самихъ губернаторовъ; тутъ они по своему произволу рѣшаютъ дѣла и еще болѣе утверждаютъ постыдную сію систему лихоимства, извлекая свои частныя выгоды и поощряя ненаказанностью своею другихъ на подобныя дѣйствія. Въ сихъ-то людяхъ разсадникъ большей части чиновниковъ гражданской губернской службы, школа, въ которой образуются законовѣдцы наши, которые часто подъ скромнымъ именемъ секретарей управляютъ цѣлыми губерніями и областями“ [1]).

Рылѣевъ въ письмѣ къ Булгарину отъ 6 августа 1821 года, т.-е. еще до вступленія своего въ Тайное Общество, собираясь переѣхать въ Петербургъ, въ краснорѣчивыхъ штрихахъ описываетъ въ письмѣ къ Гречу всѣ пріемы тогдашняго чиновничьяго крючкотворства: „Холодъ обдаетъ меня, когда я вспомню, что, кромѣ множества разныхъ заботъ, меня ожидаютъ въ Петербургѣ мучитель-

---

1) Кропотовъ, „Жизнь графа М. Н. Муравьева“, стр. 419.

ныя крючкотворства неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ:

Когда отъ русскаго меча
Легли монголы впрахъ, стеная,
Россію Богъ карать не преставая,
Столь многочисленный, какъ саранча,
Приказныхъ родъ въ странахъ ея обширныхъ
Повсюду разселилъ,
Чтобы сердца сограждан мирныхъ
Онъ завсегда, какъ червь точилъ...

„Если бы ты видѣлъ приказныхъ въ русскихъ провинціяхъ—это настоящіе кровопійцы, и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники (Гречъ былъ полякъ) въ страшную годину междуцарствія не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лютое отродіе. Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь—со всѣхъ. Предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже копписты имѣютъ постоянные доходы отъ своего грабежа, а исправники...“

И заключаетъ, описавъ въ стихахъ наѣзды на Русь во всѣ времена внѣшнихъ враговъ:

„Теперь лишь только при наѣздахъ
Свирѣпствуютъ одни исправники въ уѣздахъ“ [1]).

Вообще грабежи мелкихъ и крупныхъ чиновниковъ возмущали декабристовъ. „О притѣсненіяхъ земскихъ чиновниковъ, — пишетъ Александръ Бестужевъ,—можно написать книгу. Малѣйшій распорядокъ свыше даетъ имъ поводъ къ тысячѣ насилій и взятокъ. То сберутъ крестьянъ въ сѣнокосъ или жатву и мѣсяцъ ничего не дѣлаютъ. То дадутъ сдѣлать и потомъ ломаютъ, говоря, что это не по формѣ. Назначаютъ на работу ближнихъ вдаль и наоборотъ, чтобы взять за увольненіе нѣсколько рублей съ брата. Да и кромѣ того сбираютъ

[1]) Цитировано по статьѣ Котляревскаго „Литературная дѣятельность декабристовъ“. „Р. Богатство“, 1904 годъ, августъ, стр. 44.

прибавочные налоги, безъ всякаго вида, такъ что съ души сходитъ втрое противу указанныхъ податей,—и проч.“ [1]). Одинъ изъ младшихъ декабристовъ Бѣляевъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Это закрѣпощеніе крестьянъ, 25-лѣтній срокъ солдатской службы считались и были въ дѣйствительности безчеловѣчными. „Полярная Звѣзда“, поэма Рылѣева: „Войнаровскій и Наливайко“, Пушкина „Ода на свободу“ были знакомы каждому и сообщались и повторялись во всѣхъ дружескихъ и единомысленныхъ кружкахъ. Разсказы о различныхъ жестокостяхъ исправниковъ, выбивавшихъ подушные сборы чуть не пытками; анекдоты о жестокостяхъ и безконтрольномъ деспотизмѣ Аракчеева; разсказывали также, какъ какой-то помѣщикъ по очереди насильственно лишалъ невинности всѣхъ своихъ подросшихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ. Какъ жестоко нѣкоторые военные начальники и самовластные помѣщики наказывали тѣлесно, забивая иногда людей даже до смерти“ [2]).

Баронъ Розенъ съ негодованіемъ вспоминаетъ о примѣрахъ взяточничества, которые ему представлялось видѣть въ молодости [3]). Подобнаго же рода воспоминанія встрѣчаемъ и въ запискахъ князя Волконскаго [4]).

Тяжелое положеніе рядового обывателя усиливалось отсутствіемъ упорядоченнаго свода законовъ. Майоръ Спиридовъ, самый заурядный изъ декабристовъ, признается въ своихъ показаніяхъ, что и онъ роптал на правительство, потому что оно имѣетъ много худыхъ сторонъ: „Есть злоупотребленія законовъ; мы имѣемъ ихъ большое количество, которые и приведенные въ общій составъ дѣлаютъ много запутанностей; многіе по древности нарѣчія неудобопонятны, производятъ двусмыслія, а все сіе служитъ ненасытному корыстолюбію“. Онъ

1) Дѣло № 11.
2) „Русская Старина“, 1881 г., мартъ, стр. 488.
3) Въ ссылку и проч., 21.
4) Записки.

довольно простодушно разсказываетъ о своихъ мечтаніяхъ, разумѣется, сильно убавляя свой либерализмъ. Онъ говорилъ на собраніяхъ: „Душевно бы желалъ, чтобы нашелся кто у насъ, въ Россіи, изъ приближенныхъ къ государю, который бы, вникнувъ во все подробно, разсмотря безпристрастнымъ окомъ, представилъ бы слѣдующее: улучшеніе порядка законовъ, то-есть соединить ихъ въ одинъ составъ, изъясняя на каждый предметъ крѣпко, ясно и удобопонятно“ [1]).

То же мы встрѣчаемъ и у другихъ декабристовъ. „Законы неясны,— писалъ Каховскій,—неполны и указъ указу противорѣчитъ. Мы не только терпимъ физически (т.-е. отъ налоговъ, бѣдности и пр.), но пусть вникнутъ сильные, какой моральный вредъ націи отъ неимѣнія законовъ“ [2]). У него даже вырывается заключительная фраза въ одномъ изъ писемъ къ государю: „У насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли, у насъ внутренніе враги терзаютъ государство; у насъ тяжкіе налоги и повсемѣстная бѣдность“ [3]).

Нѣкоторые отмѣчаютъ разныя стороны судебнаго неустройства. О низшихъ судахъ Батеньковъ говоритъ: „Сила суда въ нижнихъ инстанціяхъ ослаблена, на лица, служащія по выборамъ, распространены награды и взысканія и унизилась самая служба по выборамъ ничтожностью лицъ и совершенной ихъ зависимостью отъ чиновниковъ коронныхъ, еще менѣе уважительныхъ“ [4]). Александръ Бестужевъ отмѣчаетъ безконечную волокиту въ судебныхъ инстанціяхъ. „Центральность судебныхъ мѣстъ,—говоритъ онъ,—привлекая каждую бездѣлицу кверху способствовала апелляціямъ, справкамъ, пересудамъ и десятки лѣтъ проходили прежде рѣшенія, т.-е. разоренія обѣихъ сторонъ. Однимъ словомъ, въ казнѣ,

---

1) Показанія Спиридова.

2) Дубровинъ, „Р. Ст.“, 1903 г., декабрь, 499.

3) Тамъ же, стр. 513.

4) Дѣло № 11.

въ судахъ, въ комиссаріатахъ у губернаторовъ, у генералъ-губернаторовъ, вездѣ, гдѣ замѣшался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ, тотъ кралъ. Вездѣ честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались“ [1]). Каховскій тоже говоритъ о судебной волокитѣ. „У насъ, — пишетъ онъ, — дѣла тяжебныя длятся апелляціями десятки лѣтъ, и очень часто справедливость вознаграждается лишь убытками“ [2]).

Баронъ Штейнгель обратилъ вниманіе на систему наказаній. Въ 1817 году онъ обратился черезъ графа Тормасова въ высшія сферы съ особой запиской, озаглавленной: „Нѣчто о наказаніяхъ“. Въ этой своей запискѣ онъ обратилъ вниманіе на систему господствовавшихъ тогда жестокихъ наказаній. Съ нашей точки зрѣнія, взгляды Штейнгеля еще далеки отъ тѣхъ гуманныхъ началъ, которыми проникнуто современное уголовное право. Безспорно также, что взгляды Штейнгеля значительно суровѣе тѣхъ гуманныхъ ученій, которыя появились еще въ XVIII вѣкѣ. Но надо принять во вниманіе прежде всего тотъ несомнѣнный фактъ, что данная записка представлена въ офиціальныя сферы, проникнутыя самыми грубыми взглядами на систему наказанія. Можетъ-быть, авторъ записки считалъ совершенно безполезнымъ проводить слишкомъ либеральный взглядъ въ этомъ отношеніи: такой радикализмъ могъ бы оказаться совершенно безполезнымъ и сослужить плохую службу автору. Но если даже предположимъ, что баронъ Штейнгель въ этой своей запискѣ высказалъ вполнѣ свои взгляды, то и въ такомъ случаѣ она не лишена большого интереса. Надо еще отмѣтить очень важное обстоятельство: баронъ Штейнгель тогда еще не принадлежалъ къ Тайному Обществу, которое въ то время и само находилось въ зародышномъ состояніи, что, наконецъ, онъ явился въ столицу изъ глухой про-

1) Дѣло № 11.

2) Дубровинъ, „Русская Старина“, 1903, декабрь, 499.

винціи, изъ Сибири. Въ своей запискѣ, напримѣръ, баронъ Штейнгель считаетъ возможнымъ оставить за полиціей право наказывать розгами низшіе классы народа, сохранить для нѣкоторыхъ случаевъ казнь и даже сѣченіе розгами у безчестнаго столба. Но, тѣмъ не менѣе, въ этой запискѣ замѣтенъ большой шагъ впередъ сравнительно съ тогдашними понятіями русскаго уголовнаго права. Авторъ записки сильно возмущается жестокими тѣлесными наказаніями. „Кнутъ,—говоритъ онъ,—котораго одно названіе даетъ иностранцамъ идею варварства и жестокости безчеловѣчной, въ самомъ дѣлѣ составляетъ наказаніе ужасное и человѣчеству противное... Сія казнь не можетъ всегда назваться равносильною преступленію". Она иногда и безполезна, ибо корыстолюбіе палачей облегчаетъ наказаніе. Вообще авторъ рѣшительно высказывается противъ кнута и плетей. Такимъ образомъ и самая цѣль записки направлена исключительно противъ этихъ двухъ видовъ варварскихъ наказаній [1]). Тургеневъ смотрѣлъ гораздо шире въ этомъ вопросѣ и даже тогдашнюю русскую администрацію убѣждалъ въ томъ, что не слѣдуетъ прибѣгать къ тѣлесному наказанію даже и при сборѣ податей съ крестьянъ [2]).

Разумѣется, судебныя мѣста конкурировали съ административными въ лихоимствѣ, которое, по словамъ Александра Бестужева, дошло „до неслыханной степени безстыдства" [3]). Изъ такихъ условій проистекало самое ужасное безправіе личности, ничтожество ея предъ мелкою, нравственно и умственно ничтожною бюрократіей Якушкинъ въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ возмущается повсемѣстнымъ распространеніемъ лихоимства, грабительства и въ особенности „явнымъ неуваженіемъ

---

[1]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Величества канцеляріи, выпускъ первый, стр. 292—306.

[2]) Корниловъ, тамъ же, 21.

[3]) Дѣло № 11.

къ человѣку [1]). „Не говоря уже о крѣпостномъ правѣ,—вспоминалъ Завалишинъ,—развитіе котораго даже вопреки уже сознанію и провозглашаемымъ правиламъ фактически продолжалось до конца царствованія Александра I, не говоря о безправіи всего низшаго сословія, относительно котораго государственная администрація являлась въ видѣ еще худшемъ самой помѣщичьей власти; даже люди привилегированныхъ сословій лишены были всякаго обезпеченія ихъ личности и собственности. Произволъ самый дикій, насиліе и взяточничество, протекція и подкупы, развратъ и обманъ заражали всѣ сферы государственной и общественной жизни и были господствующими средствами для достиженія житейскихъ цѣлей какъ у высшихъ, такъ и у низшихъ“ [2]).

Петръ Каховскій въ одномъ изъ своихъ писемъ краснорѣчиво говоритъ о нарушеніи правъ личности генералъ-губернаторами, гражданскими губернаторами и приводитъ примѣры незаконныхъ арестовъ даже дворянъ [3]). Взяточничество и кривосудіе вполнѣ естественно связывались со всѣмъ тогдашнимъ строемъ, который былъ приноровленъ къ раздѣленію населенія на властителей и рабовъ. „Въ судахъ, конечно, не безъ исключенія,—говоритъ Бѣляевъ,—господствовало кривосудіе; взяточничество было почти всеобщее; процессы продолжались до безконечности; кто могъ больше дать, тотъ выигрывалъ,—словомъ, все, казалось намъ, приходило въ разстройство и все это, какъ всѣ знали, при лучшемъ либеральнѣйшемъ государѣ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ чистъ во всемъ, что совершалось дурного, о чемъ онъ, конечно, и не зналъ. Такъ всѣ думали и убѣждались въ томъ, что все это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тогдашняго порядка вещей, въ которомъ не признава-

---

[1]) Записки, стр. 6.

[2]) Записки декабриста Д. И. Завалишина, т. 1, стр. 263.

[3]) Щеголевъ, Петръ Григорьевичъ Каховскій, „Былое“, 1906 г., январь, стр. 146.

лись ничьи права предъ сильнѣйшимъ; въ которомъ старшій, кто бы онъ ни былъ, всегда былъ не начальникомъ, а властителемъ и господиномъ младшаго, сильный—слабаго, богатый—бѣднаго; въ которомъ никто не могъ сослаться на свое право, потому что никакого права не было. Казалось бы, дворянство имѣло дарованныя и утвержденныя за нимъ права, но если бы кто-нибудь сослался тогда на эти права, то это было бы сочтено за бунтъ. Такимъ образомъ, вся Россія дѣлилась на два разряда: на властителей и рабовъ, по очереди" [1]). Неудивительно поэтому, что у либерально настроенныхъ людей того времени невольно рождалась мысль: „Почему мы не можемъ разсуждать о нашихъ правахъ и собственности" [2]).

При такихъ условіяхъ, естественно, въ кружкахъ декабристовъ возникала мысль о необходимости новаго и улучшеннаго законодательства. Петръ Каховскій въ своихъ письмахъ къ Николаю I и къ генералу Левашеву, не разъ касаясь судебнаго неустройства, подсказываетъ и тотъ путь, по которому должно пойти правительство въ дѣлѣ улучшенія законодательства и суда. Для этой цѣли необходимы прежде всего ясные и опредѣленные законы и притомъ объявленные непреложными. „Постановительные непремѣнные законы прекращаютъ всѣ злоупотребленія въ судопроизводствѣ. Ясность и краткость оныхъ не допускаетъ запутывать дѣла; они легко запечатлѣваются въ памяти и дѣлаются извѣстными всѣмъ; чрезъ нихъ каждый знаетъ свою обязанность, свои права, и чему подвергается, не соблюдая предписанныхъ ими правилъ. Мы симъ похвалиться не можемъ; у насъ указъ на указѣ, одно разрушаетъ другое, возобновляетъ и къ каждому случаю и предмету найдутся нѣсколько узаконеній, одни съ другими не

1) Бѣляевъ, Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ, „Русская Старина", 1881 г., мартъ, 488.

2) Письмо Штейнгеля, „Общественныя движенія", 490.

согласныя. Сильные и сутяги торжествуютъ, бѣдность и невинность страдаетъ". Образцомъ законодательнаго кодекса для Каховскаго является кодексъ Наполеона. Между прочимъ, Каховскій является рѣзкимъ противникомъ смертной казни и сторонникомъ улучшенія тюремнаго быта съ исправительнымъ характеромъ. Законы должны наказывать, но не убивать преступника; смертная казнь не можетъ исправить преступника, ибо отнимаетъ у него жизнь. Тюрьмы „со смрадомъ", гдѣ преступники окружены надзирающими, которые часто сами „преступники еще большіе", не могутъ исправить виновнаго. Каховскій проектировалъ и отдѣльныя стороны судебнаго устройства. „Судебный процессъ, по его мнѣнію, долженъ быть гласнымъ и устнымъ, съ присяжными засѣдателями и адвокатами. Число инстанцій должно быть уменьшено. Необходимо отдѣленіе судебной части отъ слѣдственной" [1]).

Весьма понятно, что въ проектахъ будущаго государственнаго устройства декабристы рисовали судъ и законодательство, соотвѣтствующими наиболѣе установившимся взглядамъ современной юриспруденціи, т.-е. введеніе суда присяжныхъ, улучшеніе судопроизводства, изданія гуманнаго уголовнаго кодекса и т. под. Съ этими проектами, входившими въ составъ конституцій, мы еще познакомимся. Но изъ предыдущаго изложенія во всякомъ случаѣ ясно, что члены Общества стояли гораздо выше по своимъ воззрѣніямъ на судебную часть тогдашней практики. Они прекрасно понимали недостатки суда и не менѣе отчетливо представляли себѣ мѣры, необходимыя для его улучшенія.

От администраціи и суда перейдемъ къ арміи. Почти всѣ декабристы были военными людьми, почему неудивительно, что ихъ отзывы о состояніи арміи являются весьма содержательными. Въ ихъ замѣткахъ, показаніяхъ

1) Щеголевъ, Петръ Григорьевичъ Каховскій, 145—146.

и письмахъ приведенъ рядъ свидѣтельствъ, характеризующихъ тогдашнюю солдатскую службу и настроеніе въ войскахъ. Впрочемъ, относительно арміи встрѣчается множество свидѣтельствъ, идущихъ и не изъ среды декабристовъ. Изъяны въ постановкѣ военнаго дѣла слишкомъ хорошо извѣстны. Поэтому мы познакомимся лишь съ нѣкоторыми замѣчаніями декабристовъ по этому поводу для того, чтобы показать, что и въ ихъ средѣ находились люди, прекрасно сознававшіе различные недостатки тогдашняго военнаго строя. Неустройство въ арміи временъ Александра I тѣмъ болѣе замѣчательно, что армія, на ряду съ внѣшней политикой, была любимымъ предметомъ занятій государя. Это была боевая армія, со славою прошедшая всю Европу, имѣвшая за собою рядъ побѣдъ. Но, къ сожалѣнію, эти побѣды ничему не научили высшее правительство, а среди рядовыхъ генераловъ не нашлось людей достаточно мужественныхъ для того, чтобы на основаніи своего боевого опыта противостать страннымъ порядкамъ въ арміи, заведеннымъ въ послѣдніе годы царствованія Александра I.

Солдатская военная служба была тяжелымъ бременемъ для народа, мученіемъ для солдатъ; непосильное бремя ея было и не нужно въ томъ размѣрѣ, какъ оно установилось, для государства: международное положеніе Россіи послѣ Тильзитскаго мира и особенно послѣ войны 12 года вовсе не требовало столь огромной арміи.

Общую характеристику неустройства арміи мы прежде всего находимъ въ письмѣ Якубовича къ государю отъ 28 декабря 1825 года. Якубовичъ, боевой офицеръ, имѣвшій всего только чинъ капитана, не занималъ въ арміи виднаго мѣста. Однако недостатки тогдашней службы и недостатки общихъ распоряженій для него совершенно ясны. Прежде всего его возмущаетъ 25-лѣтняя продолжительная солдатская служба: солдатъ покидаетъ отчій домъ, нерѣдко и семью, безъ всякой

надежды вернуться къ мирной жизни. Угнетенное состояніе духа не пріучаетъ солдата къ своей профессіи, и свое дѣло солдатъ исполняетъ изъ страха наказанія. Офицеры большею частью безъ образованія и бѣдно оплачиваемые склонны къ взяточничеству. Въ арміи замѣтенъ антагонизмъ между солдатами и офицерами. Преимущества гвардіи дѣлаютъ безнадежною службу тѣхъ армейскихъ офицеровъ, которые, успѣвъ получить образованіе, отличаются знаніемъ своего дѣла и энергіей. Въ самомъ дѣлѣ, 800 гвардейскихъ офицеровъ являются разсадникомъ высшихъ чиновъ для арміи, и старые армейскіе офицеры оказываются въ подчиненіи у быстро выслуживающихся гвардейцевъ [1]).

Не менѣе обстоятельно и разсужденіе Фонъ-Визина о состояніи тогдашней арміи. Съ его точки зрѣнія, срокъ службы нижнихъ чиновъ можетъ быть уменьшенъ до 10 или 12 лѣтъ и тогда облегчится эта самая тяжелая для народа повинность. Въ образецъ для Россіи онъ приводитъ военное устройство Пруссіи. Онъ полагаетъ также необходимымъ уменьшить армію до половины, ссылаясь на примѣръ войны 12 года, когда русская армія въ теченіе 2 лѣтъ удвоилась, и боевой составъ ея отъ этого нисколько не пострадалъ [2]).

Вслѣдъ за этими вѣскими общими соображеніями встрѣчается рядъ характерныхъ наблюденій надъ тогдашнимъ состояніемъ арміи. Подполковникъ Поджіо обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что правительство, прибѣгая къ сокращенію арміи, увольняетъ въ отпускъ солдатъ и тѣмъ самымъ выбрасываетъ ихъ на улицу, потому что у многихъ нѣтъ пристанища на родинѣ. „Я самъ былъ,—пишетъ онъ,—очевидцемъ того, что насильно солдатъ отправляли въ отпускъ для составленія числа отпускаемыхъ, ибо часто сей солдатъ

---

1) Дѣло № 470.

2) „Общественныя движенія“, 80—81.

не имѣя пристанища у себя, вдавался къ прошенію подаянія, или, что хуже, въ дѣла, не соотвѣтствующія нравственности. Я самъ былъ разъ свидѣтелемъ въ 23 году, когда рядовой одинъ въ мундирѣ съ медалью на груди пришелъ къ помѣщику просить—чего же? Хлѣба! Я былъ самъ въ мундирѣ и признаюсь, мнѣ горько сіе было! Говорю о семъ, чтобъ пояснить, какимъ образомъ мы сливали дѣйствія обременительной для насъ политики со всѣми обстоятельствами внутренняго управленія. Сими мѣрами мы поясняли небреженія правительства къ благоденствію внутреннему Россіи" [1]).

Но большинство возмущалось жестокимъ обращеніемъ офицеровъ съ подчиненными имъ солдатами. Якушкинъ говоритъ о жестокомъ обращеніи съ солдатами, „которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ почти каторга" [2]). По словамъ Бѣляева, солдатская служба того времени хорошо характеризовалась солдатской сказкой: солдатъ продалъ свою душу чорту, чтобы онъ выслужилъ за него срокъ [3]). Подпоручикъ Андреевичъ 2 разсказываетъ, что ему неоднократно приходилось бывать свидѣтелемъ „неистовыхъ и безчеловѣчныхъ поступковъ нашихъ командировъ надъ бѣдными солдатами".

Этотъ армейскій офицеръ передаетъ намъ тѣ чувства, которыя возмущали его и его военныхъ сотоварищей, большей частью изъ членовъ Общества Соединенныхъ Славянъ, такихъ же незначительныхъ армейскихъ офицеровъ, какъ и самъ разсказчикъ. Подобнаго рода наблюденія способствовали разговорамъ „о военномъ вѣдомствѣ и о правительствѣ нашемъ, которое мы полагали причиною, допустившею солдатъ до такого ничтожества, тогда какъ на нихъ держится цѣлая опора государства". Дальнѣйшій разсказъ Андреевича настолько интересенъ и такъ живо очерчиваетъ настроеніе его сотоварищей,

[1]) Показанія Поджіо.

[2]) Записки, стр. 6,

[3]) „Русская Старина", 1881, мартъ, 490.

что считаемъ нужнымъ привести его цѣликомъ. „Таковые разговоры,—говоритъ онъ, — при свиданіи почти всякій день были обновляемы новыми видами грабительства тѣхъ гражданъ, кои кормятъ цѣлое государство своими трудами. Сіи-то виды, ежедневно кажущіеся моимъ глазамъ, мало-по-малу приводили въ ненависть къ тѣмъ, кои были причиною таковыхъ несправедливостей, а наконецъ, и въ самое ожесточеніе противъ правительства. Я роптал и на Бога, и на царя, и въ семъ ожесточеніи старался изслѣдовать источникъ всего неистовства, коимъ терзаютъ моихъ соотечественниковъ. Еще въ то время, когда не зналъ ни о какихъ обществахъ, а потому и можно вѣрно положить, что много такихъ людей, кои, чувствуя несправедливости, очень негодуютъ. Итакъ вотъ причина весьма очевидная, которая побудила искать людей, кои бы могли внимать рыданію бѣдныхъ жителей и стону несчастныхъ солдатъ, которые такъ храбро и отлично дрались въ кампаніи 1812 года, когда отечество было почти порабощено непріятелемъ. Скажите, чего достойны сіи воины, спасшіе столицу и отечество отъ врага-грабителя, который попралъ святыню? Такъ они, никто другой спасъ Россію, и это былъ долгъ ихъ. Они клялись престолу и отечеству и твердо выполнили оную, а такое ли возмездіе получили за свою храбрость! Нѣтъ, увеличились послѣ того еще болѣе угнетенія. Я не говорилъ бы сего, если бы не былъ сынъ отечества вѣрный, я считаю долгомъ говорить оное“ [1]). Тѣми же чувствами были проникнуты и другіе сотоварищи Андреевича 2· Борисовъ 2 вспоминаетъ въ своемъ показаніи о фактахъ жестокости командировъ къ ихъ подчиненнымъ. Эти наблюденія „раздували часъ отъ часу болѣе“ въ немъ любовь къ вольности и народодержавію. Между прочимъ, онъ разсказываетъ, что „въ 1819 году, неза-

---

[1]) Показанія подпоручика Андреевича 2.

долго до похода въ Грузію той роты, въ коей я тогда находился, командиръ оной наказывалъ палкой за пьянство и растрату денегъ бывшаго фельдфебеля, фейерверкера и рядового при сборѣ всей роты. Я былъ до того тронутъ, что вышелъ изъ фронта и давалъ самому себѣ клятвы уничтожить наказаніе такого рода, хотя бы сіе стоило мнѣ жизни“ [1]). Подобнаго рода факты, когда офицеры выходили изъ строя и даже падали въ обморокъ при видѣ наказаній солдатъ, не единичны. Извѣстенъ случай съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, упавшимъ въ обморокъ во время подобной экзекуціи. Братъ Борисова 2 въ своемъ показаніи также съ огорченіемъ вспоминаетъ объ излишней взыскательности начальниковъ со своихъ подчиненныхъ и въ этомъ, между прочимъ, видитъ одну изъ побудительныхъ причинъ своихъ попытокъ образовать тайное общество [2]).

Баронъ Розенъ въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ не разъ съ отвращеніемъ вспоминаетъ о жестокости начальствующихъ лицъ арміи, о безполезности фронтовой выправки и, наконецъ, о казнокрадствѣ въ арміи.

О казнокрадствѣ въ арміи говоритъ и Александръ Бестужевъ. Какъ морякъ, онъ приводитъ нѣсколько фактовъ, характеризующихъ морское вѣдомство. „Въ петербургскомъ и кронштадтскомъ адмиралтействѣ, — разсказываетъ онъ, — положено, въ 190 лошадей для таскания бревенъ, въ 2-мъ не знаю числа. Но дѣло въ томъ, что ни одна лошадь не работаетъ, а возитъ по гостямъ разныхъ чиновниковъ. Вмѣсто же ихъ запрягаютъ несчастныхъ матросовъ. Братъ мой Николай и кап. Л. Торсонъ могутъ дать подробнѣйшія свѣдѣнія о многомъ множествѣ злоупотребленій по флоту“.

Безпорядки въ арміи естественно приводили къ неудовольствію; солдаты и офицеры роптали. „Солдаты роптали на истому ученьями, чисткою, караулами, офицеры—

[1]) Показанія Борисова 2.

[2]) Показанія Борисова 1.

на скудость жалованья и непомѣрную строгость. Матросы—на черную работу, удвоенную по злоупотребленію, морскіе офицеры—на бездѣйствіе. Люди съ дарованіями жаловались, что имъ заграждаютъ дорогу по службѣ, требуя лишь безмолвной покорности" [1]). Гангебловъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ о сильномъ паденіи дисциплины въ арміи, даже среди гвардейскихъ солдатъ. Солдаты покорялись дисциплинѣ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, и на офицеровъ смотрѣли свысока, насмѣшливо. Разсказавъ нѣсколько реальныхъ случаевъ такого пренебреженія солдатъ офицерами, Гангебловъ заключаетъ: „Видно, начальство потеряло почву подъ собою". Это было въ Измайловскомъ полку [2]).

Любопытно, что увлеченіе самого Александра I фронтомъ и вообще военнымъ дѣломъ, по словамъ нѣкоторыхъ, производило въ арміи совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ этого слѣдовало бы ожидать. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ Каховскій. Въ письмѣ къ императору Николаю I онъ заклинаетъ его не подражать своему предшественнику въ его увлеченіи фронтомъ. Каховскій говоритъ объ опасеніяхъ декабристовъ, что императоръ Николай, о любви котораго къ военщинѣ всѣмъ было извѣстно, сдѣлавшись государемъ, будетъ интересоваться только военнымъ дѣломъ и притомъ мало полезной его отраслью—фронтовой выправкой. „Я только доложу вамъ,—бросаетъ Каховскій въ лицо государю, конечно, весьма непріятное ему замѣчаніе,—что и самые люди, къ вашему величеству преданные, не оправдываютъ въ васъ страсти къ фронту. Сіе занятіе государей нашихъ въ глазахъ всего народа уже сдѣлалось ненавистно. Самыя войска чрезмѣрно тяготятся имъ и ужасно ропщутъ. При ученіи солдатъ иногда вырываются такія изреченія, которыя, распространяясь по государству, во-

[1]) Письмо въ дѣлѣ № 11.

[2]) Воспоминаніе декабриста Александра Семеновича Гангеблова, 14, 15.

оружаютъ сердца и умножаютъ ропотъ. Ваше величество! если бы вы знали, сколь много вы повредили себѣ въ общемъ мнѣніи симъ занятіемъ. Обиженное честолюбіе успокоить трудно и какія вѣсти, какіе слухи носились по государству. Отъ васъ зависитъ теперь судьба пятидесяти милліоновъ людей, и я усердно желаю, государь, чтобы вы предпочитали пріятное полезному" [1]).

Наши замѣчанія о военной службѣ въ представленіи декабристовъ мы можемъ закончить словами полковника Матвѣя Муравьева-Апостола. На вопросъ слѣдственнаго комитета о томъ, насколько армія готова къ возмущенію и о причинахъ ея недовольства, онъ заявилъ комитету: „Я нахожу, что армія готова двигаться, потому-то я нахожу, что вообще настоящая дисциплина потеряна,—дисциплина, основанная на душевномъ уваженіи къ начальникамъ: 1) большая часть полковыхъ командировъ пѣхотныхъ полковъ, какъ, напримѣръ, Гебель, пользуются незаконнымъ образомъ солдатскимъ провіантомъ. Это заставляетъ ихъ входить въ постыдные торги съ ротными командирами. Ротные командиры, желая имѣть также какую-нибудь выгоду, угождаютъ жителямъ, которые кормятъ солдатъ, и даютъ имъ квитанціи. Это заставляетъ ихъ быть несправедливыми, когда бываютъ жалобы. 2) Полковые командиры, которые наблюдаютъ больше свою выгоду, бываютъ дерзки въ выговорахъ. 3) Мало обращаютъ вниманія на нравственность армейскихъ офицеровъ. 4) Большее число разжалованныхъ офицеровъ въ полкахъ. 5) Штрафованные солдаты, которымъ уже не предстоитъ никакихъ надеждъ выйти когда-нибудь въ отставку. 6) Армейскій солдатъ весь круглый годъ въ походѣ, на что онъ очень жалуется. Доказательство моего мнѣнія, что армія готова двигаться—это мятежъ Черниговскаго пола, въ которомъ

---

[1]) Щеголевъ. Петръ Григорьевичъ Каховскій, „Былое", 1906 г., февраль, 201.

никакихъ не сдѣлали приготовленій еще наканунѣ того дня, что подняли полкъ" [1]). Декабристы возмущались порядками въ арміи не платонически. Имъ, несомнѣнно, принадлежитъ заслуга по пропагандѣ идеи гуманнаго обращенія съ солдатами. Эту идею на практикѣ декабристы проводили во ввѣренныхъ имъ частяхъ. Тѣ изъ нихъ, которые занимали болѣе крупные посты, какъ, напримѣръ, генералы Орловъ, князь Волконскій, Фонъ-Визинъ, могли бороться и противъ злоупотребленій казнокрадства. Декабристы обратили вниманіе на развитіе солдатъ, на сообщеніе имъ свѣдѣній, познаній. Такимъ образомъ, солдаты почувствовали облегченіе и человѣческое къ себѣ отношеніе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ полкахъ и ротахъ. Впрочемъ, объ этой сторонѣ ихъ дѣятельности намъ еще придется говорить.

III.

Сословный строй.

Выяснивъ административный и военный строй того времени по представленію декабристовъ, мы теперь можемъ перейти къ обзору взглядовъ декабристовъ на сословные вопросы. Наиболѣе рельефно многіе изъ нихъ высказались по крестьянскому вопросу. Что же касается другихъ сословій—дворянства, городского класса и духовенства, то взгляды декабристовъ не представляютъ въ этомъ отношеніи большого интереса. Нѣкоторые изъ нихъ касались нравственнаго и умственнаго состоянія этихъ сословій или экономическаго. Взгляды ихъ были неодинаковы. Такъ, относительно дворянскаго сословія Якубовичъ признаетъ необходимость аристократіи въ единовластномъ монархическомъ правленіи; по его мнѣнію, „она служитъ равновѣсіемъ государству, предста-

[1]) Показаніе Матвѣя Муравьева-Апостола.

вительницей у трона за народъ и оппозиціей властямъ“. Но это только въ теоріи, неприложимой, по убѣжденію Якубовича, къ Россіи. Въ Россіи мало этихъ „столбовъ отечества“; среди русскихъ дворянъ немного такихъ, которые выдѣляются происхожденіемъ, богатствомъ, мудростью и безупречнымъ служеніемъ отечеству, что давало бы имъ права предстоять за народъ предъ лицомъ монарха. Якубовичъ дѣлитъ русское дворянство на вельможъ, среднихъ и мелкопомѣстныхъ. О вельможахъ онъ ничего не говоритъ, къ среднимъ относится съ большой симпатіей, какъ къ классу образованному и способному съ пользой служить отечеству. Мелкопомѣстные дворяне пребываютъ въ полномъ невѣжествѣ, наводняя армію и судебныя палаты. Какъ на отрицательную сторону всего дворянства, Якубовичъ указываетъ на роскошь, укоренившуюся среди него и обременяющую многія фамиліи долгами [1]). Александръ Бестужевъ съ большимъ неодобреніемъ отзывается о русскомъ дворянствѣ. Онъ съ большой горечью говоритъ объ угнетеніи дворянами своихъ крестьянъ, что гораздо „чувствительнѣе, потому что они, т.-е. дворяне, стали понимать право людей“. Онъ также дѣлитъ дворянство на три разряда: на просвѣщенныхъ, изъ коихъ составляется знать, на грамотныхъ, „которые или мучатъ другихъ какъ судьи, или сами таскаются по тяжбамъ“, наконецъ, на невѣждъ, живущихъ въ глухихъ деревняхъ. И онъ также весьма неблагосклонно относится къ мелкопомѣстнымъ дворянамъ: они „составляютъ язву Россіи, всегда виноватые и всегда ропщущіе и, желая жить не по достатку, по претензіямъ своимъ мучатъ бѣдныхъ крестьянъ своихъ нещадно“. Роскошь разоряетъ дворянъ особенно тѣхъ, которые служатъ въ столицахъ, отчего $^1/_{10}$ имѣній разстроена и въ закладѣ [2]).

[1]) Письмо въ дѣлѣ № 470.
[2]) Дѣло № 11.

Къ этимъ отзывамъ примыкаетъ и отзывъ барона Штейнгеля. Впрочемъ, послѣдній останавливается собственно на безпомѣстномъ или личномъ дворянствѣ, множество котораго производится табелью о рангахъ, отличается бѣдностью, но считаетъ для себя унизительнымъ всякій не дворянскій трудъ и ремесло [1]).

Что касается торговаго класса и ремесленниковъ, то объ этомъ намъ уже приходилось говорить по поводу экономической политики правительства. Въ этомъ вопросѣ взгляды декабристовъ расплывчаты, такъ какъ среди писавшихъ подробное изложеніе своихъ взглядовъ и не было свѣдущихъ въ этомъ вопросѣ лицъ за исключеніемъ барона Штейнгеля. Послѣдній былъ большимъ знатокомъ вопросовъ, связанныхъ торговлею и торговымъ сословіемъ. Еще въ 1817 году онъ представилъ графу Аракчееву записку, подъ заглавіемъ „Нѣкоторыя мысли и замѣчанія относительно законныхъ постановленій о гражданственности и купечествѣ въ Россіи“. Главнѣйшія предложенія автора записки сводились къ слѣдующему: онъ считалъ необходимымъ уничтожить отдѣльныя званія купцовъ и мѣщанъ и замѣнить ихъ наименованіями гражданъ. Званіе гражданъ могло быть предоставляемо и дворянамъ при условіи участія ихъ во всѣхъ городскихъ общественныхъ дѣлахъ и въ городскихъ выборахъ. Всѣ городскія земли должны принадлежать не отдѣльной группѣ гражданъ, но всему „городскому обществу, чтобы всѣ жители города отъ нихъ чувствовали пользу“. Онъ рекомендовалъ уравненіе въ податномъ отношеніи всѣхъ гражданъ. Онъ указывалъ на то обстоятельство, что купечество и мѣщанство „оскорбляются личными податями“. Поэтому онъ рекомендовалъ освободить городской классъ отъ подушной подати и обложеніе городовъ устроить такимъ образомъ: наложить на весь городъ извѣстную сумму, предоставивъ самому городскому

[1]) „Общественныя движенія“, 491.

обществу сдѣлать уравнительную раскладку по состоянію каждаго плательщика. Купечество было свободно отъ рекрутской повинности. Штейнгель считалъ эту льготу несправедливой, но полагалъ также несправедливымъ отнять ее и предлагалъ, опредѣливъ, сколько каждый городъ долженъ былъ бы по разверсткѣ поставить рекрутовъ, разрѣшить вносить за нихъ деньгами и нанимать для этого у дворянъ дворовыхъ людей. Далѣе онъ рекомендовалъ освободить всѣхъ гражданъ отъ тѣлеснаго наказанія и усилить мѣры къ распространенію просвѣщенія въ городахъ. Относительно суда въ городахъ Штейнгель предлагалъ весьма важныя мѣры. Такъ онъ предлагалъ улучшить городовые суды, особенно въ отношеніи уголовнаго судопроизводства, считалъ необходимымъ оградить „лучшими мѣрами" „взятіе подъ стражу гражданина"; слѣдствіе надъ гражданиномъ никогда не должно производиться безъ депутатовъ отъ города, ибо „иначе бѣдность невозможно оградить отъ наглости и насильства. И теперь существуетъ законъ, что мѣщанинъ безъ суда не накажется, и мѣщанина никто обезчестить не можетъ. Но развѣ не видимъ сплошь, что при малѣйшемъ притязаніи полиціи, бьютъ ихъ по щекамъ, сѣкутъ розгами и проч., и всякій будочникъ даетъ невозбранную волю рукамъ своимъ" [1]). Эта записка—проектъ, предложенный всесильному графу Аракчееву. Въ такомъ проектѣ авторъ его не могъ, конечно, во всей полнотѣ развить своего критическаго взгляда на положеніе городского класса, не могъ высказать и своихъ конечныхъ идеаловъ; но, тѣмъ не менѣе, предложенныя Штейнгелемъ мѣры могли бы и при тогдашнихъ условіяхъ поднять городской классъ и улучшить его положеніе; онъ нашелъ и случай указать и на наиболѣе важные дефекты въ положеніи этого класса.

---

¹) „Общественныя движенія", 287—289.

Что касается духовенства, то относительно этого класса мы можемъ указать на двѣ характеристики, сдѣланныя Александромъ Бестужевымъ и Якубовичемъ. Это — общій взглядъ на состояніе низшаго духовенства. „Духовенство сельское въ жалкомъ состояніи,— говоритъ первый. — Не имѣя никакого оклада, оно вовсе предано крестьянамъ и оттого, принужденное угождать имъ, впадало само въ пороки, для удаленія коихъ учреждено, между тѣмъ, какъ сельское нищенствовало въ неуваженіи. Указъ объ одеждахъ женъ священническихъ привелъ въ волненіе и неудовольствіе богатое городское духовенство“ [1]. Въ томъ же родѣ краткая характеристика духовенства, сдѣланная Якубовичемъ: „Духовенство бѣдно, невѣжественно и не всегда добродѣтельно; изъ сего произошло, что русскіе, чтя вѣру и бывъ истинными христіанами, мало уважаютъ духовныхъ своихъ пастырей, и они никакого вліянія не имѣютъ на народъ“ [2]. Гангебловъ тоже жалуется на необразованность бѣлаго духовенства, сельскаго и въ мелкихъ городахъ, несоотвѣтствующаго своему высокому назначенію [3].

Было не мало причинъ, въ силу которыхъ декабристы обходили въ своихъ показаніяхъ и письмахъ вопросъ о сословномъ дѣленіи, за исключеніемъ вопроса объ отношеніи помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ. Дворяне и безъ того пользовались большими привилегіями въ государствѣ, и если эти привилегіи не были основаны на политическихъ правахъ, то, во всякомъ случаѣ, утверждены были практикою и подтверждены дворянской грамотой. Сверхъ того, для многихъ было бы безполезно высказывать свои конечные взгляды: въ средѣ членовъ слѣдственнаго комитета и у государя ихъ взгляды не нашли бы сочувственнаго отзвука. Проекты конституцій, со-

[1]) Дѣло № 11.
[2]) Дѣло № 470.
[3]) Показаніе Гангеблова, стр. 8.

ставленные декабристами, показываютъ, что конечные идеалы наиболѣе радикальной группы декабристовъ переросли сословныя рамки и склонились къ политическому равенству всѣхъ сословій.

Крестьянство.

По отношенію къ крестьянскому вопросу позиція декабристовъ, какъ до революціи, такъ и по заключеніи ихъ въ крѣпость, была совершенно иная. Въ качествѣ членовъ тайныхъ обществъ декабристы считали своею обязанностью распространять здравыя понятія среди крѣпостническаго дворянства о вредѣ крѣпостного права. Въ качествѣ заключенныхъ въ крѣпость, они подняли свой голосъ противъ того же явленія, питая надежду на то, что ихъ горячій призывъ, хоть отчасти, будетъ способствовать уменьшенію крестьянскаго безправія.

Какъ дѣятельность декабристовъ, направленная противъ крѣпостного права, такъ и литература по тому же вопросу, принадлежащая имъ, довольно обширны и разносторонни. Въ крестьянскомъ вопросѣ декабристы выяснили многія стороны въ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ и старались выяснить въ средѣ тогдашняго общества и самому правительству всю тягость для крестьянъ крѣпостного рабства, его безнравственность и даже старались утвердить мысль о томъ, что въ экономическомъ отношеніи крѣпостной трудъ является далеко не интенсивнымъ, наконецъ, разъясняли исторію крѣпостного права.

Прежде всего присмотримся къ тому, какъ представляли себѣ декабристы положеніе современнаго имъ крѣпостного крестьянства. Въ этомъ отношеніи декабристы указывали на различныя ненормальныя стороны въ положеніи крестьянъ. Такъ, напримѣръ, Якубовичъ возмущается тѣмъ обстоятельствомъ, что вся тяжесть налоговъ фактически падала на крестьянскую массу; конечно, это касалось прямыхъ налоговъ [1]). Въ своей извѣстной

[1]) Дѣло № 470.

книгѣ „Опытъ теоріи налоговъ“ Николай Тургеневъ также обращаетъ вниманіе на необходимость при распредѣленіи налоговъ „отклоненія тяжести налоговъ отъ простого народа“. „Древніе римляне,—наставительно говорилъ онъ,—поставляли себѣ за честь платить тѣмъ болѣе, чѣмъ знатнѣе они были; знатные люди новѣйшаго времени, какъ мы видѣли, находятъ честь свою совсѣмъ въ противномъ“ [1]).

Но огромное большинство декабристовъ больше всего, конечно, возмущалось обращеніемъ помѣщиковъ съ ихъ крестьянами. Александръ Бестужевъ въ своемъ письмѣ неоднократно съ омерзѣніемъ говоритъ о помѣщикахъ-притѣснителяхъ. „Поведеніе русскихъ дворянъ,—говоритъ онъ, между прочимъ,—въ этомъ отношеніи ужасно. Негры на плантаціяхъ счастливѣе многихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Продавать врозницу семьи, похитить невинность, развратить женъ крестьянскихъ считается ни во что и дѣлается явно. Не говорю уже о барщинѣ и оброкахъ, но есть изверги, которые раздаютъ борзыхъ щенковъ для выкормленія грудью крестьянокъ. Къ счастью человѣчества, такіе примѣры не часты, но, къ стыду онаго, они существуютъ“ [2]). Почти въ такихъ же выраженіяхъ даетъ сжатую характеристику крѣпостного права Якубовичъ: „Помѣщики, живущіе въ деревняхъ, большею частью закоснѣли въ невѣжествѣ и порокахъ, самовластно располагаютъ честью, имуществомъ и самой жизнью своихъ крестьянъ, передавая развратъ въ ихъ семейства. Нѣтъ защиты утѣсненному, нѣтъ грозы и страха утѣснителю“ [3]). Даже весьма осторожный въ своихъ показаніяхъ майоръ Спиридовъ, охотно ссылавшійся на свои заблужденія даже въ довольно невинныхъ вопросахъ, однако, не счелъ возможнымъ не кос-

2/

[1]) Цитировано по Корнилову, „Очерки по исторіи общественнаго движенія“, 20.

[2]) Дѣло № 11.

[3]) Дѣло № 470,

нуться крестьянскаго вопроса. Онъ возвращается къ нему нѣсколько разъ въ своихъ объясненіяхъ слѣдственному комитету. Наиболѣе сильное впечатлѣніе производило на него угнетеніе своихъ крестьянъ помѣщиками: „Угнетеніе крестьянъ наипаче въ присоединенныхъ губерніяхъ. Сіе, ваше императорское величество, я говорилъ по опыту“. Дѣйствительно, онъ приводитъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ своего „опыта“. „Служа большею частью въ арміи, квартируя въ домахъ у самихъ крестьянъ, признаюсь, входя въ подробный разборъ ихъ положенія, видя обращенія съ ними господъ, часто я ужасался и причину сему находилъ въ принадлежности ихъ (помѣщикамъ). Въ Малороссіи видѣлъ въ одной и той же деревнѣ: казеннаго жителя, изобилующаго во всемъ, а господскаго томящагося въ бѣдности. Потомъ, сдѣлавъ переходъ въ Житомирскую губернію, болѣе былъ приведенъ въ скорбь общею бѣдностью поселянъ: видѣлъ тамъ, что плодородная сія губернія отдаетъ дань однимъ владѣльцамъ, видѣлъ неусыпную дѣятельность хлѣбопашца, плоды которой служили къ обогащенію ихъ пановъ; видѣлъ неисчислимыя богатства хлѣба на токахъ ихъ, а у поселянъ къ окончанію года недоставало ни зерномъ ни печенымъ не только для продажи, но даже и для пропитанія. Повсемѣстная дешевизна далеко, чтобъ служила имъ въ пользу, ибо непремѣнное принужденіе покупать все необходимое въ домоводствѣ въ корчмахъ у евреевъ ввергало ихъ въ бѣдную нищету. Сознаюсь, мое сердце содрогалось, жалѣя ихъ“ [1]). По замѣчанію Борисова 2-го, наблюденіе надъ крѣпостнымъ состояніемъ развивало въ немъ либеральныя идеи: „Несправедливости, насиліе и угнетеніе помѣщиковъ, ихъ крестьянамъ причиняемыя, рождали во мнѣ всегда подлыя (очевидно, теперь Борисовъ 2 становится на точку зрѣнія членовъ слѣдственнаго ко-

[1]) Показаніе Спиридова.

митета) чувствованія и укрѣпляли въ моемъ умѣ либеральныя мысли“ [1]). Въ этомъ совершенно сходится съ Борисовымъ 2 Вильгельмъ Кюхельбекеръ. „Угнетеніе истинно ужасное (говорю не по слухамъ, а какъ очевидецъ, ибо живалъ въ деревнѣ не мимоходомъ),—показывалъ онъ на слѣдствіи,—въ которомъ находится большая часть помѣщичьихъ крестьянъ, особенно же господъ мелкопомѣстныхъ и средняго разбора, исключая милліонеровъ (и то не всѣхъ) и совершенно бѣдныхъ. О послѣднихъ замѣтилъ я, что у господина, который самъ пашетъ, крестьянинъ обыкновенно сытъ, одѣтъ и не битъ“ [2]).

Но большая часть декабристовъ въ своихъ показаніяхъ и запискахъ оставила намъ конкретные факты жестокаго обращенія помѣщиковъ съ ихъ крестьянами. Басаргинъ въ своемъ показаніи разсказываетъ, что въ 1819 году ему довелось стоять въ одной деревнѣ Московской губерніи и быть свидѣтелемъ жестокаго обращенія помѣщика съ крестьянами. Это обстоятельство „дало мнѣ первую мысль или, лучше сказать, желаніе сдѣлать ихъ свободными“, поэтому, между прочимъ, онъ охотно вступилъ въ члены Тайнаго Общества [3]). „На съемкѣ въ Подольской губерніи,—разсказываетъ Крюковъ 2,—увидѣлъ я, до какой степени простирается угнетеніе крестьянъ помѣщиками и жидами. Чувствуя вполнѣ бѣдственное состояніе рабства и невѣжества, болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что одно лишь общее просвѣщеніе можетъ сдѣлать государство благополучнымъ“ [4]). По словамъ позднѣйшихъ записокъ Якушкина, „закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе“ служили предметомъ неоднократныхъ разговоровъ въ кружкѣ молодыхъ офицеровъ, которые впослѣдствіи пришли къ

1) Показанія Борисова 2.
2) Показанія Кюхельбекера.
3) Показаніе Басаргина.
4) Показаніе Крюкова 2.

мысли основать тайное общество. Изъ записокъ того же Якушкина извѣстно нѣсколько фактовъ того, какъ жестокое обращеніе помѣщиковъ къ крестьянами принималось самимъ Якушкинымъ и близкими къ нему людьми, наконецъ, извѣстны также хлопоты Якушкина объ освобожденіи своихъ крестьянъ [1]).

Гангебловъ въ своемъ показаніи возмущается неограниченностью власти помѣщиковъ надъ своими крестьянами и жестокимъ съ ними обращеніемъ: помѣщики болѣе думаютъ объ увеличеніи своихъ богатствъ, нежели о пользѣ крестьянъ [2]). Пестель въ своихъ показаніяхъ и въ „Русской Правдѣ" многократно возвращается къ ужасамъ крѣпостного права. „Рабство крестьянъ всегда сильно на меня дѣйствовало", заявлялъ онъ членамъ слѣдственнаго комитета [3]). Изъ „Русской Правды" видно, что Пестель внимательно изучалъ положеніе крѣпостного вопроса въ Россіи и въ своихъ предположеніяхъ объ освобожденіи крестьянъ пришелъ къ мыслямъ, далеко опередившимъ громадное большинство его современниковъ, даже изъ среды декабристовъ. Впрочемъ, мы впослѣдствіи познакомимся въ подробностяхъ съ отношеніемъ „Русской Правды" къ крестьянскому вопросу. Теперь же остановимся еще на чрезвычайно любопытныхъ запискахъ одного изъ самыхъ молодыхъ декабристовъ Тучкова. До насъ дошелъ отрывокъ дневника, веденнаго имъ въ 1818 году, т.-е. въ то время, когда онъ не принадлежалъ еще къ Тайному Обществу. Послѣднее обстоятельство весьма любопытно, потому что указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что въ среду Тайнаго Общества входили уже люди болѣе или менѣе подготовленные, признающіе безвыходность установившагося порядка вещей. Восемнадцатилѣтній прапорщикъ квартирмей-

[1]) Записки.
[2]) Показанія Гангеблова, стр. 8.
[3]) „Былое", 1906, февраль, 136.

стерской части Тучковъ былъ отправленъ въ 1818 году для статистическаго и типографическаго описанія Одоевскаго и Бѣлевскаго уѣздовъ. Работы въ уѣздѣ дали возможность юному прапорщику коротко познакомиться съ крестьянской жизнью. Весь его коротенькій дневникъ посвященъ описанію крестьянской недоли, возмутившей автора его.

Тучковъ приводитъ рядъ фактовъ, рисующихъ тяготу крестьянскаго оброка или барщинной повинности. Въ одной деревнѣ онъ обратилъ вниманіе на то, что помѣщикъ отвелъ на каждое тягло по одной десятинѣ сѣрой земли и беретъ съ крестьянъ по 60 р. съ тягла да еще извозную повинность. Въ другомъ селѣ помѣщикъ беретъ съ тягла по 40 руб. да сверхъ того требуетъ поголовной барщины, когда вздумаетъ. Тутъ же крестьяне даютъ помѣщику домашнюю птицу, поросятъ, барановъ и кормятъ господскій скотъ. Тотъ же помѣщикъ за позволеніе вступить въ бракъ беретъ съ своихъ же крестьянъ большія деньги. Онъ отмѣчаетъ села, гдѣ выгоняютъ крестьянъ поголовно на барщину, такъ что иной разъ на собственную работу крестьянамъ остается одинъ-другой день въ недѣлю. „Я спрашивалъ, когда же крестьяне убираютъ свой хлѣбъ, мнѣ отвѣчали: на это есть ночь“. На пути Тучкова встрѣчались и либеральные помѣщики, говорившіе хорошо, но поступавшіе дурно. Одинъ такой отставной гусарскій поручикъ „говоритъ хорошо, но, видно, не такъ дѣлаетъ, какъ говоритъ; по его словамъ, тиранія помѣщиковъ — дурное дѣло; однакоже, вотъ два мѣсяца, какъ его крестьяне работаютъ поголовно на барина, а на себя ни одного еще дня. Они въ жалкомъ состояніи и говорятъ, что онъ ихъ доѣхалъ“. Знакомство съ бытомъ крестьянъ въ данной мѣстности произвело на наблюдателя тяжелое впечатлѣніе. „Вообще можно сказать,—пишетъ Тучковъ,— что здѣсь народъ угнетенъ до чрезвычайности; казенныхъ крестьянъ мало — все помѣщичьи, а изъ нихъ ни

одного нѣтъ изряднаго; если не сами, то приказчики разоряютъ вконецъ". Тучковъ приводитъ нѣсколько фактовъ жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами. Въ селѣ Желѣзенцахъ помѣщикъ донялъ крестьянъ наказаніями: „по пятисотъ палокъ за одинъ разъ, или, лучше сказать, бьетъ до упаду, сѣчетъ кнутомъ, когда очень сердится, и бьетъ изъ своихъ рукъ палкой по головѣ. Много отъ него померло". Картина помѣщичьяго произвола въ с. Ясенкахъ такъ поразила Тучкова, что онъ рѣшилъ даже написать одоевскому исправнику. Въ этомъ селѣ помѣщикъ и его приказчикъ „разоряютъ крестьянъ до чрезвычайности и бьютъ немилосердно; во все лѣто даютъ имъ 3 дня работать на себя, отрѣзали у нихъ лучшую землю. Перевели у крестьянъ свиней, а между тѣмъ собираютъ съ нихъ свинину, которую крестьяне должны покупать. Работая вѣчно на барина, не зная ни отдыха ни церкви по воскресеньямъ, эти несчастные находятся въ жалкомъ состояніи. Если кто изъ нихъ осмѣлится попросить господскаго хлѣба по неурожаю прошедшаго года, то баринъ даетъ имъ понемногу, только прежде крестьянина сѣкутъ ужаснымъ образомъ. По міру ходить не позволяютъ, работать на себя не даютъ, а собираютъ съ крестьянъ все съѣстное, что только вздумать можно. Они до того довели крестьянъ, что послѣдніе въ голосъ кричали мнѣ: „Уйми хоть ты его (приказчика), баринъ! Онъ, разбойникъ, бьетъ насъ безъ милости, разоряетъ вконецъ". Вотъ слѣды беззаконной помѣщичьей власти". Наблюденіе надъ крѣпостнымъ правомъ приводитъ Тучкова къ многимъ любопытнымъ заключеніямъ. Онъ считаетъ „самодержавное правленіе русскихъ помѣщиковъ" весьма тягостно отзывающимся на крестьянахъ. „Уныніе и неудовольствіе — печать рабства — составляютъ главнѣйшую черту характера русскихъ крестьянъ". Насилія, чинимыя помѣщиками, являются насиліями самого правительства: кнутъ въ рукахъ помѣщика — все равно, что кнутъ въ рукахъ

правительства. Между тѣмъ имѣть рабовъ противно божескимъ законамъ. Въ помѣщичьей средѣ иногда раздаются отзывы о крестьянахъ какъ о варварахъ. Тучковъ защищаетъ русскаго крестьянина: „Напрасно думаютъ о русскихъ крестьянахъ, что они варвары безо всякаго просвѣщенія... что они, получивъ однажды свободу, не въ состояніи будутъ употреблять ее ни на что полезное и что тогда размножится число людей, преданныхъ всякимъ порокамъ, особливо же грабежъ и разбой, и, наконецъ, напрасно говорятъ, что теперь золотое время спокойствія или тишины, благодаря власти помѣщиковъ". И Тучковъ превращается въ убѣжденнаго защитника идеи освобожденія крестьянъ. Онъ глубоко увѣренъ въ томъ, что „свобода не замедлитъ привести въ цвѣтущее состояніе сословіе людей, прокормляющее и обогащающее всю Россію,—сословіе, дающее самое большое число защитниковъ отечеству, и потому сословіе, достойное уваженія" [1]).

Таковы въ высшей степени интересныя наблюденія Тучкова.

Если одни ихъ декабристовъ передаютъ намъ свои впечатлѣнія, конкретные факты изъ крѣпостнической эпохи, то другіе старались выяснить различныя стороны крѣпостного права и безнадежность попытокъ тѣхъ, которые хотятъ найти какія-либо основанія, нравственныя или экономическія причины къ удержанію этого института. Въ запискѣ Николая Тургенева, представленной имъ въ 1819 году графу Милорадовичу и имѣвшей своею цѣлью побудить правительственныя сферы, по крайней мѣрѣ, къ облегченію участи крестьянъ, видно широкое знакомство съ дѣломъ и вдумчивое отношеніе къ вопросу. Въ этой запискѣ онъ сообщаетъ рядъ своихъ наблюденій надъ крѣпостнымъ строемъ.

---

[1]) А. А. Тучковъ и его дневникъ, „Вѣстникъ Европы", 1900 г., августъ, 685.

Онъ, напримѣръ, отмѣчаетъ тотъ фактъ, что крестьяне, принадлежащіе откупщикамъ или вообще лицамъ, занимающимся торговлею (разумѣются, конечно, только дворяне), находятся въ наиболѣе тягостномъ положеніи: „Владѣльцы ихъ, привыкнувъ къ большимъ барышамъ, по прежнему ихъ торгу, не могутъ довольствоваться умѣренными доходами отъ недвижимой собственности". Онъ признаетъ болѣе сноснымъ положеніе оброчныхъ крестьянъ. Но съ крестьянъ, отбывающихъ барщину, помѣщики требуютъ не узаконенныхъ трехъ дней, а гораздо больше, до шести дней въ недѣлю. Обращеніе помѣщиковъ съ своими крестьянами часто отличается безнравственностью, какъ, напримѣръ, продажа дѣвушекъ азіатскимъ торговцамъ. Далѣе, Николай Тургеневъ приводитъ рядъ соображеній, изъ которыхъ явствуетъ, что весьма трудно законнымъ путемъ привлечь жестокаго помѣщика къ отвѣтственности, и возникающія по этому поводу дѣла являются чистою случайностью [1]).

Въ официальной запискѣ Тургеневъ сдержанно и дѣловито обсуждаетъ крестьянскій вопросъ, давая общую его характеристику. У другихъ его сотоварищей по Обществу мы встрѣчаемъ выясненіе отдѣльныхъ сторонъ того вреда, который приноситъ государству рабство. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ обращали вниманіе на безнравственность крѣпостного права: оно понижаетъ нравственность, какъ рабовладѣльцевъ, такъ и рабовъ. Михаилъ Фонъ-Визинъ, впрочемъ, въ позднѣйшей своей статьѣ, написанной уже въ 1842 году, признаетъ крѣпостное право вреднымъ и въ нравственномъ, и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи: оно искажаетъ и властителей и подвластныхъ" [2]). Баронъ Штейн-

---

[1]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Величества канцеляріи, выпускъ 4, стр. 441.

[2]) „Общественныя движенія", 74.

тель въ письмѣ къ государю, которое онъ рѣшился написать въ 1823 году, во имя человѣческихъ правъ обращается къ государю съ совѣтомъ и мольбою о прекращеніи, по крайней мѣрѣ, торга людьми. „Вѣнценосные благодѣтели европейскихъ народовъ вступили сами за права человѣчества и ясно возстали противъ варварской торговли неграми. Россія, между тѣмъ, несетъ еще праведную укоризну отъ всей просвѣщенной Европы за постыдную перепродажу людей, въ ней существующую. Не исчисляя всего зла, какое отъ сего происходитъ, довольно упомянуть, что таковое право продавать людей никакимъ закономъ положительно не утверждено: оно вкралось злоупотребленіемъ и укоренилось временемъ“ [1]).

Наконецъ князь Трубецкой въ своихъ запискахъ характеризуетъ цѣлый рядъ особенностей крѣпостного права и подчеркиваетъ безнравственныя его стороны. Онъ утверждаетъ, и это совершенно справедливо, что Тайное Общество поставило себѣ подвигомъ борьбу съ язвою крѣпостничества. „Состояніе высшаго класса,— говоритъ онъ,—т.-е. дворянства, почти во всѣхъ частяхъ одинаковое, но состояніе низшаго простого народа весьма различное. Въ Финляндіи свобода, въ народахъ магометанской вѣры и идолопоклонническихъ также; въ прибалтійскихъ губерніяхъ только что она возникла, въ Царствѣ Польскомъ существовала въ законѣ, но не въ самомъ дѣлѣ. Одни только христіане, и то большею частію православные, подчинены необузданной волѣ помѣщиковъ. Крестьяне казенные, велико-россійскіе и украинскіе, такъ называемые казаки, одни изъ русскихъ не несутъ помѣщичьяго ига, но и не пользуются правами свободныхъ состояній. Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ также весьма неровное: одни оброчные, другіе пахотные,

---

[1]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Величества канцеляріи, выпускъ 7, стр. 194.

третьи фабричные, четвертые и то и другое и третье вмѣстѣ. Никакая мѣра, никакой законъ не опредѣляютъ повинности. Помѣщикъ полагаетъ ее по произволенію, изъ оброчныхъ сажаетъ на пашню, если ему разсудится, или, отрывая отъ земли, заводитъ фабрику. Несчастные жители арендныхъ имѣній и даже многихъ помѣщичьихъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и польской Украйнѣ живутъ почти круглый годъ мѣсячною дачею, не имѣя ничего собственнаго; пьянство — одна отрада ихъ, и отъ него лучшій доходъ помѣщика. Государственные доходы — основанные на безнравственности народа; правосудіе — продажное; взятки — должный доходъ чиновника. Вотъ зло, съ которымъ должно было вступить въ борьбу, и черезъ его только истребленіе можно было надѣяться водворить въ отечествѣ благосостояніе“ [1]).

Кромѣ нравственной стороны, какъ основы права, въ кружкахъ декабристовъ выяснились и другія его стороны. Крѣпостники указывали на патріархальность отношеній помѣщика къ его крестьянамъ, сравнивая господина съ отцомъ семейства. Въ своемъ „Опытѣ теоріи налоговъ“ Тургеневъ возражаетъ противъ такой ходячей тогда теоріи. Въ крѣпостномъ строѣ тогда готовы были видѣть прочные устои политическаго и религіознаго строя въ государствѣ, съ нарушеніемъ его опасались смутъ, подобныхъ французской революціи. Тургеневъ, въ той же своей книгѣ, пытается опровергнуть подобнаго рода возраженія и подчеркиваетъ несправедливость, проистекающую изъ обладанія одного класса гражданъ другимъ: „Если послѣднимъ (т.-е. сторонникамъ патріархальныхъ теорій) говорено было о необходимости постепеннаго дарованія крестьянамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ, если говорено было о необходимости постепеннаго ограниченія власти помѣщиковъ, которая въ дѣйствіяхъ своихъ

---

[1]) Записки князя Трубецкого, Лейпцигъ, 1875 года, 101.

часто бываетъ противна религіи и человѣчеству, то они дѣлали восклицаніе противъ царства разума во Франціи, какъ будто права собственности и личной свободы, на коихъ созидается благосостояніе государствъ, должны влещи за собой уничтоженіе религіи и законовъ. Пусть сіи люди взглянутъ въ исторію. Гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія. Вездѣ и вездѣ народъ платитъ любовію, признательностію и повиновеніемъ за дѣлаемыя ему благодѣянія. Возмущенія народныя всегда происходили отъ противнаго. Но таковы люди. Введеніе добраго вездѣ легче, нежели искорененіе злого. Въ Россіи съ тѣхъ поръ, какъ въ народѣ показалось сильное стремленіе къ нравственному усовершенствованію, въ соразмѣрности съ большими успѣхами въ хорошемъ, мы гораздо менѣе отстали отъ дурного. Будемъ, однакоже, питать сладостную надежду, что Россія, имѣющая много другихъ преимуществъ предъ прочими государствами, станетъ на ряду съ ними и въ семъ отношеніи. Духъ времени, выгоды самихъ помѣщиковъ служатъ основаніемъ сей надеждѣ. Благоустроенное государство не должно созидать своего благоденствія на несправедливости, угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственнаго добраго народа“ [1]).

Мнѣніе о патріархальности отношеній между помѣщиками и крестьянами въ сильной мѣрѣ основывалось на ложномъ историческомъ представленіи объ исконности крѣпостныхъ отношеній. Въ мнѣніяхъ декабристовъ находимъ отпоръ подобнаго рода представленіямъ. Нѣкоторыми изъ нихъ было указано какъ на сравнительную новизну крѣпостного строя, превратившагося въ рабо-

---

[1]) Цитировано по Корнилову, „Очерки изъ исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи“, 21.

владѣльческій, такъ и на то, что нѣкоторыя его стороны не основаны на точно установленномъ законѣ и являются тягостной для народа практикой. Баронъ Штейнгель въ своей запискѣ 1823 года указываетъ на свободу крестьянъ до прикрѣпленія ихъ Борисомъ Годуновымъ и на различіе, которое существовало въ древности между холопомъ и крестьяниномъ. Онъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ, что отличіе кабальнаго холопа отъ крестьянина, хотя и прикрѣпленнаго къ землѣ, продолжалось до первой ревизіи, а ею „всѣ холопи безъ различія поверстаны въ одинъ съ крестьянами подушный окладъ". Это обстоятельство и дало поводъ помѣщикамъ превращать холопей въ крестьянъ, а крестьянъ—въ холоповъ. Но это злоупотребленіе, терпимое по превратному толкованію правъ и вслѣдствіе послабленія закона. Оно укоренилось и сдѣлалось основаніемъ продажи крѣпостныхъ врозницу. По мнѣнію барона Штейнгеля, правительство не должно задумываться надъ уничтоженіемъ обычая продавать людей, какъ неоснованнаго на законѣ и какъ не имѣющаго за собой нравственныхъ основаній. „Сія,— убѣждаетъ онъ государя,—законами, исторіей и государственнымъ архивомъ подтверждаемая истина доказываетъ, что донынѣ существующая въ Россіи продажа людей, справедливое безславіе всей націи наносящая, никогда прямо не была дозволяема ея великими монархами, и потому не можетъ, по всей справедливости, почитаться законною. Но какъ никакая давность не можетъ предъ взоромъ монарха—отца своего народа освятить зло, удручающее одну часть его подданныхъ, и удержать скиптроносную десницу его отъ праведнаго искорененія сего зла, то никто изъ благомыслящихъ людей не можетъ отрицать, чтобъ уничтоженіе въ Россіи продажи людей не было дѣломъ праведнымъ, священнымъ и совершенно достойнымъ благословеннаго ея Александра и никто не долженъ смѣть роптать на мѣры, какія къ тому будутъ

приняты“ [1]). Другой авторъ офиціальной же записки Николай Ивановичъ Тургеневъ также затрогиваетъ этотъ вопросъ объ историческомъ происхожденіи крѣпостного права. Онъ утверждаетъ, что никогда законъ не водворялъ въ Россіи рабства и еще за сто пятьдесятъ лѣтъ крестьяне были свободны. Крестьяне были приписаны къ землѣ тогдашнимъ правительствомъ „для порядка“, потому что оно не могло утвердить порядка никакими другими справедливыми средствами. „Для сего порядка крестьяне были приписаны къ землѣ, но еще не отданы чрезъ то въ собственность помѣщикамъ, которымъ принадлежала одна только земля, что впослѣдствіи сіе приписаніе къ землѣ, мало-по-малу, и совсѣмъ не по закону, а по праву сильнаго, обратилось въ настоящее рабство. Если же сія часть исторіи нашего отечества обработана не совершенно и не въ настоящемъ видѣ, то сіе происходитъ только отъ того, что исторію пишутъ не крестьяне, а помѣщики“. Тургеневъ не разъ въ этой запискѣ ссылается на законъ императора Павла, какъ на прецедентъ, въ силу котораго правительство имѣетъ право вмѣшиваться въ отношенія помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ, тѣмъ болѣе, что это право не основано на законѣ, по крайней мѣрѣ, во многихъ его частяхъ. Авторъ прибѣгаетъ также и къ сравненію Россіи съ европейскими государствами. Въ послѣднихъ варвары-побѣдители сдѣлали рабовъ изъ побѣжденныхъ. Въ Россіи какъ разъ наоборотъ: народъ свергъ побѣдителей татаръ, будучи свободнымъ. Но когда Россія стала возрастать въ силѣ и могуществѣ, то недальновидные правители положили основаніе рабству. Въ результатѣ получилось, что прежніе побѣдители татары остались свободными, а большая часть коренного русскаго народа оказалась въ порабощеніи. Живущіе въ Россіи представители различныхъ націй, европейскихъ и

---

[1]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Величества канцеляріи, выпускъ 7, стр. 195.

азіатскихъ, всѣ вступили въ составъ русскаго дворянства, между тѣмъ, какъ большинство русскихъ пребываетъ въ неволѣ [1]).

Итакъ, декабристы пытались съ разныхъ сторонъ разсмотрѣть крѣпостное право, доказать нравственную и историческую неправду, лежащую въ его основаніи. Ихъ историческія справки, хотя и не основанныя на сложной аргументаціи, отличаются, однако, историческою правдивостью. Ихъ призывъ къ человѣческимъ чувствамъ по отношенію къ крестьянамъ производилъ, безъ сомнѣнія, впечатлѣніе на тогдашнее общество. Призывая къ чувству гуманности, они напоминали крѣпостникамъ о человѣческомъ достоинствѣ крестьянина. Насколько сами декабристы были высокаго мнѣнія о человѣческомъ достоинствѣ русскаго крестьянина, можетъ характеризовать, помимо многихъ приведенныхъ выше фактовъ, любопытный отрывокъ изъ письма Каховскаго къ императору Николаю I. Онъ описываетъ крестьянскія сходки, на которыхъ самъ бывалъ, и съ восхищеніемъ говоритъ о красноречіи и умѣ русскаго крестьянина: „Я былъ на многихъ изъ сихъ совѣщаній маленькихъ республикъ. Сердце цвѣло во мнѣ, видя умъ и простое, убѣдительное краснорѣчіе добраго народа русскаго. А какъ хорошо они понимаютъ и обсуждаютъ нужды свои... Пусть, обуяны своекорыстіемъ, враги родной страны, враги добра смѣются на неправильные приговоры или неловкіе обороты въ обращеніи нашихъ добрыхъ землепашцевъ, но я безъ пристрастія говорю, зная народъ Франціи и народъ Россіи, что отдаю преимущество и въ нравахъ и въ образованіи нашимъ крестьянамъ... Въ разсужденіяхъ умъ русскій ясенъ, гибокъ и твердъ“ [2]). Полковникъ Митьковъ пробовалъ вести съ крестьянами разговоры на по-

---

[1]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, выпускъ 4, стр. 441.

[2]) Цитировано по ст. В. И. Семевскаго, „Крестьянскій строй“, т. I, стр. 238.

литическія темы. Онъ вынесъ самое отрадное впечатлѣніе о здравыхъ сужденіяхъ крестьянъ, онъ замѣтилъ „въ нихъ столько здравыхъ мыслей и истины въ сужденіяхъ, что если только сообразоваться съ ихъ языкомъ, то они скоро и легко поймутъ какъ права, такъ и обязанности свободнаго крестьянства". Доказывая, что человѣческое достоинство присуще крестьянину, декабристы не забывали обращаться и къ чувству человѣческаго достоинства русскихъ дворянъ и русскаго правительства, убѣждая ихъ пойти навстрѣчу освобожденію крестьянъ. Въ своей запискѣ Николай Тургеневъ говоритъ по адресу дворянства рядъ комплиментовъ, хотя не забываетъ и подчеркнуть цѣлый рядъ отрицательныхъ сторонъ въ его отношеніи къ крестьянамъ. Онъ утверждаетъ, „безъ обиды" для дворянства, что большая его часть, не живя въ деревнѣ, просто, не достаточно знаетъ потребности крестьянъ. Но онъ высказываетъ увѣренность, что многіе изъ русскихъ помѣщиковъ не боятся мысли о свободѣ крестьянъ и приступили бы „къ святому дѣлу охотно, если бы имѣли къ тому поводъ и возможность". „Въ семъ даже и сомнѣваться нельзя, безъ обиды для дворянскаго сословія,—прибавляетъ онъ.— Да и можно ли съ основательностью предполагать, чтобы люди, жертвуя собою отечеству на поприщѣ гражданскомъ и военномъ, оказались невѣрными тому же отечеству, когда бы оно, въ лицѣ высокаго своего представителя, съ довѣренностью предложило имъ воздвигнуть къ новой жизни ихъ падшихъ собратій, а его сыновъ, сыновъ той же великой и вѣчной Россіи". Говоря комплименты по адресу дворянства, въ руки наиболѣе консервативныхъ представителей котораго должна была попасть записка, Тургеневъ, однако, больше надеждъ возлагаетъ на русское самодержавіе. Въ немъ онъ видитъ якорь спасенія. „Отъ нея, и отъ нея одной (т.-е. отъ самодержавной власти), мы можемъ надѣяться освобожденія нашихъ братій отъ рабства". Онъ считаетъ невозможнымъ и даже не без-

опаснымъ помышлять о политической свободѣ для дворянства, пока крестьяне находятся въ рабствѣ. Поэтому-то онъ и обращается къ „духу справедливости“ правительства и призываетъ его къ улучшенію быта крестьянъ [1]).

Но, выдвигая историческіе и этическіе аргументы, декабристы не забывали выдвинуть и практическія соображенія.

Среди такихъ соображеній выдвигается и опасность, которая можетъ послѣдовать для дворянъ, если крестьяне сами, наконецъ, потребуютъ свободы. Уже Тургеневъ въ приведенной выше выдержкѣ изъ его „Опыта теоріи налоговъ“ увѣщаваетъ дворянъ не бояться послѣдствій освобожденія народа, потому что облагодѣтельствованный крестьянинъ будетъ спокоенъ. Князь Трубецкой въ своихъ запискахъ, передавая толки въ средѣ членовъ Общества по крѣпостному вопросу, говоритъ, между прочимъ, что крѣпостное право въ Россіи представляетъ собою такое явленіе, которое угрожаетъ спокойствію всего государства и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ ужасы французской революціи. „Подобныя событія,—говоритъ онъ о послѣдней,—при сходныхъ обстоятельствахъ могли повториться во всякой другой странѣ. Язва крѣпостного состоянія крестьянъ располагаетъ Россію къ большимъ бѣдствіямъ въ случаѣ внутреннихъ безпокойствъ (какъ были примѣры тому во времена Пугачева), нежели всякое другое европейское государство. Развитіе промышленной образованности, не соединенное съ развитіемъ нравственнаго въ той же степени просвѣщенія, могло заставить крѣпостныхъ съ нетерпѣніемъ сносить свое состояніе, тѣмъ болѣе, что слухи о желаніи государя дать свободу крестьянамъ должны были представить помѣщиковъ, какъ единственное препятствіе къ полученію ея. Поставить Россію на ту степень просвѣщенія, на которую она

---

[1]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, выпускъ 4, стр. 441.

имѣла право по политическому своему положенію въ европейскомъ мірѣ, и охранить ее отъ бѣдствій, могущихъ ее постигнуть при крутомъ переворотѣ, котораго никакое правительство ни предвидѣть ни остановить не въ состояніи, и который можетъ быть послѣдствіемъ одного только несовершенства финансовой системы въ то время, когда потребности государства увеличились,— вотъ цѣль, которая представлялась обществу, и къ ней должны были стремиться его усилія“ [1]). Въ неизданной части записокъ того же князя Трубецкого встрѣчаемъ разсужденія среди членовъ Общества на ту же тему, при чемъ авторъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что члены Общества старались внушать помѣщикамъ мысль, что имъ гораздо выгоднѣе самимъ освободить крестьянъ. „Должно было представить помѣщикамъ, — говоритъ онъ, — что рано или поздно крестьяне будутъ освобождены, что гораздо полезнѣе помѣщикамъ самимъ ихъ освободить, потому что тогда они могутъ заключить съ ними выгодныя для себя условія; что если помѣщики будутъ упорствовать и не согласятся добровольно на освобожденіе, то крестьяне могутъ вырвать у нихъ свободу, и тогда отечество можетъ стать на краю бездны. Съ возстаніемъ крестьянъ неминуемо соединены будутъ ужасы, которыхъ никакое воображеніе представить себѣ не можетъ, и государство сдѣлается жертвою раздоровъ, а можетъ-быть, добычею честолюбца; наконецъ можетъ распасться на части и изъ одного сильнаго государства обратиться въ разныя слабыя. Вся слава и сила Россіи можетъ погибнуть, если не навсегда, то на многіе вѣка“ [2]).

Фонъ-Визинъ въ своей позднѣйшей запискѣ обращаетъ вниманіе еще на одну сторону крѣпостного права, не выгодную для помѣщиковъ: имъ обусловливается вредная

---

[1]) „Записки князя Трубецкого“, Лейпцигъ, 1875, 100.

[2]) Дубровинъ, „Русская Старина“, 1904, апрѣль, 19.

роскошь и расточительность дворянства. Крѣпостной трудъ составляетъ главное препятствіе къ введенію агрономическихъ улучшеній. Фонъ-Визинъ, впрочемъ, мрачно смотритъ на настроеніе правительства и дворянства въ этомъ вопросѣ: дворянство дорожитъ крѣпостнымъ правомъ, а правительство — своимъ самодержавіемъ, ибо дворянство, потерявъ права на крестьянъ, безъ сомнѣнія, потребуетъ правъ политическихъ [1]).

Уже изъ предыдущаго можно было замѣтить, что мнѣнія декабристовъ были не только личными взглядами, высказанными ими въ своихъ запискахъ или показаніяхъ, но были такими взглядами, которые они считали долгомъ своимъ проводить въ современномъ обществѣ. Дѣйствительно, декабристы вели дѣятельную пропаганду самыми разнообразными путями и притомъ не въ своемъ только кругу, но въ широкихъ кругахъ дворянства и въ средѣ самого правительства. Можно съ увѣренностью утверждать, что хотя доводы декабристовъ по отдѣльнымъ вопросамъ крѣпостного права высказаны были отдѣльными лицами въ дошедшихъ до насъ источникахъ, но вся сумма этихъ доводовъ, несомнѣнно, составляла, общее достояніе всѣхъ членовъ общества и лицъ близкихъ къ нимъ. Всѣ они старались вести дѣятельную пропаганду идеи аболюціанизма.

Проявленія этой пропаганды выражались въ весьма разнообразной формѣ. Николай Тургеневъ былъ совершенно правъ, когда писалъ о себѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ брату: „Невозможность быть на что-либо полезнымъ въ Россіи освобождаетъ меня отъ упрековъ совѣсти, которые я могъ бы имѣть, если бы, будучи въ состояніи дѣйствовать для пользы мужиковъ, я избралъ произвольно теперешній родъ жизни. Думая же теперь о томъ, какъ я дѣйствовалъ въ Россіи, я нахожу

[1]) „Общественныя движенія", I, 74.

утѣшеніе въ моихъ дѣйствіяхъ. Хлопотавъ налѣво и направо, и взадъ и впередъ въ пользу освобожденія крестьянъ, мнѣ теперь кажется, что хлопоты мои были не совершенно безполезны. Я, по крайней мѣрѣ, обратилъ вниманіе нѣкоторыхъ на этотъ предметъ, и мнѣніе Государственнаго Совѣта объ улучшеніи закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, котораго я былъ причиною, служитъ этому доказательствомъ, не говоря о многихъ частныхъ дѣлахъ, проходившихъ чрезъ мои руки, кои всѣ были рѣшены въ пользу свободы. Думая теперь о затрудненіяхъ, съ каковыми сопряжены у насъ всѣ попытки сего рода, я самъ удивляюсь, какъ и столько—какъ бы это мало ни было—могло мнѣ удаться" [1]). Дѣйствительно, Тургеневъ велъ очень дѣятельную пропаганду идеи освобожденія крестьянъ. Его замѣчаніе о томъ, что для него всѣ вопросы были подчинены этому вопросу, что онъ, несмотря на свои служебныя обязанности, находилъ въ себѣ достаточно энергіи изучать юридическіе, административные и финансовые вопросы, связанные съ крѣпостнымъ правомъ [2]),—это признаніе не является преувеличеніемъ въ его автобіографическихъ запискахъ. Сочлены по Обществу также замѣтили, что дѣйствительно Тургеневъ весь отдавался мысли, главнымъ образомъ, объ освобожденіи крестьянъ [3]). Намъ уже приходилось ссылаться на „Опытъ о теоріи налоговъ" какъ на такую книгу, которая попутно затрогивала и крестьянскій вопросъ. Какъ извѣстно, эта книга въ свое время произвела на читающую публику большое впечатлѣніе [4]). Но дѣятельность въ печати по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ не могла быть особенно

---

[1]) Н. И. Тургеневъ въ письмахъ къ своимъ братьямъ, „Русская Старина", 1901 годъ, май, 237.

[2]) La Russie et les russes, I, стр. 3.

[3]) Показанія Семенова, стр. 42.

[4]) Корниловъ, „Очерки по исторіи общественнаго движенія".

плодотворна, и даже появленіе книги Тургенева объясняется случайными обстоятельствами. Зато Тургеневъ въ полной мѣрѣ пользовался своимъ виднымъ положеніемъ въ гражданской администраціи для того, чтобы проводить свои идеи. Слѣды этой работы мы встрѣчаемъ въ перепискѣ Тургенева, относящейся еще къ довольно раннему времени. Изъ нея видно, что, дѣйствительно, Тургеневъ велъ разговоры въ обществѣ о проектахъ освобожденія крестьянъ. „Подумавъ о вчерашнемъ нашемъ разговорѣ,—писалъ онъ 27 марта 1820 года извѣстному Чаадаеву,—и о прочтенномъ изъ Гено эдиктѣ касательно освобожденія крестьянъ, мнѣ кажется, что сей актъ можетъ служить однимъ изъ убѣдительныхъ доводовъ въ пользу нашу и добраго дѣла. Вы сдѣлали при семъ два замѣчанія, весьма важныя справедливостію и основательностію своею: 1) что во Франціи король освобождалъ своихъ крестьянъ. Единая мысль одушевляетъ меня, единую цѣль предполагаю себѣ въ жизни, одна надежда еще не умерла въ моемъ сердцѣ: освобожденіе крестьянъ. Посему вы можете судить, могу ли я быть равнодушнымъ къ каждому умному слову, къ каждой справедливой идеѣ, до сего предмета относящейся. Вчерашній разговоръ утвердилъ еще болѣе во мнѣ то мнѣніе, что вы много можете споспѣшествовать распространенію здравыхъ идей объ освобожденіи крестьянъ. Сдѣлайте, почтеннѣйшій, изъ сего святого дѣла главный предметъ вашихъ занятій, вашихъ размышленій. Вспомните, что ничто справедливое не умираетъ [1]).

Тургеневъ даже свое вступленіе въ Тайное Общество мотивируетъ, какъ это мотивировали по отношенію къ себѣ и многіе другіе декабристы, своимъ стремленіемъ принести и здѣсь пользу крестьянскому дѣлу. „Я не пропускалъ случаевъ, которые представлялись мнѣ, дѣй-

[1]) „Русскій Архивъ“, 1872, 1206—1207.

ствовать къ предположенной цѣли (т.-е. къ освобожденію крестьянъ), такъ я попалъ и въ общество. Вступленіе въ общество было, съ моей стороны, нѣкоторымъ пожертвованіемъ... матеріально я ничего не сдѣлалъ для достиженія моей цѣли, но думаю, что, можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ поселилъ здравыя мысли о нашемъ крѣпостномъ состояніи". Впрочемъ, Тургеневъ остался не вполнѣ доволенъ Обществомъ, потому что не видѣлъ освобожденныхъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, членами самого Общества [1]). Однако послѣднее утвержденіе Тургенева относится не ко всѣмъ членамъ Тайнаго Общества, потому что подобнаго рода попытки были, какъ это мы сейчасъ увидимъ, и если онѣ не были многочисленны, то это объясняется затрудненіями со стороны самого правительства, которыя оно ставило всякаго рода подобнымъ попыткамъ.

Надо еще замѣтить, что среди разговоровъ въ тогдашнемъ обществѣ объ освобожденіи крестьянъ нерѣдко дебатировался также вопросъ о томъ, какой путь надо предпочесть въ дѣлѣ освобожденія, т.-е. добиваться ли предварительно политической свободы и тогда уже приступить къ освобожденію крестьянъ, или же въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ предварительно опереться на самодержавное правительство. Самъ Тургеневъ, по его словамъ, держался послѣдняго мнѣнія, боясь утвержденія политическихъ правъ для дворянства ранѣе, чѣмъ милліоны крестьянъ получатъ простыя гражданскія права. Эту мысль онъ высказалъ и въ своей запискѣ 1819 года и тотъ же взглядъ проводилъ въ частныхъ бесѣдахъ. Онъ считалъ „неприличнымъ" домогаться политическихъ правъ для дворянства, когда крестьяне находятся въ неволѣ. Онъ высказывалъ также опасеніе, что дворянство, получивъ политическія права, не откажется отъ крѣпостного права, и что освобожденіе можетъ быть

1) „Русская Старина", 1901 г., май, 248, письмо А. И. Тургеневу.

вѣрнѣе достигнуто самодержавнымъ правительствомъ [1]). Дѣйствительно, подобнаго рода споры въ то время занимали петербургское общество [2]).

Но, говоря о дѣятельности Тургенева по пропагандѣ идеи аболюціонизма, слѣдуетъ рѣзко подчеркнуть тотъ несомнѣнный фактъ, что и отдѣльные члены Тайнаго Общества, во всѣхъ его формахъ, начиная отъ Союза Спасенія и кончая Сѣвернымъ и Южнымъ Обществами, не только сами были убѣжденными противниками крѣпостного права, но и считали своею обязанностью, какъ членовъ Общества, пропагандировать идеи аболюціонизма. Полковникъ Митьковъ сдѣлалъ даже предложеніе въ собраніи членовъ Сѣвернаго Общества, чтобы вмѣнить въ обязанность членовъ говорить о свободѣ крестьянъ [3]). Даже побудительной причины для многихъ вступленія въ Общество была именно надежда принести пользу дѣлу освобожденія крестьянъ. Полковникъ Митьковъ, по словамъ показанія Матвѣя Муравьева-Апостола, неоднократно утверждалъ, что на обязанности членовъ Общества „говорить о свободѣ крестьянъ“ [4]). Самъ Митьковъ, въ своемъ показаніи, объясняя, что одной изъ задачъ членовъ Общества было стремиться къ освобожденію крестьянъ, изложилъ и ту аргументацію, которую онъ приводилъ въ доказательство своей мысли: „Я говорилъ о пользѣ освобожденія крестьянъ, здѣсь и вездѣ, гдѣ мнѣ случалось слышать разговоръ о состояніи крестьянъ. Говоря такимъ образомъ, что помѣщики получали бы вѣрнѣе доходы съ своихъ земель, если бы крестьяне были свободны, а крестьяне были бы въ лучшемъ состояніи, потому что каждый занимался бы по своему произволу и, работая для себя,

[1]) „Русская Старина“ 1901 г., ноябрь, 332—334.
[2]) „Записки декабриста Завалишина“, т. I, стр. 168.
[3]) Показаніе Рылѣева, стр. 44.
[4]) Показанія Матвѣя Муравьева.

имѣя неотъемлемую собственность, онъ былъ бы трудолюбивѣе. Дворовыхъ людей было бы гораздо менѣе, чрезъ что число праздныхъ значительно бы уменьшилось. Они стали бы работать, стали бы полезными, и помѣщики перестали бы издерживать значительную часть своихъ доходовъ на содержанiе людей, которые ничего не дѣлаютъ“ [1]).

Завалишинъ относительно пропаганды той же идеи разсказываетъ, что многiя мысли о крѣпостномъ правѣ, разработанныя въ Сѣверномъ Обществѣ, прочитывались Мордвинову, разумѣется, въ видѣ общихъ разсужденiй [2]). Напомнимъ также, что многiя мѣста Русской Правды прочитывались генералу Киселеву, впослѣдствiи столь много сдѣлавшему для крестьянскаго вопроса.

Идея крестьянской свободы была пущена и въ народную массу, по крайней мѣрѣ, со стороны декабристовъ такiя попытки дѣлались. Уже обращенiе декабристовъ съ солдатами, основанное на уваженiи въ солдатѣ человѣческой личности, должно было содѣйствовать распространенiю взгляда на гражданское равенство крестьянъ. Но еще болѣе интересна попытка Рылѣева пустить въ оборотъ мысль о свободѣ и ненависти къ крѣпостному праву путемъ сочиненiя пѣсенъ въ народномъ духѣ. Очень хорошо извѣстна его пѣсня, начинающаяся:

„Ахъ, тошно мнѣ
И въ родной сторонѣ,
Все въ неволѣ,
Въ тяжкой долѣ,
Видно, вѣкъ вѣковать.
Долго ль русскiй народъ
Будетъ рухлядью господъ,

---

[1]) Показанiя Митькова, стр. 29, 25 апрѣля 1826 г.

[2]) Завалишинъ. „Декабристы“, „Русскiй Вѣстникъ“, 1884, № 2, 844.

И людьми,
Какъ скотами,
Долго ль будутъ торговать?“ [1])
и т. д.

Итакъ, члены тайныхъ обществъ были преисполнены сознаніемъ необходимости освобожденія крестьянъ, считали своимъ долгомъ пропагандировать эту идею въ широкихъ кругахъ русскаго дворянства, наконецъ, сами усвоивали и даже разрабатывали мотивы, съ точки зрѣнія которыхъ крѣпостное право не имѣло правъ на дальнѣйшее существованіе. Какъ сильно переплетались аболюціонистическія идеи съ самимъ фактомъ существованія тайныхъ обществъ, можно видѣть изъ того что идея освобожденія неизмѣнно попадала въ каждый уставъ тайнаго общества, а также изъ отдѣльныхъ попытокъ образовать спеціальные союзы и общества освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ.

Даже первоначальная цѣль Союза Спасенія состояла только въ освобожденіи крестьянъ, а затѣмъ уже это Общество стало развиваться въ смыслѣ стремленія къ введенію конституціи [2]). Союзъ Благоденствія, въ первой своей части преслѣдовавшій исключительно этико-гражданскія цѣли, рекомендовалъ своимъ сочленамъ человѣчное отношеніе къ своимъ крѣпостнымъ, распространеніе гуманныхъ взглядовъ на крестьянъ, осужденіе худыхъ помѣщиковъ и восхваленіе добрыхъ, борьбу съ злоупотребленіями крѣпостного права, напримѣръ, борьбу противъ отдѣльной продажи людей и т. д. Выработанные членами проекты конституцій ставятъ вопросъ очень широко, признавая за крестьянами право равенства со всѣми другими сословіями и требуютъ для нихъ надѣленія землей. Со взглядами этихъ конститу-

[1]) Пѣсня эта приведена по списку, написанному Рылѣевымъ по требованію слѣдственнаго комитета у В. И. Семевскаго. „Крестьянскій строй“, т. I, 228.

[2]) Показанія Пестеля. „Былое“, 1906 г., февраль.

цій мы будемъ еще имѣть случай познакомиться въ подробностяхъ; конституціи представляютъ собою эссенцію того, къ чему въ конечномъ результатѣ пришли декабристы; теперь же мы разсматриваемъ лишь нарастаніе и ходъ политическихъ идей въ ихъ средѣ. Но здѣсь необходимо отмѣтить весьма любопытные факты попытокъ составить спеціальные союзы освобожденія крестьянъ. Въ этихъ союзахъ главными дѣйствующими лицами являются члены тѣхъ же тайныхъ обществъ.

Такъ, Нарышкинъ разсказываетъ, что нѣкоторые члены Союза Благоденствія, а также и другія лица предполагали составить особое общество подъ названіемъ „Союза русскихъ людей". Предметомъ разговоровъ среди членовъ этого союза были способы освобожденія крестьянъ и положительныя условія съ крестьянами, т.-е. условія освобожденія ихъ изъ крѣпостного права. Союзъ русскихъ, кромѣ аболюціонистической цѣли, преслѣдовалъ въ отдаленномъ будущемъ и цѣль конституціонную [1])

Извѣстный другъ Пушкина И. И. Пущинъ задумалъ въ началѣ 1825 г. учредить въ Москвѣ спеціальный союзъ, имѣющій цѣлью личное освобожденіе дворовыхъ людей. Въ обязанность членовъ союза ставилось, чтобы они освобождали своихъ дворовыхъ и не имѣли бы для своихъ услугъ крѣпостныхъ людей. Если кто изъ членовъ союза не могъ самостоятельно располагать своими крѣпостными, то обязывался къ этому по вступленіи въ самостоятельное управленіе имѣніемъ. Объ этомъ союзѣ Пущинъ сообщилъ Рылѣеву и князю Оболенскому. Въ Москвѣ даже была составлена управа этого союза, состоявшая изъ Сергѣя Николаевича Кашкина, Алексѣя Алексѣевича Тучкова, Ивана Николаевича Горсткина, Михаила Михаиловича Нарышкина, Алексѣя Васильевича Семенова, Колошина и самого Пущина. Впрочемъ, самъ учредитель общества уже вскорѣ не былъ доволенъ его

[1]) Показанія Нарышкина.

дѣятельностью, почему составилъ новый союзъ подъ названіемъ „практическаго“, цѣли котораго были тѣ же, да почти тѣ же лица состояли членами новаго союза [1]).

Изъ всего предыдущаго ясно, что дѣятельность декабристовъ по пропагандѣ борьбы противъ крѣпостного права была въ достаточной мѣрѣ энергичная. Ими взята была вѣрная дорога къ освобожденію—подготовка дворянства. Такой дѣятельности нельзя не оцѣнить. Для огромной массы тогдашняго дворянства, пропитанной крѣпостническими тенденціями, вопросы человѣколюбія, вопросы, связанные съ нравственнымъ достоинствомъ крестьянина,—все это для огромнаго большинства были новые вопросы. Эгоистическіе интересы стояли на первомъ планѣ, вѣковая традиція была еще очень сильна. Конечно, если присмотрѣться къ аргументамъ декабристовъ, то доводы ихъ не могутъ быть признаны абсолютно новыми. Очень можетъ быть, что и въ частностяхъ въ устахъ отдѣльныхъ лицъ аргументація декабристовъ, особенно въ исторической и экономической части вопроса, не отличалась широтой взгляда. Разумѣется, это замѣчаніе приложимо не къ такимъ крупнымъ личностямъ съ широкимъ образованіемъ и кругозоромъ, какъ Николай Тургеневъ, Михаилъ Орловъ, Пестель, баронъ Штейнгель, Батеньковъ и многіе другіе. Аргументація рядовыхъ декабристовъ, какъ это легко замѣтить по ихъ показаніямъ и запискамъ, больше била на человѣческія чувства, нежели на умъ. Говоря о томъ, что аргументація декабристовъ не была совершенной новостью, мы имѣемъ въ виду ту литературу, печатную и офиціальныя записки, которая была выдвинута еще Екатерининской эпохой. Путешествіе Радищева въ блестящей мѣрѣ указало на безнравственную сторону крѣпостного права; труды Полѣнова, Якоби, Кайсарова и др. вскрыли экономическую невыгодность

---

[1]) Показанія Пущина.

подневольнаго труда; записки Сперанскаго коснулись юридической стороны крестьянскаго вопроса. На полѣ борьбы съ крѣпостничествомъ и до эпохи дѣятельности декабристовъ выдвинулся почтенный рядъ именъ. Но нельзя не замѣтить, что вся эта обширная литература является болѣе достояніемъ исторіи, нежели достояніемъ тогдашняго общества: лучшіе труды, въ родѣ Сперанскаго, Радищева, были или запрещены или совсѣмъ не появлялись въ печати. Очень хорошо извѣстно, что органическій проектъ Сперанскаго, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ полномъ видѣ только въ недавнее время, вызывалъ самые смутные толки въ эпоху, когда жилъ еще его авторъ: о проектѣ этомъ знали тогда только по неопредѣленнымъ слухамъ Отсюда ясно, что обширная литература по крѣпостному вопросу въ то время частью была совсѣмъ неизвѣстна, частью извѣстна по слухамъ. Если эти соображенія принять во вниманіе, то съ тѣмъ большимъ уваженіемъ надо отнестись какъ къ дѣятельности декабристовъ по пропагандѣ идеи раскрѣпощенія, такъ и къ ихъ аргументаціи. По адресу декабристовъ дѣлались упреки въ томъ смыслѣ, что ими на практикѣ мало сдѣлано для своихъ крестьянъ. Такой упрекъ съ нѣкоторой ядовитостью не разъ посылалъ изъ-за границы своимъ бывшимъ сотоварищамъ и Николай Тургеневъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ В. А. Жуковскому онъ вспоминаетъ о своихъ сотоварищахъ по Обществу и о своей дѣятельности въ ихъ средѣ по вопросу о крѣпостномъ правѣ. „Между сими людьми,—говоритъ онъ,—были и такіе, кои чистыми внушеніями души постигали то, чего прежде не пріобрѣтали ученіемъ или размышленіемъ. Я надѣялся, что нѣкоторыхъ могу уговорить сдѣлать что-нибудь въ пользу ихъ крестьянъ. Я толковалъ имъ объ этомъ и однажды предложимъ поставить въ обязанность каждому отпустить на волю своихъ слугъ, если кто имѣетъ къ тому возможность. Меня слушались, соглашались со мною,

но результата никакого не было“ [1]). Это свидѣтельство для насъ прежде всего любопытно тѣмъ, что даже въ самой средѣ декабристовъ идея аболюціонизма не всегда прививалась путемъ изученія вопроса: оно было замѣняемо товарищеской бесѣдой. Но нельзя строго судить членовъ Общества за то именно, какъ это дѣлаетъ Тургеневъ, что они не отпускали своихъ дворовыхъ или крестьянъ. Отпускъ дворовыхъ, конечно, цѣликомъ зависѣлъ отъ владѣльца, но позволительно выразить сомнѣніе въ практичности такой мѣры при тогдашнемъ положеніи вещей. Отпускъ двороваго на волю безъ земли, конечно, имѣлъ значеніе въ то время только для двороваго-ремесленника. Но насколько до сихъ поръ извѣстны біографіи декабристовъ, ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ обширнаго барскаго двора съ большимъ количествомъ дворовыхъ-ремесленниковъ. Съ другой стороны, хорошо также извѣстно, что сами декабристы весьма гуманно относились къ своимъ крестьянамъ.

Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить, что изъ кружка декабристовъ вышло нѣсколько реальныхъ попытокъ поднять крѣпостной вопросъ во всемъ государствѣ. Есть также попытки освобожденія крестьянъ въ собственныхъ имѣніяхъ декабристовъ. Такимъ образомъ, декабристы не ограничивались только теоретической разработкой вопроса.

Первая такая попытка, и наиболѣе ранняя, принадлежитъ Михаилу Орлову. По словамъ князя Волконскаго, Орловъ еще въ 1815 году составилъ проектъ адреса государю объ уничтоженіи крѣпостного права. Этотъ адресъ былъ подписанъ нѣкоторыми крупными вельможами: Иларіономъ Васильевичемъ Васильчиковымъ, графомъ Воронцовымъ и Блудовымъ [2]).

---

[1]) „Василій Андреевичъ Жуковскій и его отношеніе къ декабристамъ“, стр. 53, „Русск. Стар.“, 1902 г. апрѣль.

[2]) Записки, изд. 1902 года, 408.

У Тургенева мы находимъ извѣстіе, относящееся къ нѣсколько болѣе позднему времени. Въ своихъ мемуарахъ онъ разсказываетъ, что въ 1820 году графъ Воронцовъ (Михаилъ Семеновичъ) и князь А. С. Меньшиковъ рѣшили начать дѣло освобожденія крестьянъ. Была составлена декларація, при чемъ предполагалось, что тѣ, которые ее подпишутъ, тѣмъ самымъ обязываются освободить своихъ крѣпостныхъ. Къ дѣлу примкнули и нѣсколько другихъ крупныхъ лицъ,—графъ П. Потоцкій, извѣстный литераторъ князь Вяземскій и нѣкоторые другіе. Но все дѣло разстроилось вслѣдствіе выяснившагося неодобренія государя [1]). Въ этомъ проектѣ принималъ участіе и Николай Тургеневъ съ своимъ братомъ. „Однажды,—вспомнилъ онъ впослѣдствіи,—представлялся случай примѣнить мою теорію на дѣлѣ, и я подписывалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами, не принадлежавшими къ Тайному Обществу, прошеніе на имя императора, предлагая дать волю крестьянамъ, принадлежавшимъ каждому изъ насъ, и умоляя его величество позволить намъ предложить другимъ послѣдовать нашему примѣру. Прошеніе было подано, но осталось безъ послѣдствій. Хотя я только присоединился къ этому проекту, и число моихъ крестьянъ было слишкомъ незначительно по сравненію съ крестьянами, принадлежавшими прочимъ лицамъ, подписавшимъ прошеніе, чтобы я могъ играть главную роль въ этомъ дѣлѣ, но это предложеніе было признано революціоннымъ и приписано моему мнимому якобинству“ [2]).

Возвращаясь опять къ извѣстію, сообщаемому С. Г. Волконскимъ о проектѣ адреса, составленнаго Орловымъ, кажется, можно сдѣлать предположеніе, что оба проекта возникли независимо другъ отъ друга. Тѣсная дружба князя Волконскаго и Орлова не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что князь Волконскій передаетъ не слухъ, идущій изъ неопредѣленнаго источника, но сообщаетъ этотъ

---

1) La Russie et les russes, т. II, 149—152, 323—340.

2) „Русская Старина“, 1901, ноябрь, 332.

фактъ со словъ самого Орлова. Такимъ образомъ, наиболѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что, дѣйствительно, двѣ аналогичныя попытки были сдѣланы, и въ обѣихъ члены Тайнаго Общества играли видную роль.

Къ числу офиціальныхъ попытокъ, идущихъ изъ той же среды, къ облегченію участи крѣпостныхъ крестьянъ надо отнести записки Тургенева и барона Штейнгеля. Намъ уже приходилось говорить о содержаніи этихъ записокъ въ той ихъ части, которая выясняетъ сущность крѣпостного права. Но записки эти представляли и нѣкоторые проекты, которые предлагались къ утвержденію законодательной власти. Познакомимся теперь съ этой стороной обѣихъ записокъ.

Записка Николая Тургенева, представленная въ 1819 году, имѣла цѣлью предложить проектъ не освобожденія крестьянъ, но лишь урегулированія крѣпостного права. Впрочемъ, авторъ записки столь неоднократно говоритъ о „естественной“ свободѣ крестьянъ, что конечная мысль автора совершенно ясна была для читателя. „Вѣра въ благое Провидѣніе, надежда на мудрое и народолюбивое правительство не позволяютъ намъ сомнѣваться, что наступитъ часъ радости въ Россіи, когда сыны ея будутъ принадлежать всѣ ей одной, а не одинъ другому. Съ скрѣпленнымъ сердцемъ обратимся отъ сей пріятной, но, можетъ-быть, далекой, будущности, къ печальной дѣйствительности въ настоящемъ“.

Чтобы насколько возможно ослабить „печальную дѣйствительность“, Тургеневъ предлагаетъ правительству вступить въ борьбу, по крайней мѣрѣ, съ главнѣйшими злоупотребленіями со стороны помѣщиковъ. Такими злоупотребленіями онъ считаетъ: изнуреніе крестьянъ работами, продажу людей поодиночкѣ и дурное обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами. Онъ разбираетъ всѣ три пункта и предлагаетъ принять противъ нихъ мѣры.

По вопросу о работѣ крестьянъ онъ предлагаетъ еще разъ подтвердить законъ императора Павла, освободить

дѣтей до 10 или 12-лѣтняго возраста отъ всякой работы въ пользу помѣщика, наконецъ, считаетъ весьма полезнымъ, чтобы помѣщики ежегодно представляли дворянскому предводителю объявленія о всякаго рода повинностяхъ, къ коимъ обязаны ихъ крестьяне. Эти объявленія можно бы подвергнуть обсужденію предводителя дворянства и губернатора, прочитать крестьянамъ для свѣдѣнія въ церквахъ, наконецъ, даже опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Такимъ образомъ, суду общественнаго мнѣнія подверглись бы добрые и недобрые помѣщики.

Относительно продажи людей онъ предлагаетъ закономъ воспретить всякую продажу людей не иначе, какъ цѣлыми селеніями. Онъ предлагаетъ также строго ограничить кругъ лицъ, имѣющихъ право покупать людей. Многіе покупаютъ людей въ обходъ закона, напримѣръ, магометанскіе купцы. Личные дворяне, дослужившіеся до офицерскаго чина, не имѣя недвижимой собственности, уже на основаніи закона могутъ покупать людей: это самый ужасный видъ рабства, потому что въ данномъ случаѣ люди пріобрѣтаются ихъ господами для отдачи внаемъ и другихъ формъ эксплуатаціи. Тургеневъ настаиваетъ на изданіи закона, по которому лицо, не имѣющее недвижимой собственности, ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ пріобрѣтать людей. Но, сверхъ того, онъ совѣтуетъ закономъ же опредѣлить наказаніе за его нарушеніе. Такое наказаніе, прежде всего, должно состоять въ объявленіи свободнымъ крестьянина, купленнаго въ обходъ закона. Вообще Тургеневъ подходитъ къ тому, чтобы законъ „подъ какимъ бы то ни было предлогомъ“ вообще воспретилъ отдѣленіе крестьянина отъ земли, даже и для службы во дворѣ помѣщика.

Относительно регулированія личныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ Тургеневъ находится въ болѣе затруднительномъ положеніи. „Всѣ постановленія,— говоритъ онъ,—ко благу крестьянъ клонящіяся, должны болѣе или менѣе оставаться не дѣйствительными, покуда

право наказанія останется въ одномъ и томъ же видѣ. Можетъ ли крестьянинъ сослаться на милость закона, когда помѣщикъ можетъ подъ различными предлогами, силою того же закона, подвергнуть его строгому, жестокому наказанію?“ Относительно дворовыхъ, живущихъ въ городахъ, вопросъ рѣшается довольно просто: слѣдуетъ запретить наказаніе дворовыхъ самими помѣщиками и предоставить это дѣло полиціи, но съ тѣмъ, чтобы она входила въ разсмотрѣніе вины и наказывала бы сообразно ей. Относительно крѣпостныхъ и дворовыхъ, живущихъ въ деревняхъ, слѣдуетъ установить „съ скрѣпленнымъ сердцемъ“ мѣру наказанія и запись о наказаніи въ особую книгу. Впрочемъ, наилучшимъ исходомъ въ этомъ дѣлѣ „для введенія хотя нѣкотораго законнаго порядка въ семъ хаосѣ произвола и самоуправства“ лучше всего было бы учредить сельскіе суды. На это, однако, Тургеневъ, видимо, мало надѣется. Поэтому онъ проектируетъ и другую мѣру, на случай невозможности учрежденія сельскаго суда,—учрежденіе особыхъ комиссаровъ. Къ этимъ чиновникамъ крестьяне могутъ обращаться съ справедливыми жалобами. Эти жалобы разсматриваются въ особомъ губернскомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ губернатора. Вообще этотъ комитетъ можетъ явиться органомъ надзора за отношеніями господъ къ ихъ крѣпостнымъ.

Но, кромѣ всего этого, Тургеневъ предлагаетъ правительству болѣе дѣятельно стремиться къ частному освобожденію крестьянъ. Онъ указываетъ на неопредѣленность закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, сводящагося къ тому, что министръ легко можетъ отказать въ утвержденіи проекта освобожденія, и потому предлагаетъ правительству издать болѣе полныя правила объ обращеніи крестьянъ въ вольныхъ хлѣбопашцевъ. Въ этомъ отношеніи, однако, Тургеневъ дѣлаетъ большую ошибку, допуская возможнымъ освобожденіе крестьянъ безъ земли,

что было уже отмѣчено историкомъ крестьянскаго вопроса [1]).

Ко всему сказанному добавимъ, что Тургеневъ весьма настоятельно совѣтовалъ разрѣшить обсужденіе крестьянскаго вопроса въ печати [2]).

Записка Тургенева, только что нами изложенная, уже не разъ подвергалась обсужденію въ исторической литературѣ. Біографъ его замѣчаетъ, что мѣры, предложенныя Тургеневымъ въ этой запискѣ, носятъ несомнѣнный отпечатокъ вліянія Штейна. Несмотря на сравнительно умѣренный ея характеръ, въ глазахъ современниковъ она должна была представиться выраженіемъ крайняго радикализма и въ глазахъ тогдашнихъ консерваторовъ сдѣлала Тургенева, человѣка весьма умѣреннаго въ политическихъ требованіяхъ, якобинцемъ и революціонеромъ [3]). Историкъ крестьянскаго вопроса, обсуждая ту же записку, совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ силу обстоятельствъ Тургеневъ долженъ былъ ограничиться предложеніемъ палліативныхъ мѣръ. Тѣмъ не менѣе, его записка заключаетъ въ себѣ не мало весьма важныхъ практическихъ предложеній, почему приходится только пожалѣть, что она не получила фактическаго осуществленія [4]). Правда, графу Милорадовичу записка эта очень понравилась, и онъ даже во время чтенія ея отпустилъ на волю всѣхъ дворовыхъ, которые въ это время входили въ комнату. Государь также очень остался доволенъ этой запиской, обѣщалъ что-нибудь сдѣлать для крестьянъ, но этимъ дѣло и ограничилось [5]).

Записка барона Штейнгеля имѣетъ въ виду „легкую возможность уничтожить существующій въ Россіи торгъ

---

1) В. И. Семевскій, „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, т. I, 278.

2) „Сборникъ историческихъ матеріаловъ“, выпускъ 4, 441—460.

3) Корниловъ, „Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи“, 35.

4) В. И. Семевскій, „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, т. I, 454.

5) La Russie et les russes, т. II, 150.

людьми". Указавъ, что, съ точки зрѣнія исторической, продажа людей не имѣетъ основанія и не опирается на законѣ, авторъ записки предлагаетъ произвести новую ревизію и приписать всѣхъ дворовыхъ людей къ помѣстьямъ. Всѣ безпомѣстные владѣльцы людей обязаны въ теченіе года продать свое право на людей помѣстнымъ дворянамъ. Желающіе же сохранить при себѣ людей подаютъ о нихъ сказки въ городскія думы и могутъ удержать своихъ дворовыхъ въ теченіе десяти лѣтъ со дня изданія манифеста, послѣ чего совершенно въ государствѣ прекращается состояніе людей лично прикрѣпленныхъ [1]).

Указанныя попытки декабристовъ поднять крестьянскій вопросъ во всемъ государствѣ не многочисленны. Но это объясняется простымъ соображеніемъ, что практика показала безнадежность подобнаго рода проектовъ. И правительство и общество были еще слишкомъ мало подготовлены для воспріятія идеи освобожденія. Поэтому, дѣйствительно, подготовка вопроса при помощи пропаганды въ обществѣ была наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ.

Ко всему сказанному объ отношеніи декабристовъ къ крестьянскому вопросу можно было бы еще прибавить нѣсколько фактовъ, рисующихъ отношенія отдѣльныхъ лицъ изъ среды декабристовъ къ ихъ крестьянамъ. Такъ, напримѣръ, Николай Тургеневъ, будучи убѣжденнымъ сторонникомъ того, что оброчная система гораздо льготнѣе для крестьянъ, нежели барщинная, вступивъ въ управленіе имѣніемъ, перевелъ своихъ крестьянъ съ барщины на оброкъ, при чемъ крестьяне должны были уплачивать только двѣ трети прежняго дохода. Нѣсколько позже онъ вошелъ съ своими крестьянами въ соглашеніе, по его словамъ, напоминавшее договоры по издан-

[1]) „Сборникъ историческихъ матеріаловъ", т. 7, 193.

ному гораздо позже 2 апрѣля 1842 года закону о временно-обязанныхъ крестьянахъ [1]).

Къ этому можно было бы еще прибавить свѣдѣнія, сообщаемыя въ запискахъ Якушкина объ учрежденіяхъ, установленныхъ членомъ Общества Пассекомъ въ своей вотчинѣ Смоленской губерніи. Пассекъ завелъ въ своемъ имѣніи прекрасное училище по методу взаимнаго обученія. Здѣсь мальчики учились читать по извѣстной книгѣ „О правахъ и обязанности гражданина". Пассекъ издалъ для своихъ крестьянъ особое уложеніе, по которому крестьянамъ было передано право суда во всей вотчинѣ и распоряженіе мірскими сборами и сдачею рекрутовъ [2]). Самъ Якушкинъ предпринялъ рядъ заботъ о своихъ крестьянахъ, уменьшилъ въ половину господскую запашку, ввелъ сельскій судъ и, наконецъ, пожелалъ освободить своихъ крестьянъ. Но тутъ онъ долженъ былъ выдержать длинную волокиту, потому что его проектъ освобожденія не подходилъ подъ законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ и встрѣтилъ въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ рядъ препятствій [3]). Записки Якушкина въ достаточной мѣрѣ характеризуютъ теплое отношеніе къ крестьянамъ многихъ членовъ Тайнаго Общества, напримѣръ, братьевъ Фонъ-Визиныхъ, Михаила Муравьева и другихъ; въ заслугу послѣднему надо поставить, что онъ поднялъ вопросъ о страшномъ голодѣ въ Смоленской губерніи въ 1821 году и тѣмъ способствовалъ прекращенію хотя временной бѣды въ губерніи [4]).

Передъ нами прошелъ длинный рядъ указаній, сдѣланныхъ декабристами по различнымъ вопросамъ государственной и общественной жизни. Несправедливо было бы думать, что сознаніе этихъ недостатковъ присуще было лишь нѣкоторой группѣ изъ ихъ среды. Правда, изъ мно-

---

[1]) Корниловъ, „Очерки по исторіи общественнаго движенія", стр. 28.

[2]) „Записки Якушкина", стр. 60—61.

[3]) „Записки", стр. 26, 28, 31, 40.

[4]) „Записки Якушкина", 58—59.

жества призванныхъ къ слѣдствію и по разнымъ причинамъ ускользнувшихъ отъ суда, изъ ста двадцати осужденныхъ, не всѣ дали намъ отчетъ болѣе или менѣе подробный о томъ, какъ они себѣ представляли русскій государственный и общественный строй. Однако число лицъ, его характеризовавшихъ въ подробныхъ чертахъ или въ нѣсколькихъ сжатыхъ штрихахъ, надо считать нѣсколькими десятками: эти имена длинной вереницей проходятъ по страницамъ нашей книги. Уже это одно обстоятельство даетъ несомнѣнное доказательство того факта, что пониманіе всѣхъ этихъ недостатковъ является не преимуществомъ отдѣльныхъ лицъ, но достояніемъ всего ихъ круга. Это и понятно, такъ какъ вопросы государственной и общественной жизни, вопросы ея теоріи и практики были предметомъ многократныхъ обсужденій въ кружкахъ декабристовъ. Намъ впослѣдствіи придется приводить въ достаточномъ количествѣ факты, характеризующіе эту сторону жизни Тайнаго Общества.

При всемъ томъ надо замѣтить, что оцѣнка, сдѣланная александровскому режиму декабристами, не является субъективными впечатлѣніями людей, разгоряченныхъ теоретической ненавистью къ существующему режиму. Исторія на основаніи массы вполнѣ объективныхъ данныхъ, на основаніи актовъ дѣятельности самаго реакціоннаго правительства могла провѣрить то, о чемъ говорили декабристы въ своихъ показаніяхъ, и можетъ лишь подтвердить полную справедливость ихъ характеристики. Мало того, акты правительственной дѣятельности весьма часто раскрываютъ еще болѣе ужасающіе факты реакціи; они вскрываютъ такое положеніе страны и такое господство произвола, что эта эпоха, даже въ сравненіи съ другими періодами русскаго самодержавія является одной изъ наиболѣе тяжелыхъ: вѣдь надо помнить, что множество фактовъ насилій, произвола, лихоимства, совершонныхъ въ тиши канцелярій, не было

извѣстно современникамъ и сдѣлалось лишь достояніемъ историковъ.

Критика декабристовъ уже обрисовываетъ намъ и положительные идеалы, коими было проникнуто міровоззрѣніе декабристовъ. Конечно, въ деталяхъ положительныя требованія ихъ были не одинаковы: одни изъ нихъ довольствовались бы умѣренными реформами, другіе, напротивъ, были весьма радикально настроены. Но во всякомъ случаѣ ихъ идеалы были неизмѣримо далеки отъ существующаго режима въ смыслѣ формы правленія и отъ того тяжелаго положенія государства, которое она прикрывала.

Въ самомъ дѣлѣ декабристы отчетливо сознавали ужасъ крѣпостного права и признавали въ крѣпостномъ крестьянинѣ человѣческое достоинство, указывали на его способность пользоваться гражданской и политической свободой. Они старательно собрали цѣлый рядъ аргументовъ для того, чтобы съ помощью ихъ подрывать въ обществѣ основы крѣпостного права. Декабристы мрачно смотрѣли на современное имъ дворянство, видѣли его невѣжество, косность, отсутствіе элементарныхъ нравственныхъ устоевъ, его рабовладѣльческіе инстинкты и прекрасно понимали, что причина такихъ явленій кроется въ томъ же крѣпостномъ правѣ, въ отсутствіи свободы просвѣщенія и, наконецъ, въ поддержкѣ, которую невѣжественное и грубое дворянство встрѣчаетъ въ лихоимствующей администраціи, вышедшей изъ той же дворянской среды. Городскіе классы пользуются гражданской свободой, но они находятся въ фактическомъ порабощеніи администраціи. Страшный произволъ, отсутствіе элементарныхъ правъ личной неприкосновенности въ показаніяхъ декабристовъ отзывается глубокою скорбью. Для нихъ совершенно понятна и причина произвола, насилія и проч. Они отлично сознаютъ недостатки административной машины, недостатки законодательства; они прекрасно понимаютъ

вредъ различныхъ мѣропріятій правительства—военныхъ поселеній, цѣлаго похода всѣхъ темныхъ силъ просвѣщенія и печати, отрицательныя черты внѣшней политики и т. д. Но въ ихъ показаніяхъ сквозитъ, несомнѣнно, и еще одна черта: суть дѣла не въ колесахъ машины, не въ винтахъ, ее скрѣпляющихъ: отсутствіе народнаго участія въ управленіи страной является основнымъ недостаткомъ, изъ котораго истекаютъ всѣ остальные.

IV.

Декабристы и эпоха.

Но критика государственнаго и общественнаго устройства, даже и завершенная мечтами о конституціи, еще не представляетъ намъ въ полной мѣрѣ настроенія лицъ, составлявшихъ тайное общество. Роптали тогда всѣ, отъ мужика и до вельможи. Но нужны были особыя личныя качества, чтобы критика государственныхъ порядковъ, недовольство правительствомъ могли привести къ сознательной необходимости вступить съ нимъ въ борьбу. Это сознаніе, рѣшимость дѣйствовать создается подъ вліяніемъ различныхъ условій, подъ вліяніемъ образованія, подъ вліяніемъ усвоенныхъ данными лицами идей, наконецъ, подъ вліяніемъ особаго этико-психологическаго склада человѣка, который долѣе не можетъ мириться съ существующимъ порядкомъ вещей, котораго гнететъ этотъ порядокъ и который готовъ жертвовать жизнью или свободой ради общаго блага.

Дѣйствительно, декабристы обладали въ высокой мѣрѣ сознаніемъ чувства гражданскаго долга. Въ ихъ средѣ это не было мимолетнымъ движеніемъ. Сознаніе необходимости дѣйствовать на пользу отечества является въ ихъ средѣ послѣдствіемъ серьезной выработки міросозерцанія по вопросамъ общественнымъ и политическимъ и плодомъ основательнаго изученія вопросовъ государ-

ственнаго и общественнаго строя въ Россіи и въ иностранныхъ государствахъ. Серьезности изученія многимъ помогало личное наблюденіе, жизнь среди европейскихъ народовъ въ величайшую эпоху освободительнаго движенія народовъ Европы, когда во многихъ еще глухихъ углахъ ея впервые раздалось слово свободы.

Мы сейчасъ и перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ условій, при которыхъ складывалось политическое міровоззрѣніе декабристовъ..

Двѣнадцатый годъ съ послѣдующими за нимъ грандіозными событіями является великой эпохой въ европейской исторіи вообще и въ частности для Россіи. „Тогда-то народъ русскій,—говоритъ о нашествіи Наполеона Александръ Бестужевъ,—впервые ощутилъ свою силу, тогда-то пробудилось во всѣхъ сердцахъ чувство независимости, сперва политической, а впослѣдствіи и народной. Вотъ начало свободомыслія въ Россіи“ [1]).

Біографъ Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола въ такихъ словахъ описываетъ переломъ, произведенный въ русскомъ обществѣ двѣнадцатымъ годомъ: „Сильное возбужденіе патріотизма естественно вызвало и вообще усиленіе общественныхъ интересовъ и общественныхъ стремленій. Люди были выбиты изъ своей колеи, оторваны отъ своихъ мелкихъ личныхъ интересовъ, какъ бы освобождены отъ прежней своей придавленности, сразу поставлены въ средину широкаго и важнаго общественнаго, государственнаго, народнаго дѣла и они были тогда въ этомъ дѣлѣ не слѣпыми орудіями, не пѣшками; а сознательными и одушевленными работниками. Сильное патріотическое одушевленіе охватило тогда нашихъ предковъ. Матвѣй Ивановичъ разсказывалъ, что еще до торжественнаго заявленія Александра I не класть оружія, „доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ“, молодые гвардейскіе

[1]) Письмо въ дѣлѣ № 11.

офицеры уже дали себѣ такую же клятву: знаменитый рескриптъ не внесъ ничего новаго въ господствующее одушевленіе, онъ только царскимъ словомъ освятилъ общее настроеніе. Разъ любовь къ родинѣ была разбужена, она, конечно, не могла уничтожиться и по миновенію военныхъ обстоятельствъ; она должна была лишь видоизмѣниться, должна была обратиться отъ внѣшнихъ враговъ къ внутреннимъ бѣдствіямъ, ясно сознаннымъ во время самой войны. Возбужденіе, созданное 1812 годомъ, не могло бы улечься, даже не будь затѣмъ заграничныхъ походовъ. Любовь къ родинѣ, любовь къ народу, сближеніе съ нимъ не могли пройти безслѣдно. 1812 годъ былъ дѣломъ народнымъ, и на этомъ дѣлѣ въ дружной работѣ встрѣтилось и такъ называемое общество и простой народъ" [1].

Эта характеристика подтверждается записками декабристовъ, людей, переживавшихъ эту эпоху. Въ пространной запискѣ князя Трубецкого, представленной имъ Слѣдственному Комитету, мы встрѣчаемъ такое выпуклое описаніе того вліянія, которое на декабристовъ произвелъ двѣнадцатый годъ и послѣдующая за нимъ эпоха: „Нападеніе Наполеона на Россію въ 1812 году возбудило въ русскихъ любовь къ отечеству въ самой высокой степени; счастливое окончаніе сей войны, безпримѣрная слава, пріобрѣтенная блаженной памяти покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, блескъ, коимъ покрылось оружіе россійское, заставило всѣхъ русскихъ гордиться своимъ имянемъ, и во всѣхъ, имѣвшихъ счастіе участвовать въ военныхъ подвигахъ, поселило удостовѣреніе, что и каждый изъ нихъ былъ полезенъ своему отечеству. Связи, сплетенныя на бивакахъ, на полѣ битвы, при дѣленіи одинакихъ трудовъ и опасностей, бываютъ, особенно между

---

1) [illegible] „Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ“. „Русская Старина“ [illegible] годъ, кн. [illegible].

молодыми людьми, откровеннѣе, сильнѣе и живѣе. Я былъ друженъ съ Александромъ Муравьевымъ, съ Шиповымъ, что нынѣ генералъ-маіоръ, сей былъ друженъ съ Пестелемъ, съ которымъ и я познакомился. Мы часто говорили между собою о бывшихъ событіяхъ, о славѣ государя, о чести имени русскаго, разсуждали, что, уже бывъ каждый по возможности своей полезенъ отечеству въ военное время, не должны быть безполезны и въ мирное, что каждый изъ насъ, сопутствуя своему государю въ трудахъ военныхъ, долженъ и въ мирныхъ подвигахъ его величества по возможности своей содѣйствовать, что содѣйствіе каждаго часто малозначуще, то полезнѣе дѣйствовать общими силами. Послѣдствіе сего, что чѣмъ болѣе людей дѣйствуютъ вмѣстѣ, тѣмъ дѣйствіе ихъ сильнѣе, наконецъ, что для успѣшнаго дѣйствія нуженъ порядокъ и формы" [1]).

Появленіе французовъ въ Россіи возбудило народныя массы. Данный этой эпохой толчокъ Завалишинъ совершенно вѣрно сравниваетъ съ годами Петровской реформы. Война пробудила и высоко подняла сознаніе народнаго достоинства. Разумѣется, современники старались вникнуть въ причины бѣдствій, которымъ подверглось государство, и это обсужденіе „раскрыло цѣлый рядъ ошибочныхъ дѣйствій правительства, отъ гибельныхъ послѣдствій которыхъ, по тогдашнимъ сужденіямъ и убѣжденіямъ, Россія избавилась только самостоятельнымъ дѣйствіемъ и доблестью народа, независимо отъ правительства и даже какъ бы вопреки ему. Для всѣхъ было ясно, что Россія вовлечена въ опасность ошибками правительства и избавилась отъ опасности, только благодаря великимъ пожертвованіямъ. Поведеніе во время войны простого народа показало его способность къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ. Сословія, столь раздѣленныя между собою юридически, сумѣли сплотиться

---

[1]) Показанія кн. Трубецкого. „Мемуары декабристовъ", I, 73.

въ столь важномъ дѣлѣ. Во главѣ государства стояла русская аристократія, но она была сильно дискредитирована въ эту эпоху“, такъ разсуждали въ то время [1]).

Другая сторона вліянія войны заключается въ томъ, что русскіе солдаты и офицеры познакомились съ западной цивилизаціей не по картинкамъ модныхъ журналовъ и не по случайно попавшимъ въ руки книгамъ, но путемъ личнаго опыта и продолжительнаго знакомства. „Первые члены Тайнаго Общества,—говоритъ Бѣлевъ,—были большею частію военные, прошедшіе побѣдоносно всю Европу до Парижа. Ознакомившись ближе съ ея цивилизаціей, понятно, что стремленіе учредителей было желать и для Россіи той образованности, той свободы, тѣхъ правъ, какими пользовались нѣкоторые изъ европейскихъ націй и которыя были дарованы Польшѣ и обѣщаны Россіи. Такимъ образомъ свободный образъ мыслей и духъ преобразованія при помощи проникавшихъ запрещенныхъ сочиненій изъ-за границы перенесся и въ Россію; а какъ прозелиты всегда отличаются ревностію, то и наши тайныя общества, сначала весьма умѣренныя и благонамѣренныя, какъ „Зеленая книга“ и „Союзъ Благоденствія“, мало-по-малу стали ревностными поборниками революціи въ Россіи. Составлены были и конституціи: умѣренныя, монархическія и радикальныя, республиканскія, такъ что въ періодъ времени съ 1821 г. до смерти Александра I либерализмъ сталъ уже достояніемъ каждаго мало-мальски образованнаго человѣка. Частыя колебанія самого правительства между мѣрами прогрессивными и реакціонными еще болѣе усиливали желаніе положить конецъ тогдашнему порядку вещей; много также нашему либерализму содѣйствовали и внѣшнія событія, какъ-то: движеніе карбонаріевъ, заключеніе Сильвіо Пелико Австріей; отмѣненный походъ нашей арміи въ Италію, показывав-

[1]) „Записки декабриста Завалишина“, т. I, 178—180.

шій, что и Россія была готова слѣдовать за Австріей въ порабощеніи народовъ; имя Меттерниха произносилось съ презрѣніемъ и ненавистью; революція въ Испаніи съ Ріего во главѣ, исторгнувшая прежнюю конституцію у Фердинанда, приводила въ восторгъ такихъ горячихъ энтузіастовъ“ [1]).

Въ такомъ же духѣ характеризуетъ Розенъ въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ вліяніе походовъ въ Западную Европу. „Для молодого русскаго дворянства, — говоритъ онъ, — особенно въ гвардейскихъ полкахъ, французско - германскій походъ былъ вступленіемъ въ міръ другой цивилизаціи, о которой въ то время знали лишь немногіе. Въ лучшемъ климатѣ, среди лучшихъ общественныхъ отношеній, носившихъ отпечатокъ высшей культуры, подъ вліяніемъ болѣе мягкихъ нравовъ и гуманныхъ воззрѣній, многіе русскіе офицеры начали судить о положеніи своего отечества съ совершенно другой точки зрѣнія. Молодые люди, которые большую часть своей жизни провели въ однообразіи отдаленныхъ русскихъ губернскихъ городовъ или въ вакхическомъ кутежѣ петербургскихъ пирушекъ, нашли на цвѣтущихъ берегахъ Лоары и Гаронны новый міръ, прелести котораго приводили ихъ въ восторгъ. При бездѣйствіи гарнизонной службы, при значительныхъ разстояніяхъ, раздѣлявшихъ между собою отдѣльныя части войскъ, была возможна большая свобода, какой прежде офицеры не знали. Борьба политическихъ партій во Франціи нашла въ молодыхъ чужеземцахъ внимательныхъ и переимчивыхъ зрителей. Именно всѣ здоровые и стремящіеся къ прогрессу элементы русской гвардіи всосали въ себя съ восторгомъ идеи гражданственности, свободы и конституціонныхъ учрежденій; съ страстью и удивленіемъ углублялись они въ жизнь народа, противъ котораго призваны были съ далекаго востока. Въ душѣ мно-

[1]) „Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 г.“, „Русская Старина“, 1881 г., мартъ, стр. 487.

гихъ зародилась мысль о возможности надѣлить и свое отдаленное отечество такими же благами“ [1]).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній интересно будетъ познакомиться съ отзывами самихъ участниковъ декабрьскихъ событій о томъ впечатлѣніи, какое на нихъ произвело пребываніе въ Западной Европѣ, и о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія ими были приписываемы этому обстоятельству. Слѣдственный Комитетъ спрашивалъ каждаго изъ подсудимыхъ объ образованіи, которое каждый получилъ, и о томъ, при какихъ условіяхъ подсудимый проникся либеральными идеями. Въ отвѣтъ на эти запросы нѣкоторые изъ декабристовъ дали обстоятельные отвѣты о томъ впечатлѣніи, какое произвела на нихъ конституціонная жизнь западно-европейскихъ государствъ.

Николай Бестужевъ въ своемъ показаніи говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Бытность моя въ Голландіи 1815 года въ продолженіе 5 мѣсяцевъ, когда тамъ устанавливалось конституціонное правленіе, дала мнѣ первое понятіе о пользѣ законовъ и правъ гражданскихъ; послѣ того двухкратное посѣщеніе Франціи, вояжъ въ Англію и Испанію утвердили сей образъ мыслей. Первая же книга, развернувшая во мнѣ желаніе конституціи въ моемъ отечествѣ, была: „О конституціи Англіи“, не помню, чье сочиненіе, переведенная на русскій языкъ (кажется, въ 1805 году г. Татищевымъ) и посвященная покойному императору Александру Павловичу. Впрочемъ, происшествія послѣдняго времени во всей Европѣ, всѣ иностранные журналы, современныя исторіи и записки и даже русскіе журналы и газеты открывали внимательному читателю пользу постановленія законовъ. Рукописей я никакихъ не читывалъ. Укорененіемъ свободнаго образа мыслей я никому не обязанъ; видѣнное мною на практикѣ въ другихъ державахъ до-

[1]) „Записки декабриста“, Петербургъ. 1870 г., 24—25.

статочно было утвердить меня въ сихъ мысляхъ, присоединеніе же мое къ Обществу только направило къ цѣли мои понятія и знанія“ [1]). Братъ Николая Бестужева, Михаилъ, тоже морякъ, въ своемъ показаніи разсказываетъ, что онъ „заимствовалъ начало свободныхъ мыслей“ во время перваго своего морского плаванія въ 1817 году, сейчасъ по выходѣ изъ корпуса, подъ начальствомъ вице-адмирала Кроуна. Тогда молодой офицеръ познакомился со многими французскими офицерами и съ путешествующими англичанами. Въ 1821 году Михаилъ Бестужевъ побывалъ съ эскадрой въ Копенгагенѣ, дальнѣйшимъ знакомствомъ съ иностранцами укрѣпилъ въ себѣ либеральныя идеи. Михаилъ Бестужевъ прибавляетъ, что офицеры русской эскадры, плававшіе въ Западной Европѣ въ 1812 году, также „получили понятіе о образѣ тамошняго правленія, и когда мнѣ случалось слушать ихъ разсказы, то они невольно питали полученное мною понятіе“ [2]).

Такъ показывали младшіе изъ декабристовъ. Въ показаніяхъ старшихъ ихъ сотоварищей мы находимъ тѣ же указанія. Полковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ намекаетъ на значеніе эпохи 12 года въ своемъ показаніи: „Послѣ кампаніи 1812, 1813 и 1814 гг., послѣ существованія, столь исполненнаго происшествіями, послѣдующая единообразная жизнь не могла быть достаточной для тѣхъ, которые производили сіи кампаніи“ [3]). Князь Волконскій, также участникъ войны двѣнадцатаго года, въ своемъ показаніи также заявляетъ, что либеральныя идеи зародились въ немъ во время походовъ въ Западной Европѣ [4]).

Позднѣйшія записки С. Г. Волконскаго нѣсколько подробнѣе знакомятъ насъ съ тѣмъ непосредственнымъ

[1]) Показанія Николая Бестужева.

[2]) Показанія Михаила Бестужева.

[3]) Показанія Матвѣя Муравьева-Апостола.

[4]) Показанія князя Волконскаго.

вліяніемъ, которое производила на него европейская жизнь. Уже въ бытность свою въ Лондонѣ князь Волконскій обратилъ вниманіе на факты, свидѣтельствующіе о силѣ закона или касающіеся личной свободы гражданъ. Между тѣмъ самъ Волконскій, во время своихъ путешествій за границей, былъ еще очень мало подготовленъ въ смыслѣ воспріятія свободныхъ политическихъ идей. Но, уже возвратившись изъ-за границы, князь Волконскій признается, что въ немъ сталъ сильно сказываться „зародышъ сознанія обязанностей гражданина". По мнѣнію автора воспоминаній, причиной такого переворота въ его мысляхъ были народныя событія 1814 и 1815 гг., коихъ онъ былъ свидѣтелемъ. Эти событія вселили въ него „вмѣсто слѣпого повиновенія и отсутствія всякой самостоятельности мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественныя, идущія, по крайней мѣрѣ, на ряду съ вѣрноподданническими". Возвратившись изъ похода, онъ уже полонъ новыми идеями и старается въ свои отношенія къ офицерамъ и солдатамъ внести новую струю,—ввести въ отношенія начальника къ подчиненнымъ болѣе мягкости и теплоты: „былъ учтивъ съ господами офицерами и дружески попечителенъ о нижнихъ чинахъ, старался заслужить общее ихъ довѣріе и любовь, чего можно достичь и безъ упадка въ дисциплинѣ, вопреки убѣжденію старой, грубой палочной системы". Вообще Волконскій придаетъ большое значеніе вліянію освободительныхъ войнъ на подъемъ русскаго народнаго духа. Эти войны „подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ установленіями ея, порядкомъ управленія и народными гарантіями; противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія рѣзко высказались уму и сердцу многихъ" [1]).

---

[1]) Воспоминанія, 350, 387, 401.

Во время походовъ Батеньковъ былъ уже человѣкомъ сложившихся убѣжденій, весьма умѣренныхъ; онъ былъ мало способенъ на порывы подъ вліяніемъ какихъ-нибудь новыхъ впечатлѣній. Однако и на него походы произвели сильное впечатлѣніе, хотя природная осторожность, а можетъ быть условія послѣдующей жизни не скоро дали ему поводъ вступить въ ряды членовъ Тайнаго Общества. „Война,—говоритъ онъ,—представила мнѣ поучительную картину. Во время двухъ путешествій за границу мысль о разныхъ родахъ правленія практическими примѣрами во мнѣ утвердилась, и я началъ имѣть желаніе видѣть въ своемъ отечествѣ болѣе свободы" [1]).

Приводя конкретные примѣры вліянія европейскихъ событій на отдѣльныхъ лицъ, мы еще остановимся на одномъ и приведемъ слова біографа Рылѣева, характеризующія тѣ впечатлѣнія, которыя выносилъ юный офицеръ, выпущенный изъ корпуса прямо въ дѣйствующую армію, даже въ кратковременное пребываніе за границей. Г. Сиротининъ, касаясь этого момента въ біографіи Рылѣева, говоритъ о немъ: „Поражаясь грандіозностью событій, Рылѣевъ присматривался и къ тому, что такъ рѣзко не бросалось въ глаза, къ внутренней жизни Европы. Въ вихрѣ бурныхъ удовольствій онъ не забывалъ, повидимому, учиться, всѣмъ интересоваться, что только ни попадалось ему на глаза. Проѣзжая по мѣстностямъ, такъ или иначе отмѣченнымъ исторіей, онъ не упускалъ случая пополнить свои знанія, припоминалъ историческое прошлое тѣхъ государствъ, въ которыхъ приходилось ему жить, зорко въ то же время наблюдая ихъ настоящее. Наблюденія надъ бытовой и общественной жизнью Европы, можетъ-быть, и были самымъ плодотворнымъ результатомъ заграничной жизни Рылѣева, и въ этомъ

---

[1]) „Мемуары декабристовъ".

отношеніи всего болѣе обязанъ онъ былъ своему пребыванію въ Парижѣ“ [1]).

Въ запискахъ Фонъ-Визина мы находимъ отчетливое изображеніе того вліянія, которое производили походы въ Европу на русскую военную молодежь. „Духъ свободы, который во всѣхъ европейскихъ государствахъ дѣйствующія заодно правительства старались всячески угнести, повѣялъ и на самодержавную Россію“. „Въ продолженіе двухлѣтней тревожной боевой жизни среди безпрестанныхъ опасностей, они привыкли къ сильнымъ ощущеніямъ, которыя для смѣлыхъ дѣлаются почти потребностью. Въ такомъ настроеніи духа, съ чувствомъ своего достоинства и возвышенной любви къ отечеству, большая часть офицеровъ гвардіи и генеральнаго штаба возвратилась въ 1815 г. въ Петербургъ. Въ походахъ по Германіи и Франціи наши молодые люди ознакомились съ европейской цивилизаціей, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все видѣнное ими за границею съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ,—рабство огромнаго безправнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ,—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство. Многіе изъ нихъ познакомились въ походѣ съ германскими офицерами, членами прусскаго тайнаго союза (Tugenbund), который такъ благотворно приготовилъ возстаніе Пруссіи и содѣйствовалъ ея освобожденію, и съ французскими либералами. Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ ними наши молодые люди нечувствительно усвоили ихъ свободный образъ мыслей и стремленіе къ конституціоннымъ учрежденіямъ, стыдясь за Россію, такъ глубоко униженную самовластіемъ. Воз-

---

[1]) Сиротининъ, „К. Ѳ. Рылѣевъ“, „Русскій Архивъ“, 1890, стр. 127.

вратясь въ Петербургъ, могли ли наши либералы удовлетвориться пошлою полковою жизнью и скучными мелочными занятіями“ [1]).

Наблюденія, сдѣланныя Фонъ-Визинымъ, не являются единичными. Они идутъ отъ разныхъ наблюдателей имѣвшихъ возможность знакомиться съ настроеніемъ тогдашней среды въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Басаргинъ, проведшій свою службу въ южной арміи, вынесъ такое же впечатлѣніе относительно вліянія западно-европейскихъ идей въ средѣ тогдашнихъ офицеровъ. „Россія,—говоритъ онъ,—не могла избѣгнуть вліянія сосѣдственныхъ государствъ и особенно въ такое время, когда сношенія съ ними порождались самыми событіями, войною и дальнѣйшими ея слѣдствіями. Многіе молодые люди, возвратившіеся послѣ кампаніи изъ-за границы, большею частью военные, покрытые еще дымомъ исполинскихъ битвъ, 1812—1814 гг., внесли съ собою новыя идеи, начали серьезно думать о положеніи Россіи и прилагать къ ней теоріи общественныхъ учрежденій, или существующихъ уже въ другихъ государствахъ или изложенныхъ въ замѣчательныхъ политическихъ твореніяхъ тогдашняго времени“ [2]). Люди, съ молокомъ матери впитавшіе въ себя чувство слѣпого повиновенія къ самодержавному правительству, вдругъ прозрѣли. Они увидѣли возможность для другихъ народовъ низвергать правительство во имя идей свободы и равенства. Съ другой стороны, они ознакомились и оцѣнили превосходство жизни въ политически свободной странѣ Переворотъ казался возможнымъ и въ Россіи, гдѣ причинъ для него было гораздо болѣе, чѣмъ во многихъ западно-европейскихъ государствахъ. „Происшествія 1812—1815 гг.,—говоритъ Пестель,—равно какъ предшествовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низ-

---

[1]) „Общественныя движенія“, I, 182—183.

[2]) Записки, „Девятнадцатый вѣкъ“, т. I, стр. 69.

верженныхъ, столько другихъ постановленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобностями оныя производить. Къ тому же имѣетъ каждый вѣкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и то же, отъ Португаліи до Россіи, не исключая не единаго государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. То же самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразованія заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клокотать. Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила укоренили оныя въ умахъ" [1]).

Современники отмѣтили весьма любопытное явленіе въ тогдашнемъ обществѣ: оно, особенно военные его круги, такъ сказать, измѣнило свою физіономію. Въ обществѣ была замѣтна большая перемѣна. Молодежь какъ будто пробудилась къ новой жизни, воодушевлялась всѣмъ, „что было благороднаго и чистаго въ нравственной и политической атмосферѣ". Особенною смѣлостью отличались сужденія въ средѣ гвардейскихъ офицеровъ [2]). Появилась довольно многочисленная рукописная литература, замѣчательная по остротѣ сарказма, иногда по высокому поэтическому вдохновенію. Общество стало жадно читать французскихъ публицистовъ, имена коихъ сдѣлались весьма популярными [3]). Когда Батеньковъ въ 1821 году пріѣхалъ послѣ долгаго отсутствія въ Петербургъ, онъ былъ удивленъ настроеніемъ общества: „въ сіе время Петербургъ былъ уже не тотъ, какимъ оставилъ я его прежде за пять лѣтъ

[1]) „Былое", 1906 годъ, февраль, 139.

[2]) Тургеневъ, Корниловъ, „Очерки по исторіи общественнаго движенія", 14.

[3]) Тамъ же.

Разговоры про правительство, негодованіе на оное, остроты, сарказмы встрѣчались безпрестанно, коль скоро нѣсколько молодыхъ людей были вмѣстѣ [1]).

Люди пріѣзжали изъ-за границы съ новыми идеями, съ запасомъ любопытныхъ наблюденій. Но на родинѣ они встрѣчали старыя и знакомыя картины—полное безправіе личности, призывъ назадъ, преклоненіе предъ суровой стариной. Въ запискахъ Якушкина мы находимъ описаніе тѣхъ перемѣнъ въ воззрѣніяхъ, съ которыми военные возвратились изъ-за границы, и того гнетущаго чувства, которое они испытали при видѣ родной обстановки. Въ 1814 году первая гвардейская дивизія, въ которой служилъ Якушкинъ, высадилась на русскую почву у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебенъ. Во время молебна полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ войску. „Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество", замѣчаетъ Якушкинъ. Затѣмъ начались парады и разводы, своею безцѣльностью поражавшіе теперь офицера. Въ петербургскомъ обществѣ участники великихъ событій столкнулись съ праздной жизнью и болтовнею стариковъ, восхвалявшихъ все старое и порицавшихъ всякое движеніе впередъ. „Мы ушли отъ нихъ на сто лѣтъ впередъ", говоритъ Якушкинъ [2]).

Теоретическія наблюденія надъ западно-европейской жизнью приводили къ ряду практическихъ послѣдствій. Эти послѣдствія иногда сказывались въ мелочахъ. По свидѣтельству Завалишина уже во время заграничныхъ походовъ палка была почти выведена изъ употребленія въ войскахъ. Впрочемъ, впослѣдствіи намъ еще придется познакомиться, что офицеры, примкнувшіе къ Тайному Обществу, совершенно измѣнили свое отношеніе къ сол-

---

1) „Мемуары декабристовъ", I, стр. 161.

2) „Записки", 2—4.

датамъ. Но теперь мы пока говоримъ лишь о непосредственныхъ первичныхъ проявленіяхъ новыхъ вѣяній въ тогдашнемъ обществѣ. Къ тѣмъ же явленіямъ слѣдуетъ отнести и признанія Михаила Орлова въ томъ, что онъ, возвратясь изъ Западной Европы въ 1814 году, задумалъ составить тайное общество для сопротивленія лихоимству и другимъ безпорядкамъ внутренняго управленія по примѣру Прусскаго Тугенбунда: онъ вынесъ впечатлѣніе, что Тугенбундъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ средствъ, употребленныхъ для спасенія Пруссіи и Германіи [1]).

Но, разумѣется, самымъ важнымъ послѣдствіемъ были не эти единичные факты, но болѣе серьезныя явленія. Великій переломъ, совершившійся въ обществѣ, заставилъ его серьезно задуматься надъ государственнымъ и общественнымъ строемъ. Несомнѣнно, теперь пониманіе ими этого строя было уже иное. Болѣе серьезный взглядъ на жизнь вызвалъ стремленіе къ дѣятельности и къ изученію наукъ, которыя способны были теоретически укрѣпить въ умахъ то, что многіе наблюдали въ практической жизни на Западѣ. Многими овладѣваетъ жажда къ дѣятельности, жажда пополнить свои свѣдѣнія, жажда провѣрить свои воззрѣнія въ дружественной бесѣдѣ. „Великія событія отечественной войны,—говоритъ Михаилъ Фонъ-Визинъ въ своемъ показаніи,—оставивъ въ душѣ глубокія впечатлѣнія, произвели во мнѣ какое-то безпокойное желаніе дѣятельности. Двукратное пребываніе за границей открыло мнѣ много идей политическихъ, о которыхъ прежде не слыхивали. Возвратясь въ Россію, въ свободное время отъ службы продолжалъ заниматься политическими сочиненіями и иностранными газетами и въ то время читалъ разныя теоріи политическія и мечталъ о приноровленіи ихъ къ Россіи“ [2]). На вопросъ Пестелю о томъ, какимъ обра-

[1]) Показанія Орлова.

[2]) „Общественныя движенія“, I, 17.

зомъ въ немъ зародились революціонныя мысли, онъ отвѣтилъ Слѣдственному Комитету: „Политическія книги у всѣхъ въ рукахъ; политическія науки вездѣ преподаются; политическія извѣстія повсюду распространяются, сіе научаетъ всѣхъ судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства: хвалить одно, хулить другое", и далѣе онъ выяснилъ Комитету вліяніе великихъ событій на умы въ Россіи [1]).

Дѣйствительно, свидѣтели того времени сообщаютъ намъ не мало интересныхъ свѣдѣній о научныхъ занятіяхъ и стремленіяхъ въ средѣ тогдашняго общества. Тотъ же Михаилъ Фонъ-Визинъ въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ, вспоминая объ этомъ періодѣ, разсказываетъ: „Въ то время офицеры гвардіи и генеральнаго штаба со страстью учились и читали преимущественно сочиненія и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ государствахъ. Изучая смѣлыя политическія системы и теоріи, весьма естественно, что занимающіеся ими желали бы видѣть ихъ приложеніе въ своемъ отечествѣ. А это и было главнымъ предметомъ занятій размножившихся въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ члены исключительно посвящали себя политикѣ. Статуты нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ, существовавшихъ во Франціи и Германіи, завезены были въ Россію и навели нашихъ либераловъ на мысль учредить тайное политическое общество у насъ съ цѣлью ограничить самодержавіе" [2]). Интересъ къ занятіямъ и къ чтенію выражался въ томъ, что молодые люди жадно толпились на публичныхъ курсахъ и чтеніяхъ. Такъ, многіе посѣщали чтенія, происходившія въ Петербургѣ у Г. Р. Державина, гдѣ бывали чтенія любителей рус-

---

[1]) „Былое", 1906 годъ, февраль, 139.

[2]) „Общественныя движенія", I, 185.

ской словесности и гдѣ выступали Крыловъ, Гнѣдичъ, Лобановъ. Составлялись въ полкахъ библіотеки, гдѣ сочиненія Франклина и Филанджіери, Сея занимали почетное мѣсто. „Я тогда зналъ многихъ образованныхъ людей между офицерами гвардейскихъ полковъ,—вспоминаетъ Лореръ,—въ особенности же много ихъ было въ Семеновскомъ, Измайловскомъ и нашемъ Московскомъ“ [1]). Гангенбловъ въ своихъ воспоминаніяхъ тоже говоритъ о появленіи библіотекъ у офицеровъ [2]). Такъ какъ матеріалъ, извлекаемый изъ книгъ, былъ для большинства большой новостью, то приступавшіе къ его изученію старались помогать другъ другу въ усвоеніи прочитаннаго. „Надо помогать другъ другу, надо заняться чтеніемъ и распространеніемъ полезныхъ и либеральныхъ книгъ... стараться о распространеніи просвѣщенія вообще и въ особенности между нижнимъ классомъ народа, дабы тѣмъ самымъ довести его со временемъ до того состоянія, въ которомъ онъ могъ бы пользоваться свободой“ [3]). Неофиты въ политическихъ наукахъ не довольствовались ихъ изученіемъ, но стремились передать свои знанія въ такую среду, которая была лишена ихъ. Они собирались „дѣйствовать во всѣхъ округахъ по силамъ и возможностямъ на улучшеніе всѣхъ отраслей наукъ, художествъ, даже ремеслъ и упражняться въ практической благотворительности, дѣлать сборы для бѣдныхъ, опредѣляя сиротъ въ училища, а безмѣстнымъ пріискивая пристанища“ [4]). Либерально настроенные люди обращали вниманіе на то, что просвѣщеніе сдѣлалось лишь удѣломъ высшаго класса, между тѣмъ какъ внутри государство покрыто мракомъ. „Многочисленный политическій составъ Россіи,—писалъ въ своемъ показаніи князь Ѳ. П. Шаховской,—требуя

---

[1]) Изъ записокъ декабриста, „Русское Богатство“, 1904, 60.

[2]) „Воспоминанія декабриста Александра Семеновича Гангенблова“, 23.

[3]) Изъ показанія подполковника Миклашевскаго.

[4]) Изъ показаній Ѳ. Глинки.

великаго числа чиновниковъ, заставляетъ чувствовать сей недостатокъ, имѣетъ пагубное вліяніе на правосудіе и ходъ судебныхъ дѣлъ“ [1]).

Итакъ, стремленіе къ просвѣщенію получаетъ опредѣленное направленіе: необходимо стремиться не только къ самообразованію, но и къ пользѣ общественной. Эта послѣдняя польза какъ бы распадалась на двѣ части: на просвѣщеніе низшихъ классовъ народа въ собственномъ смыслѣ и на подготовку къ будущей политической дѣятельности. Самый вліятельный изъ всѣхъ декабристовъ, П. И. Пестель, внушалъ своимъ сотоварищамъ, что долгъ человѣка состоитъ въ стремленіи къ общей пользѣ. Для этой цѣли необходимо ускорить образованіе ума и души, чтобы умѣть со временемъ приложить ихъ къ общеполезному дѣлу. Онъ совѣтовалъ читать Беккаріа, Филанджіери, Макіавелли, Вольтера, Гельвецiя, Сея, Адама Смита и вообще книги политическія и экономическія, „какъ разсуждающія о возвышенныхъ обязанностяхъ человѣка и гражданина“. Пестель старался утвердить въ мысли своихъ собесѣдниковъ, что безъ этихъ понятій и свѣдѣній невозможно быть полезнымъ ни себѣ, ни обществу, ни отечеству [2]).

Бесѣды по поводу прочитаннаго приводили къ разсужденіямъ, спорамъ. Жизнь въ такомъ обществѣ шла дѣятельно и интересно. „Мы часто собирались вмѣстѣ,— разсказываетъ Басаргинъ,—спорили, толковали, передавали другъ другу свои задушевные помыслы, желанія; сообщали все, что могло интересовать общее дѣло, и натурально нерѣдко очень свободно, скажу болѣе, неумѣренно говорили о правительствѣ. Предложеніямъ, теоріямъ не было конца“. Не надо думать, что интересъ къ чтенію, политическимъ наукамъ и вопросамъ замыкался тѣснымъ кругомъ членовъ Тайнаго Общества. Тотъ

---

[1]) Дубровинъ, „Русская Старина“, 1904, мартъ, 509—510.

[2]) Показаніе Комарова.

же Басаргинъ утверждаетъ, что „даже въ такихъ бесѣдахъ, гдѣ участвовали посторонніе, т.-е. непринадлежавшіе къ Обществу, разговоръ болѣе всего обращенъ былъ на предметы серьезные, болѣе или менѣе относящіеся къ тому, что занимало насъ“ [1]). Князь С. Г. Волконскій въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ о томъ кружкѣ, въ который онъ попалъ въ Кіевѣ въ 1819 году. Тогда гостилъ онъ у своего друга генерала М. Ф. Орлова. Самъ Орловъ, человѣкъ умѣренный и осторожный, имѣлъ слабое отношеніе къ Союзу Благоденствія. Въ Кіевѣ въ то время, кромѣ Орлова, едва ли были члены этого Союза. Тѣмъ не менѣе собиравшійся у Орлова кружокъ людей состоялъ изъ людей мыслящихъ, понимавшихъ, „что дѣла ихъ не должны ограничиваться шарканіемъ и пустопорожней жизнью петербургскихъ гостиныхъ и шагистикой военной гарнизонной жизни, а что жизнь и дѣла ихъ должны быть посвящены пользѣ родины и гражданскимъ преобразованіямъ, имѣющимъ цѣлью поставить Россію на уровень гражданскаго быта, введеннаго въ Европѣ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ начало было не власть деспотовъ, но права человѣка и народовъ“. Это тотъ самый кружокъ, попавъ въ среду котораго и самъ авторъ воспоминаній понялъ тогда, что „преданность къ отечеству должна меня вывести изъ душнаго и безцвѣтнаго быта ревнителя шагистики и угодническаго царедворничества“ [2]).

Такимъ образомъ война двѣнадцатаго года и послѣдовавшіе за нею походы огромной массы арміи,—всѣ эти факты въ сильной мѣрѣ способствовали оживленію либеральнаго настроенія преимущественно въ военныхъ кругахъ общества. Наблюденіе надъ жизнью западно-европейскихъ народовъ вселило во многихъ уваженіе къ свободному строю государства, побудило разобраться во многихъ политическихъ и юридическихъ вопросахъ и

[1]) Записки Басаргина, „Девятнадцатый вѣкъ“, 71.
[2]) Воспоминанія, 401, 407.

вселило благородную жажду дѣятельности на общественномъ поприщѣ. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, на вопросъ Слѣдственнаго Комитета о причинахъ возникновенія Тайнаго Общества, даетъ слѣдующую сжатую характеристику, которая можетъ послужить заключеніемъ къ изложенному выше ряду фактовъ: „Трехлѣтняя война, освободившая Европу отъ ига Наполеонова, послѣдствія оной, введеніе представительнаго правленія въ нѣкоторыя государства; сочиненія политическія, безпрестанно являющіяся въ сію эпоху и читаемыя съ жадностью молодежью; духъ времени, наконецъ, обратившій умы къ наблюденію законовъ внутренняго устройства государствъ,—вотъ источники революціонныхъ мнѣній въ Россіи. Молодые люди, занимавшіеся сими предметами, вскорѣ восчувствовали желаніе видѣть въ отечествѣ своемъ представительное устройство, сообщали другъ другу свои мнѣнія, соединялись единствомъ желаній и вотъ зародышъ Тайнаго Общества политическаго. Распространеніе же революціонныхъ мнѣній въ государствѣ слѣдовало обыкновенному и естественному порядку вещей, ибо если возбранить нельзя, чтобы общество не имѣло вліянія на сіе распространеніе, справедливо также и то, что, если бы мнѣнія сіи не существовали въ Россіи до рожденія Общества, оно не только не родилось бы, но и родившись не могло ни укорениться ни разрастись“ [1]).

Узкія рамки военной службы многихъ не могли удовлетворить. Одни уходили въ гражданскую службу, которая считалась менѣе почетной въ то время для представителей родовитаго дворянства (а изъ него именно состояли тогдашніе либеральные круги), иные бросали совсѣмъ службу, поселялисв въ деревнѣ и дѣлали, что могли для своихъ крестьянъ. Такіе факты, конечно, были немногочисленны, но они поражали своею новизной и вызывали у современника восторженное восхваленіе. Петръ

[1]) Показаніе Сергѣя Муравьева-Апостола.

Каховскій въ своемъ письмѣ къ генералу Левашеву съ восторгомъ описываетъ, можетъ-быть, нѣсколько въ преувеличенномъ свѣтѣ, направленіе, которымъ тогда было проникнуто молодое поколѣніе. „У насъ молодые люди, при всѣхъ скудныхъ средствахъ, занимаются болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Многіе изъ нихъ вышли въ отставку и въ укромныхъ своихъ сельскихъ домикахъ учатся, устраиваютъ благоденствіе и просвѣщеніе земледѣльцевъ, судьбою ихъ попеченію ввѣренныхъ. Часто въ отдаленной отъ столицы области встрѣтишь человѣка съ истиннымъ образованіемъ ума и сердца. Новая возникающая отрасль (поколѣніе), наши юноши съ какой жаждой, съ какимъ рвеніемъ разрываютъ завѣсы, скрывающія истины, и въ глубь ихъ проникаютъ! Сколько встрѣтишь теперь 18-лѣтнихъ молодыхъ людей, о которыхъ смѣло можно сказать, что они читали старыя книги. Въ устроенныхъ учебныхъ заведеніяхъ просвѣщеніе весьма тускло; откуда же почерпаютъ они свои свѣдѣнія? Въ силѣ духа времени. Пора танцевъ, баловъ, острыхъ словъ прошла; въ бесѣдахъ болтанье замѣнилось разсужденіемъ“ [1]).

Мы познакомились съ общимъ настроеніемъ тогдашнихъ либеральныхъ круговъ. Не безынтересно теперь въ частности прислушаться къ показаніямъ отдѣльныхъ лицъ объ источникахъ ихъ образованія. Это ближе введетъ насъ въ ту среду, о которой идетъ рѣчь, сдружитъ насъ съ тѣми лицами, о которыхъ такъ часто приходится упоминать.

Князь Евгеній Оболенскій на вопросъ Слѣдственнаго Комитета о причинахъ, вліявшихъ на развитіе въ немъ либеральныхъ идей, далъ отвѣтъ, что эти идеи въ немъ сложились и подъ вліяніемъ бесѣдъ, и чтенія книгъ, и личныхъ наблюденій. „Свободный образъ мыслей, — говоритъ онъ, — я заимствовалъ со времени вступленія въ службу, сообществомъ съ людьми образованными,

[1]) Дубровинъ, „Русская Старина“, 1904, мартъ, 488—489.

дѣлавшими компаніи 1812 года, чтеніемъ разнаго рода политическихъ книгъ, размышленіемъ и нахожденіемъ въ обществѣ, имѣющемъ политическую цѣль. Утверждалось же оно и укоренялось духомъ времени и наблюденіемъ происшествій, ознаменовавшихъ въ послѣдніе годы почти всѣ страны міра (исключая Африки) революціями различнаго рода. Какія же въ особенности книги дѣйствовали на мой образъ мыслей, я поистинѣ сказать не могу, ибо чтеніе мое довольно разнообразно, вообще способствовало тому чтеніе публицистовъ: Benjamin Constant, Bignon и проч.“ [1]).

Александръ Бестужевъ въ своемъ показаніи свидѣтельствуетъ, что „съ девятнадцати лѣтъ сталъ я читать либеральныя книги“. Въ другомъ мѣстѣ своихъ показаній онъ свидѣтельствуетъ, что свободный образъ мыслей онъ болѣе всего заимствовалъ изъ книгъ, со страстью читалъ французскихъ и англійскихъ публицистовъ, увлекался рѣчами депутатовъ во французской палатѣ. Изъ историковъ наибольшее вліяніе на него имѣлъ Геренъ и изъ публицистовъ Бентамъ. Изъ русскихъ сочиненій онъ упоминаетъ объ извѣстной запискѣ Дениса Фонъ-Визина „О необходимости законовъ“; эта записка представляетъ собой очень рѣзкую критику русскаго самодержавія [2]) Замѣтимъ, что эта же замѣчательная записка произвела сильное впечатлѣніе на молодого морского офицера Бѣляева [3]). О Фонъ-Бригенѣ графъ Кушелевъ Безбородко свидѣтельствуетъ, что онъ любилъ историко-философскія занятія. Читая сочиненія Мабли, Смита или какую-нибудь философскую книгу, Фонъ-Бригенъ забывалъ весь свѣтъ У него имѣлась хорошая библіотека французскихъ, нѣмецкихъ и латинскихъ книгъ [4]). О своей любозна-

---

[1]) Показанія кн. Оболенскаго, стр. 5.

[2]) Показаніе Александра Бестужева.

[3]) Показанія Бѣляева 1-го.

[4]) Браиловскій, „Изъ жизни одного декабриста“, „Русская Старина“ 1903, мартъ, 543.

тельности, любви къ чтенію вспоминаетъ Бѣляевъ въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ. „Я былъ любознателенъ,—пишетъ онъ,—и потому жадно принялся читать все, что наиболѣе возбуждало мое любопытство, въ томъ числѣ Вольтера, Руссо и сочиненія энциклопедистовъ; началъ переводить „L'homme, Savrage Meriev“ и съ неопытнымъ, еще мало образованнымъ умомъ скоро допустилъ въ свои мысли порядочную долю тогдашняго скептицизма и затѣмъ невѣрія. Изъ философскаго лексикона Вольтера болѣе другихъ подѣйствовали на меня фанатизмъ и другія въ такомъ родѣ статьи. Такимъ образомъ, мало-по-малу, наступило полное равнодушіе и сомнѣніе въ религіи, слѣдствіемъ этого явилось страстное влеченіе къ наслажденіямъ. Время моего невѣрія и ослѣпленія продолжалось года два не болѣе. По благости Божіей я скоро пришелъ въ себя“ [1]).

По свидѣтельству Александра Муравьева, онъ читалъ и изучалъ Макіавелли, Монтескье, Руссо и другія политическія сочиненія [2]).

Вообще среди декабристовъ является рядъ людей съ широкимъ и разностороннимъ образованіемъ. Не говоримъ уже о такихъ лицахъ, какъ Пестель, одна Русская Правда котораго и рядъ записокъ въ его бумагахъ по военному и военно-административному дѣлу свидѣтельствуютъ о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ крупнымъ ученымъ и выдающимся умомъ, не говоримъ о Никитѣ Муравьевѣ, Вильгельмѣ Кюхельбекерѣ, Александрѣ Бестужевѣ, Рылѣевѣ, Николаѣ Бестужевѣ, Корниловичѣ, Михайлѣ Фонъ-Визинѣ, о баронѣ Штейнгелѣ и о многихъ другихъ, литературная дѣятельность которыхъ хорошо подтверждаетъ ихъ способности и степень образованія. Здѣсь мы приводимъ лишь данныя, которыя характери-

---

[1]) „Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ“, „Русская Старина“, 1880, 834—835.

[2]) Показаніе Александра Муравьева.

зуютъ только первичную точку отправленія, начала тѣхъ знаній и образованія, которыя усвоены были тѣми или другими лицами. Для характеристики эпохи и лицъ мы преимущественно пользуемся въ данномъ случаѣ исповѣдью самихъ декабристовъ и обращаемъ вниманіе при этомъ преимущественно на наименѣе доселѣ извѣстныхъ людей. Обратимъ еще вниманіе на такого, до послѣдняго времени мало извѣстнаго декабриста, какъ Петръ Каховскій. По словамъ его біографа, въ своихъ письмахъ изъ крѣпости о недостаткахъ русской жизни и о мѣрахъ ихъ исправленія Каховскій показалъ себя образованнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ хорошо знакомъ съ экономическими науками, государственнымъ правомъ и политической исторіей. Современный ему строй западно-европейскихъ государствъ Каховскій представляетъ себѣ въ весьма отчетливомъ видѣ. Онъ заявилъ комиссіи, что занимался политическими науками и на вопросъ, откуда появился у него вольный образъ мыслей, Каховскій написалъ: „Мысли формируются съ лѣтами; опредѣлительно я не могу сказать, когда понятія мои развернулись. Съ дѣтства изучая исторію грековъ и римлянъ, я былъ воспламененъ героями древности. Недавніе перевороты въ правленіяхъ Европы сильно на меня дѣйствовали. Наконецъ чтеніе всего того, что было извѣстнымъ въ свѣтѣ по части политической, дало наклонность мыслямъ моимъ. Будучи въ 1823 и 1824 годахъ за границею, я имѣлъ много способовъ читать и учиться: уединеніе, наблюденіе и книги были мои учителя“ [1]). Въ этомъ поясненіи Каховскаго очень любопытно его признаніе въ томъ, что онъ увлекался героями классической древности. Дѣйствительно, античною древностью увлекались и нѣкоторые другіе декабристы: она прельщала ихъ республиканскою свободою. „Я вспоминалъ блаженныя времена Греціи,—

---

1) Щеголевъ, „Петръ Григорьевичъ Каховскій“, „Былое“, январь, 1906, 136.

говоритъ о себѣ Пестель,—когда она состояла изъ республикъ, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима во дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ императоровъ" [1]). О томъ же свидѣтельствуетъ и признаніе Батенькова; онъ даже полагаетъ, что изученіе исторіи вообще вліяетъ на пробужденіе мысли о превосходствѣ свободнаго правленія: „Первыя мысли о выгодахъ свободнаго правленія и привязанность къ оному, какъ обыкновенно бываетъ, получилъ я во время обученія исторіи. Древніе греки и римляне съ дѣтства сдѣлались мнѣ любезны" [2]). По словамъ Лихарева, древніе греки и римляне представлялись ему еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ образцомъ республиканскихъ добродѣтелей [3]).

Однако было бы ошибочно думать, что знакомство съ политическими и экономическими сочиненіями иностранныхъ писателей было единственнымъ научнымъ багажомъ въ образованіи декабристовъ. Въ то время Россія была еще мало извѣстна въ научномъ отношеніи, въ историческомъ, экономическомъ, бытовомъ. Даже самая мысль изученія своего народа тогда являлась большою новостью. Русское общество, мало-мальски образованное, было подъ сильнымъ вліяніемъ французской литературы; оно говорило по-французски, читало французскія книги, думало по-французски и знало Францію лучше, чѣмъ Россію. Въ виду этого весьма замѣчательно то обстоятельство, что именно изъ среды декабристовъ появился призывъ къ изученію народнаго быта, русской исторіи, въ ихъ средѣ. Этотъ призывъ къ изученію русской національности былъ весьма далекъ отъ Шишковскаго старовѣрства. Съ этимъ намъ еще придется познакомиться. Теперь обратимъ вниманіе лишь на нѣкоторые факты, говорящіе намъ о томъ, что Россія не была забыта при ученыхъ

[1]) Показанія Пестеля, „Былое", 1906 г., февраль, 137.
[2]) „Мемуары декабристовъ", I, 159.
[3]) Показанія Лихарева, стр. 6 об., 23 апр. 1886 г.

занятіяхъ декабристовъ. Даже человѣкъ, много лѣтъ проведшій въ чужихъ краяхъ, вполнѣ освоившійся съ Западомъ, Д. И. Завалишинъ, свидѣтельствуетъ, что онъ, знакомясь съ различными формами государственнаго устройства и общественнаго быта, „требовалъ прежде знакомства съ понятіями, желаніями и условіями быта народнаго“ [1]). О Рылѣевѣ извѣстно, что онъ былъ въ дружбѣ съ извѣстнымъ археологомъ Строевымъ и, можетъ-быть, эта дружба дала ему возможность ознакомиться съ многими сторонами русской исторіи. Сообщающій этотъ фактъ, Кропотовъ, авторъ, въ общемъ весьма не расположенный къ декабристамъ, признаетъ, однако, познанія Рылѣева по части отечественной исторіи весьма основательными [2]).

Впрочемъ объ отношеніи декабристовъ къ Россіи, къ ея исторіи, намъ еще придется говорить.

Передъ нами прошелъ длинный рядъ фактовъ, указывающій на западно-европейское вліяніе, какъ на толчокъ, послужившій для многихъ исходной точкою въ исканіи гражданской и политической правды. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы все движеніе декабристовъ могло быть приписано исключительно внѣшнимъ вліяніямъ. Это не было подражаніемъ европейцамъ. До декабрьской революціи революціонное настроеніе на Западѣ продолжалось тридцать пять лѣтъ. За нимъ слѣдили и въ Россіи, но наблюденіе это не приводило къ сознанію открыто дѣйствовать и въ Россіи. Въ Россіи въ этотъ періодъ былъ рядъ условій, при которыхъ вліяніе западно-европейскихъ событій падало на благопріятную почву. Эти условія заключались въ печальномъ внутреннемъ положеніи страны. Мы уже видѣли, насколько это положеніе угнетало декабристовъ. Такимъ образомъ, декабрьскую революцію никоимъ образомъ нельзя признавать простымъ

---

[1]) Записки, т. I, 247.

[2]) Кропотовъ, „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ“, „Русскій Вѣстникъ“, 1869, мартъ, 237.

отраженіемъ европейскихъ событій. Это не была также революція, исходившая изъ теоретическихъ соображеній, вычитанная изъ тѣхъ или другихъ книгъ. Книги служили лишь средствомъ разобраться въ окружающихъ явленіяхъ, громко говорившихъ о печальной дѣйствительности и необходимости реформъ. Книги лишь отшлифовывали понятія. Было бы несправедливо судить о декабрьской революціи, какъ объ отраженіи теоретическихъ положеній,—такъ же несправедливо, какъ приписывать книгамъ французскую революцію, какъ объ этомъ когда-то заявлялъ Луи Бланъ. Съ другой стороны, несправедливо было бы думать, что толчокъ къ чтенію и изученію декабристы получили исключительно подъ вліяніемъ личнаго знакомства съ Западной Европой. Конечно, этого вліянія нельзя отрицать для очень многихъ. Но нельзя также забывать, что весьма многіе изъ декабристовъ оказались въ рядахъ заграничной арміи въ юномъ возрастѣ, когда люди еще не обращаютъ вниманія на сложный государственный механизмъ, и въ походахъ какъ разъ переживали тотъ возрастъ, когда юноша впервые впитываетъ въ себя гражданскія понятія. Можетъ-быть, это послѣднее обстоятельство и было причиной того, что многіе изъ декабристовъ приписываютъ западно-европейскому вліянію очень большое значеніе.

Предполагать, что одно вліяніе западно-европейскихъ событій послужило толчкомъ для декабристовъ, чтобы поднять знамя возстанія, — это значило бы признать въ нихъ недостаточную предварительную подготовку, недостатокъ предварительнаго образованія, свѣдѣній, знаній. Такое сужденіе, которое, впрочемъ, не разъ высказывалось во враждебной декабристамъ литературѣ (напримѣръ, у Богдановича, Кропотова, Греча и мн. др.), было бы въ высшей степени несправедливо. Разумѣется, въ большомъ сообществѣ людей, которые были привлечены къ слѣдствію за участіе въ Тайномъ Обществѣ, были люди и болѣе и менѣе образованные; но въ

общемъ среда декабристовъ представляетъ собою цвѣтъ тогдашняго интеллигентнаго русскаго общества. И опять-таки это выдающееся положеніе декабристовъ отнюдь не является послѣдствіемъ ихъ пребыванія въ Западной Европѣ и мимолетнаго вліянія на нихъ западно-европейскихъ событій. Высокая интеллектуальность декабристовъ, основного ядра ихъ, объясняется прежде всего прекрасной научно-образовательной подготовкой, которую они получили еще на школьной скамьѣ, до вступленія въ жизнь и, слѣдовательно, до знакомства своего съ Западной Европой.

Въ самомъ дѣлѣ, даже съ внѣшней стороны образовательный цензъ декабристовъ для того времени надо признать очень высокимъ. Мы хорошо знаемъ тогдашнюю Россію съ ея скудными образовательными средствами. Университетскіе питомцы считались десятками въ каждомъ университетѣ, Царскосельскій лицей только зарождался, даже среднихъ школъ было очень немного, и онѣ отличались малолюдствомъ. Тогдашнее войско и канцеляріи были переполнены людьми, въ формулярахъ которыхъ значилось, что они получили „домашнее образованіе“, т.-е. гдѣ-нибудь и какъ-нибудь учились у домашнихъ гувернеровъ. Между тѣмъ, если взять свѣдѣнія объ образовательномъ цензѣ декабристовъ, то онъ оказывается для того времени весьма высокимъ. Возьмемъ основную группу только тѣхъ декабристовъ, которые были присуждены къ наказанію, т.-е. сто двадцать одинъ человѣкъ. Оказывается, что изъ ихъ числа шесть человѣкъ получили образованіе въ Московскомъ университетѣ, а одинъ въ Харьковскомъ и одинъ въ Геттингенскомъ [1]). Въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ

---

[1]) Никита Муравьевъ (курса не окончилъ), Якушкинъ, Мухановъ, Загорѣцкій, Юшневскій (курса не окончилъ), Артамонъ Муравьевъ и Шимковъ (Харьковскаго университета); Николай Тургеневъ окончилъ Геттингенскій университетъ.

обучалось восемь человѣкъ [1]). Въ Царскосельскомъ лицеѣ окончили курсъ двое изъ декабристовъ [2]). Въ Горномъ корпусѣ и путей сообщенія получили образованіе трое [3]). Въ знаменитомъ училищѣ колонновожатыхъ, игравшемъ въ то время роль военной академіи и прекрасно поставленномъ въ отношеніи преподаванія, получило образованіе одиннадцать декабристовъ, изъ коихъ двое перешли въ это училище изъ университета [4]). Въ Одесскомъ лицеѣ образованіе получилъ одинъ декабристъ (Корниловичъ), одинъ въ Лѣсномъ институтѣ (Фаленбергъ) и одинъ въ медико-хирургической академіи (докторъ Вольфъ).

Такимъ образомъ изъ ста двадцати человѣкъ 25 получили высшее образованіе; къ нимъ надо причислить и питомцевъ университетскихъ пансіоновъ. Изъ этого слѣдуетъ, что даже съ внѣшней стороны образовательный цензъ декабристовъ является очень высокимъ; это обстоятельство получитъ еще большее значеніе въ нашихъ глазахъ, если мы не будемъ забывать крайнюю бѣдность въ образованныхъ людяхъ въ то время. Изъ остальныхъ—шестнадцать лицъ получили образованіе въ частныхъ пансіонахъ петербургскихъ и заграничныхъ.

Такъ Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы воспитывались въ Парижѣ въ пансіонѣ Гикса, гдѣ получили прекрасное образованіе. Многіе изъ этой категоріи лицъ

---

1) Каховскій, Сутгофъ, Якубовичъ, Михаилъ Фонъ-Визинъ, Кривцовъ, Глѣбовъ (въ Петербургскомъ университетскомъ пансіонѣ), Повало-Швейковскій, Вадковскій, Поливановъ.

2) Вильгельмъ Кюхельбекеръ и Иванъ Пущинъ.

3) Александръ Бестужевъ и Цебриковъ, не окончившіе здѣсь курса, и Батеньковъ, выдержавшій экзаменъ на инженера уже въ бытность свою офицеромъ.

4) Мухановъ и Загорѣцкій изъ Московскаго университета поступили въ училище колонновожатыхъ. Оба Бобрищева-Пушкина поступили въ это училище изъ Московскаго университетскаго пансіона; наконецъ, Чернышевъ, Крюковъ 2-й, Басаргинъ, Заикинъ, Иванъ Аврамовъ, Черкасовъ, Лихаревъ поступили въ училище послѣ домашней подготовки или изъ частныхъ пансіоновъ.

получили образованіе въ прославленныхъ въ свое время петербургскихъ пансіонахъ Жакино, Николя и въ іезуитскомъ; здѣсь воспитывался тогда цвѣтъ петербургской аристократіи [1]). Наконецъ пятнадцать лицъ получили домашнее образованіе [2]). Остальные сорокъ одинъ человѣкъ получили образованіе въ пажескомъ корпусѣ, въ кадетскихъ корпусахъ, въ морскомъ корпусѣ, въ дворянскомъ полку и въ петербургской гимназіи [3]). Но надо замѣтить, что изъ среды тѣхъ, которые въ формулярныхъ спискахъ отмѣчены воспитывавшимися въ кадетскихъ корпусахъ или на дому, многіе получили прекрасное образованіе, такъ какъ они пользовались частными лекціями тогдашнихъ профессоровъ. Это былъ довольно распространенный обычай въ то время среди русскаго знатнаго дворянства. Такъ, напримѣръ, Пестель получилъ прекрасное образованіе въ Дрезденѣ, выдержалъ экзаменъ въ пажескомъ корпусѣ и послѣ производства въ офицеры слушалъ курсъ юридическихъ

---

[1]) Такъ у Жакино обучались: Репинъ, Шаховской; у аббата Николя: Волконскій; тамъ же первоначально учился и Давыдовъ; въ іезуитскомъ пансіонѣ: Оржицкій, кн. Барятинскій, Іосифъ Поджіо; въ разныхъ другихъ пансіонахъ и въ нѣмецкомъ Петропавловскомъ училищѣ обучались: Бригенъ, Лаппа, Чижовъ, Назимовъ, Кожевниковъ, Вадковскій, Враницкій (въ Богеміи), Крюковъ 1-й, Ентальцевъ.

[2]) Трубецкой, Оболенскій, Пановъ, Одоевскій, Александръ Муравьевъ, Лунинъ, Анненковъ, корнетъ Александръ Михайловичъ Муравьевъ, Нарышкинъ, Фокъ, Коновницынъ, Толстой, Бестужевъ-Рюминъ, Александръ Поджіо, Фохтъ.

[3]) Такъ изъ пажескаго корпуса вышли: Норовъ, Ивашевъ, гр. Булгари, Пестель, кн. Валеріанъ Голицынъ, Свистуновъ; въ морскомъ корпусѣ: кн. Щепинъ-Ростовскій, Михаилъ, Николай и Петръ Бестужевы, Арбузовъ, Завалишинъ, баронъ Штейнгель, Торсонъ, оба брата Бѣляевы, Бодиско 1, Михаилъ Кюхельбекеръ, гр. Мусинъ-Пушкинъ, Акуловъ, Вишневскій, Бодиско 2, Тютчевъ. Въ 1-мъ и во 2-мъ кадетскихъ корпусахъ: Шахиревъ, Берстель, Громницкій, Андреевичъ 2, Павелъ Аврамовъ, Краснокутскій, Тизенгаузенъ, Михаилъ Пущинъ, Митьковъ, Рылѣевъ.

наукъ у извѣстнаго академика и профессора Германа [1]). Кн. Өедоръ Шаховской обученіе въ пансіонѣ Жакино закончилъ, уже будучи на службѣ въ Москвѣ, изученіемъ курса политическихъ наукъ у профессора Шлецера; у него же обучался и кн. Валеріанъ Голицынъ. Воспитывавшійся дома Александръ Михайловичъ Муравьевъ слушалъ курсы у профессоровъ Едике, Раупаха и Германа; Нарышкинъ слушалъ у профессоровъ Куницына, Германа и Соловьева, Бригенъ—у профессора Раупаха; Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ обучался на дому у профессоровъ: Мерзлякова, Цвѣтаева, Чумакова, Каменецкаго и др. преподавателей. Рылѣевъ слушалъ частные [2]) курсы политической экономіи у профессора Плисова.

Изъ этого перечня данныхъ, свидѣтельствующихъ о полученномъ первоначально декабристами образованіи, можно вынести несомнѣнное убѣжденіе, что мы имѣемъ дѣло съ кругомъ весьма образованныхъ для того времени людей. Разумѣется, этимъ обстоятельствомъ еще не объясняется большая ихъ воспріимчивость (сравнительно съ множествомъ другихъ офицеровъ) ко всему тому, что они видѣли за границей во время походовъ, и, наконецъ, ихъ неуклонное стремленіе къ дальнѣйшему пріобрѣтенію знаній. Такимъ образомъ, зрителями западно-европейскихъ событій, людьми, изучавшими политическую экономію или юриспруденцію по сочиненіямъ тогдашнихъ лучшихъ представителей западно-европейской науки, явились не неофиты, впервые прозрѣвшіе, случайно заинтересовавшіеся тѣми или другими вопро-

---

[1]) „Былое“, 1906, февраль, стр. 134.

[2]) Кропотовъ, Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ, „Русскій Вѣстникъ“, 1869, мартъ, 237. Свѣдѣнія объ образовательномъ цензѣ остальныхъ декабристовъ напечатаны въ приложеніи къ книгѣ Богдановича на основаніи ихъ формулярныхъ списковъ: „Исторія царствованія императора Александра I“, приложенія, стр. 62.

сами, но люди, достаточно подготовленные, привыкшіе сознательно мыслить. Если западно-европейскія событія дѣйствовали на нихъ болѣе интенсивно, чѣмъ на массу другихъ, то это вполнѣ понятно: вѣдь и въ наши дни борьба за свободу ведется лучшими элементами общества, оцѣнившими значеніе политической свободы гораздо ранѣе, чѣмъ началась борьба.

Но во всякомъ случаѣ простой перечень аттестатовъ, хотя для того времени и много значитъ, все-таки еще не можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ высокой интеллигентности среды, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Для подтвержденія той же мысли исторія обладаетъ немалымъ арсеналомъ другого рода доказательствъ: онѣ состоятъ въ произведеніяхъ ума, о которыхъ можно судить безотносительно къ школьному диплому, или къ свидѣтельствамъ о чтеніи тѣхъ или другихъ книгъ. Въ средѣ декабристовъ мы встрѣчаемъ нѣсколько крупныхъ талантовъ на поприщѣ русской литературы. Значеніе огромнаго поэтическаго таланта Рылѣева не подлежитъ сомнѣнію: стоять рядомъ съ Пушкинымъ составляетъ высокую честь для поэта, но превосходить Пушкина цѣльностью идей, вложенныхъ въ поэтическія творенія, составляетъ великую заслугу писателя. Правда, меньшее значеніе въ исторіи русской литературы, критики и публицистики имѣютъ такіе писатели, какъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ, кн. Одоевскій, Александръ Бестужевъ-Марлинскій, но, тѣмъ не менѣе, значеніе ихъ въ историческомъ развитіи русской литературы далеко не изъ послѣднихъ; Марлинскій въ свое время былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ романистовъ, а какъ критикъ онъ является предшественникомъ Бѣлинскаго. Кромѣ этихъ именъ, заслуги которыхъ являются общепризнанными, напомнимъ еще, что въ средѣ декабристовъ встрѣчаемъ рядъ писателей менѣе выдающагося таланта: таковы поэтическія произведенія Бобрищева-Пушкина Владимира Раевскаго, Батенькова; Николай Бестужевъ

извѣстенъ былъ своими „Записками о Голландіи“ и „Записками стараго моряка“. Среда декабристовъ выдвинула рядъ писателей по вопросамъ научнымъ или наконецъ составителей капитальныхъ проектовъ, касавшихся различныхъ сторонъ государственной жизни. Большинство ихъ начало свою научную дѣятельность еще до революціи и затѣмъ продолжало ее и въ годы тяжелой ссылки. Сдѣлаемъ нѣсколько указаній, напередъ оговариваясь, что они далеко не полны: здѣсь мы не имѣемъ намѣренія давать характеристики научно-литературной дѣятельности декабристовъ, что можетъ быть задачей только отдѣльныхъ монографій. Приходилось уже не разъ ссылаться на „Опытъ теоріи налоговъ“ Николая Тургенева — замѣчательную книгу для своего времени. Научная дѣятельность Тургенева продолжалась и за границей. Кромѣ своихъ мемуаровъ „La Russie et les russes“, посвященныхъ не только воспоминаніямъ, но и содержащихъ рядъ политико-юридическихъ статей, онъ въ теченіе полувѣка издавалъ рядъ другихъ трудовъ; послѣднимъ по времени его сочиненіемъ является „О нравственномъ отношеніи Россіи къ Европѣ“ (1869).

Корниловичу принадлежитъ рядъ трудовъ преимущественно историческаго содержанія. Корниловичъ вообще много занимался историческими вопросами, работалъ въ архивахъ, петербургскихъ и московскихъ, первоначально по порученію извѣстнаго военнаго историка Бутурлина, занимавшагося тогда исторіей походовъ Петра Великаго и исторіей 12 года. Корниловичу принадлежитъ нѣсколько переводныхъ статей съ голландскаго, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1822 — 1824 гг.“ („Первый опытъ кораблестроенія въ Россіи“. „Посольство русскихъ въ Голландію“ и др.); въ 1824 году онъ вмѣстѣ съ историкомъ Донского казачьяго войска Сухоруковымъ издалъ альманахъ подъ заглавіемъ „Русская Старина“. Здѣсь ему принадлежитъ статья „О нравахъ русскихъ при Петрѣ Великомъ“. Вспомнимъ о лейтенантѣ Чи-

жовѣ, который помѣстилъ въ тогдашнихъ журналахъ „Топографическое описаніе новой земли“ и рядъ другихъ статей (объ этомъ говоритъ Чижовъ въ своихъ показаніяхъ). Баронъ Штейнгель является изъ числа плодовитыхъ писателей публицистовъ. Первая его работа вышла въ 1814—15 гг. подъ заглавіемъ „Записки касательно составленія и самаго повода санктпетербургскаго ополченія противъ враговъ отечества въ 1812 и 1813 гг., съ краткимъ обозрѣніемъ всѣхъ происшествій, во время бѣдствій и спасенія нашего отечества случившихся, и съ подробнымъ осады Данцига“; двѣ части. Затѣмъ Штейнгелю принадлежатъ статьи въ „Сынѣ Отечества“ 1820 года („Краткое извѣстіе о жизни, характерѣ и самой кончинѣ бывшаго московскаго военнаго генералъ-губернатора, графа А. П. Тормасова“), статья въ „Вѣстникѣ Европы“ („Историческая справка о причинѣ и времени установленія крестнаго хода въ Новодѣвичій монастырь“). Уже въ Сибири баронъ Штейнгель сотрудничалъ въ „Маякѣ“ и въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ статьями статистическаго и географическаго характера. Впрочемъ, его литературная дѣятельность сильно стѣснялась Третьимъ Отдѣленіемъ, и многіе его труды были имъ не пропущены и остались въ архивѣ этого Отдѣленія; нѣкоторыя его статьи, преимущественно географическаго характера, только впослѣдствіи появились въ журналахъ „Вѣкѣ“ и „Зарѣ“ [1]). Генералъ Михаилъ Фонъ-Визинъ является авторомъ почтеннаго ряда научно-публицистическихъ трудовъ, написанныхъ имъ въ 1840—50 гг. Такъ, кромѣ „Обозрѣнія проявленія политической жизни въ Россіи“, имъ написаны еще не напечатанные доселѣ трактаты: „О крѣпостномъ состояніи земледѣльцевъ въ Россіи“, „Записка объ указѣ 2 апрѣля 1842 г.“, „О коммунизмѣ и соціализмѣ“, „О подражаніи русскихъ европейцамъ“

1) „Общественныя движенія“, 310.

и нѣкоторыя другія. Норовъ въ 1829 г. напечаталъ „Записки о походѣ 1812—1813 гг.“. Михаилъ Орловъ извѣстенъ своимъ сочиненіемъ „О взятіи русскими Парижа“. Никитѣ Муравьеву принадлежитъ критическая записка объ исторіи Карамзина съ весьма дѣльными замѣчаніями [1]). Мы уже упоминали о литературныхъ трудахъ Николая Бестужева. Онъ продолжалъ свою писательскую дѣятельность и въ Сибири. Тутъ онъ написалъ трактаты: „О свободѣ торговли“, „Система міра“, „Упрощенное устройство хронометровъ“ [2]). Напомнимъ о рядѣ историко-географическихъ статей Завалишина, не говоря уже о тѣхъ его статьяхъ, которыя имѣютъ характеръ воспоминаній [3]). Дѣлая перечень трудовъ декабристовъ, опускаемъ тѣ изъ нихъ, которые носятъ характеръ мемуаровъ, хотя, разумѣется, и эти послѣдніе, какъ и всякое литературное произведеніе, отражаютъ собою умственный кругозоръ ихъ авторовъ. Напомнимъ такъ же, что такіе трактаты, какъ конституція Никиты Муравьева и особенно „Русская Правда“ Пестеля, представляютъ собою солидные политико-юридическіе труды. Это особенно относится къ „Русской Правдѣ“, о содержаніи которой намъ еще придется говорить. Въ бумагахъ Пестеля, хранящихся при слѣдственномъ дѣлѣ имѣется рядъ обширныхъ записокъ и трактатовъ по военному дѣлу; очень вѣроятно, что съ этими трактатами не безполезно было бы и теперь познакомиться тѣмъ, кто занимается военнымъ дѣломъ: обширный умъ Пестеля безъ сомнѣнія, отразился въ этихъ запискахъ.

Батеньковъ, обладавшій также обширными познаніями и глубокимъ умомъ, проявилъ свои способности во время сотрудничества съ Сперанскимъ въ Сибири. Подобно Пестелю, Батеньковъ направлялъ свой умъ на вопросы

---

[1]) Милюковъ „Главныя теченія русской исторической мысли“, 194.

[2]) „Русская Старина“, 1881, т. I, 632.

[3]) Списокъ статей Завалишина перечисленъ въ приложеніи къ мюнхенскому изданію его записокъ.

связанные съ разными частями государственнаго управленія. Когда Сперанскій былъ въ Сибири генералъ-губернаторомъ, Батеньковъ представилъ ему одну записку по части путей сообщенія. Эта записка обратила на себя вниманіе творческими идеями и блестящими дарованіями автора ея, и Сперанскій приблизилъ къ себѣ Батенькова. По порученію Сперанскаго, Батеньковъ собиралъ матеріалы для мѣстной статистики, затѣмъ представилъ ему въ видѣ научныхъ обозрѣній записки по слѣдующимъ предметамъ: 1) О сухопутныхъ сообщеніяхъ. 2) Объ учрежденіи этаповъ. 3) О ссыльныхъ. 4) Объ инородцахъ. 5) О сибирскихъ казакахъ. 6) О занятіи киргизской степи Средней орды. 7) О приведеніи въ извѣстность земель въ Сибири. (Эта записка была впослѣдствіи изъята изъ общаго хода дѣлъ, передана начальнику главнаго штаба, князю Волконскому, и послужила потомъ основой производства съемокъ). Кромѣ вышеупомянутыхъ трудовъ, Батеньковъ занимался еще изысканіемъ пути около оз. Байкала съ обозрѣніемъ мѣстности и разсмотрѣніемъ дѣла о дорогѣ къ Восточному океану, также учрежденіемъ первой въ Сибири ланкастерской школы и составленіемъ для нея учебниковъ, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ былъ геометрическій. По возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ Батеньковъ много работалъ подъ его руководствомъ по составленію Сибирскаго Учрежденія и, кромѣ того, печаталъ статьи о Сибири въ „Сынѣ Отечества“, откуда онѣ переводились въ нѣмецкіе журналы [1]). Торсонъ былъ извѣстенъ какъ знатокъ морского дѣла. „Торсонъ былъ баярдъ идеальной честности,—говоритъ о немъ Михаилъ Бестужевъ,—и практической пользы: это было рыцарь безъ страха и упрека на его служебномъ и частномъ поприщѣ жизни. Обладая неимовѣрною силою воли въ достиженіи своихъ благородныхъ цѣлей, онъ вмѣстѣ съ

---

[1]) „Русская Старина“, 1889, августъ, 309—311, Гавріилъ Степановичъ Батеньковъ, біографическій очеркъ.

симъ владѣлъ огромнымъ запасомъ терпѣнія при неудачахъ, и въ этомъ составлялъ совершенную противоположность съ пылкою и подвижною дѣятельностью брата Николая Бестужева. Mais les extremitès se touchent и во взаимной ихъ дружбѣ недостатки одного регулировались и пополнялись избыткомъ другого. Голова его постоянно была занята проектами о разныхъ преобразованіяхъ, исключительно касающихся флота. Первый проектъ его о матеріальномъ усовершенствованіи нашего флота былъ благосклонно принятъ покойнымъ императоромъ Александромъ I, и приказано было отдать въ его распоряженіе новопостроенный корабль „Эмгейзенъ“ для осуществленія предполагавшихся перемѣнъ. Много онъ писалъ изъ Петропавловской крѣпости къ Николаю I, и всѣ его бумаги государь приказалъ сообщить составленному по его волѣ морскому комитету, и много преобразованій, очень полезныхъ, были почерпнуты и введены въ нашъ флотъ. Въ Читѣ Торсонъ усиленно и много занимался тѣмъ же“ [1]).

Вообще въ запискахъ современниковъ можно найти длинный рядъ блестящихъ характеристикъ дарованій, ума и познаній, коими обладали участники декабрьскаго возстанія. Эти отзывы могли бы служить предметомъ особой статьи. Кто изъ современниковъ имѣлъ случай приходить въ соприкосновеніе съ декабристами, тотъ не могъ не отмѣтить ихъ выдающихся качествъ. Разумѣется, дарованія ихъ были различны и направлены не у всѣхъ одинаково; характеры среди нихъ были, конечно, различны, но и ихъ умъ, знаніе и образованіе стоятъ внѣ сомнѣнія. Даже въ злобныхъ запискахъ Греча, для котораго была непонятна побудительная причина всего движенія (что естественно для человѣка слишкомъ близкаго къ Третьему Отдѣленію), и здѣсь мы встрѣчаемъ лестные для большинства изъ характеризуемыхъ имъ

[1]) Записки Михаила Александровича Бестужева (К. П. Торсонъ) „Русская Старина“, 1881 г., ноябрь, стр. 606.

декабристовъ отзывы. О Николаѣ Бестужевѣ онъ говоритъ, какъ о человѣкѣ умномъ, разсудительномъ и какъ объ авторѣ хорошихъ статей [1]). По наблюденіямъ того же мемуариста, Никита Муравьевъ былъ благороднымъ и образованнымъ человѣкомъ [2]). Батеньковъ пользовался славой умнаго и знающаго человѣка [3]). Нерасположенный къ декабристамъ кн. Вяземскій даетъ самый блистательный отзывъ о Н. И. Тургеневѣ: „Тургеневъ имѣлъ въ себѣ способности, которыя готовили въ немъ хорошаго и замѣчательнаго дѣятеля. Нельзя не сожалѣть, что участіе его или, пожалуй, злополучное присутствіе его въ Тайномъ Обществѣ лишило его возможности быть гласно полезнымъ отечеству. Онъ любилъ дѣятельную службу. Къ ней призывали его горячее желаніе благотворнаго труда, непреклонная правота его, познанія въ дѣлѣ государственнаго управленія. Познанія эти съ каждымъ годомъ совершенствовались и росли; опытность увѣнчала бы ихъ полнымъ успѣхомъ. Въ праздномъ изгнаніи своемъ скучалъ онъ бездѣйствіемъ, тосковалъ по дѣятельнымъ занятіямъ своимъ въ канцеляріи Государственнаго Совѣта“ [4]). Самъ Тургеневъ, вспоминая впослѣдствіи въ своихъ мемуарахъ о генералѣ Орловѣ, отдаетъ должную дань большому природному уму послѣдняго, благородному и возвышенному характеру; онъ не считалъ Орлова человѣкомъ прочныхъ убѣжденій, но, тѣмъ не менѣе, отмѣчаетъ его стараніе къ устройству школъ, его внимательное отношеніе къ быту солдатъ своей дивизіи и т. д. [5]). Кромѣ познаній, характеризующихъ образованность декабристовъ, можно указать на то, что многіе обладали чисто техническими знаніями.

1) Записки о моей жизни Греча, 397.

2) Тамъ же, 404.

3) Тамъ же, 420.

4) „Русскій Архивъ“, 1876 г., по поводу бумагъ А. А. Жуковскаго, стр. 261.

5) Корниловъ, „Очерки по исторіи общественнаго движенія“, 68.

Напримѣръ, Корниловичъ зналъ почти всѣ европейскіе языки [1]). Познанія въ языкахъ Завалишина составляютъ общеизвѣстный фактъ. Неудивительно поэтому, что когда декабристы оказались на каторгѣ, то среди нихъ нашлись лекторы и учителя, преподававшіе своимъ сотоварищамъ самые разнообразные предметы и тѣмъ скрашивавшіе общую непригляднуя жизнь. Вообще въ Сибири декабристы прилагали свои способности къ самымъ разнообразнымъ отраслямъ знаній. Напомнимъ хотя бы о времяпрепровожденіи и занятіяхъ Николая Бестужева. Во все время пребыванія своего въ Сибири онъ не только не падалъ духомъ, но еще многихъ изъ сотоварищей его въ изгнаніи поддерживалъ словомъ и дѣломъ, почитая не лишнимъ особенно для моряковъ разныя механическія познанія, разгонялъ докучливыя мысли разнообразными занятіями. Онъ устроилъ близъ своего дома въ Селенгинскѣ маленькую обсерваторію для метеорологическихъ наблюденій, посвятилъ много времени на изобрѣтеніе упрощенныхъ и дешевыхъ хронометровъ для бѣдныхъ судохозяевъ и также придумалъ упрощенный имъ ружейной курокъ. Онъ былъ хорошій агрономъ, физикъ, механикъ, живописецъ, токарь, золотыхъ дѣлъ мастеръ, слесарь, училъ бурятъ дѣлать очки, чинилъ имъ ружья и даже былъ башмачникомъ [2]).

На предшествующихъ страницахъ былъ собранъ рядъ данныхъ, характеризующій умственный горизонтъ многихъ изъ декабристовъ. Эти данныя совершенно наглядно показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ кругомъ лицъ, получившимъ по тому времени, когда образованныхъ людей было такъ мало, весьма хорошее предварительное образованіе. Мало того, этотъ кругъ лицъ выставилъ рядъ талантливыхъ дѣятелей на поприщѣ литературы, публицистики и науки. Можно и еще напо-

---

[1]) Богучарскій, „Изъ прошлаго русскаго общества“, 103.

[2]) Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ Щукина, ч. X, 287.

мнить, что декабристы литераторы были изъ того блестящаго круга представителей тогдашней литературы, какъ Жуковскій, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Дельвигъ, Баратынскій, Крыловъ и др.; и если эти писатели уцѣлѣли въ дни розысковъ, то для нѣкоторыхъ это было чистой случайностью. Грибоѣдовъ, впрочемъ, можетъ быть причисленъ къ кружку декабристовъ: онъ даже былъ подъ слѣдствіемъ, но удачно успѣлъ избѣжать осужденія; можетъ-быть, только отдаленность его службы сдѣлала то, что онъ не могъ играть крупной роли въ средѣ членовъ Тайнаго Общества.

Вотъ обстоятельства, которыя побуждаютъ отнестись съ большимъ довѣріемъ къ зрѣлости декабристовъ въ политическомъ отношеніи; эти обстоятельства побуждаютъ видѣть въ декабристахъ людей, имѣвшихъ полную возможность сознательно отнестись и къ современному имъ государственному строю, и къ западно-европейской политико-юридической литературѣ, и къ своимъ личнымъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ пребыванія въ Западной Европѣ.

V.

Стремленіе выработать идеалы.

Пребываніе въ Западной Европѣ, а затѣмъ и чтеніе книгъ для огромнаго большинства декабристовъ послужило лишь однимъ изъ стимуловъ въ ихъ стремленіи выработать собственное міросозерцаніе. Примѣръ князя Волконскаго можетъ служить весьма убѣдительнымъ доказательствомъ того, что не за границей декабристы проникались ненавистью къ существующему строю; заграничныя впечатлѣнія иногда давали лишь матеріалъ, который при сравненіи съ русскими порядками и уже на русской почвѣ способствовалъ выработкѣ политическаго міросозерцанія. Для многихъ, какъ бывшихъ за

границей, такъ и для не видавшихъ западно-европейскаго строя, дѣло именно шло о выработкѣ, путемъ самообразованія, общаго міросозерцанія политическаго, философскаго и религіознаго. Люди проходили періодъ сомнѣній, колебаній, усиленнаго исканія истины, пока, наконецъ, не останавливались на опредѣленныхъ воззрѣніяхъ. Для того, чтобы прослѣдить этотъ сложный, умственный и душевный процессъ, остановимся на пространныхъ показаніяхъ Крюкова о томъ, какъ постепенно, съ большимъ трудомъ, съ большими колебаніями вырабатывалъ онъ въ себѣ міросозерцаніе. Этотъ примѣръ тѣмъ болѣе можетъ считаться удачнымъ, что Крюковъ 2-й не былъ въ заграничныхъ походахъ и нигдѣ не ссылается на вліяніе западно-европейскихъ событій на образованіе его политическаго міровоззрѣнія. Видимо, это былъ человѣкъ замкнутый, не склонный поддаваться стороннимъ вліяніямъ.

По собственному признанію Крюкова, онъ мало читалъ до выпуска его изъ корпуса. Молодымъ офицеромъ онъ попалъ въ главную квартиру 2 арміи. Тогда началъ онъ „помышлять о лучшемъ себя образованіи“. Онъ неохотно сходился съ людьми, книгъ не было и потому онъ первоначально довольствовался случайно попадавшими въ его руки книгами. Такъ же случайно во время болѣзни, будучи въ отпуску и, вѣроятно, въ деревнѣ, онъ прочелъ нѣсколько книгъ, которыя вселили въ него „страсть къ занятіямъ“. Это были сочиненія Руссо, Делиля, Дессаля. „Тутъ родилось во мнѣ желаніе познать человѣка и то, что можетъ служить его счастьемъ“, говоритъ онъ. Тогда онъ сталъ читать книги по философіи и политикѣ. Онъ прочелъ, Вейсса, Филанджіери, Монтескье, Бюрламаки, Лакретеля и др. Онъ уже „пылалъ любовью къ человѣчеству“. Чтеніе натолкнуло его на религіозные вопросы и онъ „смѣло шелъ впередъ“ въ критикѣ христіанской религіи. „Во-первыхъ, отвергалъ многіе богослужебные обряды, какъ нелѣпые обычаи, питающіе лишь

суевѣріе". Потомъ сталъ сомнѣваться въ ипостасной Троицѣ, какъ „неудобопостижимой для ума человѣческаго". У него уже складывается своеобразное религіозное воззрѣніе, которое отливается въ слѣдующую формулу: „Всевышній, думалъ я,—говоритъ о себѣ Крюковъ,—одарилъ насъ разумомъ для распознанія добра и зла; слѣдовательно, это есть единственный свѣтильникъ, которымъ должны мы руководствоваться въ жизни сей, а потому первый долгъ нашъ состоитъ въ томъ, чтобы просвѣтить свой разумъ, очистить его отъ вредныхъ предразсудковъ. Такимъ образомъ, оправдывая все то, въ чемъ хотѣлъ себя увѣрить, я отверзалъ двери къ свободомнѣнію". Въ чтеніи Крюковъ получилъ уже достаточную подготовку и тогда только онъ вступилъ въ Тайное Общество. Этотъ моментъ былъ для него чрезвычайно радостнымъ; радость эта поддерживалась сознаніемъ, что онъ можетъ „симъ средствомъ содѣйствовать къ благополучію моего отечества".

Вступленіе въ Тайное Общество произвело на Крюкова сильное впечатлѣніе. Мы видѣли, что онъ успѣлъ уже выработать въ себѣ свободное міросозерцаніе въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ. Онъ со страстью отдается дальнѣйшему самообразованію, которое онъ еще считаетъ недостаточнымъ. Онъ изучаетъ теперь политическія и историческія науки, но не упускаетъ и философіи. Онъ теперь знакомится съ сочиненіями Беккарія, Дету-де-Траси, Гельвеція, Бентама, Кондильяка, Сея, Гольбаха, Васселя, Смита, Макіавелли и др. „Помощью всѣхъ сихъ авторовъ,—говоритъ Крюковъ,—утвердился я еще болѣе въ прежнихъ моихъ мнѣніяхъ, согласился на ложное правило (ложное потому, что Крюковъ пишетъ признаніе для своихъ слѣдователей и указаніемъ на раскаяніе разсчитываетъ смягчить свою участь), что средства облагораживаются цѣлью, и получилъ яснѣйшее понятіе объ устройствѣ правленія представительнаго". Печальные факты русской дѣйствительности, напримѣръ, крѣпостное

право производятъ на него теперь сильное впечатлѣніе. Но въ Крюковѣ продолжаетъ сказываться философъ и религіозный вольнодумецъ: онъ высоко ставитъ просвѣщеніе и приходитъ къ мысли, что рабство и невѣжество находятъ поддержку въ религіозныхъ предразсудкахъ, между прочимъ въ надеждѣ на будущую жизнь, гражданское же общество можетъ образовать лишь хорошій примѣръ и хорошее законодательство. „Чувствуя вполнѣ бѣдственное состояніе рабства и невѣжества,—поясняетъ онъ,—болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что одно лишь общее просвѣщеніе можетъ сдѣлать государство благополучнымъ, и негодовалъ на религіозные предразсудки, препятствовавшіе распространенію онаго. Надежда на будущую жизнь,—думалъ я,—отвращаетъ отъ просвѣщенія, питаетъ эгоизмъ, способствуетъ угнетенію и мѣшаетъ людямъ видѣть, что счастіе можетъ обитать и на землѣ. Итакъ, религія казалась уже мнѣ болѣе вредною, нежели полезною. Притомъ видя, что люди въ поведеніи своемъ руководствуются оною, но увлекаются страстями и привычками токмо,—сказалъ я,—а все завитъ отъ воспитанія, добраго примѣра и хорошаго законодательства“.

Въ конечномъ итогѣ своихъ поисковъ истины Крюковъ подходитъ и къ атеизму, хотя предварительно проходитъ долгую душевную борьбу. „Долго не рѣшался я,—повѣствуетъ Крюковъ,—отвергнуть Бога; наконецъ, оживотворивъ матерію и приписавъ все существующее въ природѣ дѣйствію случая, потушилъ едва мелькавшій свѣтъ чистой религіи, мною самимъ составленной. Однакожъ я никогда не могъ совершенно убѣдить себя въ этомъ ложномъ мнѣніи, ибо часто встрѣчалъ сильныя доказательства противъ онаго, на которыя не находилъ никакого отвѣта. Но полагалъ, что мое сомнѣніе происходитъ отъ долговременной привычки мыслить противнымъ образомъ; потому-то какъ Духъ, такъ и матерія равно для меня были непостижимы“.

Такъ совершался процессъ умственнаго развитія у Крюкова. Приведемъ заключеніе этой исповѣди, въ которой Крюковъ подъ вліяніемъ стрясшейся надъ его головой бѣды готовъ пойти назадъ. „Такимъ образомъ, тихій огонь любви моей къ человѣчеству возжегъ во мнѣ страсть къ просвѣщенію, которая, не бывъ озарена свѣтомъ христіанской религіи, превратилась, наконецъ, въ адскій пламень вольнодумства, содѣлавшій меня виновникомъ несчастія почтенныхъ родителей моихъ, сестры, а можетъ-быть и цѣлаго семейства“ [1]).

Примѣръ Крюкова, его откровенная исповѣдь раскрываетъ предъ нами тотъ путь сомнѣній и исканія истины, на который вступали многіе изъ декабристовъ вполнѣ независимо отъ стороннихъ вліяній. Исповѣдь Крюкова показываетъ въ немъ человѣка, болѣе склоннаго къ отвлеченному мышленію и къ занятіямъ философіей. Кругъ его политическихъ наблюденій и размышленій не широкъ. Въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ громадному большинству своихъ сотоварищей. Но во всякомъ случаѣ въ искреннихъ признаніяхъ Крюкова нельзя не видѣть серьезной, умственной и душевной работы. Между тѣмъ въ Крюковѣ мы имѣемъ примѣръ человѣка средняго по своему уму и энергіи: онъ мало примѣтенъ среди такихъ лицъ, какъ братья Бестужевы, Орловъ, Фонъ-Визинъ, не говоря уже о Пестелѣ и др.

Настаивая на серьезности и солидной подготовкѣ, съ какой громадное большинство изъ декабристовъ вступило въ Тайное Общество или какую оно въ себѣ выработало, стараясь по возможности прослѣдить процессъ этой умственной работы, мы, конечно, не станемъ отрицать, что и въ средѣ декабристовъ были люди, случайно увлекшіеся, случайно поддавшіеся вліянію окружающей среды или вліянію первыхъ прочитанныхъ книгъ, съ неперебродившими мыслями. Справедливость требуетъ

---

[1]) Показанія Крюкова 2-го.

отмѣтить и такія явленія. Характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является Александръ Семеновичъ Гангебловъ, почти случайно, впрочемъ, попавшій въ число декабристовъ и имѣвшій малую связь съ вожаками движенія. Нѣтъ нужды не вѣрить его позднѣйшему признанію. Юнымъ офицеромъ, во время передвиженія гвардіи со стоянки на стоянку въ Бѣлоруссіи, Гангебловъ началъ читать. Первой книгой, которая ему попала въ руки, была знаменитая рѣчь Руссо: „О вліяніи наукъ и художествъ на нравы". Впослѣдствіи онъ въ интересныхъ чертахъ вспоминаетъ о томъ впечатлѣніи, какое произвела на него эта рѣчь. „Книга эта,—говоритъ онъ,—открыла необозримый просторъ для мысли; она поразила меня новизною и смѣлостью воззрѣній на ту степень искаженія своей натуры, до какой, какъ вѣщалъ Руссо, дошелъ человѣкъ чрезъ лабиринтъ цивилизаціи. Разумѣется, всѣ положенія, всѣ выводы философа я принялъ на вѣру и усвоилъ безпрекословно, и это тѣмъ легче, что среди непрерывнаго для меня уединенія ничто изъ обыденной дѣйствительности не сильно было затмить тѣ идеи, которыя пламенными чертами напечатлѣвались въ моемъ воображеніи. Если бы мнѣ тогда понадобилось изобразить состояніе моего духа, я, конечно, выразился бы совсѣмъ иначе или вовсе не сумѣлъ бы выразиться; но теперь, на разстояніи слишкомъ 60 лѣтъ, оно представляется мнѣ во всей своей наготѣ" [1]).

Разумѣется, въ каждомъ сообществѣ людей, болѣе или менѣе многочисленномъ, возможны отклоненія. Но въ обществѣ декабристовъ во всякомъ случаѣ преобладающимъ элементомъ являются люди сознательные. Въ числѣ декабристовъ мы встрѣчаемъ людей съ различною образовательной подготовкой, людей различнаго общественнаго положенія. Богатые аристократы имѣли полную возможность получить достаточное по тому времени

---

[1]) „Воспоминаніе декабриста А. С. Гангеблова", 29—30.

образованіе еще въ юности; болѣе старшіе возрастомъ имѣли возможность сдѣлать наблюденія въ европейскихъ походахъ. Ихъ сообщество могло вліять на тѣхъ изъ ихъ младшихъ сотоварищей, которые вышли изъ корпуса съ познаніями изъ скудныхъ учебниковъ. Такое скудное образованіе, мы видѣли, было у Крюкова; онъ самъ кое-что подчиталъ и расширилъ свои познанія уже по вступленіи въ Тайное Общество. Но среди декабристовъ была группа людей, которые развили въ себѣ сознательное отношеніе къ дѣйствительности, которые также болѣли исканіемъ истины, которые также стремились къ пріобрѣтенію познаній, но которые въ своихъ поискахъ находились въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Эти люди были подготовлены къ борьбѣ съ правительствомъ независимо отъ стороннихъ вліяній. Мы имѣемъ въ виду членовъ общества Соединенныхъ Славянъ.

Признаніе этой группы декабристовъ служитъ весьма вѣрнымъ доказательствомъ того, что непосредственное наблюденіе дѣйствительности могло привести къ критикѣ существующаго порядка, что стремленіе къ политическимъ наукамъ въ то время не представляло собою привилегіи лицъ, побывавшихъ за границею, можно привести нѣсколько біографическихъ справокъ о членахъ общества Соединенныхъ Славянъ. Это простые армейскіе офицеры, даже и не бывавшіе въ столицахъ. Изъ ихъ показаній не видно, чтобы они участвовали въ европейскомъ походѣ. Разумѣется, они получили очень скудное домашнее образованіе, такъ какъ даже обученіе въ корпусѣ въ то время представляло привилегію знати.

Между тѣмъ въ простыхъ безыскусственныхъ, такъ сказать, солдатскихъ признаніяхъ этихъ армейскихъ офицеровъ мы видимъ, что они самостоятельно, безъ стороннихъ вліяній стали разбираться въ окружающихъ ихъ условіяхъ и обратились къ тѣмъ же политическимъ наукамъ, къ тѣмъ же сочиненіямъ, которыя были въ рукахъ у ихъ аристократическихъ сотоварищей, знако-

мыхъ съ университетской наукой и западно-европейской. „Отъ малолѣтства моего,—свидѣтельствуетъ о себѣ Люблинскій,—имѣлъ стремленіе къ наукамъ; самъ себя выучилъ россійскому (по происхожденію онъ былъ полякъ), латинскому, французскому, почасти (т.-е. отчасти) итальянскому и нѣмецкому языкамъ, безъ употребленія учителей и наставниковъ, ибо я не богатъ. Отъ малолѣтства же духъ любопытности и собственнаго разсужденія, по причинѣ слабаго здоровья, которое отнимало мнѣ пользоваться физическими занятіями, здоровью служащими, ввели меня къ читанію книгъ и разбиранію состава правительства“. Люблинскій указываетъ, что чтеніе сочиненій Беккаріа и Филанджіери впервые доставили ему познать всю силу человѣколюбія; далѣе онъ откровенно признается, что размышленія привели его къ тому, что онъ никогда „не былъ за республикой“: на этомъ пути предостерегъ его примѣръ французской революціи [1]).

Другой сотоварищъ Люблинскаго, такой же провинціалъ, Борисовъ 2, на вопросъ комиссіи, откуда онъ заимствовалъ либеральныя идеи, отвѣтилъ: „Никто не внушалъ мнѣ вольнодумства и либеральныхъ мыслей. Чтеніе греческой и римской исторіи и жизнеописаніе великихъ мужей Плутарха и Корнелія, нѣкогда поселили во мнѣ съ дѣтства любовь къ вольности и народодержавію; впослѣдствіи жестокости командировъ къ ихъ подчиненнымъ питали оную и раздували часъ отъ часу болѣе“. Говоря далѣе о своихъ занятіяхъ и размышленіяхъ, Борисовъ пишетъ: „Я любилъ читать и размышлять, всякую новую мысль хотѣлъ прежде, нежели сдѣлать ее своею, разобрать и доказать самому себѣ истину оной. Но, будучи ослѣпленъ любовію къ демократіи и свободѣ, каждую вольную мысль находилъ справедливою и не могъ ничѣмъ опровергнуть оной. Для чтенія избралъ сочиненія только тѣхъ писателей, коихъ мысли и духъ были

---

[1]) Показаніе Люблинскаго.

сходны съ моими“. Вотъ тотъ путь, идя по которому Борисовъ „нечувствительно сдѣлался либераломъ“. Онъ въ сжатыхъ и яркихъ чертахъ рисуетъ наблюдавшіяся имъ грустныя явленія русской жизни: жестокія тѣлесныя наказанія въ войскахъ, одного вида которыхъ онъ не могъ выдержать и выходилъ изъ строя, насилія и угнетенія помѣщиковъ по отношенію къ крестьянамъ. Легко догадаться, что и сама дѣятельность правительства приводила его въ негодованіе, хотя объ этомъ онъ не счелъ нужнымъ писать въ своихъ показаніяхъ тому правительству, противъ котораго онъ возсталъ съ оружіемъ въ рукахъ. Однимъ словомъ, наблюденія надъ окружающею жизнью, по словамъ Борисова, „рождали во мнѣ всегда подлыя чувствованія (очевидно, онъ становится на точку зрѣнія слѣдственной комиссіи), и укрѣпляли въ моемъ умѣ либеральныя мысли“. Всѣ эти наблюденія, размышленія, чтеніе вселили въ Борисова одно желаніе—„быть полезнымъ человѣчеству занимало меня всегда, я положилъ себѣ за правило искать истины“. И въ заключеніе своего признанія Борисовъ высказываетъ ту основную идею, общественную и религіозную, которую онъ въ себѣ выработалъ. Это признаніе является сводомъ его религіозно-политическихъ воззрѣній. Онъ полагалъ: „*Общее благо есть Верховный Законъ.* Вотъ максима, которая была основаніемъ и моей религіи и моей нравственности. Мой родитель не старался влить въ меня чрезмѣрной набожности, онъ часто говорилъ мнѣ, что Богу пріятнѣе всѣхъ жертвоприношеній видѣть человѣка честнымъ и дѣлающимъ добро, что Богъ смотритъ не на полныя, но на чистыя руки, а еще болѣе на чистое сердце, однако, не поселялъ въ душѣ моей вольнодумства; мнѣніями моими относительно нѣкоторыхъ мѣстъ Стараго Завѣта и нѣкоторыхъ обрядовъ, установленныхъ Церковью, о коихъ не говоритъ Іисусъ Христосъ, я долженъ нѣкоторымъ французскимъ авторамъ и собственному своему разсудку, который во

всемъ заблуждался. Въ моемъ вольнодумствѣ укрѣпляли меня притѣсненія многими священниками, какъ нашей, такъ и католической церкви, къ прихожанамъ оказываемыя, такъ же, какъ и худая мораль нѣкоторыхъ изъ нихъ. Однако я и не безъ вѣры" [1]).

Итакъ, армейскій офицеръ, служившій въ глубокой провинціи, старался выработать въ себѣ цѣльное міровоззрѣніе—религіозное, философское и политическое.

Что наблюденіе надъ окружающей жизнью привело многихъ членовъ общества Соединенныхъ Славянъ къ необходимости борьбы съ правительствомъ, мы могли замѣтить по тѣмъ характеристикамъ государственныхъ порядковъ, которыя намъ уже приходилось приводить: такія характеристики, какъ, напримѣръ, принадлежащая Андреевичу II,—это вопль истерзанныхъ душъ: онѣ написаны не чернилами, а кровью; въ нихъ больше непосредственнаго чувства, чѣмъ холоднаго разсужденія.

Изъ сказаннаго ясно, что для огромнаго большинства переходъ въ ряды членовъ Тайнаго Общества для борьбы съ правительствомъ и его режимомъ былъ дѣломъ сознательнымъ, глубоко продуманнымъ—это жребій, который бросается послѣ продолжительныхъ душевныхъ волненій.

Для подтвержденія той же мысли о вліяніи окружающихъ явленій на образованіе революціоннаго движенія остановимся еще на исповѣди подполковника Поджіо. Его показанія—дѣйствительно исповѣдь, при чтеніи которой ясно виденъ тотъ путь, который прошелъ не одинъ Поджіо, а и другіе декабристы, прежде нежели прійти къ опредѣленному рѣшенію. Это—исповѣдь декабриста, занимающая средину между тѣми изъ его сотоварищей, которые, какъ многіе члены общества Соединенныхъ Славянъ, путемъ непосредственнаго наблюденія, путемъ внутренняго влеченія пришли къ своимъ заклю-

---

[1]) Показанія Борисова II.

ченіямъ, и тѣми, которые могли въ широкой мѣрѣ воспользоваться предварительно и науками, и наблюденіями западно-европейской жизни.

Путь, по которому прошелъ Поджіо, является въ извѣстной мѣрѣ и отраженіемъ того пути, по которому прошло Тайное Общество въ его различныхъ видоизмѣненіяхъ. Это замѣтилъ и самъ авторъ показаній: „Изложеніемъ измѣненій понятій моихъ представится и образъ измѣненій понятій и Общества въ цѣлости своей“. Поджіо понимаетъ, что говорить о тѣхъ „негодованіяхъ“, которыя проникали въ общество и которыми исполненъ онъ самъ, далеко не послужитъ къ облегченію его участи, но, тѣмъ не менѣе, онъ долгомъ считаетъ своимъ высказать свои взгляды. „Знаю весьма,—говоритъ онъ,— сколько причины, ниже поясненныя, не будутъ клониться ни къ оправданію моему и всѣхъ, ни къ той необходимости прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, какія мы избрали къ достиженію нашей цѣли; но стану говорить въ моемъ прежнемъ духѣ и говорить о негодованіяхъ на коихъ мы основали наши виды“.

До 1819 года мысли Поджіо, по его признанію, были чужды всему тому, что требовало занятій и размышленій. Изъ этого признанія ясно, что поворотъ въ мысляхъ Поджіо совершился поздно и безъ вліянія европейскихъ событій, такъ какъ онъ не бывалъ съ арміей за границей. Наблюденія надъ жизнью, преимущественно надъ внѣшней политикой, Россіи, которою усердно интересовался Поджіо, очевидно, были первымъ толчкомъ, съ котораго въ 1819 году начался его „ропотъ“. Въ 1820 году уже въ немъ зародилось „первоначальное вольнодумство“. Только около этого времени онъ знакомится съ членами Тайнаго Общества, и эти сношенія способствуютъ развитію въ немъ вольнодумства. Въ сношеніяхъ съ членами Поджіо совершенно вѣрно замѣтилъ двѣ стороны: „Ни одно негодованіе ни одно роптаніе, но и устремленіе понятій и занятій ихъ

къ изслѣдованію худого и лучшаго". Но въ кругу новыхъ своихъ знакомыхъ, разсуждающихъ „словомъ ученыхъ", Поджіо оказался въ затруднительномъ положеніи: онъ увидѣлъ себя „невѣждой", не о чемъ не имѣющимъ понятія, потратившимъ дорогое время на безплодныя фронтовыя занятія. Но онъ „пылалъ къ пользѣ". Это заставило его заниматься науками. „Взялся я за изученіе всего, что только могъ, и тутъ книги возымѣли свое вліяніе надъ умомъ получившаго уже направленія". Онъ сталъ изучать право, политическую экономію, изучалъ государственное право каждаго отдѣльнаго государства, между прочимъ, читалъ Бенжамена Констана, Филанджіери и др. Тутъ онъ „впалъ въ сравненіе и сталъ убѣждаться въ необходимости видѣть и свое отечество на ряду съ просвѣщеннѣйшимъ народомъ". Тогда онъ сталъ слѣдить за освободительными движеніями въ Испаніи, Неаполѣ, Піемонтѣ, Греціи. Пренія во французской палатѣ депутатовъ, въ англійскомъ парламентѣ, чтеніе политическихъ журналовъ,—вотъ что его занимало. Тогда еще Поджіо былъ „въ духѣ монархическаго представительнаго правленія" по отношенію къ Россіи. Оно тогда еще былъ слишкомъ далекъ отъ мысли о насильственномъ переворотѣ. Но внимательное наблюденіе постепенно подготовляло его и къ этой мысли. Внѣшняя русская политика не соотвѣтствовала интересамъ народа. Польша получаетъ конституцію. Вводятся военныя поселенія, и введеніе ихъ сопровождается жестокимъ усмиреніемъ бунтовъ. Правительство не поддерживаетъ возставшихъ грековъ. Государь отклонился отъ внутренняго направленія, а во внѣшнемъ оказался подъ вліяніемъ Вѣнскаго кабинета. Въ 1822 году Поджіо уже склоненъ къ мысли о насильственномъ переворотѣ. Въ 1823 году онъ уже вступаетъ въ члены Тайнаго Общества и дѣятельно исполняетъ его порученія. И Поджіо уже мечтаетъ о республиканской Россіи. „Я принялъ ее (т.-е. республику),—говоритъ онъ,—за цѣль также

свою, принялъ также цѣль и преступныя мѣры преступленія и не однимъ!.. (многоточіе пренадлежитъ Поджіо, онъ намекаетъ на умыселъ цареубійства). Такъ принялъ, подтвержу сіе послѣднимъ вздохомъ моимъ".

Такъ постепенно совершался переломъ въ душѣ Поджіо. И легко предвидѣть, что каждый изъ декабристовъ, по крайней мѣрѣ каждый сознательный изъ нихъ, переживалъ такую же душевную драму. Это была серьезная борьба. Вѣдь надо помнить, что въ изучаемую эпоху традиція неограниченнаго самодержавія была слишкомъ сильна. Русская исторія восемнадцатаго вѣка знаетъ факты борьбы изъ-за престола между отдѣльными лицами. Въ этой борьбѣ принимало участіе и общество, но оно боролось противъ лицъ и за лицъ. Идея борьбы съ самодержавнымъ режимомъ проявлялась въ восемнадцатомъ вѣкѣ въ очень слабой формѣ и при томъ на аристократической подкладкѣ. О правахъ народа никто не думалъ. Здѣсь же поднималось знамя борьбы за народъ, за абсолютное гражданское равенство, за республиканскую форму правленія и подымался вопросъ о жизни многочисленной царской династіи, и вопросъ этотъ подымался среди лицъ, близкихъ къ династіи, еще предки которыхъ были тѣсно съ нею связаны. Вѣдь громадное большинство декабристовъ—представители родовитыхъ фамилій, офицеры преторіанской гвардіи, окружавшей престолъ въ восемнадцатомъ и въ началѣ девятнадцатаго вѣка. Для людей той эпохи переходъ отъ крѣпостника помѣщика, отъ царедворца къ республиканцу,— такой переходъ не могъ пройти безъ тяжелой душевной драмы. Тутъ готовилась борьба не только за принципъ, но и противъ лицъ, съ которыми большинство заговорщиковъ имѣли не разъ случай лично сталкиваться. Примѣры XVIII в. къ данному случаю не подходятъ. Когда нѣсколько гвардейцевъ бросились на Петра III, или когда подготовляли заговоры противъ Павла, то вѣдь оба царя внушали къ себѣ ужасъ и отвращеніе своими

личными качествами. Это были заговоры, вступая въ которые люди хотѣли сберечь свою собственную жизнь. Это были заговоры противъ царя для другого такого же самодержавнаго царя. Здѣсь готовили болѣе сложный заговоръ противъ многихъ лицъ, лично очень симпатичныхъ, даже способныхъ обвораживать, какими качествами отличался Александръ I, и не въ пользу другого царя, а въ пользу всего народа. Если понадобилось болѣе трехъ четвертей вѣка, преисполненныхъ новыхъ и жесточайшихъ ошибокъ правительства, для того, чтобы общество пришло къ сознанію необходимости борьбы съ самодержавнымъ правительствомъ, то историкъ не можетъ не оцѣнить тѣхъ душевныхъ терзаній, которыя переживаемы были декабристами.

При такихъ условіяхъ поневолѣ является вопросъ, могло ли создаться все движеніе подъ вліяніемъ однихъ внѣшнихъ впечатлѣній, подъ вліяніемъ книжныхъ теорій?

Тотъ же подполковникъ Поджіо, человѣкъ вдумчивый и наблюдательный, даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ какъ бы предвидитъ тотъ споръ, который можетъ возникнуть въ исторической наукѣ по данному вопросу.

Изложивъ ходъ своихъ мыслей своего перехода въ республиканца, онъ проситъ слѣдственный комитетъ выслушать его соображенія, могъ ли подсудимый заимствовать изъ книгъ и лекцій свое вольнодумство. И отвѣчаетъ. Мы приведемъ почти цѣликомъ эту часть исповѣди Поджіо.

„Книги образуютъ умъ, но однѣ онѣ не восполняютъ, человѣческія страсти не разжигаютъ, человѣка не совращаютъ, человѣка не увлекаютъ въ отклоненіе его отъ обязанностей гражданскихъ; а что еще болѣе въ нарушеніи всѣхъ добродѣтелей общественныхъ, на коихъ зиждется благо всѣхъ народовъ! Сколько людей среди насъ, не получившихъ того образованія, которые ничего не читали и

книгъ новыхъ временъ умомъ своимъ не пробѣгали! Сколько опять людей весьма образованныхъ, не менѣе насъ понимающихъ и Сея и Бентама, не менѣе насъ занимающихся политическими дѣлами, не менѣе насъ понимающихъ, что есть духъ переобразованія! Но почему сіи сами люди не покушались на наши дѣла? Конечно, ропотъ человѣка образованнаго будетъ основательнѣе и убѣди тельнѣе человѣка невѣжды, но ропотъ не вводитъ въ беззаконіе! Въ какихъ мы книгахъ нашли убѣжденіе необходимости введенія именно республиканскаго правленія, сего безпримѣрнаго еще образа правленія, относительно къ народонаселенію, духу разноплеменныхъ нашихъ народовъ и обширности государства нашего? Въ какихъ книгахъ почерпнули ту неистовую необходимость прибѣгнуть къ тѣмъ умышленнымъ преступленіямъ? Какія лѣтописи народныя могли мы примѣнять къ лѣтописямъ нашего народа? Какія преобразованія правленія государства могли мы примѣнять къ преобразованію правленія нашего государства, чтобы убѣдиться въ необходимости подражательной? Нѣтъ, все дѣло наше есть наше, имѣющее отпечатокъ, совершенно отличительный отъ всѣхъ прочихъ, могущихъ входить въ сравненіе съ нашимъ! Ужели, читая какого-нибудь Вордена, могли мы отъ него заимствовать убѣжденіе и въ Россіи ввести республику, подобную той, о которой онъ говоритъ. Соединеннымъ истинамъ многосложность служитъ силой и оплотомъ; мы сего избѣгали, опасаясь, чтобы введеніемъ федеральнаго правленія государство наше не распалось на части. Тамъ жителей девять милліоновъ, у насъ — сорокъ. Тамъ—переселенцы Англіи, у насъ — россіяне. Сравнить ли средства ихъ преобразованія съ нашимъ мнимымъ? Тамъ месть направлена была къ врагамъ внѣшнимъ, а мы враговъ искали среди насъ. Тамъ отвращали зло,—мы его призывали; тамъ зло добродѣтелями искупали, — мы злодѣяніями манили! Гдѣ сообразность, гдѣ сравненіе? Конечно, изъ книгъ почерпнули всѣ уло-

женія, судъ присяжныхъ и тому подобное; но мысли о возстаніи, рѣшимость, отважность,—вотъ это какъ показать, истолковать, какъ не тѣмъ, что все это возымѣло свое начало не отъ книгъ, но въ сердцахъ нашихъ среди всѣхъ страстей, ихъ обуреваемыхъ! Вотъ гнѣзда, гдѣ гнѣздились всѣ замыслы, откуда они нисходили съ пожирающимъ ихъ пламенемъ" [1]).

Въ лицѣ Крюкова, Поджіо и многихъ другихъ мы видимъ членовъ Тайнаго Общества, долго въ немъ дѣйствовавшихъ. Они пришли къ сознанію необходимости революціи путемъ долгой и сложной душевной борьбы. Но среди участниковъ декабрьскаго движенія было нѣкоторое количество лицъ, захваченныхъ волною этого движенія въ самый послѣдній его моментъ. Было бы весьма ошибочно думать, что эти лица попали случайно въ число заговорщиковъ. Для подтвержденія этой мысли можно было бы сослаться на такіе примѣры, какъ Батеньковъ, баронъ Штейнгель: они пристали къ заговору незадолго до момента его разрѣшенія, но это примѣръ будетъ неудачный въ томъ смыслѣ, что оба декабриста представляли собою людей либерально-настроенныхъ задолго до начала ихъ сношеній съ членами Тайнаго Общества. Разумѣется, они не безсознательно вошли въ его кругъ. Но вотъ примѣръ человѣка, котораго съ внѣшней стороны можно было бы признать лицомъ, случайно вовлеченнымъ въ заговоръ и чуть не игравшимъ въ немъ весьма крупной роли. Мы имѣемъ въ виду полковника Булатова.

Булатовъ — храбрый солдатъ, пропитанный военною дисциплиною. Это человѣкъ безъ образованія, далекій отъ всякой политики, не разбиравшійся въ либеральныхъ идеяхъ. Прямота его души поразительна. Онъ случайно оказался въ Петербургѣ, когда начиналась революція, случайно встрѣтился одинъ—другой разъ съ Рылѣевымъ

[1]) Показанія Поджіо. „Мемуары декабристовъ", I, 188 стр.

въ театрѣ и также случайно для себя попалъ на квартиру къ Рылѣеву. Сути заговора онъ не понималъ, да, видимо, некогда было Рылѣеву его и посвящать. Для Булатова было ясно одно, что заговоръ можетъ послужить для пользы отечества. Однако какая именно польза будетъ отечеству, если перемѣнится правленіе, Булатовъ, повидимому, не могъ себѣ уяснить до конца своихъ печальныхъ дней. Интересенъ разговоръ этого солдата въ компаніи другихъ офицеровъ. Говорили о томъ, что графъ Аракчеевъ забросилъ всѣ государственныя дѣла, когда убита была его Настасья. Булатова это возмущало: „Для пользы отечества человѣкъ не долженъ щадить своей жизни", говорилъ онъ, и, держа въ рукахъ заряженный пистолетъ, сказалъ собесѣдникамъ: „Вотъ, друзья мои, если бы отечество для пользы своей потребовало сейчасъ моей жизни—и меня бы не было". Это не была фраза: и предшествующая боевая жизнь Булатова и дальнѣйшее его поведеніе, какъ оно ни странно, доказываютъ въ немъ прямоту и честность. Несмотря на непониманіе, въ чемъ будетъ польза отечества, Булатовъ, однако, согласился дѣйствовать, потому что онъ „горѣлъ" къ пользѣ отечества, и можно найти причину, которая подсказывала его простому солдатскому уму необходимость дѣйствовать. Булатовъ пережилъ страшную душевную драму въ теченіе дня 14 декабря. Онъ не вышелъ къ возставшимъ войскамъ, но бродилъ въ тягостномъ волненіи среди народа. Онъ стоялъ подлѣ императора, хорошо помнилъ чьи-то слова, что для пользы отечества надо умертвить государя, но не умертвилъ только потому, что эта отечественная польза была для него все-таки не ясна. Если будущая польза отечества для него была не ясна, то зато вредъ, причиненный тому же отечеству Аракчеевскимъ режимомъ для Булатова былъ вполнѣ очевиденъ. Въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ вел. кн. Михаилу Павловичу онъ обрисовалъ печальныя стороны предшествующаго царствованія. Это письмо

представляетъ собою большой интересъ, потому что въ немъ отлилась вся горечь негодованія человѣка честнаго, любящаго свое отечество, но совершенно не подготовленнаго къ сужденіямъ о государственныхъ вопросахъ. Наблюденіе надъ жизнью оставило въ душѣ Булатова горькій осадокъ; разумѣется, эта накипь касается тѣхъ вопросовъ, которые были доступны его не широкому кругозору. И Булатовъ умоляетъ новаго государя привлечь къ себѣ народную любовь. Онъ предостерегаетъ новаго государя, чтобы онъ не былъ подъ властью государевыхъ любимцевъ, въ родѣ Аракчеева. Булатовъ описываетъ, въ чемъ заключался „ропотъ народа" противъ покойнаго государя: вліяніе Аракчеева, устройство военныхъ поселеній, отсутствіе правды въ судахъ, недостатокъ устройства военной части и т. д.,—однимъ словомъ, Булатовъ раскрылъ ту же картину, которая намъ знакома по критикѣ ряда декабристовъ [1]).

Примѣръ Булатова являетъ собою примѣръ, противоположный тому сложному пути, который прошли многіе изъ декабристовъ. Но между ними и Булатовымъ есть и большое сходство: въ теченіе нѣсколькихъ дней Булатовъ пережилъ тяжелый для него переходъ въ ряды революціи и причина этого перехода—сознаніе, правоты „народнаго ропота" и пламенное желаніе принести пользу отечеству.

Пламенная любовь къ отечеству, желаніе принести ему пользу сказались у декабристовъ и тогда, когда они очутились въ тюрьмѣ, когда для многихъ было совершенно ясно, что участь ихъ рѣшена, если не въ смыслѣ смертной казни, то во всякомъ случаѣ они предвидѣли многолѣтнюю тюрьму или каторгу. Тѣмъ не менѣе, они нашли въ себѣ мужество обратиться съ мольбой къ императору не о себѣ, а о горячо любимой родинѣ. Нѣ-

[1]) Письмо Булатова напечатано въ „Мемуарахъ декабристовъ", выпускъ I.

которые декабристы въ своихъ письмахъ къ императору Николаю I указывали правительству путь необходимыхъ первичныхъ реформъ. Разгромъ революціонеровъ разбилъ ихъ мечты о конституціонной монархіи или о республикѣ, личная жизнь заключенныхъ исковеркана; и все-таки лучъ надежды не оставилъ нѣкоторыхъ, и они обращаются къ самодержавному правительству съ указаніемъ необходимыхъ реформъ, буквально умоляя его провести хотя бы тѣ улучшенія, которыя вполнѣ мирились съ самодержавіемъ. „Не наглая дерзость,—пишетъ государю Якубовичъ,—или языкъ лести будетъ излагать мои мысли и замѣчанія; нѣтъ, одну строгую истину представлю предъ глаза Вашего Величества! Не имѣя теперь ничего общаго съ человѣками, въ казематѣ, когда мечъ правосудія виситъ надъ моей головой, хочу хотя истиной служить отечеству, и, какъ награды за сей поступокъ, прошу государя довѣренности къ моимъ словамъ: она поведетъ къ счастью милліоны гражданъ и дастъ вамъ прочную славу въ благодарности подданныхъ и любви потомства“ [1]). Впрочемъ, исторія показала, что эти призывы были направлены не по адресу.

Такъ, Баронъ Штейнгель рисовалъ такую картину реформъ въ письмѣ къ государю:

„Вамъ подобно предстоитъ: даровать духовенству нравственное образованіе; подкрѣпить упавшее и 24-лѣтнимъ займомъ вконецъ разоряемое дворянство; воскресить коммерцію и промышленность незыблемыми уставами; водворить правосудіе учрежденіемъ лучшаго судопроизводства; преобразовать города введеніемъ гражданскихъ правъ, подобныхъ другимъ просвѣщеннымъ государствамъ; дать другое постепенное для всѣхъ состояній просвѣщеніе юношеству; улучшить состояніе земледѣльцевъ; уничтожить уничижительную для націи продажу людей — о легкомъ къ сему средству я имѣлъ

[1]) Письмо въ дѣлѣ № 470.

счастіе представлять покойному государю; воскресить флотъ; поощрить къ мореплаванію частныхъ людей, къ чему призываютъ Гаити и Америка“ [1]).

Якубовичъ въ письмѣ изъ крѣпости къ государю въ мрачныхъ краскахъ суммируетъ выводы изъ сдѣланнаго имъ тамъ же обзора состоянія Россіи. „Десять лѣтъ мирнаго спокойствія не облегчило Россію отъ налоговъ, не введены лучшіе способы взиманія податей, и тягость государственныхъ обязанностей не уравнена между всѣми сословіями, прочные законы не обезпечили каждаго, торговля не процвѣла, изящныя искусства не украсили отечества; но народная образованность значительно подвинулась впередъ, и желаніе лучшаго сдѣлалось первымъ чувствомъ каждаго“. И далѣе Якубовичъ указываетъ на необходимѣйшую реформу: „*Ветхое зданіе государственнаго управленія требуетъ важныхъ измѣненій.* Имперія, съ небольшимъ сто лѣтъ вышедшая изъ мрака грубаго невѣжества, всякія четверть вѣка совершенно измѣняется въ образованности идей и нравственныхъ потребностяхъ. Облегчите и обезпечьте состояніе хлѣбопашца. Сравняйте преимуществами вашихъ воиновъ, уменьшивъ срокъ службы; рѣшительными законами и строгимъ ихъ исполненіемъ введите каждаго его въ обязанности; распространите свѣтъ наукъ и просвѣщенія; дайте ходъ торговой дѣятельности, одобрите вашимъ благоволеніемъ робкую добродѣтель; и недовольные или карбонаріи исчезнутъ, какъ тьма предъ лицомъ солнца. Вы будете благодѣтельный спаситель отечества отъ многихъ бѣдствій, и любовь благодарныхъ пятидесяти двухъ милліоновъ вашихъ подданныхъ будетъ только преддверіемъ безсмерной вашей славы“ [2]).

Вильгельмъ Кюхельбекеръ въ своихъ показаніяхъ такъ суммируетъ свои надежды: „Вотъ чѣмъ ограничивались

---

[1]) „Общественныя движенія“, стр. 492.

[2]) Дѣло № 470.

мои надежды: свободой крестьянъ, улучшеніемъ судилищъ, выборомъ представителей изъ всѣхъ состояній, непоколебимостью законовъ" [1]).

Но, разумѣется, откровенность декабристовъ и ихъ совѣты правительству падали на неподходящую почву, и многимъ изъ нихъ только повредили.

Для характеристики тѣхъ первичныхъ реформъ, о которыхъ мечтали декабристы, приведемъ еще выдержку изъ позднѣйшихъ записокъ Завалишина: „Они были увѣрены, что, какъ бы ни судили объ ихъ предпріятіи, оно неизбѣжно въ нѣдрахъ не только народа, но и самого правительства возбудитъ движеніе, которое уже не остановится, въ какомъ бы видѣ послѣ не выражалось, что, внеся идею свободы со всѣми ея неизбѣжными послѣдствіями—освобожденіемъ крестьянъ, самоуправленіемъ, судомъ присяжныхъ, преобразованіемъ войска, отмѣною тѣлесныхъ наказаній, народною политикою, покровительствомъ одноплеменнымъ и одновѣрнымъ народамъ и даже соединеніемъ съ ними и пр., они, заставя думать о всѣхъ этихъ вопросахъ, изучать ихъ, заставятъ само правительство осуществлять постепенно эти вещи и тѣмъ скорѣе, что раскрытіе всѣхъ злоупотребленій, угрожающихъ естественно и неизбѣжно попытками къ перевороту, чтобы избавиться отъ нихъ, покажетъ правительству необходимость реформъ, какъ единственнаго средства предупредить опасность. А было также несомнѣнно, что одна реформа всегда влечетъ за собою другую, что во всякомъ случаѣ пагубный застой прекратится" [2]).

---

[1]) Показанія Кюхельбекера.

[2]) „Записки декабриста Д. И. Завалишина", т. I, стр. 254.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Свобода и конституція.

„Народъ Россійскій не есть принадлежность или собственность какого либо лица, или семейства. Напротивъ того, правительство есть принадлежность народа, оно учреждено для блага народнаго, а не народъ существуетъ для блага правительства“.

Русская Правда.

I.

Благо отечества и жажда свободы.

Все предшествующее изложеніе подготовляетъ насъ къ тому выводу, что члены Тайныхъ Обществъ, хорошо понимая настоящее положеніе вещей, рисовали себѣ иное устройство государства, при которомъ народъ принималъ бы широкое участіе въ политической жизни страны. Такой исходъ они видѣли въ будущемъ конституціонномъ или республиканскомъ строѣ государства. Какъ бы въ отвѣтъ на мрачную дѣйствительность, въ умахъ декабристовъ вырисовывалась идея государства съ представительнымъ образомъ правленія, съ безкорыстными судьями и судомъ присяжныхъ, съ широкимъ просвѣщеніемъ народныхъ массъ при ихъ политическомъ равенствѣ, обогащающая страну финансовая и экономическая политика, строго національная внѣшняя политика, свобода слова, свобода личности. Сидя въ казематѣ, лишенный физической свободы, увѣренный въ неминуемомъ наказаніи, Александръ Бестужевъ въ своемъ письмѣ къ императору Николаю I откровенно передаетъ свои мечтанія о будущемъ Россіи, которыя вывели его и его сотоварищей на Сенатскую площадь.

„Вотъ мечты наши о будущемъ,—пишетъ онъ государю. — Мы думали учредить Сенатъ изъ старѣйшихъ и умнѣйшихъ головъ русскихъ, въ который и надѣялись привлечь всѣхъ важныхъ людей нынѣшняго правленія, ибо полагали, что власть и честолюбіе всегда имѣли бы свою приманку. Палату же представителей составить по выбору народа изо всѣхъ состояній. Какъ неоспоримо, что общаго мнѣнія установить или дать ему силу нельзя иначе, какъ связавъ оное съ интересомъ каждаго, то на семъ правилѣ основывали мы безкорыстіе судей. Каждая инстанція имѣла бы у насъ свой безпереносный кругъ

дѣйствія, притомъ тяжущіеся могли бы избрать по произволу изъ извѣстнаго числа судей любого, такъ что честь и выгода заставили бы ихъ другъ передъ другомъ быть правдивѣе, а публичность судопроизводства, ограниченіе срока онаго, и свобода книгопечатанія обличала бы нерадивыхъ или криводушныхъ. Для просвѣщенія нижнихъ классовъ народа хотѣли повсемѣстно завести ланкастерскія школы. А чтобы поправить его нравственность, то возвысить бѣлое духовенство, давъ оному способы къ жизни. Увольненіе почти отъ всѣхъ земскихъ повинностей, свобода винокуренія и улучшеніе казенными средствами дорогъ между бѣдными и богатыми хлѣбомъ мѣстами, поощреніе земледѣлія и вообще покровительство промышленности привело бы въ довольство крестьянъ. Обезпеченіе и постоянство правъ привлекло бы въ Россію множество производительныхъ иноземцевъ. Фабрики бы умножились съ возрастаніемъ запроса на искусственныя произведенія, а соревнованіе поощрило бы ихъ усовершенствованіе, которое возвышается наравнѣ съ благосостояніемъ народа, ибо нужды на предметы довольства жизни и роскоши безпрестанны. Капиталы, застоявшіеся въ Англіи, въ несомнѣнности прибытка на многіе годы впередъ, полились бы въ Россію, ибо въ семъ новомъ неразработанномъ мірѣ они выгоднѣе могли бы быть употреблены, чѣмъ въ Остъ-Индіи или Америкѣ. Устраненіе или, по крайней мѣрѣ, ограниченіе запретительной системы и устройство путей сообщенія не тамъ, гдѣ легче (какъ было прежде), а тамъ, гдѣ необходимѣе, равно какъ заведеніе казеннаго купеческаго флота, дабы не платить чужеземцамъ дорогого фрахта за свои произведенія и обратить транзитную торговлю въ русскія руки, дало бы возможность цвѣсти торговлѣ,—сей, такъ сказать, мышцѣ силы государственной. Финансы же поправить уменьшеніемъ въ треть арміи, и вообще всѣхъ платныхъ, но ненужныхъ чиновниковъ. Что же касается до внѣшней политики, то дѣй-

ствовать открыто, жить со всѣми въ мирѣ, не мѣшаясь въ чужія дѣла и не позволяя вступаться въ свои, не слушать толковъ, не бояться угрозъ, ибо Россія самобытна и можетъ обойтиться на случай разрыва безъ пособія посторонняго. Въ ней заключается цѣлый міръ, да и торговыя выгоды другихъ націй никогда не допустили бы ее въ чемъ-либо нуждаться“ [1]).

Вообще мечты декабристовъ были неразрывно связаны съ мечтой о величіи Россіи при представительномъ образѣ правленія. „Я представляю себѣ Россію,— писалъ Ѳедоръ Глинка,—какъ могучую жену, спокойно, вопреки всего, почіющую. Въ головахъ у нея вмѣсто подушки—Кавказъ, ногами прещетъ въ Балтійское море, правая рука закинута на хребетъ Урала, а лѣвая, простертая за Вислу, грозитъ перстомъ Европѣ. Я знаю, я увѣренъ, что превращать древнее теченіе вещей есть то же, что совать персты въ мельничное колесо: персты отлетятъ, а колесо все идетъ своимъ ходомъ. Вотъ моя политическая вѣра. Вотъ мои мысли, вотъ мои чувства“. И далѣе Глинка представлялъ себѣ Россію и будущее государственное устройство въ слѣдующемъ нѣсколько сантиментальномъ видѣ: „Благополучна та страна, гдѣ тюрьмы пусты, житницы полны, доктора ходятъ пѣшкомъ, а хлѣбники—верхами; гдѣ на ступеняхъ храмовъ Божіихъ толпится народъ, а крыльца судилищъ заросли травою [2]).

Эти довольно туманныя націоналистическія мечтанія у большинства декабристовъ смѣнялись опредѣленнымъ убѣжденіемъ въ превосходствѣ конституціонной формы правленія. „Распространялось и поддерживалось убѣжденіе,—говоритъ Завалишинъ,—что только въ извѣстныхъ конституціонныхъ формахъ, что только въ подобномъ государственномъ устройствѣ заключается достаточная гарантія противъ злоупотребленій власти и ручательство

---

[1]) Дѣло № 11.

[2]) Показанія Ѳ. Глинки.

за благотворное дѣйствіе ея, какъ для внутренняго развитія государства, такъ и для охраненія его достоинства и народной пользы раціональнымъ направленіемъ его внѣшней политики" [1]).

Все вниманіе либерально-настроенныхъ людей того времени было направлено къ тому, чтобы найти политическій и національный идеалъ. Люди жили въ поискахъ правды и политической вѣры. „Все совершалось подъ вліяніемъ страстнаго исканія правды,—пишетъ Завалишинъ (и въ знаніи и въ жизни),—и внутренняго необходимаго стремленія въ борьбѣ противъ всего ложнаго и несправедливаго... Я почти съ дѣтства, въ эпоху безсознательныхъ еще дѣйствій, не терпѣлъ злоупотребленій, безпорядковъ, неправды до болѣзненнаго раздраженія противъ нихъ, и высказывалъ всегда все прямо, вслѣдствіе чего и слышалъ постоянно себѣ упрекъ за излишнюю откровенность. Готовый на всякое пожертвованіе въ борьбѣ съ неправдою, съ несправедливостью, отыскивая болѣе успѣшныя средства для этой борьбы, я и увлекся по очереди двумя господствовавшими въ то время направленіями... Затѣмъ въ дѣятельности своей я не ограничивался отрицательнымъ направленіемъ, одной борьбой противъ зла, но оказывалъ содѣйствіе и всему положительному, всякому устроенію и исправленію; наконецъ, считался человѣкомъ религіознымъ и старался быть имъ по внутреннему своему влеченію" [2]).

Одинъ изъ сотоварищей Завалишина по службѣ, тоже морской офицеръ, Бѣляевъ, разсказываетъ о тѣхъ толкахъ, надеждахъ и желаніяхъ, которыми были проникнуты онъ и его товарищи: „Одинъ изъ нашихъ офице-

---

[1]) Завалишинъ. „Записки декабристовъ", I, 190.

[2]) „Декабристы", Д. И. Завалишина, „Русскій Вѣстникъ", 1884 г., февраль, стр. 824—827.

ровъ гвардейскаго экипажа, лейтенантъ Арбузовъ, который раздѣлялъ тогдашнее свободное настроеніе, но такъ какъ онъ былъ очень суроваго характера, и его мнѣнія всегда были крайними до пошлости во всемъ, то мы, согласные съ нимъ въ завѣтныхъ желаніяхъ и надеждахъ когда-нибудь увидѣть свое отечество свободнымъ, благоустроеннымъ и счастливымъ, расходились съ нимъ въ его крутыхъ мѣрахъ, восхваляемыхъ имъ во французской революціи и всѣхъ насильственныхъ Янычарскихъ переворотахъ. Другой нашъ собесѣдникъ былъ лейтенантъ Д. И. Завалишинъ... Отъ него мы узнали, что вся Европа опутана сѣтью тайныхъ обществъ, стремившихся къ освобожденію всѣхъ народовъ изъ-подъ ига деспотизма, тогда царившаго почти всюду въ Европѣ" [1]).

Итакъ, желаніе борьбы съ неправдою, стремленіе прійти на помощь своему народу, стремленіе освободить свое отечество отъ условій, при которыхъ оно не могло двинуться впередъ по пути свободныхъ учрежденій, — все это приводило декабристовъ къ мысли о необходимости введенія конституціи. Первоначально кружокъ, изъ котораго вылилось впослѣдствіи Тайное Общество, надѣялся, что само правительство пойдетъ по пути реформъ, и готовъ былъ ему содѣйствовать. „Они дали другъ другу обѣщаніе словомъ и дѣломъ содѣйствовать государю во всѣхъ его начертаніяхъ его блага своего народа. Ихъ было мало, но они были увѣрены, что кругъ ихъ будетъ ежедневно увеличиваться, что и другіе не захотятъ ограничиться славою военныхъ подвиговъ, но пожелаютъ оказать усердіе свое и любовь къ отечеству не однимъ исполненіемъ возложенныхъ на нихъ службою обязанностей, но и посвященіемъ всѣхъ средствъ и способностей на содѣйствіе общему благу

---

[1]) „Воспоминанія пережитаго и перечувствованнаго съ 1803 г.", „Русская Старина", 1881 г., мартъ, стр. 491.

во всѣхъ его видахъ“ [1]). Но, разумѣется, эти надежды были кратковременны, и тѣ же лица вскорѣ занялись самостоятельной работой по подготовкѣ Россіи къ конституціонной формѣ правленія. Для насъ важны лишь тѣ мотивы, вслѣдствіе которыхъ декабристы обратились къ революціонной дѣятельности. „Я былъ ослѣпленъ, — пишетъ въ своемъ показаніи Никита Муравьевъ, — пламеннымъ желаніемъ видѣть Россію на высочайшей степени благосостоянія посредствомъ учрежденій, равно благотворительныхъ для всѣхъ состояній людей, въ оной находящихся, твердаго устройства судебной части въ нижнихъ инстанціяхъ и гласности во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства, наподобіе англійскаго“ [2]).

Убѣжденіе въ томъ, что правительство, не можетъ пойти по пути реформъ, привело либерально настроенныхъ людей того времени къ мысли о необходимости основать Тайное Общество. „Молодые люди,—пишетъ въ своемъ показаніи Сергѣй Муравьевъ, — занимавшіеся сими предметами (т.-е. политическими науками), вскорѣ восчувствовали желаніе видѣть въ отечествѣ своемъ представительное устройство, сообщали другъ другу свои мнѣнія, соединялись единствомъ желаній—и вотъ зародышъ Тайнаго Общества политическаго“ [3]). Люди чувствовали, что есть высшая правда, возможно и необходимо лучшее государственное устройство, къ которому надо всѣми силами стремиться и которое не можетъ быть удовлетворено при современномъ государственномъ строѣ. У однихъ это понятіе отливалось въ конкретныя формы, у другихъ оно было болѣе или менѣе неопредѣленнымъ мечтаніемъ.

---

[1]) Изъ неизданныхъ записокъ князя Трубецкого. Дубровинъ, „Рус. Стар.“, 1904, мартъ, 487.

[2]) Показанія Никиты Муравьева, стр. 11.

[3]) Показаніе Сергѣя Муравьева-Апостола.

При такихъ условіяхъ, естественно, люди готовы были посвятить себя на пользу отечества, пренебрегая личною опасностью и личными выгодами. „Мудрено ли,—пишетъ Басаргинъ,—что эти люди большею частью юные лѣтами, охотно отдѣлялись отъ массы и съ увлеченіемъ готовы были посвятить себя на пользу отечества, ни во что ставя личную опасность и грозящую невзгоду въ случаѣ неудачи или ошибочнаго расчета. Сначала, дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, они основывались на намѣреніяхъ самого покойнаго императора Александра; но потомъ, когда онъ измѣнилъ имъ и предался реакціи, то рѣшились образовать тайныя общества и этимъ средствомъ думали достигнуть своей цѣли" [1]). Когда Якушкина спросили на слѣдствіи о причинѣ образованія тайныхъ обществъ, онъ написалъ: „Причины, родившія мысль сію, сколько могу припомнить, были слѣдующія: во-первыхъ, усмотрѣніе безчисленныхъ неустройствъ въ Россіи, большей частью происходящихъ, какъ казалось мнѣ и другимъ, отъ тѣсныхъ видовъ вообще всѣхъ частныхъ людей, имѣющихъ единственнымъ предметомъ выгоды личныя, подало намѣреніе обратить сколько возможно вниманіе каждаго къ выгодамъ общественнымъ и тѣмъ самымъ образовать мнѣніе общее. Во-вторыхъ, примѣръ тайныхъ обществъ, имѣвшихъ сильное вліяніе во многихъ государствахъ и особенно въ Швеціи и Пруссіи, подавало надежду, что введеніе таковыхъ обществъ могло быть успѣшно и въ Россіи" [2]).

Въ такомъ же родѣ и показанія многихъ другихъ декабристовъ о причинахъ вступленія ихъ въ Тайное Общество. „Молодость, идея о конституціи и о свободѣ крестьянъ прельстили меня, и я себя почелъ обязаннымъ войти въ общество, которое мнѣ казалось стремящимся

---

[1]) „Девятнадцатый вѣкъ" Бартенева, I, 70.

[2]) Показаніе Якушкина, стр. 10 об.

къ благу моего отечества", показывалъ о себѣ князь Барятинскій [1]. Выслушаемъ еще исповѣдь одного изъ младшихъ членовъ Общества, имѣвшаго къ нему весьма малое отношеніе до момента революціи — поручика Гангеблова. Онъ признаетъ, что ужасы крѣпостного права, неустройство администраціи, безнравственность духовенства поселили въ немъ мысли, побудившія его вступить въ Тайное Общество. „Причины, побудившія меня,—пишетъ Гангебловъ,—вступить въ Тайное Общество, были слѣдующія: 1) неограниченная власть помѣщиковъ, одно изъ главнѣйшихъ слѣдствій оной; бѣдственное состояніе многочисленнаго класса поселянъ, коего очевиднымъ свидѣтелемъ былъ я въ минувшемъ 1822 году въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, гдѣ помѣщики, давъ полную волю поступкамъ евреевъ, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на нравственность крестьянъ, а между тѣмъ обращаются съ ними жестоко, когда дѣло доходитъ до собственныхъ выгодъ. Изъ сего я сдѣлалъ заключеніе и о всѣхъ прочихъ помѣщикахъ, изъ коихъ, вѣроятно, большая часть думаетъ преимущественно о увеличеніи своего богатства, нежели о счастьѣ крестьянъ своихъ. 2) Необразованность бѣлаго духовенства въ небольшихъ городахъ и селахъ и поступки, несообразные съ высокимъ его предназначеніемъ,—одна изъ главнѣйшихъ причинъ безнравственности поселянъ и, слѣдовательно, небрежности домашняго хозяйства. 3) Корыстолюбіе гражданскихъ чиновниковъ, вошедшихъ даже въ пословицу" [2].

Итакъ, сознаніе необходимости прійти на помощь отечеству приводило либерально настроенную часть общества къ сознанію необходимости борьбы съ правительствомъ. „Видя различныя злоупотребленія,—показывалъ Торсонъ,—и недоступность правительства къ

---

1) Показаніе князя Барятинскаго отъ 26 января, стр. 16.

2) Показаніе Гангеблова, стр. 8.

исправленію оныхъ законнымъ порядкомъ, дѣйствуя частнымъ лицомъ, я убѣдился въ необходимости дѣйствовать обществомъ для достиженія сей цѣли". — „Повторяю, — добавляетъ онъ далѣе, — что я желалъ видѣть исправленіе злоупотребленій въ моемъ отечествѣ, и введеніе чрезъ кроткія мѣры конституціоннаго правленія" [1]). Почти въ такихъ же выраженіяхъ и другіе декабристы объясняли причины, побудившія ихъ вступить въ Общество. „Причины, побудившія меня ко вступленію въ Общество,—говоритъ въ своемъ показаніи Николай Бестужевъ,—были тѣ, что, соболѣзнуя сердцемъ о неустройствахъ и злоупотребленіяхъ въ моемъ отечествѣ и всегда желая видѣть средства къ исправленію безпорядковъ, вкрадывавшихся безпрестанно въ управленіе онаго" [2]).

Выходъ изъ такого положенія представлялся одинъ— тѣми или иными способами подготовить общество къ воспринятію конституціонной формы правленія и потребовать отъ правительства признанія конституціи, или низвергнуть само правительство. Для однихъ представлялся наиболѣе цѣлесообразнымъ первый исходъ, для другихъ, менѣе довѣрчивыхъ и болѣе рѣшительныхъ, — другой. Вотъ какъ выясняетъ свою мысль сравнительно весьма умѣренный подполковникъ Норовъ. Онъ признаетъ, что несовершенства государственнаго устройства послужили толчкомъ въ признаніи болѣе цѣлесообразнымъ конституціоннаго правленія. Съ другой стороны, онъ указываетъ и на подготовительныя мѣры. „Когда я сталъ болѣе вникать,—пишетъ онъ,—то цѣль и занятія Общества мнѣ казались благовидными; въ собраніяхъ разсуждали о улучшеніи участи крестьянъ, о правосудіи, о просвѣщеніи; я желалъ видѣть отечество свое на той степени совершенства, въ которой оно можетъ

---

1) Показанія Торсона.

2) Показанія Николая Бестужева.

получить благоустроенную конституцію изъ рукъ своего государя... По нашему разсужденію лучшими мѣрами къ достиженію конституціи считались слѣдующія: каждому стараться службою достигнуть высокихъ степеней какъ по военной, такъ и по гражданской службѣ, между тѣмъ, по мѣрѣ возвышенія нашего, просвѣщеніе въ народѣ распространилось бы, и, достигнувъ высшихъ степеней и занявъ важнѣйшія мѣста въ государствѣ, мы могли бы тогда быть истинными представителями народа, приступить къ сочиненію выгоднѣйшей конституціи и представить оную на утвержденіе государю" [1]).

Такъ выражалъ свои мысли сравнительно умѣренный членъ Общества. Но другіе шли дальше. Показанія самаго виднаго члена Тайнаго Общества, полковника Пестеля, какъ бы суммируютъ въ сжатыхъ и яркихъ чертахъ переходъ отъ простыхъ наблюденій государственнаго и общественнаго устройства къ революціонной дѣятельности. Пестель много читалъ, много размышлялъ, и онъ откровенно изложилъ Слѣдственному Комитету ходъ своихъ мыслей. Пестель не могъ указать лица, которое могло бы внушить ему вольнодумныя мысли. Онъ получилъ основательное понятіе въ политическихъ наукахъ и сталъ ими интересоваться. „Я имѣлъ пламенное рвеніе и добра желалъ отъ всей души", говоритъ онъ. Онъ увѣрился, что благоденствіе и благополучіе государства зависитъ отъ правительства. Наблюденія надъ русскимъ государственнымъ устройствомъ привели его къ заключеніямъ, что въ Россіи „много несообразностей". Онъ обратилъ вниманіе на положеніе народа; рабство крестьянъ на ряду съ преимуществами аристократіи, являвшейся „стѣною между монархомъ и народомъ", скрывающей отъ монарха истинное положеніе народа,—это наблюденіе произвело на него сильное впечатлѣніе. Его непріятно поражали

[1]) Показанія Норова, стр. 13, 7 февраля.

преимущества разныхъ присоединенныхъ къ Россіи областей, военныя поселенія, упадокъ торговли, промышленности, неустройство суда и администраціи, тягота военной службы. Между тѣмъ наблюденія надъ ходомъ революціи во Франціи привели Пестеля къ выводу о пользѣ революціонной дѣятельности. Исторія революціи зародила въ немъ мысль, что государственное управленіе, гдѣ во главѣ государства стоитъ одно лицо, неминуемо поведетъ къ деспотизму, несмотря ни на какія ограниченія. И идеаломъ Пестеля явилось республиканское устройство при полномъ равенствѣ всѣхъ гражданъ. Онъ „ни въ чемъ не видѣлъ большого благосостоянія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ республиканскомъ правленіи“. Мнѣніе его было раздѣляемо его сотоварищими: „Представляя себѣ живую картину всего счастья, коимъ бы Россія по нашимъ понятіямъ тогда пользовалась, входили мы въ такое восхищеніе и, сказать можно, восторгъ, что я и прочіе готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содѣйствовать бы могло къ полному введенію и совершенному укрѣпленію и утвержденію сего порядка вещей“ [1]).

Итакъ, любовь къ отечеству и сознаніе недостатковъ существующаго режима приводило къ образованію тайныхъ обществъ и къ борьбѣ съ правительствомъ. „Предлогъ составленія тайныхъ политическихъ обществъ, — показывалъ на слѣдствіи князь Трубецкой,—есть любовь къ отечеству, сіе чувство, которымъ всякій человѣкъ обязанъ къ своей родинѣ, хорошо понятное, заставляетъ дѣйствовать къ пользѣ государства; — худо понятое можетъ сдѣлать величайшій вредъ... Сіе худо понятое чувство (Трубецкой пишетъ Слѣдственному Комитету) любви къ отечеству составляетъ тайныя политическія

[1]) Павловъ-Сильванскій. „Пестель предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ“, „Былое“, февраль, 1906, 136—138.

общества. Люди съ пылкимъ воображеніемъ, съ горячимъ сердцемъ, съ пламенною душою, при чистыхъ и великодушныхъ чувствованіяхъ легко могутъ быть увлечены ревностію и усердіемъ къ пользѣ общей" [1]).

Дѣйствительно, любовь къ отечеству, рвеніе къ общему благу сквозятъ въ показаніяхъ очень многихъ декабристовъ. Передъ нами въ предшествующемъ изложеніи прошелъ длинный рядъ свидѣтельствующихъ объ этомъ показаній. Но мы остановимся еще на тѣхъ мысляхъ и чувствахъ, полныхъ любви къ отечеству и презрѣнія къ господствующему режиму, высказанныхъ на слѣдствіи двумя членами Общества Соединенныхъ Славянъ. Мы имѣемъ въ виду показанія Борисова I и Андреевича II.

Очень интересно въ послѣднемъ отношеніи признаніе Борисова I. „Я не нахожу въ себѣ,—показывалъ онъ,— ни вольнодумства ни либеральныхъ мыслей, но все то, что здравый разумъ можетъ внушить при безпристрастномъ и прилежномъ разсматриваніи вещей. Всеобщій голосъ неудовольствія въ народѣ далъ мнѣ идею къ размышленію, и я замѣтилъ, что это происходитъ отъ несправедливыхъ требованій правительства. Съ какимъ вы прилежаніемъ стараетесь изыскать исторію прежнихъ моихъ поступковъ, не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы уменьшить оные, но дабы не упустить ни малѣйшаго случая наказать достойно. Я откровенно объявилъ (заявляетъ онъ своимъ слѣдователямъ и судьямъ), что самъ себя считаю виновнымъ противъ самовластнаго правленія, но по своему разсудку не признаю виновнымъ ни себя ни кого-либо изъ моихъ товарищей. Можетъ-быть, я въ заблужденіи, но твердо увѣренъ, что *законы ваши не правы;* твердость ихъ находится въ силѣ и предразсудкахъ. Знаю, по законамъ долженъ быть, какъ заговорщикъ, разстрѣлянъ, а какъ цареубійца—четверто-

[1]) Показаніе князя Трубецкого въ „Мемуарахъ декабристовъ".

ванъ; по смягченіи приговоровъ въ Россіи буду приговоренъ, конечно, за первое: сосланъ на поселеніе, а за второе—въ каторжную работу; а государь, вѣрно, изъ состраданія перемѣнитъ на вѣчное тюремное заключеніе". И, тѣмъ не менѣе, Борисовъ I долгомъ своимъ считаетъ указать на тѣ злоупотребленія, неправосудіе, отсутствіе элементарныхъ правъ личности, которыми характеризуется весь строй Россіи.

Такъ, въ дальнѣйшемъ своемъ показаніи онъ возвращается къ характеристикѣ своего настроенія, побудившаго его вступить въ Общество. Не безъ ядовитости онъ обращаетъ вниманіе человѣколюбія государей на послѣдствіе гибельныхъ для народа законовъ. „Я предполагалъ: ежели монархъ истинно почитаетъ насъ своими дѣтьми, какъ то каждый изъ его манифестовъ объявляетъ народу, то долженъ безусловно согласиться на все то, что принесетъ ему пользу, уничтожая вредное. Я не предполагалъ, чтобы государь подверженъ былъ слабости самолюбія, пожалѣлъ утратить часть своей власти; онъ никогда не утратилъ бы черезъ сіе своего достоинства, отказываясь отъ власти ему совершенно неприличной — наказывать виновныхъ; холодность правосудія удаляетъ сердца съ трепетомъ, ибо всѣ чувствуютъ за собой несовершенства природы человѣческой, а, оставивъ при себѣ право неограниченнаго милосердія и наградъ достойнымъ, онъ увеличилъ бы къ себѣ любовь подданныхъ, какъ къ источнику нашего благополучія" [1]).

Признанія Андреевича II заключаютъ въ себѣ цѣлый обвинительный актъ всей дѣятельности Александровскаго правительства. Россія находится въ такомъ тяжеломъ положеніи: „Стоны женъ, вопли дѣтей, плачъ вдовъ, — забытые сироты, безпрестанно попадающіеся нищіе, слѣпые и увѣчные, разореніе въ деревняхъ крестьянъ, не есть ли доказательство, что отечество

[1]) Показанія Борисова I.

забыто и что скрывается тайный какой-то отечественный врагъ, который всѣ упомянутыя несчастья насылаетъ для пагубы соотечественниковъ?“—„Я не знаю,—пишетъ онъ далѣе,—для чего Россію называютъ благоденствующею, когда народъ и войско обливаются слезами и черезъ свое невѣжество ропщутъ на Бога и до того заблуждены, что всѣ злоключенія приписываютъ Творцу, ихъ создавшему. Но кто сему причиной?“ Человѣкъ, столь горячо принимавшій интересы народа, естественно могъ прійти къ одному заключенію. „Теперь скажите: видѣвши ежедневно негодованіе и ропотъ сихъ несчастныхъ столповъ отечества, можно ли было не чувствовать ихъ положенія человѣку тому, который исполненъ чувствъ человѣколюбія и который добровольно приносилъ жизнь свою въ жертву для искупленія сего несчастнаго народа, и какъ не рѣшиться на сіе, когда по невѣжеству своему народъ всѣ несчастья, ихъ постигающія, приписываетъ существу столь Высочайшему“. Онъ самъ далѣе разъясняетъ, что „человѣку съ чувствами сострадательными трудно жить въ семъ мірѣ, гдѣ ежедневныя картины несчастій человѣческихъ поражаютъ взоръ таковаго человѣка“. Ему кажется, что и все современное ему общество проникнуто такою же ненавистью къ современному правительству: „Напрасно стараются разыскивать всѣхъ тѣхъ, кои къ сему причастны; это значитъ умножить число страдающихъ, и положеніе отечества для сильно чувствующихъ несправедливости дѣлать разительнѣе. Врядъ истребится пламя, вложенное въ сердце человѣковъ; надобно разбирать естества оныхъ, чтобы поглощать сердца любовью; другого средства нѣтъ. Да притомъ въ нынѣшнее время чувствующихъ такъ много, что, дабы истребить ихъ, надобно потерять большую часть войска и не въ примѣръ болѣе гражданъ“. Для Андреевича правительство является врагомъ, борьба съ которымъ необходима для пользы отечества: „Противъ таковаго рода непріятелей устраи-

ваются и тайные мстители: не будь врага сего—и все спокойно". Онъ разсуждаетъ такъ, что личнаго своего врага, согласно Евангелію, онъ долженъ любить какъ самого себя, но противъ врага всего народа онъ долженъ бороться. „Вѣра моя открываетъ врага мнѣ въ томъ, кто мнѣ дѣлаетъ зло всякаго рода, и онаго велитъ любить, какъ самого себя. Но сіе касается меня самого. А если же сей врагъ дѣлаетъ вредъ другому: не повелѣваютъ ли они же (т.-е. правила вѣры) защищать сего несчастнаго? Итакъ, спрашиваю: что болѣе предпочитать я долженъ?"

Столь высокія чувства любви къ родинѣ Андреевичъ питалъ еще съ младенчества и считалъ долгомъ своимъ жертвовать кровью для своихъ угнетаемыхъ соотечественниковъ. „Послѣдовавъ чувствамъ, кои вселены мнѣ въ душу изъ младенчества, я не считалъ себѣ преступленіемъ жертвовать собою для того, чтобы жизнью своею и кровію освобождать своихъ соотечественниковъ отъ угнетеній, которыми они мучатся. Это одно. Другое—при вступленіи на службу далъ клятву не щадить врага, притѣсняющаго моихъ соотечественниковъ.. Руководствуясь сими двумя причинами, я побужденъ былъ на все рѣшиться. Вотъ всѣ мои чувства и дѣйствія,—говоритъ онъ въ заключеніе своей исповѣди, — кои привели меня къ сему несчастному положенію, въ коихъ излагаю исповѣдь моей души, къ чему она стремилась и что занятіемъ оной было". Онъ не берется себя оправдывать, считаетъ долгомъ своимъ говорить суду открыто и чистосердечно. Онъ не боится и смерти, такъ какъ для него выше благо народа. „Я съ удовольствіемъ предаю себя строгости законовъ. Для меня собственно нѣтъ счастія, но въ счастіи народа былъ бы и я счастливъ". Полагая, что ему угрожаетъ смерть, онъ напередъ объявляетъ своимъ судьямъ, что смерть онъ встрѣтитъ хладнокровно: „На смерть взираю съ большимъ хладнокровіемъ, нежели на страданіе со человѣки.

Благоденствующіе потомки почтутъ мою смерть!“ Въ немъ пробуждается надежда, что его смерть можетъ пробудить народныя чувства. „Надежда на Бога во мнѣ не исчезаетъ: Онъ услышитъ молитвы страдающихъ и наше осужденіе мучиться въ заточеніяхъ; а, наконецъ, и самая смерть можетъ пробудить чувства уснувшихъ сыновъ отечества“. Въ послѣднихъ словахъ своего показанія Андреевичъ еще разъ выясняетъ своимъ судьямъ причины, побудившія его вступить въ борьбу съ правительствомъ, и свое отношеніе къ предстоящему своему осужденію. „Сіе говорю не потому, чтобы обратить на себя состраданіе, но потому, что чистосердечіе въ сознаніи того требуетъ. Я—преступникъ и одни законы могутъ взирать на мои дѣла и судить оныя. Я долженъ ожидать съ хладнокровіемъ казни, для меня опредѣленной законами. Всякъ видитъ мою вину, что желая блага своему отечеству, видя его, угнетаемое несправедливостями, рѣшился я на все,—рѣшился отыскать причину злополучія моихъ соотечественниковъ и, найдя, истребить оную, хотя бы самому стоило жизни“ [1]).

Дѣйствительно, въ міровоззрѣніи декабристовъ мы встрѣчаемся съ весьма замѣчательной чертой: ихъ проникаетъ пламенная, восторженная любовь къ свободѣ. Даже въ показаніяхъ на слѣдствіи, когда они говорятъ о свободѣ, о своемъ отечествѣ, ихъ рѣчи носятъ печать вдохновенія: чувствуется, что эти люди изстрадались сами въ неволѣ, изстрадались сознаніемъ, что горячо любимая родина находится подъ игомъ тяжелаго деспотизма. Эту черту уже можно было замѣтить по многимъ фактамъ, приведеннымъ въ предшествующемъ изложеніи. Остановимся еще на нѣкоторыхъ чертахъ, характеризующихъ указанное настроеніе въ средѣ декабристовъ. Письма Каховскаго къ царю и генералъ-адъютанту Ле-

[1]) Показаніе Андреевича II отъ 15 февраля 1826 г.

вашеву достигаютъ истиннаго пафоса, когда авторъ ихъ говоритъ о свободѣ или о горячо любимой родинѣ. Въ представленіи Каховскаго, которымъ проникнуто все его сознаніе, человѣкъ рожденъ для свободы; свобода и просвѣщеніе неразлучно связаны въ народахъ, чувство свободы прирождено человѣку, и пока будетъ существовать человѣчество, оно неизмѣнно будетъ стремиться къ свободѣ. „Народы, — пишетъ онъ, — почувствовавъ сладость свободы и просвѣщенія, стремятся къ ней. Правительство же, огражденное милліонами штыковъ, силится оттолкнуть народы во тьму невѣжества. Но тщетны ихъ всѣ усилія: впечатлѣнія, разъ полученныя, никогда не изглаживаются. Свобода, сей свѣточъ ума, теплотворъ жизни, была всегда и вездѣ достояніемъ народовъ, вышедшихъ изъ грубаго невѣжества. И мы не можемъ жить, подобно предкамъ нашимъ, ни варварами ни рабами. Пока будутъ люди, будетъ и желаніе свободы. Свобода обольстительна: я, распаленный ею, увлекъ другихъ“ [1]).

Лихаревъ признается, что проникнутый свободолюбивыми идеями, онъ развивалъ свой умъ и пріобрѣталъ познанія въ твердомъ намѣреніи „посвятить жизнь мою отечеству и употребить всѣ усилія“, чтобы чѣмъ-либо быть ему полезнымъ [2]). Крюковъ „пылаетъ любовью къ человѣчеству“ и, вступивъ въ Общество „чрезвычайно радовался, что могу симъ средствомъ содѣйствовать къ благополучію моего отечества“ [3]). Вина Батенькова, по его словамъ, весьма проста: она состоитъ „въ жаждѣ политической свободы“ [4]).

Намъ приходилось уже приводить заявленія нѣкоторыхъ членовъ Славянскаго Общества о томъ,

[1]) Щеголевъ, Петръ Григорьевичъ Каховскій, „Былое“, 1906 г., январь, 12.

[2]) Показаніе Лихарева, стр. 6.

[3]) Показаніе Крюкова 2.

[4]) „Мемуары декабристовъ“, 137.

что ихъ дѣятельностью руководила любовь къ свободѣ. Борисовъ II заявляетъ о себѣ, что онъ былъ „ослѣпленъ любовію къ демократіи и свободѣ“, почему его и возмущало рабство въ Россіи [1]). Его братъ, Борисовъ I, не стѣсняясь, называлъ своихъ судей органомъ „самовластнаго правленія“ [2]). Каховской увѣрялъ генералъ-адъютанта Левашова, что все современное ему общество было настроено въ духѣ свободы. „Я съ немногими членами Тайнаго Общества былъ знакомъ, и вообще, думаю, число ихъ не велико. Но изъ большого числа моихъ знакомыхъ, не принадлежащихъ никакимъ тайнымъ обществамъ, очень немногіе были противнаго со мной мнѣнія. Смѣло говорю, что изъ тысячи молодыхъ людей не найдется ста человѣкъ, которые бы не пылали страстью къ свободѣ. И юноши, пламенѣя чистой сильною любовью къ благу отечества, къ истинному просвѣщенію, дѣлаются мужами“. Въ другомъ мѣстѣ Каховской въ такихъ словахъ рисуетъ другу самодержавнаго царя всю прелесть свободы: „Свобода сладка, и въ сердцѣ молодомъ любовь къ отечеству, какъ и всѣ чувства, живетъ сильнѣй. Мы въ молодости болѣе управляемся сердцемъ, чѣмъ разсудкомъ“ [3]).

Этотъ паѳосъ, можетъ-быть, въ настоящее время покажется отдающимъ нѣкоторымъ сентиментализмомъ. Но онъ совершенно искрененъ въ устахъ людей того времени, склонныхъ къ нѣкоторой восторженности. Человѣкъ, ожидающій смерти, просто и ясно пишетъ изъ крѣпости своимъ родителямъ: „Настоящая моя исторія,— писалъ Пестель 1 мая 1826 года,—заключается въ двухъ словахъ: я страстно люблю мое отечество, я желалъ его счастія съ энтузіазмомъ, я искалъ этого счастія въ замыслахъ, которые побудили меня нарушить мое при-

---

1) Показаніе Борисова II, стр. 13.
2) Показаніе Борисова I, пунк. 7.
3) Щеголевъ. „Былое“, 1906 г., январь, 152, 165.

знаніе и ввергли меня въ эту бездну, гдѣ нахожусь теперь“ [1]). „Я имѣлъ образъ мыслей свободный,—заявлялъ своимъ судьямъ Бѣляевъ I, — но не вредный, ибо я любилъ мое отечество, желалъ законовъ для него, слышалъ многія утѣсненія, кои претерпѣваютъ крестьяне отъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, и мнѣ казалось ихъ состояніе самымъ беззащитнымъ“ [2]).

Наблюдая это восторжённое поклоненіе свободѣ и родинѣ, можно согласиться съ объясненіемъ этихъ чувствъ въ средѣ декабристовъ, которое даетъ одинъ изъ изслѣдователей эпохи. „Намъ трудно теперь понять всю дѣйствительность этой пламенной любви къ родинѣ, которой пылали декабристы. И слова „пылали“, „пламенный“ отдаютъ для насъ какимъ-то риторизмомъ, а въ то время они точно выражали переживаніе декабристовъ. Чувство любви къ родинѣ, обостренное внѣшними войнами, было реальной движущей силой, оно переживалось интимно и необыкновенно сильно. Оно проникало и обнимало всю психику человѣка и было такимъ же мощно дѣйственнымъ, какъ у народниковъ—любовь къ народу, у искренно вѣрующихъ людей—любовь къ Богу. Сейчасъ мы готовы употребить прозаическій терминъ, говорить объ экзальтированности декабристовъ теперь, когда понятія любви къ Богу и любви къ родинѣ какъ-то отлетѣли, выцвѣли, стали безжизненно вялыми“ [3]).

Это замѣчаніе очень вѣрно. Духовный складъ декабристовъ проникнутъ нѣкотораго рода восторженностью и склонностью къ идеализаціи. По душевной мягкости и по высокимъ этическимъ требованіямъ, которыя къ себѣ предъявляли декабристы, они весьма напоминаютъ позднѣйшее поколѣніе людей сороковыхъ годовъ. Эти

---

1) „Русскій Архивъ“, 1875, 421.

2) Показаніе Бѣляева I.

3) Петръ Григорьевичъ Каховской, „Былое“, 1906 г., январь, стр. 139.

революціонеры, по пальцамъ высчитывавшіе свои жертвы, по существу были очень мягкими людьми, приходившими въ негодованіе отъ всякой несправедливости, отъ всякаго вида притѣсненія. Трудно дать отчетъ о душевномъ складѣ такой массы лицъ, но достаточно остановиться хотя бы на нѣкоторыхъ изъ нихъ и при томъ въ періодъ ихъ дѣятельности въ качествѣ членовъ Общества во избѣжаніе возможныхъ предположеній о вліяніи каторги на душевный ихъ складъ. Современники отмѣчаютъ необыкновенную кротость Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола, которая соединялась въ немъ съ твердостью духа [1]). „Я имѣла случай оцѣнить и умъ, и благородство, и возвышенныя чувства этого рѣдкаго человѣка", говоритъ о немъ Скалонъ въ своихъ воспоминаніяхъ [2]). Извѣстенъ случай, когда Муравьевъ не могъ вынести вида тѣлесныхъ наказаній солдатъ и упалъ въ обморокъ [3]).

Объ И. Д. Якушкинѣ въ своихъ воспоминаніяхъ Оболенскій говоритъ: „Если можно назвать кого-нибудь, кто осуществилъ нравственную цѣль и идею Общества, то, безъ сомнѣнія, имя И. Д. Якушкина всегда будетъ на первомъ планѣ". Другой его сотоварищъ по ссылкѣ, Свистуновъ, даетъ о немъ такой отзывъ: „Якушкинъ такъ высоко цѣнилъ духовное начало въ человѣкѣ, что неумолимъ былъ къ себѣ за малѣйшее отступленіе отъ того, что признавалъ своимъ долгомъ, равно и за всякое проявленіе душевной слабости. Несмотря на то, я рѣдко встрѣчалъ человѣка, который бы оказывалъ ближнему столько терпимости и снисходительности. Зная его добросовѣстность, можно поручиться, что не только онъ не былъ способенъ выдавать ложь за правду, но и не передавалъ бы факта или свѣдѣнія, въ подлинности

[1]) Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, „Русская Старина", 1873, май, 661; „Воспоминанія" Скалонъ, „Историческій Вѣстникъ", 1891, май, 624.

[2]) „Историческій Вѣстникъ", 1891, іюль, 613.

[3]) Записки Горбачевскаго, „Русскій Архивъ".

коихъ предварительно бы не удостовѣрился“ [1]). Записки барона Розена или записки С. Г. Волконскаго представляютъ множество примѣровъ душевной мягкости и отзывчивости ихъ авторовъ. Норовъ соединялъ въ себѣ качество храбраго офицера съ необыкновенной отзывчивостью къ нуждѣ, особенно раненыхъ [2]). Эксцентричность, восторженность и добродушіе Кюхельбекера засвидѣтельствованы многими современниками [3]). Многіе изъ декабристовъ пріобрѣли славу „безпокойныхъ людей“: ихъ непоколебимая честность, ихъ возвышенное понятіе о своемъ долгѣ выдвигали ихъ изъ среды людей, привыкшихъ дѣлать несправедливости или раболѣпствовать. Біографіи Батенькова [4]), барона Штейнгеля [5]), Пущина, Рылѣева и многихъ другихъ полны подобнаго рода фактами. Непоколебимая честность и восторженность Рылѣева составляютъ общеизвѣстные факты; это былъ другъ правды въ высокомъ значеніи этого понятія [6]). Не приводя многочисленныхъ отзывовъ, сохранившихся о немъ, напомнимъ только о томъ, какое чарующее впечатлѣніе произвелъ онъ на Никитенко, человѣка, остававшагося всегда чуждымъ либеральнымъ идеямъ. Никитенко признается, что онъ никогда не встрѣчалъ другого человѣка, который бы обладалъ столь притягательной силой, какъ Рылѣевъ. Въ Рылѣевѣ поражало его умное и серьезное лицо, вся наружность его была въ высшей степени обаятельна; но главное,

---

[1]) Съѣздъ членовъ Союза Благоденствія въ Москвѣ 1821 г. „Русская Старина“, 1872 г., ноябрь, стр. 600.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1900 г., № 2, 282.

[3]) Гастфрейндъ, Кюхельбекеръ и Пущинъ, „Вѣстникъ Всемірной исторіи“, 1901 г., 43—44.

[4]) Богдановичъ, „Исторія царствованія императора Александра I“, т. VI, 434; „Русская Старина“, 1889, августъ, 308.

[5]) „Общественныя движенія“, т. I, 398—403.

[6]) Котляревскій, „Русское Богатство“, 1904, № 8, 53—55; „Девятнадцатый вѣкъ“ Бартенева, вып. I, 346—347.

что поразило Никитенко въ Рылѣевѣ, — это „чарующее дѣйствіе его гуманности и доброты“ [1]).

Мы привели нѣсколько отзывовъ съ цѣлью охарактеризовать, скорѣе напомнить довольно извѣстныя черты духовнаго склада декабристовъ. Эта справка даетъ намъ возможность глубже понять особенности той восторженной любви къ отечеству и къ благу народа, которою проникнуто все міросозерцаніе декабристовъ, о чемъ они такъ много и такъ часто говорятъ: это глубокое и искренное чувство,—именно „пламенное и горячее“, какъ они сами нерѣдко выражаются.

Но необходимо замѣтить, что та родина, которую такъ горячо любили декабристы не ирреальная: это — Россія, съ ея богатымъ вольною жизнью прошлымъ, съ ея тягостнымъ настоящимъ и съ ея счастливымъ, свободнымъ будущимъ.

Національзмъ декабристовъ не заключаетъ въ себѣ и тѣни шовинизма. Въ немъ можно найти зародыши и позднѣйшаго народничества и славянофильства въ его чистомъ видѣ.

Прежде всего въ средѣ декабристовъ замѣчается восторженная любовь къ русскому прошлому. Однако эта любовь преимущественно обращалась къ той свободѣ, или къ тѣмъ проявленіямъ гражданскаго мужества, которыя доставляло это прошлое. Древняя Русь сознавала свои права, она имѣла свободное вѣче, и воображеніе поклонниковъ русской старины охотно уносилось къ временамъ, когда на Руси раздавался звукъ вѣчевого колокола. „Исторія великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей“, говоритъ о себѣ Пестель [2]). Въ своей восторженности Рылѣевъ былъ увѣренъ, „что стоитъ повѣсить вѣчевой колоколъ“—и свободный народъ возстанетъ: „ибо народъ

---

[1]) „Повѣсть о самомъ себѣ“, „Русская Старина“, 1888, декабрь, 578.
[2]) „Былое“, 1906 г., февраль, 137.

въ массѣ его не измѣнился, готовъ принять древніе свои обычаи и сбросить иноземные“ [1]). Не удивительно поэтому, что Рылѣевъ съ такою любовью останавливался на историческихъ темахъ для своихъ поэтическихъ произведеній: его поэтическое чувство воскрылялось воспоминаніемъ о древнерусской свободѣ. Рылѣевъ даже Пушкину совѣтовалъ, когда тотъ жилъ близъ Пскова, обратить вниманіе на эту страну, гдѣ „задушены послѣднія вспышки русской свободы“ [2]). Каховской былъ увѣренъ въ томъ, что наши предки пользовались большой гражданской свободой, доказательствомъ чего служатъ земскіе соборы. Петръ Великій, убившій въ отечествѣ все національное, уничтожилъ и эту „слабую“ свободу. И Каховской становится на славянофильскую точку зрѣнія: „она (т.-е. свобода) сокрылась наружно, а жива внутри сердецъ гражданъ добрыхъ“ [3]).

Такимъ же народолюбцемъ является и Вильгельмъ Кюхельбекеръ. Онъ былъ восторженнымъ поклонникомъ русской старины. Будучи въ Парижѣ, онъ читалъ лекціи французамъ о славянской письменности, языкѣ и литературѣ. Лекціи имѣли большой успѣхъ, но послѣ одной изъ нихъ, въ которой лекторъ коснулся вліянія вольнаго Новгорода на родную рѣчь, онъ получилъ приказаніе изъ русскаго посольства оставить Парижъ [4]). Въ запискахъ фонъ-Визина встрѣчаемъ въ высшей степени любопытную черту, которая еще ближе роднитъ міровоззрѣніе нѣкоторыхъ декабристовъ съ позднѣйшимъ славянофильствомъ: это, во-первыхъ, враждебное отношеніе къ Петровской реформѣ и, во-вторыхъ, увлеченіе древнерусскими земскими соборами. „Если бы и въ Россіи,— говоритъ онъ,— ея

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, вып. I.

[2]) Сиротининъ, „Русскій Архивъ“, 1890, № 6, 143.

[3]) „Былое“, 1906, январь, 148.

[4]) В. К. Кюхельбекеръ (1797—1846). „Русская Старина“, 1875 г., юль, стр. 342.

земская дума собиралась чаще и въ извѣстные опредѣленные сроки, то, кто знаетъ, можетъ-быть, и Россія, въ силу общаго закона человѣческой усовершаемости, съ правильной системой правительства, наслаждалась бы теперь законосвободными постановленіями, ограничивающими произволъ верховной власти“ [1]). Правда, надо сдѣлать оговорку, что записки фонъ-Визина написаны имъ уже въ ссылкѣ, но мысль его едва ли опирается на знакомство съ славянофильской идеей: мысль фонъ-Визина вполнѣ гармонируетъ съ представленіями другихъ декабристовъ, ибо если болѣе радикальные вспоминали о вѣчѣ вольнаго Новгорода, то болѣе умѣренные приводили себѣ на память земскій соборъ; съ другой стороны, едва ли политическая тенденція славянофильства была тогда извѣстна фонъ-Визину, когда онъ писалъ свои записки. Думы Рылѣева представляютъ собою наиболѣе рельефный примѣръ отношенія декабристовъ къ русскому прошлому: съ большой любовью авторъ характеризуетъ тѣ моменты изъ русской исторіи, гдѣ въ чемъ-нибудь проявились вольнолюбивыя мечты.

Любя русское прошлое, декабристы съ уваженіемъ и любовью относились къ русскому народу. Для нихъ народъ не заключался въ привилегированномъ дворянствѣ: они умѣли оцѣнить хорошія черты русскаго національнаго характера и съ большою теплотою относились къ русскому мужику и къ его быту. Намъ приходилось уже приводить отзывы о крестьянахъ Тучкова, Митькова, Каховскаго. Кюхельбекеръ, говоря на слѣдствіи о развращающемъ вліяніи крѣпостного права, показываетъ: „Признаюсь, что эта причина была для меня одною изъ самыхъ главныхъ, ибо, взирая на блистательныя качества, которыми Богъ одарилъ народъ русскій,—народъ, первый въ свѣтѣ по славѣ и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему въ

[1]) „Общественныя движенія“, т. I, 109.

Европѣ нѣтъ подобнаго, наконецъ, по радушію, мягкосердію, остроумію и непамятозлобію, ему предъ всѣми свойственными, я душою скорбѣлъ, что все это подавляется, вянетъ и, быть-можетъ, опадетъ, не принесши никакого плода въ нравственномъ мірѣ" [1]). Въ этомъ заявленіи Кюхельбекера основныя положенія позднѣйшаго славянофильства: преклоненіе предъ русскимъ національнымъ характеромъ, высокое мнѣніе о русскомъ языкѣ и, наконецъ, надежда, что русскій народъ принесетъ пользу „нравственному міру".

Декабристы увлекались даже, подобно позднѣйшимъ славянофиламъ, внѣшнимъ бытомъ русскаго народа: Кюхельбекеръ мечталъ носить хотя бы у себя въ деревнѣ русскій народный костюмъ, а его человѣкъ ходилъ въ русскомъ кафтанѣ [2]). Извѣстны также русскіе завтраки Рылѣева, состоявшіе изъ капусты, хлѣба и т. п., на которые сходились къ нему его сотоварищи.

Этотъ національизмъ сказывается въ средѣ декабристовъ еще одной любопытной чертой: они охотно прибѣгали къ древнерусской терминологіи вездѣ, гдѣ только можно ее примѣнить. Въ уставахъ тайныхъ обществъ встрѣчаемъ такіе термины: бояре, мужи, братія, верховный соборъ, верховная дума, управы и т. п. Въ проектахъ конституціи, составленныхъ декабристами, тоже вездѣ примѣняется древнерусская терминологія. Встрѣчаемъ термины: вѣче, земскія собранія, палаты, пасадники, старшины, головы и т. п. Въ конституціяхъ столица намѣчалась въ Москвѣ или Нижнемъ-Новгородѣ [3]).

---

1) Показаніе Кюхельбекера.

2) „Русская Старина", 1875, іюль, 337.

3) Въ бумагахъ Пестеля сохранилось переложеніе терминовъ, обозначающихъ нашу администрацію, на древнерусскую терминологію. Приведемъ отрывокъ, касающійся высшаго военнаго управленія. Военный министръ — государственный глава военныхъ сухопутныхъ силъ или войсковой глава. Штабы — управы, ибо въ нихъ происходятъ распоря-

Не забудемъ, что въ послѣдніе мѣсяцы среди декабристовъ въ кружкѣ Рылѣева появляется и одинъ изъ основателей славянофильства—Хомяковъ: само собой напрашивается предположеніе о связи основныхъ элементовъ славянофильства съ руссофильскими тенденціями декабристовъ.

Но высоко ставя національныя качества русскаго народа, его языкъ, его историческое прошлое, декабристы не призывали къ застою. Напротивъ, они стремились способствовать дальнѣйшему культурному росту Россіи на національной основѣ, предостерегая въ то же время отъ излишняго увлеченія иноземнымъ. Эта проповѣдь выпала преимущественно на долю литературныхъ критиковъ изъ среды декабристовъ, Александра Бестужева и Рылѣева. Александръ Бестужевъ не разъ возмущается вкоренившейся въ русское общество и литературу страстью къ подражанію. „Было время,—пишетъ онъ,—что мы невпопадъ вздыхали по-стерновски, потомъ любезничали по-французски, теперь же летимъ въ тридевятую даль по-нѣмецки“. И спрашиваетъ: „Когда же попадемъ мы въ свою колею? Когда будемъ писать прямо по-русски? Богъ вѣсть! До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, наша муза остается невѣстою-невидимкою“. И онъ возмущается склонностью русскихъ писателей подражать

дительныя дѣйствія порядка исполнительнаго. Главный Штабъ императорскаго величества — верховная военная управа. Главный Штабъ арміи—войсковая управа. Корпусный штабъ—ратная управа. Дивизіонный Штабъ — ополчная управа. Полковой Штабъ — полковая управа. Квартирмейстерская часть—размыслъ: древнее слово, которое подобное же имѣло значеніе и въ старину. Инженерная часть—кремельская часть, ибо слово кремель свойственнее для техническаго выраженія, нежели слово крѣпоссть, которое вмѣстѣ съ тѣмъ означаетъ и количество. Артиллерійская часть — оружейная часть. Инспекторская часть — версташная часть: древнее слово, которое подобное же имѣло значеніе и въ старину. Провіантская часть—кормовая часть. Комисаріатская часть—бронная часть: отъ слова броня, т.-е. амуниція. Аудиторіатская часть—военно-судная часть.

иностраннымъ образцамъ, хотя бы и великихъ авторовъ [1]). Бестужевъ возмущается русскою подражательною образованностью, отсутствіемъ національныхъ чертъ въ русской культурѣ. „Мы всосали съ молокомъ безнародность и удивленіе только къ чужому". Русскіе не имѣютъ народной гордости и не стараются соревновать великимъ иноземнымъ образцамъ. Между тѣмъ въ русской культурѣ есть всѣ данныя для созданія собственной богатой литературы. Русскіе обладаютъ чуднымъ языкомъ, „живописнымъ, богатымъ, ломкимъ". Русскій народъ—„народъ; у котораго каждое слово завиткомъ и послѣдняя копейка ребромъ". Только русскому языку надо учиться не у иностранныхъ писателей, не у нихъ надо брать сюжеты для поэтическихъ произведеній: для этого надо прокатиться на тройкѣ по святой Руси, тогда сойдутъ всѣ „заморскія притиранія". Сюжеты въ народномъ быту, или въ русской старинѣ, и древнерусскіе характеры рѣшительны и самобытны, потому что они вырабатывались въ борьбѣ съ природой и съ такими врагами, которыхъ не знала Западная Европа. Критика Бестужева, хотя имѣетъ въ виду чисто литературные вопросы, однако значеніе ея гораздо шире. Можно согласиться съ историкомъ русской критики, что Бестужева „гораздо меньше занимаетъ чисто литературный вопросъ, чѣмъ идейный и культурный. Онъ почти готовъ совсѣмъ миновать піитику ради общественной сатиры. Въ результатѣ передъ нами одинъ изъ самыхъ раннихъ примѣровъ публицистической критики, управляемой безусловно просвѣщеннымъ міросозерцаніемъ и чрезвычайно широкими принципами" [2]).

Сотоварищъ Бестужева, Рылѣевъ, въ своихъ критическихъ статьяхъ призывалъ литературу къ гражданской дѣятельности: поэтъ долженъ быть гражданиномъ, и

[1]) Литературныя характеристики. „Девятнадцатый вѣкъ", т. I, А. К. Бороздинъ, стр. 217.

[2]) Ивановъ. „Исторія русской критики", ч. I и II, 445—450.

талантъ поэта налагаетъ на него извѣстныя гражданскія обязательства. Рылѣевъ призываетъ русскую литературу къ самобытности и оригинальности. Онъ возмущается тѣмъ благоговѣніемъ, съ которымъ относятся къ великимъ иноземнымъ образцамъ, хотя эти образцы заслуживаютъ полнаго уваженія; онъ призываетъ литературу „уничтожить въ себѣ духъ рабства, подражанія" и обратиться къ источнику истинной поэзіи, „осуществить идеалы высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ человѣку и всегда не довольно ему извѣстныхъ" [1]).

Итакъ, въ области литературы, въ области культурной жизни, нужна работа, но не подражательная. „Нужно обновленіе", говоритъ Бестужевъ. Литературѣ нужно „народное содержаніе". Итакъ, критики-декабристы призываютъ русскую литературу къ обновленной жизни. Они не признаютъ застоя, но сильно возстаютъ и противъ раболѣпнаго подражанія. Но это обновленіе должно пойти по естественному пути на почвѣ національной культуры. Но напомнимъ еще разъ, что литературная критика декабристовъ была не столько чисто литературной, сколько общекультурной: тѣ пожеланія, которыя они возлагали на литературу, относились къ общему культурному строю всего народа.

Животворящее чувство любви къ родинѣ побуждало декабристовъ къ культурной и политической работѣ на пользу ея. „Слава Россіи", въ какой бы формѣ она ни выражалась, служила цѣлью ихъ дѣятельности. Это особенно замѣтно на тѣхъ изъ декабристовъ, которые посвятили себя литературной дѣятельности. Литературная дѣятельность Александра и Николая Бестужевыхъ, Рылѣева, Кюхельбекера, Корниловича выдѣляется тѣми гражданскими или національными мотивами, которыми она проникнута. Это первые писатели, или почти первые, которые призывали русскую литературу къ само-

---

[1]) Бороздинъ, т. I, 189; Ивановъ, тамъ же, 444.

стоятельности и самодѣятельности: національная русская литература была ихъ мечтою и составляла предметъ ихъ гордости. Уже современники замѣтили эту сторону въ литературной дѣятельности декабристовъ. Одинъ изъ нихъ такъ говоритъ объ Александрѣ Бестужевѣ и его сотоварищахъ: „Его заслуги важны для нашей словесности. До него наши молодые поэты были въ какомъ-то раздѣленіи; возникающій отъ любви къ отечественному (взглядъ), хотя изрѣдка, начиналъ уже пробиваться, но они дѣйствовали безъ всякихъ видовъ и только тѣшились сами собою. Бестужевъ первый привелъ ихъ къ одному алтарю, показалъ имъ благороднѣйшую цѣль: славу Россіи, и средство: пламенную любовь къ родинѣ и знаніе старины. Но „Полярная звѣзда“ скоро закатилась. Бестужевы, Рылѣевъ, Корниловичъ, Кюхельбекеръ—сколько надеждъ погибло“ [1]).

Когда рѣчь идетъ объ отношеніи декабристовъ къ родинѣ и объ ихъ гражданскихъ чувствахъ, то на первомъ планѣ является фигура Рылѣева, поэта-гражданина. Онъ могъ съ полнымъ правомъ сказать о себѣ, о своей общественной и поэтической дѣятельности:

Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
  Любовь къ общественному благу!
Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ [2]),
  Тотъ славы требуетъ, не проситъ!

Какъ бы въ параллель приведенной собственной характеристикѣ поэта мы встрѣчаемъ въ извѣстныхъ воспоминаніяхъ Николая Бестужева такую схему развитія

[1]) Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 гг., письмо А. П. Бочкова, 30 октября 1823 г., „Русская Старина“, 1889, іюль, 113.

[2]) В. Якушкинъ, „Изъ литературной дѣятельности двадцатыхъ годовъ“, „Вѣстникъ Европы“, ноябрь, 1888, 216.

политическаго міросозерцанія Рылѣева: „Всѣ дѣйствія жизни Рылѣева,—пишетъ онъ,—ознаменованы были печатью любви къ отечеству; она проявлялась въ разныхъ видахъ: сперва сыновнею привязанностью къ родинѣ, потомъ негодованіемъ къ злоупотребленіямъ и, наконецъ, развернулась совершенно въ желаніи ему свободы. Въ „Думахъ“ его мы видимъ жаркое желаніе внушить въ другихъ ту же любовь къ своей землѣ, ко всему народному; привязать вниманіе къ дѣяніямъ старины; показать, что и Россія богата примѣрами для подражанія, что сіи примѣры могутъ равнять ее съ великими образцами древности. Въ сатирѣ на Временщика открывается все презрѣніе къ почестямъ и власти Аракчеева“ [1]).

Поэзія Рылѣева со стороны ея гражданскихъ мотивовъ служила предметомъ многократныхъ изученій изслѣдователей. На ней намъ нѣтъ нужды останавливаться въ виду общеизвѣстности мотивовъ поэзіи Рылѣева. Для нашей цѣли достаточно напомнить о нихъ лишь въ нѣсколькихъ штрихахъ.

Литературная критика уже давно опредѣлила мѣсто К. Ф. Рылѣева среди современныхъ ему литераторовъ. Его талантъ съ чисто-художественной точки зрѣнія уступаетъ такому мощному генію, какъ Пушкинъ и вообще не можетъ быть признанъ особенно крупнымъ. Но если Рылѣеву недоставало силы поэтической мысли, если въ формѣ изложенія онъ далеко не всегда достигалъ истинной поэтической красоты, то зато его поэзія по основной своей мысли, по цѣльности гражданскаго міросозерцанія поэта представляетъ собою выдающійся интересъ. Произведенія Рылѣева не отличаются тщательностью отдѣлки, можетъ-быть, онъ слишкомъ торопливо выпускалъ ихъ въ свѣтъ. Но послѣднія его произведенія отличаются уже бо̀льшимъ совершенствомъ отдѣлки. Поэтому можно согласиться съ Николаемъ Бестужевымъ, что

---

[1]) „Девятнадцатый вѣкъ“ Бартенева, кн. I-я, 338.

„опытность на литературномъ поприщѣ, очищенныя понятія и большая разборчивость подарили бы насъ произведеніями совершеннѣйшими“.

Достоинство сочиненій Рылѣева состоитъ въ силѣ чувства. Это чувство однообразно, но отличается высотой, выгодно выдѣляющей Рылѣева не только изъ сонма тогдашнихъ второстепенныхъ поэтовъ, но даже и въ сравненіи съ самимъ Пушкинымъ: это чувство—стремленіе къ общественному благу. Поэзія Рылѣева является отраженіемъ его міросозерцанія. „Гражданскіе мотивы,— говоритъ одинъ изслѣдователь, — не являются въ этой поэзіи какой-то прописной моралью, нравоучительной тенденціей, они истекаютъ изъ самыхъ нѣдръ чувства“[1]). Извѣстна зависимость думъ Рылѣева отъ произведеній польскаго поэта Нѣмцевича. Но литературная критика выяснила многія преимущества русскаго поэта. Рылѣевъ воспользовался идеею думъ Нѣмцевича, даже мотивомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; но онъ вложилъ въ нихъ свое содержаніе; взявъ форму, онъ оживилъ ее силою собственнаго чувства. „Подражатель по виду, онъ на самомъ дѣлѣ является въ „Думахъ“ поэтомъ самостоятельнымъ“, говоритъ г. Сиротининъ. Рылѣевъ превосходитъ своего польскаго современника, такого же народолюбца, силою чувства, непоколебимостью нравственнаго убѣжденія, энергіи въ проповѣди, о любви къ родинѣ и гражданскаго чувства. „Какъ бы строго ни судить „Думы“ Рылѣева,— говоритъ тотъ же г. Сиротининъ,— на нихъ несомнѣнно лежитъ печать дара Божьяго. Несмотря на всю ихъ слабость съ художественной точки зрѣнія, повсюду свѣтятся задатки истиннаго поэтическаго дарованія“. Эта искра Божья, которой проникнуты произведенія Рылѣева вообще и въ частности его „Думы“, заключается въ цѣльности нравственной идеи. „Будь человѣкъ

---

[1]) А. К. Бороздинъ, „Поэтъ гражданской скорби двадцатыхъ годовъ“, Литературныя характеристики. „Девятнадцатый вѣкъ“, т. I, 187.

для человѣка", — такъ опредѣляетъ поэзію Рылѣева г. Сиротининъ. Человѣкъ—вотъ что прежде всего привлекаетъ Рылѣева. Истинно-человѣческое есть для него и истинно-нравственное, и онъ ищетъ его не въ одномъ какомъ-нибудь кругу, но вездѣ и повсюду, гдѣ ни находитъ, въ самоотверженномъ ли поступкѣ отважной жены, ради мужа идущей въ добровольную ссылку (Наталья Долгорукова), въ идеальномъ ли образѣ поэта-гражданина, „съ улыбкой говорящаго царямъ правду" (Державинъ), или въ героическомъ подвигѣ Домнинскаго, полагающаго животъ свой за царя и отечество (Иванъ Сусанинъ). Онъ повсюду воспѣваетъ его въ исполненныхъ воодушевленія стихахъ, воспитывая въ читателяхъ убѣжденіе въ торжествѣ нравственнаго закона, въ томъ, что правда не пропадетъ, что рано или поздно „злодѣйство приметъ воздаяніе". Обще-нравственныя требованія Рылѣевъ имѣетъ въ виду прежде всего, но освѣщаемыя не примѣрами и случаями изъ частной жизни, а на широкомъ полѣ общественныхъ отношеній; нравственныя правила не только воспитываютъ въ дѣтяхъ понятіе о домѣ, но и вкореняютъ въ нихъ любовь къ отечеству, убѣжденіе, что они сыны одной великой семьи и что обязаны всецѣло посвящать себя благу отчизны. Истинно-нравственный человѣкъ не можетъ не любить родины, но любящій родину можетъ любить и неразумно и не быть человѣкомъ нравственнымъ. Народное у Рылѣева поставлено въ надлежащія границы" [1]).

Для историковъ поэзія Рылѣева имѣетъ особый интересъ. Она служитъ показателемъ настроеній не одного Рылѣева: въ ней, какъ въ фокусѣ, сошлось настроеніе цѣлаго круга людей, выразительнымъ пѣвцомъ котораго является Рылѣевъ. Гражданская скорбь, проникавшая въ произведеніи Рылѣева, была присуща всему кружку

---

[1]) Сиротининъ, „Рылѣевъ и Нѣмцевичъ", „Русскій Архивъ", 1898, кн. I, 74—81.

декабристовъ, и мотивы ея иногда почти детально совпадаютъ съ тѣми показаніями, которыя давали декабристы на слѣдствіи.

Вся поэзія Рылѣева является поэзіей поэта-гражданина. Она составляетъ замѣчательное явленіе для того періода, когда общество въ его основной массѣ было мало склоннымъ и къ проявленію гражданскихъ чувствъ и къ заботамъ о гражданскомъ благѣ. Между тѣмъ Рылѣевъ проникнутъ стремленіемъ къ общественному благу, на первомъ планѣ ставитъ „санъ гражданина" и призываетъ соотечественниковъ къ гражданской дѣятельности. Присматриваясь къ тѣмъ идеаламъ, которые выдвигаетъ Рылѣевъ, въ нихъ можно оттѣнить, какъ поэтъ постепенно ихъ расширяетъ: неопредѣленное стремленіе къ общественному благу, любовь къ родинѣ постепенно развиваются въ призывъ къ свободѣ и къ борьбѣ съ тираномъ.

Поэтъ не разъ заявляетъ, что весь онъ проникнутъ стремленіемъ къ общественному благу: „Но къ благу общему дыша, къ нему отъ дѣтства я прикованъ; къ нему летитъ моя душа, его пою на звучной лирѣ"...

Такъ говоритъ поэтъ въ посланіи къ Ѳедору Глинкѣ. Въ дѣятельности каждаго отдѣльнаго лица поэтъ прежде всего требуетъ, чтобы проявлялось то же стремленіе къ общественному благу. Въ одѣ „Гражданское мужество" поэтъ прославляетъ Мордвинова—„дивнаго великана", который давитъ „сильною пятой коварную несправедливость". „Мужество гражданъ" является даромъ благихъ небесъ, матерью героевъ, прославившимъ Катоновъ.

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ вражду, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
Не погасали въ ихъ сердцахъ

Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ:
Они благотворили имъ
И тамъ на стыдъ Ареопагу.

Поэтъ не разъ признаетъ, что онъ лично весь полонъ такимъ стремленіемъ къ общественному благу:

Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу.

Оттого и свою поэзію Рылѣевъ разсматривалъ, какъ одинъ изъ актовъ гражданской дѣятельности, заявляя въ посланіи къ Бестужеву: „Я не поэтъ, а гражданинъ".

Рылѣевъ нѣсколько разъ касается программныхъ вопросовъ о томъ, что нужно для общественнаго блага. Наиболѣе извѣстнымъ его стихотвореніемъ, отвѣчающимъ на этотъ вопросъ, является ода „на день тезоименитства юнаго великаго князя Александра Николаевича" (1823 годъ). Устами Екатерины Великой поэтъ наставляетъ младенца, будущаго царя, что нужно для царя:

Люби народъ, чти власть закона;
Учись заранѣ быть царемъ.

Царь долженъ „благотворить" народу, своими дѣлами искать его любви, дать „просвѣщенные уставы" и возвышать „не блескъ пустой и не породу, а дарованія":

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный,
Неправосудье — истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданиномъ для гражданъ;

Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори —
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари.

Эта общая тенденція о преимуществахъ гражданской дѣятельности царя сравнительно съ военной сказывается и въ другихъ произведеніяхъ Рылѣева. Въ думѣ „Ольга при могилѣ Игоря“ устами великой княгини Ольги въ наставленіи своему сыну Святославу поэтъ говоритъ:

Отецъ будь подданнымъ своимъ
И болѣ князь, чѣмъ воинъ;
Будь другъ своихъ, гроза чужимъ —
И жить въ вѣкахъ достоинъ.

Честный гражданинъ обязанъ бороться всею силою съ противогражданскими явленіями въ государствѣ. Въ одѣ „Державинъ“ Рылѣевъ прославляетъ высокія гражданскія качества поэта, который „пѣлъ и славилъ Русь святую“, который „выше всѣхъ на свѣтѣ благъ общественное благо ставилъ“. Такой гражданинъ долженъ быть твердымъ, не раболѣпствовать, кипѣть враждой къ неправдѣ:

Ярмо гражданъ его тревожитъ;
Какъ вольный славянинъ душой,
Онъ раболѣпствовать не можетъ.
Повсюду твердъ, гдѣ бъ ни былъ онъ,
Наперекоръ судьбѣ и року,
Повсюду честь ему законъ,
Вездѣ онъ явный врагъ пороку.

Гражданскія чувства должны быть настолько сильны, что должны заглушать въ человѣкѣ всѣ соображенія личнаго характера. Они должны быть проявляемы и тогда, когда гражданину угрожаетъ смерть:

На эшафотѣ и предъ трономъ.

Наиболѣе извѣстнымъ въ этомъ отношеніи стихотвореніемъ Рылѣева является дума „Волынскій“. Здѣсь поэтъ характеризуетъ качества, которыми долженъ отличаться гражданинъ.

Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья.
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій, безъ боязни.

Гражданинъ долженъ съ сильными въ борьбѣ за родину и за свободу жертвовать личными выгодами и даже жизнью:

Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

Уже изъ предыдущаго видно, что Рылѣевъ на первомъ планѣ ставитъ любовь къ родинѣ и къ свободѣ. Рылѣевъ былъ патріотомъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ значеніи этого понятія. Свобода родины представляетъ собою тотъ культъ, которому служитъ поэтъ. Мѣста его стихотвореній, въ которыхъ онъ касается любви къ родной странѣ, дышутъ высокимъ поэтическимъ вдохновеніемъ. Лучшія мѣста поэмы „Войнаровскій" тѣ, въ которыхъ изгнанникъ говоритъ о своей родинѣ, объ ея свободѣ и величіи. Для Войнаровскаго единственнымъ утѣшеніемъ въ изгнаніи служитъ воспоминаніе о Мазепѣ; ему все думалось, что, можетъ-быть, и онъ, житель далекаго сѣвера, еще можетъ быть полезенъ для своей родины. Онъ говоритъ о Мазепѣ:

Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Дѣлами истинно великъ.
Но онъ достоинъ укоризны —
Сограждан сам онъ погубилъ:

Онъ торжество враговъ отчизны
Самоубійствомъ утвердилъ...
Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
Мнѣ бъ смерть отрадою была,
Но жизнь и смерть я презираю...
Мнѣ надо жить: еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ;
Еще, быть-можетъ, другъ народа
Спасетъ несчастныхъ земляковъ,
И, достояніе отцовъ,
Воскреснетъ прежняя свобода...

Высокимъ поэтическимъ чувствомъ, трогательною любовью къ родной странѣ проникнута дума „Глинскій“. Брошенный въ темницу въ далекой Московіи, Глинскій въ своей рѣчи къ неотступной своей спутницѣ, своей дочери, повѣствуетъ о поднятомъ имъ возстаніи и терзается воспоминаніемъ о родной странѣ. Смерть его близка, и онъ утѣшается мыслью, что дочь его увидитъ родной край:

Край милый увидишь — и сердца утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь,
И башни, и храмы, и предковъ палаты,
И сердцу святыя гробницы узришь.

Но любовь къ родинѣ налагаетъ и серьезную отвѣтственность. Въ представленіи поэта счастье родины неразрывно связано съ свободой. Онъ всею силою своей души ненавидитъ тиранію. Для своихъ думъ Рылѣевъ избираетъ такіе сюжеты русской исторіи, которые даютъ ему возможность воспѣть преимущественно моменты борьбы за родину и за свободу. Очевидно, поэтъ далеко не довольствуется проявленіемъ такого гражданскаго мужества, которое вѣщаетъ правду царю „въ странѣ самодержавья“. Катоны необходимы въ странѣ, подчиненной самодержавному владыкѣ, но граждане должны добиваться свободы и правъ. Очевидно, поэта не удовлетворяетъ и совѣтъ царю любить правду, чтить законы, быть гражданиномъ для гражданъ. Назначеніе думъ

Рылѣева можетъ быть опредѣлено характеристикой той цѣли, съ какой Рогнѣда излагаетъ для своего сына Рогволода повѣствованіе о своей судьбѣ:

Пускай оно въ груди младой
Зажжетъ къ дѣламъ великимъ рвенье,
Любовь къ странѣ твоей родной
И къ притѣснителямъ презрѣнье...

Не забудемъ, что всѣ стихотворенія Рылѣева предназначались для печати, находившейся подъ гнетомъ тогдашней цензуры. Можетъ-быть, это обстоятельство побуждало Рылѣева избирать такія темы, которыя давали возможность ему призывать къ борьбѣ съ тиранами, не навлекая на себя цензурныхъ гоненій. Впрочемъ, это обстоятельство гармонировало съ любовью Рылѣева къ родной странѣ: Рылѣевъ еще вѣрилъ въ силу вѣчевого колокола. Въ думѣ „Дмитрій Донской" поэтъ влагаетъ своему герою такой призывъ къ войску:

Летимъ — и возвратимъ народу
Залогъ блаженства чуждыхъ странъ:
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ.
Туда — за Донъ... Настало время.
Надежда наша — Богъ и мечъ.
Сразимъ монголовъ и какъ бремя
Ярмо Мамая сбросимъ съ плечъ.

И войска отвѣчаютъ своему вождю:

Къ врагамъ! За Донъ!—вскричали войски.—
За вольность, правду и законъ!

Такъ и въ думѣ „Богданъ Хмѣльницкій" казацкій вождь призываетъ своихъ друзей къ борьбѣ за родину во имя свободы:

За мной, чью грудь волнуетъ месть,
Кто рабству смерть предпочитаетъ,
Кому всего дороже честь.

И далѣе поэтъ съ теплотой описываетъ результаты той свободы, которой добились украинскіе казаки подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго:

И воцарилася свобода
Съ тѣхъ поръ въ украинскихъ степяхъ,
И стала счастіемъ народа
Цвѣсть радость въ селахъ и градахъ!

По силѣ поэтическаго паѳоса наибольшаго вниманія заслуживаетъ прекрасный отрывокъ неоконченной поэмы „Наливайко", которую имѣлъ въ виду поэтъ посвятить памяти знаменитаго вождя Украйны. „Исповѣдь Наливайки" написана въ 1825 году, когда поэтъ усиленно готовился самъ и побуждалъ своихъ друзей къ борьбѣ за свободу противъ тираніи. Временемъ написанія объясняются и вдохновенные стихи, говорящіе о смерти за родину и свободу. Призывая къ борьбѣ, Рылѣевъ мало надѣялся на счастливый ея исходъ: онъ какъ бы предчувствовалъ свою собственную участь и участь товарищей, но въ борьбѣ съ тираніей онъ видѣлъ исполненіе гражданскаго долга. „Исповѣдь Наливайки" отражаетъ настроеніе поэта въ послѣдніе годы его жизни:

„Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ! Слова напрасны:
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный...
Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу —
Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія сарматовъ
Я на душу принять готовъ.
Итакъ, ужъ не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Мнѣ адъ — Украйну зрѣть въ неволѣ,
Ее свободной видѣть — рай!..
Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;
Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда, объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;

Уже въ стихотвореніи „На смерть Чернова“ (1825 г.) поэтъ очень прозрачно призываетъ къ борьбѣ съ временщикомъ и тираномъ, которые ненавидятъ Святую Русь.

Клянемся честью и Черновымъ,
Вражда и брань временщикамъ,
Царей трепещущимъ рабамъ,
Тиранамъ, насъ угнесть готовымъ.

Въ этотъ періодъ поэтъ весь отдался мысли объ исполненіи своего гражданскаго долга. Въ одномъ очень маленькомъ стихотвореніи, обращенномъ къ его женѣ, поэтъ заявляетъ, что не желаетъ ея любви: подруга поэта чужда его бурныхъ чувствъ, она прощаетъ врагамъ, между тѣмъ, какъ поэтъ горитъ мщеніемъ. Онъ мечтаетъ о войнѣ за свободу родины:

Лишь временно кажусь я слабъ;
Движеніемъ души владѣю,
Не христіанинъ и не рабъ,
Прощать обидъ я не умѣю.
Мнѣ не любовь теперь нужна.
Занятья нужны мнѣ иныя,
Отрадна мнѣ одна война,
Однѣ тревоги боевыя.
Любовь никакъ нейдетъ на умъ.
Увы! Моя отчизна страждетъ;
Душа въ волненьи тяжкихъ думъ
Теперь одной свободы жаждетъ.

Но интересно отмѣтить, что среди этихъ призывовъ звучитъ полная увѣренность въ несчастливомъ исходѣ борьбы. Поэтъ какъ бы предвидѣлъ свою кончину, но смерть за народъ воспламеняла поэта. Въ думѣ „Волынскій“ поэтъ съ восторгомъ говоритъ о славной кончинѣ за народъ:

Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной.

Славна кончина за народъ!
Пѣвцы, герою въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянья.

Рылѣевъ какъ бы предвидитъ возможность пролитія потоковъ крови, но признаетъ, что иной исходъ невозможенъ, что необходимо поднять войну за край родной. Въ одномъ высокопоэтическомъ молитвенномъ обращеніи къ Богу, Рылѣевъ исповѣдуетъ свои чувства:

Я не виновенъ, Боже правый,
Когда здѣсь хлынетъ кровь рѣкой;
Войну воздвигъ я не для славы,
Я поднялъ мечъ за край родной [1]).

Но всѣ эти жертвы нужны во имя народныхъ правъ, во имя безсмертной любви къ родинѣ. Въ одномъ отрывкѣ неоконченной поэмы Рылѣевъ такъ выражаетъ свою мысль:

Давно ли
Казакъ съ печали увядалъ,
Стоналъ и подъ ярмомъ неволи
Въ себѣ всѣ чувства подавлялъ?
Возьмутъ свое права природы;
Безсмертна къ родинѣ любовь,
Раздастся гласъ святой свободы,
И рабъ проснется къ жизни вновь [2]).

Вотъ почему Рылѣевъ призываетъ къ борьбѣ за свободу. Этотъ призывъ иногда отливается въ его стихахъ съ особенной мощью. Приведемъ еще отрывокъ, пѣснь сторонниковъ Мазепы, которыхъ побудила къ возстанію любовь къ родинѣ.

Съ самопаломъ и булатомъ,
Съ пылкой храбростью въ сердцахъ,
Смѣло, други, братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ коняхъ!

---

[1]) „Вѣстникъ Европы". „Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ", И. Д. Якушкина, ноябрь, 1888 г., стр. 589.

[2]) „Вѣстникъ Европы". „Изъ исторіи литературы XX годовъ". Новые матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева. Якушкинъ, стр. 586—537.

Смѣло грянемъ за свободу,
Оградивъ себя крестомъ!
Возвратимъ права народу
Иль со славою умремъ!
Пусть гремящей, быстрой славой
Разнесетъ вездѣ молва,
Что мечомъ въ битвѣ кровавой
Пріобрѣлъ казакъ права [1])!

Истинной поэзіей проникнуты мечты Рылѣева о родинѣ и ея свободѣ. Онъ облекалъ свою мысль въ стихи. Но другіе его сотоварищи переживали тѣ же чувства, ту же пламенную любовь и тоже готовы были умереть для пользы отечества. Приведемъ еще характерный отрывокъ изъ письма Каховскаго, такого же пламеннаго патріота: „Не о себѣ хочу говорить я, но о моемъ отечествѣ, которое, пока не остановится біеніе моего сердца, будетъ мнѣ дороже всѣхъ благъ міра и самаго неба... Я за первое благо считалъ не только жизнью,— честью жертвовать пользѣ моего отечества. Умереть на плахѣ, быть растерзану и умереть въ самую минуту наслажденія, не все ли равно. Но что можетъ быть слаще, какъ умереть, принеся пользу. Человѣкъ, исполненный чистотой, жертвуетъ собой не съ тѣмъ, чтобы заслужить славу, строчку въ исторіи, но творитъ добро для добра безъ возмездія. Такъ думалъ я, такъ и поступалъ. Увлеченный пламенной любовью къ родинѣ, страстью къ свободѣ, я не видалъ преступленія для блага общаго. Для блага отечества я готовъ бы былъ и отца моего принести въ жертву. Согрѣтъ пламенной любовью къ отечеству: одна мысль о пользѣ онаго питаетъ душу мою. Я прихожу въ раздраженіе, когда воображаю себѣ всѣ бѣды, терзающія мое отечество“ [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 581—582.
[2]) Петръ Григорьевичъ Каховскій, „Былое“, 1906 г., январь, стр. 141.

II.

Отношеніе къ самодержавію.

Итакъ, въ міросозерцаніи декабристовъ, во всемъ ихъ душевномъ складѣ отражалась горячая любовь къ родинѣ, настойчивое стремленіе подвизаться для ея блага, желаніе принести себя въ жертву, если интересы отечества того потребуютъ. Декабристы выработали идеалъ при которомъ, по ихъ мнѣнію, Россія можетъ быть счастлива. Для однихъ такое счастіе можетъ наступить при конституціонномъ образѣ правленія, въ представленіи другихъ такой формой должна быть республика, ибо они не довѣряли обѣщаніямъ монарховъ. По словамъ Пестеля, онъ находилъ „неоспоримыя доказательства въ прочности монархическихъ конституцій и полныя достаточныя причины къ недовѣрчивости къ истинному согласію монарховъ на конституціи, ими принимаемыя“ [1]). „Монархъ,—пояснялъ Пестель,—мѣняетъ конституцію какъ тарифъ, потому что онъ всегда питаетъ враждебныя чувства къ ней“ [2]). По мнѣнію Матвѣя Муравьева, нельзя даже „вѣрить присягѣ тирана“ [3]). Это были уже крайнія мнѣнія. Но во всякомъ случаѣ, къ какому бы заключенію ни приходили тѣ или другіе члены Тайнаго Общества, ясно, что они должны были вступить въ борьбу съ главнымъ препятствіемъ, которое встрѣчалось на пути къ достиженію цѣли, ими намѣчаемой. На этомъ пути стояло русское самодержавіе. Очень понятно, что оно составляло предметъ ненависти декабристовъ, объектъ ихъ борьбы. Лунинъ говоритъ въ позднѣйшихъ своихъ запискахъ, что Тайное Общество обнаружило „самимъ существованіемъ своимъ и

---

[1]) „Былое“, 1906, февраль, 138.

[2]) Дѣло № 5, показанія Бригена.

[3]) „Мемуары декабристовъ“, вып. I, 92.

общностью своихъ стремленій, что самодержавіе не соотвѣтствуетъ уже настоящему положенію народа и что правительство, основанное на законахъ справедливости и разума, одно въ состояніи поднять его на степень, указанную ему въ семьѣ народовъ образованныхъ" [1]).

Самодержавіе являлось тою силою, въ борьбѣ съ которой они готовились положить свою жизнь. Рылѣевъ не разъ призываетъ къ этой борьбѣ.

Нѣтъ, нѣтъ невольники не въ силахъ
Пылать огнемъ высокихъ думъ;
Не кровь—вода течетъ въ ихъ жилахъ,
Ихъ чувства спятъ, ихъ дремлетъ умъ.
Нѣтъ примиренья, нѣтъ условій
Между тираномъ и рабомъ:
Тутъ надо не чернилъ, а крови,
Намъ должно дѣйствовать мечомъ [2]).

Такая форма власти представлялась декабристамъ въ самомъ мрачномъ видѣ. Раевскій изъ тюрьмы въ своемъ посланіи къ Пушкину совѣтуетъ своему другу оставить воспѣваніе любви:

Оставь другимъ пѣвцамъ любовь:
Любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь,
Гдѣ катъ съ насмѣшкой и улыбкой
Терзаетъ насъ кровавой пыткой [3]).

Въ многочисленныхъ своихъ разговорахъ съ сотоварищами Рылѣевъ не иначе называлъ монархическую власть, какъ „тиранскою" и старался вселить къ ней ненависть [4]). Въ этомъ отношеніи очень интересно введеніе въ конституцію, найденную въ бумагахъ кн. Трубецкого (это собственно одна изъ редакцій конституціи Никиты Муравьева), объясняющее причины отмѣ-

---

[1]) Взглядъ на Тайное Общество въ Россіи (1816—1826). С. Лунина, „Полярная Звѣзда", 1859, 5, стр. 233.

[2]) Якушкинъ, Матеріалы для біографіи Рылѣева, „Вѣстникъ Европы", стр. 589.

[3]) „Русская Старина", 1890 г., т. 66, стр. 368.

[4]) Разсказъ Булатова, „Мемуары декабристовъ", вып. I, 225.

ны самодержавной власти. „Опытъ всѣхъ народовъ,—говорится здѣсь,—и всѣхъ временъ доказалъ, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и общества, что она не согласна ни съ правилами святой вѣры нашей, ни съ началами здраваго разсудка. Нельзя допустить основаніемъ правительства—произволъ одного человѣка, невозможно согласиться, чтобы всѣ права находились на одной сторонѣ, а всѣ обязанности—на другой. Слѣпое повиновеніе можетъ быть основано только на страхѣ и недостойно ни разумнаго повелителя, ни разумныхъ исполнителей. Государи ссылаются на законы, когда дѣло идетъ о другихъ, и не признаютъ законовъ, когда дѣло касается ихъ самихъ. Тутъ выходитъ несообразность; если они справедливы, то они должны бы подчиняться сами законамъ; если они несправедливы, то имъ не слѣдуетъ подчинять другихъ“ [1]). Конституціонные проекты декабристовъ категорически заявляютъ, что русскій народъ не можетъ быть принадлежностью какого-нибудь лица или семейства.

Но, впрочемъ, слѣдственное дѣло, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, довольно слабо отражаетъ въ себѣ тѣ характеристики самодержавной власти, которыя дѣлались въ средѣ декабристовъ. Наилучшимъ отраженіемъ ихъ взглядовъ служатъ два произведенія, которыя попали въ руки Слѣдственной Комиссіи. Это — катехизисъ Сергѣя Муравьева и „Любопытный Разговоръ“ Никиты Муравьева. Оба произведенія — прокламаціи, составленныя въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Въ „Любопытномъ Разговорѣ“ Никита Муравьевъ такъ говоритъ о самодержавіи (кстати замѣтимъ, что онъ признавъ на слѣдствіи, что указанное произведеніе принадлежитъ ему). Мы приведемъ тѣ вопросы и отвѣты, которые касаются опредѣленія самодержавія:

„Вопросъ. Что значитъ государь самодержавный?“

---

1) „Мемуары декабристовъ“, вып. I, стр. 6

„Отвѣтъ. Государь самодержавный тотъ, который самъ по себѣ держитъ землю, не признаетъ власти разсудка, законовъ Божіихъ и человѣческихъ; самъ отъ себя, т.-е. безъ причины, по прихоти своей властвуетъ“.

„Вопросъ. Кто же установилъ государей самовластныхъ?“

„Отвѣтъ. Никто. Отцы наши говорили: поищемъ себѣ князя, который бы рядилъ по праву, а не самовластно, по своевольству и прихотямъ. Но государи мало-по-малу всякимъ обманомъ присвоили себѣ власть безпредѣльную, подражая ханамъ татарскимъ и султану турецкому“.

„Вопросъ. Не Самъ ли Богъ учредилъ самодержавіе?“

„Отвѣтъ. Богъ во благости Своей не учреждалъ зла“.

„Вопросъ. Отчего же говорятъ: нѣсть власть, аще не отъ Бога?“

„Отвѣтъ. Злая власть не можетъ быть отъ Бога. Всякое древо доброе добрые плоды творитъ, всякое же древо, не приносящее плодовъ добрыхъ, будетъ посѣчено и ввергнуто въ огнь. Хищнымъ волкамъ, въ одеждахъ овечьихъ, пророчествующимъ во имя Господне, мы напомнимъ слова Спасителя: Николи же зналъ васъ; отъидите отъ Меня, дѣлающіе беззаконія“.

„Вопросъ. Есть ли государи самодержавные въ другихъ земляхъ?“

„Отвѣтъ. Нѣтъ, вездѣ самодержавіе считаютъ безуміемъ, беззаконіемъ, вездѣ постановлены непремѣнныя правила или законы“.

„Вопросъ. Не могутъ ли быть постоянные законы при самодержавіи?“

„Отвѣтъ. Самодержавіе, или самовластіе, ихъ не терпитъ; для него нуженъ безпорядокъ и всегдашнія перемѣны“.

„Вопросъ. Почему же самовластіе не терпитъ законовъ?“

„Отвѣтъ. Потому, что государь властенъ дѣлать все, что захочетъ. Сегодня ему вздумается одно, завтра—дру-

гое, а до пользы нашей ему дѣла мало, оттого и пословица: Близъ царя, близъ смерти".

„Вопросъ. Какое было на Руси управленіе безъ самодержавія?"

„Отвѣтъ. Всегда были народныя вѣчи".

Объяснивъ далѣе значеніе народнаго вѣча и способы его собиранія, авторъ „Любопытнаго Разговора", тоже въ вопросахъ и отвѣтахъ, объясняетъ, что причиной паденія вѣча было татарское нашествіе и что дальнѣйшая тиранія татаръ пріучила народъ русскій раболѣпствовать передъ тиранами. Въ противоположность самодержавію и рабству, „Любопытный Разговоръ" развиваетъ понятіе свободы. Богъ даровалъ человѣку свободу. Человѣкъ свободенъ „дѣлать все то, что не вредно другому", это его право. Всѣ люди должны быть свободны. Впрочемъ, малое число людей поработило большее, почему и не всѣ люди свободны. Причина этого заключается въ томъ, что „однимъ пришла несправедливая мысль господствовать, а другимъ—подлая мысль отказаться отъ природныхъ правъ человѣческихъ, дарованныхъ Самимъ Богомъ". Но свободу надлежитъ установить: она покоится на постоянныхъ правилахъ или законѣ, какъ это бывало въ старину на Руси.

Православный катехизисъ Сергѣя Муравьева трактуетъ этотъ вопросъ въ томъ же видѣ. Богъ создалъ человѣка чтобы онъ былъ свободенъ и счастливъ. Безъ свободы счастья нѣтъ. И далѣе объясняется, почему русскій народъ несчастливъ:

„Вопросъ. Для чего же русскій народъ и русское воинство несчастно?"

„Отвѣтъ. Оттого, что цари похитили у нихъ свободу".

„Вопросъ. Стало-быть, цари поступаютъ вопреки волѣ Божіей?"

„Отвѣтъ. Да, конечно. Богъ нашъ рекъ: „Воля въ васъ да будетъ вамъ слуга". А цари тиранятъ только народъ".

„Вопросъ. Должно ли повиноваться царямъ, когда они поступаютъ вопреки волѣ Божіей?“

„Отвѣтъ. Нѣтъ. Христосъ сказалъ: „Не можете Богу работати и маммонѣ“. Оттого-то русскій народъ и русское воинство страдаютъ, что покоряются царямъ“.

„Вопросъ. Что же святый законъ нашъ повелѣваетъ дѣлать русскому народу и воинству?“

„Отвѣтъ. Раскаяться въ долгомъ раболѣпствіи и, ополчась противъ тиранства и нечестія, поклясться: да будетъ всѣмъ единъ Царь на небеси и на земли Іисусъ Христосъ“.

Но Сергѣй Муравьевъ республиканецъ, и поэтому онъ совѣтуетъ „взять оружіе и, низложивъ неправду и нечестіе тиранства, возстановить правленіе, сходное съ закономъ Божіимъ“. Съ закономъ Божіимъ сходно то правленіе, „гдѣ нѣтъ царей“, потому что Богъ создалъ всѣхъ равными. Богъ не любитъ царей. „Они прокляты суть отъ Него, яко притѣснители народа, а Богъ есть человѣколюбецъ“. На вопросъ, что же надо дѣлать христолюбивому россійскому воинству, авторъ катехизиса отвѣчаетъ: „Для освобожденія страждущихъ семействъ своихъ и родины своей и для исполненія святого закона христіанскаго помолиться теплою надеждою Богу, поборающему по правдѣ и видимо покровительствующему уповающимъ твердо на Него, ополчиться всѣмъ вмѣстѣ противъ тиранства и возстановить вѣру и свободу въ Россіи. А кто отстанетъ, тотъ яко Іуда-предатель будетъ анаѳема, проклятъ“.

Таковъ кульминаціонный пунктъ, къ которому подошли декабристы, отправляясь отъ критики существующаго порядка.

III.

Предварительныя замѣчанія о конституціонныхъ проектахъ.

Чрезъ все міровоззрѣніе декабристовъ красною нитью проходитъ одна черта — именно крайне отрицательное отношеніе къ современному имъ государственному и общественному строю. Въ самомъ дѣлѣ, если бы нѣкоторые изъ нихъ могли бы примириться съ привилегіями дворянскаго класса, то во всякомъ случаѣ никто изъ нихъ не мирился съ рабствомъ крестьянъ и съ основой государственнаго строя — съ самодержавнымъ режимомъ. Это отрицательное отношеніе не является плодомъ мимолетнаго увлеченія. Совершенно несправедливо было бы въ немъ видѣть простое подражаніе теченіямъ западно-европейской мысли. Въ предшествующемъ изложеніи достаточно ясно доказано, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ высокой культурной средой, совершенно сознательно относящейся къ явленіямъ какъ русской, такъ и западно-европейской жизни. Изъ того факта, что эта среда состояла изъ людей, получившихъ широкое западно-европейское образованіе, также никоимъ образомъ не можетъ быть сдѣланъ выводъ, что именно подъ вліяніемъ чтенія и образованія въ этой средѣ сложилась увѣренность въ необходимости революціонной дѣятельности. Но дѣло въ томъ, что тогдашнее образованіе, и въ особенности политико-юридическое, было почти исключительно французскимъ. Слѣдовательно, политическая мысль, въ какой бы странѣ она въ то время ни работала, естественно въ то время опиралась на этотъ источникъ политической и научной мысли. Такимъ образомъ, этотъ источникъ былъ общимъ и для мыслящей части русскаго общества. Да и вообще наука того времени была интернаціональнымъ достояні-

емъ. Если декабристы обращались къ этому источнику, ища образованія и опоры въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ, то тутъ, повторяемъ, не было увлеченія. Напротивъ, это только указываетъ на то, что данная среда серьезно относилась къ дѣлу.

Русская государственная и общественная жизнь представляла для наблюдательнаго человѣка того времени множество самыхъ рельефныхъ доказательствъ непригодности тогдашняго государственнаго строя. Для этого вовсе и не нужно было знакомства съ западно-европейскими конституціями или съ парламентскимъ режимомъ. А декабристы именно были людьми, которые очень внимательно наблюдали окружающую жизнь. Могутъ возразить, что они начали наблюдать эту жизнь уже послѣ знакомства съ западно-европейской жизнью. Разумѣется, человѣкъ того времени не могъ не знать о борьбѣ за свободу во Франціи или въ Германіи. Но знать о борьбѣ за свободу и рѣшимость самому вступить въ борьбу съ правительствомъ, это — явленія, одно съ другимъ непосредственно не связанныя. Намъ удалось привести рядъ убѣдительныхъ доказательствъ того, что революціонная мысль, сознаніе необходимости революціонной борьбы, развивалась совершенно независимо отъ какой-либо сторонней агитаціи. Это было отраженіе непосредственнаго чувства сознанія человѣческаго достоинства и высокаго патріотизма.

Въ самомъ дѣлѣ, какую бы сторону тогдашней государственной жизни ни взять и если бы взвѣсить отношеніе къ ней декабристовъ, то въ критикѣ ихъ мы встрѣтимъ мѣткіе штрихи. Были, конечно, явленія, очевидныя для всего тогдашняго общества, въ родѣ Аракчеевскаго режима, военныхъ поселеній и т. п. Но въ ряду явленій государственной жизни были и такія, подмѣтить которыя было не такъ просто. Въ критикѣ декабристовъ мы, напримѣръ, встрѣчаемъ отчетливое представленіе отрицательныхъ сторонъ административнаго механизма

какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго, должную оцѣнку экономическихъ мѣропріятій правительства и т. п. Наконецъ нужно было высокое развитіе гражданскихъ понятій для того, чтобъ отречься отъ такого явленія, какъ крѣпостное право.

Все міросозерцаніе декабристовъ проникнуто чувствомъ глубокой любви къ родинѣ и стремленіемъ доставить ей свободу, доставить ей политическое и матеріальное благополучіе. Пусть потомство указываетъ на недостатки декабристовъ, пусть указываютъ тѣ или иныя отрицательныя черты личныхъ качествъ того или другого лица; можно указать на рядъ, можетъ-быть, не вполнѣ симпатичныхъ сторонъ въ дѣятельности Тайнаго Общества, но никогда нельзя отнять у нихъ того, что ихъ стремленія исходили изъ теплаго чувства любви къ отечеству, изъ высокихъ патріотическихъ побужденій, изъ любви къ обездоленной братіи. Въ ихъ стремленіяхъ нѣтъ эгоизма: это вѣдь люди, которыхъ житейское благополучіе именно при самодержавномъ режимѣ могло бы быть удовлетворено наилучшимъ образомъ: для честолюбивыхъ эгоистическихъ цѣлей такой режимъ могъ представить все, особенно для лицъ, уже и безъ того выдававшихся по своему происхожденію, связямъ и служебному положенію.

Въ конечномъ итогѣ идеалъ декабристовъ сводится къ простому выводу: самодержавіе есть тиранія; никакое улучшеніе государства при такомъ образѣ правленія невозможно. Для того, чтобы двинуть государство по пути прогресса, необходимо первоначально низвергнуть тиранію. Для этого существуетъ одинъ путь—путь революціонной борьбы; но къ революціи надо долго подготовляться, надо подготовить и революціонеровъ и широкіе круги общества, вообще еще малокультурнаго.

Правда, на такую точку зрѣнія, во всемъ ея объемѣ, декабристы стали не сразу. Тайное Общество начало складываться къ концу 1816 года, т.-е. въ то время,

когда еще вѣрили послѣднимъ либеральнымъ завѣреніямъ Александра I. Казалось, само правительство готово вступить на путь свободнаго развитія страны. Со стороны либерально настроенной части общества было бы вполнѣ естественно поддержать правительство на этомъ пути. Но скоро стало ясно, что либеральныя завѣренія заканчиваются самымъ тяжелымъ режимомъ. Усиленіе реакціи совпадаетъ съ рѣшеніемъ членовъ Тайнаго Общества, не надѣясь на правительство, подготовить переворотъ революціоннымъ путемъ.

Съ внѣшней стороны развитіе Тайнаго Общества шло такимъ путемъ. Къ концу 1816 года складывается Союзъ Спасенія. Но онъ продолжалъ свое существованіе недолго и уже въ слѣдующемъ году это общество приняло новый уставъ и съорганизовалось подъ именемъ Союза Благоденствія. Въ началѣ 1821 года этотъ Союзъ былъ закрытъ членами Общества, какъ въ виду разногласій, возникшихъ въ его средѣ, такъ и потому, что собравшіеся въ Москвѣ на съѣздъ представители Союза узнали, что правительство освѣдомлено о существованіи Общества. Закрытіе Союза Благоденствія было чисто внѣшнимъ актомъ. Колебавшіеся члены получили возможность отстать отъ Тайнаго Общества. Но зато болѣе убѣжденные получили возможность, не будучи стѣсняемы умѣренными членами, приступить къ болѣе интенсивной политической работѣ. Дѣйствительно, вслѣдъ за тѣмъ подъ вліяніемъ Пестеля въ Тульчинѣ возобновляется Тайное Общество. Годъ спустя положено основаніе возобновленію Общества въ Петербургѣ. Теперь возникло два самостоятельныхъ общества, Южное и Сѣверное. Но въ основѣ своей оба общества состоятъ изъ тѣхъ же членовъ, которые были основателями Союза Спасенія и Союза Благоденствія. Это, такъ сказать, основныя общества. Но параллельно съ Союзомъ Спасенія и съ Союзомъ Благоденствія возникали и другія тайныя общества, имѣвшія, впрочемъ, непродолжительное

существованіе и сливавшіяся съ основными обществами.

Это—внѣшняя сторона развитія тайныхъ обществъ. Съ момента своего зарожденія Тайное Общество ставило двѣ цѣли своего существованія. Во-первыхъ, подготовительную дѣятельность къ переходу Россіи къ представительному образу правленія, во-вторыхъ, широкія культурныя задачи для подготовки различныхъ слоевъ русскаго общества къ воспріятію мысли о необходимости перехода Россіи къ конституціонной формѣ правленія. Такая постановка дѣла видна уже въ уставѣ Союза Спасенія, особенно сильное развитіе получила въ уставѣ Союза Благоденствія. Сѣверное Общество восприняло ту же мысль, но Южное не ставило своей задачей подготовительную дѣятельность, ибо оно видѣло спасеніе Россіи въ скорѣйшемъ переворотѣ. Это соединеніе двухъ задачъ чрезвычайно любопытно. Оно указываетъ, что декабристы далеки были отъ мысли насильственно навязать государству конституцію, почему и стремились заранѣе поднять культурный уровень населенія, расширить въ его средѣ просвѣщеніе и путемъ убѣжденія вселить въ немъ увѣренность въ преимуществахъ конституціонной формы правленія. Постановка такой задачи, характеризуя отношеніе къ дѣлу самихъ декабристовъ, весьма интересна. Но само собой разумѣется, что такая задача очень обширна по своему объему и невыполнима для небольшой группы членовъ Тайнаго Общества; она выполняется въ теченіе десятилѣтій, путемъ школы и печати.

Но на ряду съ культурно-просвѣтительною задачею ставится въ Тайномъ Обществѣ и идеалъ политическій. Союзъ Спасенія стремится къ конституціи, но формы ея въ его средѣ еще остаются невыясненными. Группа основныхъ членовъ Союза Благоденствія уже подходитъ къ мысли о преимуществѣ республиканской формы правленія сравнительно съ конституціонно-монархиче-

ской. Первымъ проводникомъ этой мысли является очень видный членъ Тайнаго Общества Новиковъ, вскорѣ, впрочемъ, умершій. Въ 1820 году въ Петербургѣ собралась Коренная Дума Союза Благоденствія и на этомъ собраніи рѣшила, что по отношенію къ Россіи необходимо стремиться къ введенію республики. Это рѣшеніе состоялось подъ сильнымъ вліяніемъ Пестеля.

Съ образованіемъ Сѣвернаго и Южнаго обществъ политическія тенденціи обоихъ обществъ оказались не одинаковыми. Пестель попрежнему стоялъ на республиканской точкѣ зрѣнія. Между тѣмъ среди петербургскихъ членовъ стала преобладать конституціонно-монархическая точка зрѣнія. Вдохновителемъ Общества здѣсь, въ Петербургѣ, является Никита Муравьевъ. Сначала онъ держался, подобно другимъ членамъ Коренной Думы, республиканскихъ убѣжденій. Но онъ самъ разсказываетъ на слѣдствіи, что, обсуждая вопросъ о различныхъ формахъ правленія, онъ пришелъ къ мысли о преимуществѣ конституціонной монархіи, опирающейся на федеративный строй, сравнительно съ республиканской формой правленія. И Никита Муравьевъ началъ вырабатывать проектъ конституціи въ указанномъ направленіи. У Пестеля же произошла какъ разъ обратная перемѣна въ убѣжденіяхъ. Первоначально онъ останавливался на той мысли, что для Россіи достаточно добиться конституціонно-монархическаго правленія, но затѣмъ остановился на республикѣ. Къ этому убѣжденію его привелъ рядъ серьезныхъ размышленій, и онъ началъ работать надъ своимъ проектомъ конституціи, который онъ называлъ „Русскою Правдою“. Въ своемъ показаніи на слѣдствіи онъ объясняетъ тотъ процессъ, въ силу котораго онъ сдѣлался убѣжденнымъ республиканцемъ. „Я вспоминалъ блаженныя времена Греціи, когда она состояла изъ республики, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима во дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ

императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и Англіи конституціи суть однѣ только покрывала, никакъ не воспрещающія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что они пожелаютъ, и въ семъ отношеніи я предпочелъ самодержавіе таковой конституціи, ибо въ самодержавномъ правительствѣ, разсуждалъ я, неограниченность власти открыто всѣмъ видна, между тѣмъ какъ въ конституціонныхъ монархическихъ тоже существуетъ неограниченность, хотя и медлительнѣе дѣйствуетъ, но зато и не можетъ такъ скоро худое исправить. Что же касается до обѣихъ палатъ, то онѣ существуютъ для одного только покрывала. Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристокраціями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными. Я судилъ, что сіи аристокраціи сдѣлаются, наконецъ, сильнѣе самого монарха, какъ то въ Англіи, и что онѣ суть главная препона государственному благоденствію и притомъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства. Происшествія въ Неаполѣ, Гишпаніи и Португаліи имѣли тогда большое на меня вліяніе. Я въ нихъ находилъ по моимъ понятіямъ неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя достаточныя причины къ недовѣрчивости къ истинному согласію монарховъ на конституціи, ими принимаемыя. Сіи послѣднія соображенія укрѣпили меня весьма сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мыслей. Изъ сего изволитъ Комитетъ усмотрѣть, что я въ семъ образѣ мыслей укрѣпленъ былъ какъ чтеніемъ книгъ, такъ и толками о разныхъ событіяхъ, а также и раздѣленіемъ со мною сего образа мыслей многими сочленами Общества. Все сіе произвело, что я сдѣлался въ душѣ республиканецъ, и ни въ чемъ не видѣлъ большаго бла-

годенствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ республиканскомъ правленіи“.

Благодаря сильному вліянію Пестеля, его убѣжденія сдѣлались убѣжденіемъ Южнаго Общества, и подготовлявшаяся на югѣ революція имѣла своею цѣлью именно введеніе въ Россіи республики. Таковъ былъ конечный идеалъ Южнаго Общества.

Въ Сѣверномъ Обществѣ Никита Муравьевъ первоначально имѣлъ также преобладающее вліяніе, почему выработанный имъ проектъ конституціи получилъ здѣсь болѣе или менѣе общее признаніе и является поэтому конечнымъ идеаломъ членовъ Сѣвернаго Общества. Впрочемъ, составъ этого Общества былъ гораздо разнороднѣе и въ немъ, подъ вліяніемъ членовъ Южнаго Общества, Матвѣя Муравьева-Апостола, Поджіо, жившихъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, и особенно подъ вліяніемъ самого Пестеля, всегда была группа лицъ, сочувствовавшая республикѣ. Но на ряду съ этимъ въ немъ было и достаточное количество членовъ, которые готовы были довольствоваться весьма умѣренной конституціей и даже съ аристократичестой тенденціей. Появленіе въ Сѣверномъ Обществѣ Рылѣева и преобладающая роль его, особенно съ отъѣздомъ Никиты Муравьева изъ Петербурга въ самомъ началѣ 1825 года, сдѣлали то, что и Верховная Дума Сѣвернаго Общества стала колебаться въ вопросѣ о республикѣ и конституціонной монархіи.

Такъ слагались цѣли конечныхъ стремленій обоихъ обществъ. Нужно замѣтить, что Южное Общество настаивало на проведеніи своихъ идеаловъ въ средѣ членовъ Сѣвернаго Общества, стремясь слиться съ нимъ для совмѣстныхъ дѣйствій, но при условіи признанія въ Петербургѣ республиканскаго образа правленія. Князь Барятинскій, князь Волконскій, Василій Давыдовъ и Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ были въ Петербургѣ для переговоровъ съ членами Сѣвернаго Общества именно по этому поводу. Но вліяніе Никиты Муравьева удержи-

вало Сѣверное Общество отъ окончательнаго соединенія съ Южнымъ. Въ 1824 году съ тою же цѣлью въ Петербургѣ былъ Пестель. Онъ пріобрѣлъ здѣсь себѣ союзника въ лицѣ члена Сѣверной Думы князя Оболенскаго, имѣлъ сильное вліяніе на измѣненіе образа мыслей Рылѣева, но полнаго успѣха не достигъ: сліянія обществъ не произошло, хотя оба общества условились дѣйствовать совмѣстно. Это обстоятельство объясняется именно тѣмъ разногласіемъ, которое раздѣляли оба общества—различіе принятой формы правленія. При переговорахъ постоянно обсуждался вопросъ о преимуществахъ той или иной формы правленія и о тѣхъ или другихъ сторонахъ будущей конституціи. Много возраженій въ Петербургѣ встрѣчалъ аграрный проектъ Пестеля, а также и его мысль о необходимости временнаго правленія.

Мы не будемъ разсматривать вопросъ о томъ, слѣдовало ли членамъ Общества до революціи подготовлять въ подробностяхъ проектъ конституціи; замѣтимъ только въ заключеніе этого схематическаго обзора, что въ конечномъ результатѣ оба общества пришли къ мысли о передачѣ вопроса о формѣ конституціи будущему первому собранію народныхъ депутатовъ или великому земскому собору, какъ выражался Рылѣевъ. Къ этой мысли пришли въ конечномъ результатѣ, незадолго до революціи, члены обоихъ обществъ, къ которымъ въ 1825 году фактически перешло руководительство Обществомъ, Рылѣевъ и Трубецкой съ одной стороны и Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ—съ другой.

Переходъ къ республикѣ или къ конституціонной монархіи требовалъ выработки самаго плана революціи. Для Южнаго Общества этотъ планъ, выработанный Пестелемъ, былъ совершенно ясенъ: истребленіе всей династіи и провозглашеніе новой формы правленія, поддерживаемое возставшимъ войскомъ. Сѣверное Общество такъ ясно вопроса не ставило. Для начала революціон-

наго дѣйствія оно готово было ожидать перемѣны государя для того, чтобы потребовать отъ его преемника утвержденія конституціи. Въ случаѣ упорства со стороны династіи оно предполагало, арестовавъ ее, выслать за границу. Рылѣевъ колебался между этимъ планомъ и планомъ цареубійства.

Таковъ въ самыхъ сжатыхъ чертахъ ходъ развитія революціонной мысли въ средѣ членовъ тайныхъ обществъ. Теперь для насъ ясно, что составленные проекты конституціи являются конечнымъ идеаломъ этихъ обществъ. Съ этими проектами мы теперь можемъ познакомиться. Начнемъ съ „Русской Правды" Пестеля.

Надо замѣтить, что республиканская конституція Пестеля является уже вторымъ проектомъ, вышедшимъ изъ среды членовъ Тайнаго Общества. Въ бумагахъ графа Дмитріева-Мамонова, принадлежавшаго также къ членамъ Тайнаго Общества, находится еще неполный проектъ республиканской конституціи. Это наиболѣе ранній проектъ, составленный до 1817 года (въ этомъ году Дмитріевъ-Мамоновъ заболѣлъ психическимъ разстройствомъ) и по нѣкоторымъ предположеніямъ его приписываютъ упомянутому уже нами выше Новикову [1]). Прежде чѣмъ перейти къ „Русской Правдѣ" мы сдѣлаемъ одно замѣчаніе. По предположеніямъ Пестеля, въ случаѣ успѣха переворота, власть должна перейти къ верховному временному правленію. Оно обязано объявить республику въ той формѣ, какъ она изложена въ „Русской Правдѣ", и затѣмъ провести въ государствѣ всѣ намѣченныя „Русскою Правдою" реформы. По предположеніямъ Пестеля для полнаго устройства государства потребуется восемь, десять или даже 15 лѣтъ. Власть въ это время принадлежитъ верховному временному правленію. Пе-

[1]) Этотъ проектъ изложенъ въ статьѣ В. И. Семевскаго „Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи", „Былое", 1906, февраль.

стель основывалъ свою мысль о необходимости промежуточнаго періода на томъ, что революціонныя бури, сопровождаемыя анархіею, весьма вредно отзываются на всемъ строѣ страны и могутъ повести къ результатамъ, радикально противоположнымъ тѣмъ цѣлямъ, какія ставились при началѣ революціи. „Ужасныя происшествія,—говоритъ онъ въ своемъ показаніи,—бывшія во Франціи во время революціи, заставляли меня искать средство къ избѣжанію подобныхъ, и сіе-то произвело во мнѣ впослѣдствіи мысль о Временномъ Правленіи и его необходимости, и всегдашніе мои толки о всевозможномъ предупрежденіи всякаго междоусобія“. Составляя поэтому свою „Русскую Правду“, Пестель стремился не только къ тому, чтобы написать проектъ конституціоннаго закона. Его мыслью является желаніе написать такой политическій трактатъ, который убѣдилъ бы освобожденныхъ отъ тираніи гражданъ въ необходимости и цѣлесообразности какъ самой формы республиканскаго правленія, такъ и тѣхъ радикальныхъ реформъ, которыя предполагалъ провести Пестель въ своей будущей республикѣ. Въ „Русской Правдѣ“ онъ даетъ лишь основныя начала конституціи и въ ней нѣтъ законодательнаго проекта въ собственномъ смыслѣ.

При разсмотрѣніи „Русской Правды“ большое значеніе имѣетъ тотъ внѣшній видъ, въ какомъ этотъ памятникъ находится въ настоящее время. Она не была вполнѣ написана Пестелемъ и, кромѣ того, по всей видимости, до нашего времени не сохранилось всего того, что было написано Пестелемъ. Когда онъ былъ арестованъ, то друзья его зарыли „Русскую Правду“. Передъ зарытіемъ кое-какія бумаги были уничтожены. Когда Заикинъ и братья Бобрищевы-Пушкины сознались, наконецъ, въ томъ, гдѣ зарыта „Русская Правда“, то вмѣстѣ съ тѣмъ они разсказали и о сожженіи нѣкоторыхъ бумагъ. Тѣ бумаги, содержаніе коихъ они назвали на слѣдствіи, къ „Русской Правдѣ“ не относились. Но ни-

какой нѣтъ увѣренности въ томъ, что подсудимые не скрыли отъ комиссіи сожженія и частей „Русской Правды“: слѣдственную комиссію очень интересовалъ вопросъ о „Русской Правдѣ“ и объ ея полнотѣ. Въ настоящемъ видѣ только первыя 120 страницъ идутъ въ порядкѣ. Затѣмъ идутъ непронумерованныя тетради уже неоконченныхъ главъ и не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны бы быть. Нѣкоторыя тетради перепутаны, затѣмъ встрѣчаются даже отдѣльные листы. Итакъ, рукопись дошла въ безпорядкѣ. Правда, и самъ Пестель говоритъ, что нѣкоторыя главы имъ не написаны. Но его показаніе о составѣ „Русской Правды“ дано 13 января, когда „Правда“ еще не была отыскана [1]).

[1]) Въ виду важности самого состава „Русской Правды“ приведемъ показаніе самого Пестеля:

„Мое предположеніе о государственномъ образованіи состояло большею частью въ однихъ еще только отрывкахъ. Цѣлаго я еще не сводилъ. Намѣревался же я мое сочиненіе представить по окончаніи онаго на судъ общества. Оно долженствовало состоять изъ десяти главъ.

„Первая глава разсуждала о границахъ государства и о раздѣленіи земельнаго пространства онаго на области, областей—на округи или губерніи, округовъ—на уѣзды, уѣздовъ—на волости и опредѣляла значеніе и составъ волостей.

„Вторая глава разсуждала о жителяхъ Россіи, раздѣляя оные на коренной народъ русскій и на племена подвластныя и присоединенныя и указывая на средства, коими можно слить всѣ сіи различные оттѣнки въ одинъ общій составъ такимъ образомъ, чтобы всѣ жители Россіи чрезъ нѣкоторое время составляли истинно только одинъ народъ.

„Третья глава разсуждала о всѣхъ различныхъ сословіяхъ, въ государствѣ обрѣтающихся, указывая на права, преимущества и недостатки каждаго изъ оныхъ и представляя мѣры и дѣйствія, которыя бы[ ]надлежало въ каждомъ изъ оныхъ предпринять, дабы слить всѣ сословія въ одно общее сословіе—гражданское.

„Глава четвертая разсуждала о политическомъ или общественномъ состояніи народа, о правахъ гражданства, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ и объ образѣ, коимъ устраивался представительный порядокъ въ избирательныхъ собраніяхъ.

„Глава пятая разсуждала о гражданскомъ или частномъ состояніи народа, т.-е. о главнѣйшихъ правилахъ и постановленіяхъ, такъ называе-

Если сравнить показанія Пестеля съ дошедшими до насъ частями „Правды“, то оказывается слѣдующее. Три главы дошли въ полномъ порядкѣ. Четвертая и пятая, дѣйствительно, носятъ слѣды неприведенныхъ въ порядокъ главъ. Хотя, по словамъ Пестеля, остальныя, пять главъ состояли въ разныхъ отрывкахъ, но изъ шестой главы, самой интересной, какъ разъ ничего не сохранилось. Между тѣмъ изъ седьмой и восьмой главъ сохранившіяся части довольно значительны, напримѣръ, глава о военномъ приказѣ или глава о приказѣ благочинія. Указывая на тотъ фактъ, что нѣкоторыя части

маго гражданскаго частнаго права въ отношеніи лицъ, имуществъ и взаимныхъ между гражданъ сношеній.

„Глава шестая долженствовала разсуждать о верховной власти и быть написана вдвойнѣ: одна въ монархическомъ, а другая въ республиканскомъ смыслѣ; любую можно было бы избрать и въ общее сочиненіе включить'.

„Глава седьмая долженствовала разсуждать объ образованіи правительственныхъ мѣстъ и начальствъ въ волостяхъ, уѣздахъ, округахъ и областяхъ, а равно и представить общее учрежденіе министерствъ, доказывая, что оныхъ должно быть десять, не болѣе и не менѣе.

„Глава осьмая долженствовала разсуждать о частяхъ правленія, устраивающихъ государственную безопасность какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю, т.-е. объ юстиціи, полиціи, внѣшнихъ сношеніяхъ, военныхъ силахъ и морскихъ силахъ, говоря притомъ особенно о каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

„Глава девятая долженствовала разсуждать о частяхъ правленія, завѣдывающихъ общественнымъ благосостояніемъ, т.-е. о финансахъ, народномъ хозяйствѣ или внутреннихъ дѣлахъ, просвѣщеніи и учебной системѣ, духовныхъ дѣлахъ и общемъ дѣлосводѣ, говоря подобнымъ же образомъ особенно о каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

„Глава десятая, наконецъ, долженствовала содержать родъ наказа для составленія общаго государственнаго свода законовъ или уложенія и представить главнѣйшія правила или, такъ сказать, оглавленія сего полнаго и общаго государственнаго уложенія.

„Первая, вторая и большая часть третьей главы были кончены; четвертая и пятая были начерно написаны; а послѣднія пять состояли въ разныхъ отрывкахъ. Статью о финансахъ и народномъ хозяйствѣ долженствовалъ написать Сергѣй Муравьевъ“.

„Русской Правды“ могли до насъ не дойти, можно еще опереться на ссылки въ текстѣ. Напримѣръ, въ главѣ объ образованіи приказа правосудія есть ссылки на то, что было „говорено объ образованіи уѣздныхъ губернскихъ и областныхъ управъ“, или ссылки на главу о судопроизводствѣ. Между тѣмъ этихъ главъ, повидимому, написанныхъ, не сохранилось. Съ другой стороны, была извѣстна и дошла до насъ сокращенная „Русская Правда“ или Государственный Завѣтъ, каковой терминъ придавалъ ей Бестужевъ. Это—коротенькое изложеніе всей конституціи. Повидимому, Государственный Завѣтъ составленъ по „Русской Правдѣ“ Бестужевымъ-Рюминымъ.

Слѣдовательно, въ ней бы былъ по крайней мѣрѣ черновикъ и недошедшихъ до насъ главъ. Далѣе уже на контрактахъ 1822 года шло обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ, касавшихся высшаго управленія. Эти вопросы продолжались обсуждаться въ средѣ членовъ Южнаго Общества въ Каменкѣ и на кіевскихъ контрактахъ 1823 года. Вообще, повидимому, всѣ контуры конституціи Пестеля были закончены обсужденіемъ въ 1824 г.; по крайней мѣрѣ на совѣщаніяхъ этого и слѣдующаго годовъ вопросы о конституціи уже не подымались. Съ другой стороны, уже въ 1820 году, по словамъ Якушкина, Пестель работалъ надъ своей „Русской Правдой“ и уже тогда дѣлился ея содержаніемъ. Въ нѣкоторыхъ указаніяхъ декабристовъ можно найти утвержденіе, что Пестель работалъ надъ „Правдой“ въ теченіе десяти лѣтъ. Въ самой „Правдѣ“ можно найти указаніе, что нѣкоторыя части ея написаны до того момента, когда Пестель окончательно остановился на республиканскомъ образѣ правленія. Напримѣръ, глава о военномъ приказѣ говоритъ о царскихъ тѣлохранителяхъ. Кромѣ того, нельзя себѣ представить, чтобы Пестель не набросалъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, тѣхъ частей своей конституціи, которыя, напримѣръ, касаются

верховнаго правленія и содержаніе которыхъ имѣется въ Государственномъ Завѣтѣ. Вѣдь объ этихъ вопросахъ ему приходилось всегда говорить. Между тѣмъ Пестель даже при обсужденіи менѣе значительныхъ вопросовъ являлся на совѣщаніе, имѣя записку о тѣхъ предметахъ, о коихъ предстояло имѣть сужденіе. Наконецъ вотъ еще одно любопытное указаніе. Пестель прочитывалъ нѣкоторыя главы своей „Русской Правды" начальнику штаба второй арміи генералу Киселеву и Киселевъ однажды замѣтилъ ему, что онъ „своему царю", подъ чѣмъ разумѣлось верховное правленіе, оставляетъ слишкомъ мало власти.

Изъ всего этого ясно, что составленіе „Русской Правды" начато Пестелемъ во всякомъ случаѣ до 1820 года, что она была въ гораздо большемъ порядкѣ, чѣмъ тотъ видъ, въ которомъ она до насъ дошла, и, наконецъ, что нѣкоторыя изъ написанныхъ главъ до насъ не дошли. Вотъ все, что въ настоящее время можно сказать по этому поводу.

Только что приходилось указать на то, что различныя стороны республиканской конституціи обсуждались на совѣщаніяхъ членовъ Южнаго Общества, бывавшихъ въ Кіевѣ на контрактахъ и въ Каменкѣ. Впрочемъ, это не значитъ, что на „Русской Правдѣ" отразилось вліяніе того или другого члена. Объ этихъ совѣщаніяхъ мы хорошо знаемъ, мнѣнія Пестеля на нихъ принимались, и хотя Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ на этихъ совѣщаніяхъ иногда высказывали свое мнѣніе (напримѣръ, о двухпалатной системѣ), но большинство членовъ всегда было на сторонѣ Пестеля и его мнѣнія были принимаемы [1]). Впрочемъ, есть указаніе Лорера о томъ, что интимный другъ Пестеля и второй директоръ Южнаго Общества. генералъ-интендантъ Юшневскій „много способствовалъ своими совѣтами Пестелю къ составленію „Русской

[1]) Довнаръ-Запольскій, „Тайное общество декабристовъ" стр. 97 и др.

Правды“ [1]). Конечно, изъ этого свидѣтельства какихъ-либо опредѣленныхъ заключеній вывести нельзя. Пестель, несомнѣнно, изучая тотъ или другой вопросъ, совѣтовался съ свѣдущими людьми [2]); онъ не пренебре-

---

1) „Русское Богатство“, 1904, мартъ, 75.

2) Есть и еще одинъ вопросъ, который слѣдуетъ поставить, но разрѣшеніе котораго пока еще сомнительно. С. Г. Волконскій въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что „въ предварительныхъ уставахъ разныя части управленія были розданы для обработки разнымъ лицамъ: административная часть и высшая организація были поручены Пестелю; судопроизводительная и финансовая части были поручены Тургеневу по первому разряду „Русской Правды“. При гласности, когда она получится, окажется, какой огромный трудъ и съ какимъ отчетливымъ и свѣжимъ взглядомъ былъ исполненъ Пестелемъ. Труды Тургенева не попались въ руки правительству, но не скрою, что все, что печатно высказано имъ о финансахъ и судопроизводствѣ для Россіи во время его безмятежнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, есть сводъ того, что имъ приготовлено было для примѣненія при переворотѣ, имъ и нами измышляемомъ для Россіи, и это я завѣряю совѣстью“. „Записки Волконскаго“, 422.

Уже изъ словъ Пестеля, подтверждаемыхъ Бестужевымъ-Рюминымъ, намъ извѣстно, что отдѣлъ о финансахъ долженъ былъ написать Сергѣй Муравьевъ. Поэтому въ сообщеніи Волконскаго есть неточность. Но, дѣйствительно, есть сообщеніе изъ другихъ источниковъ, что Тургеневъ собирался писать проектъ устава о судопроизводствѣ. Разсказывающій объ этомъ въ своихъ показаніяхъ Матвѣй Муравьевъ не связываетъ этого предположенія Тургенева именно съ „Русскою Правдою“. Но, несмотря на отрицанія Тургенева („Русская Старина“, 1901, октябрь, 216“), ничего бы не было удивительнаго въ томъ, если бы Пестель обратился къ Тургеневу какъ къ юристу съ предложеніемъ составить эту часть „Русской Правды“. Это мы говоримъ, однако, вовсе не къ тому, чтобы въ тѣхъ или другихъ сохранившихся частяхъ видѣть соучастіе Тургенева. Намъ кажется, что всѣ эти данныя доказываютъ лишь то, что дѣйствительно могла существовать мысль о распредѣленіи нѣкоторыхъ частей „Правды“, именно частей объ управленіи между различными лицами. Въ „Русской Правдѣ“ есть одна любопытная часть, которая носитъ слѣдующее заглавіе: „Краткое умозрительное обозрѣніе Государственнаго Правленія. Сочиненіе Русскаго Гусара. 1820 г. Гражданскій Судебникъ“. Эта часть „Правды“ не окончена, но и здѣсь предполагалось десять главъ. Такъ какъ Пестель никогда не служилъ въ гусарахъ, то указаніе это довольно странно. Если эта часть названа сочиненіемъ Русскаго Гусара для

галъ даже и матеріаломъ, который могъ получить отъ младшихъ офицеровъ квартирмейстерской части [1]).

Вотъ все, что можно сообщить о внѣшней сторонѣ „Русской Правды". Итакъ, она не дошла до насъ полностью и для знакомства съ нею недостающія ея части могутъ быть въ общихъ контурахъ восполнены Государственнымъ Завѣтомъ.

Теперь перейдемъ къ знакомству съ содержаніемъ этого памятника [2]).

IV.

Ученіе „Русской Правды" о государствѣ.

Въ своемъ введеніи въ „Русскую Правду" Пестель ставитъ вопросъ такимъ образомъ. Опредѣливъ цѣль государства и соотношенія въ немъ правительства и народа, онъ указываетъ на то, что эти отношенія въ

отвода на случай захвата бумагъ, то такой отводъ не имѣлъ бы никакого значенія и, кромѣ того, въ рукахъ Пестеля въ 1820 году были болѣе серьезныя бумаги, напримѣръ, уставъ Союза Благоденствія, который онъ давалъ читать полковнику Комарову. Что касается почерка, которымъ написанъ этотъ гражданскій судебникъ, то между нимъ и почеркомъ Пестеля, при всемъ огромномъ сходствѣ, есть какая-то трудно уловимая разница. Если это почеркъ Пестеля, то во всякомъ случаѣ эта часть „Правды" не черновикъ, а переписанное набѣло. Но въ такомъ случаѣ, для чего бы понадобилось Пестелю переписывать, несомнѣнно, неоконченную часть работы, даже вчернѣ написанную не въ порядкѣ; этого Пестель не сдѣлалъ съ частями, имѣющими законченный видъ.

1) „Мемуары декабристовъ", 227.

2) „Русская Правда" въ недавнее время издана г. Щеголевымъ, но весьма неисправно. Мы пользуемся рукописью „Правды". О „Русской Правдѣ" нами была напечатана статья въ мартѣ 1906 г. въ „Кіевскихъ Откликахъ" и слѣд. глава является перепечаткой нѣсколько расширенной этой статьи. Кромѣ того, В. И. Семевскій въ названной статьѣ въ „Быломъ" изложилъ основныя черты „Русской Правды" и указалъ на тѣхъ авторовъ, ученія которыхъ повліяли на тѣ или другія черты воззрѣній автора „Русской Правды". Мы даемъ только изложеніе памятника, соотвѣтственно нашей главной задачѣ; указанная ст. г. Семевскаго дѣлаетъ излишнимъ сопоставленіе мыслей „Правды" съ современною ей литературою.

русскомъ строѣ совершенно не соотвѣтствуютъ выставленнымъ имъ положеніямъ. Поэтому, все устройство Русскаго государства должно подвергнуться *коренному измѣненію* въ смыслѣ намѣченныхъ имъ соотношеній между народомъ и властью.

Но къ такимъ кореннымъ преобразованіямъ государства надо приступать съ большою осторожностью и постепенно; европейская исторія показываетъ, что внезапныя перемѣны влекли народы въ ужаснѣйшія бѣдствія. Чтобы предупредить послѣднія, Пестель предполагаетъ сейчасъ послѣ переворота учредить временное верховное правленіе и дать ему въ руководство правила, которымъ оно должно слѣдовать при государственномъ образованіи. Такія правила, кромѣ положительныхъ требованій, должны заключать въ себѣ и теоретическія ихъ объясненія. *Такимъ наказомъ и должна быть „Русская Правда"*.

Цѣль „Русской Правды", ея содержаніе и назначеніе Пестель опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Русская Правда" есть посему верховная всероссійская грамота, опредѣляющая всѣ перемѣны, въ государствѣ послѣдовать имѣющія, всѣ предметы и статьи, уничтоженію и ниспроверженію подлежащіе, и, наконецъ, коренныя правила и начальныя основы, долженствующія служить неизмѣннымъ руководствомъ при сооруженіи новаго государственнаго порядка и составленіи новаго государственнаго уложенія. Она содержитъ опредѣленіе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ положительныхъ законовъ и постановленій будущаго порядка вещей, исчисленіе главныхъ предполагаемыхъ переводныхъ мѣропріятій и вмѣстѣ съ тѣмъ поясненіе коренныхъ соображеній начальныхъ причинъ и основныхъ доводовъ, утверждающихъ предполагаемое для России государственное устройство. Итакъ, „Русская Правда" есть наказъ или наставленіе временному верховному правленію для его дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объявленіе народу, отъ

чего онъ освобожденъ будетъ и чего вновь ожидать можетъ. Она содержитъ обязанности, на временное верховное правленіе возлагаемыя, и служитъ ручательствомъ, что временное верховное правленіе единственно ко благу отечества дѣйствовать будетъ“.

По убѣжденію Пестеля, отсутствіе подобнаго рода грамоты ввергло многіе народы въ большія бѣдствія и междоусобія, потому что правительства, возникшія послѣ переворота, могли дѣйствовать по произволу, по личнымъ страстямъ и частнымъ видамъ; народъ же, не видя ясной цѣли, къ какой стремится правительство, и волнуемый страхами, часто вчиналъ междоусобія. Въ предупрежденіе всѣхъ этихъ бѣдствій Пестель предполагалъ необходимымъ какъ учрежденіе временнаго верховнаго правительства, такъ и наказъ для него.

Итакъ, будущее государство — новое государство. Прежде всего, на чемъ должно покоиться государство съ точки зрѣнія теоретической?

Соединеніе нѣсколькихъ лицъ для достиженія какой-либо цѣли составляетъ общество. Побужденіемъ къ такому соединенію бываетъ стремленіе къ удовлетворенію общимъ нуждамъ. Такимъ образомъ отдѣльные члены общества легко могутъ объединиться для достиженія общей цѣли. Но при опредѣленіи средствъ, коими цѣль должна быть достигнута, среди людей могутъ возникать споры, въ зависимости отъ личныхъ качествъ и мнѣній отдѣльныхъ индивидуумовъ. Въ такомъ случаѣ, дабы избѣжать разложенія общества, члены его, наконецъ, приходятъ къ соглашенію, посредствомъ обоюдныхъ уступокъ, и такимъ путемъ вырабатывается общее мнѣніе. При выработкѣ послѣдняго случается, что либо одно лицо или нѣсколько лицъ увлекаютъ за собою все общество, и оно имъ предоставляетъ способъ осуществленія намѣченныхъ цѣлей, или общество изъ своей среды избираетъ одного или нѣсколькихъ лицъ. Въ обоихъ случаяхъ общество раздѣляется на *повелѣ-*

вающихъ и *повинующихся*. Такое дѣленіе естественно, оно основано на природѣ человѣческой.

Гражданское общество, т.-е. государство, въ устройствѣ своемъ подобно всякому другому обществу, т.-е. оно имѣетъ свою цѣль и избираетъ средства для ея достиженія. Цѣль государства состоитъ *въ благоденствіи всего общества и каждаго изъ членовъ онаго въ особенности.* Для достиженія цѣлей государства избираются *повелѣвающіе*, т.-е. правительство; *повинующіеся* составляютъ народъ. Итакъ, главныя составныя части каждаго государства — правительство и народъ.

Правительство имѣетъ обязанности распоряжаться общими дѣйствіями и избирать лучшія средства для достиженія благоденствія всѣхъ и каждаго; на этомъ основаніи оно имѣетъ право требовать повиновенія народа. Народъ обязанъ повиноваться правительству, но зато онъ имѣетъ право требовать, чтобы правительство стремилось къ общественному и частному благоденствію. По мнѣнію Пестеля, такимъ путемъ достигается равновѣсіе между правительствомъ и народомъ.

Всякое право человѣка основано на обязанности. Такъ, человѣкъ обязанъ прежде всего сохранять „свое бытіе". Отсюда возникаетъ и его право пользоваться для пищи плодами и прочими произведеніями природы. Эта аксіома у Пестеля имѣетъ большое значеніе: отсюда истекаютъ его соціалистическія воззрѣнія.

Сохраненіе бытія — одна обязанность человѣка. Другой обязанностью является та, которая наложена на человѣка *отъ Бога посредствомъ вѣры*. Такимъ образомъ связывается духовный міръ съ естественнымъ. „Богъ, Творецъ вселенныя, есть Творецъ и законовъ природы, нуждъ естественныхъ". Такимъ образомъ выясняются двоякаго рода обязанности, вытекающія изъ самаго факта гражданскаго союза. Къ этому присоединяется третій родъ обязанностей, порождаемыхъ самымъ фактомъ образованія государства.

Изъ этой схемы вытекаютъ тѣ основныя правила, которыя должно осуществить государство: *оно должно стремиться къ благоденствію, согласно съ законами духовными и естественными;* все, противное общему благоденствію, должно быть признаваемо преступленіемъ; общественное благоденствіе должно имѣть перевѣсъ надъ благоденствіемъ частныхъ лицъ; подъ общественнымъ же благоденствіемъ разумѣется благоденствіе массы народа, т.-е. „многочисленнѣйшаго числа людей въ государствѣ"; при этомъ благоденствіе одного лица не должно наносить вреда другому.

Изъ предшествующаго изложенія авторъ „Русской Правды" дѣлаетъ тотъ выводъ, что *правительство существуетъ для блага народа,* а *народъ существуетъ для собственнаго блага,* и всѣ въ государствѣ имѣютъ равное право на осуществленіе этого блага. „А по сему народъ россійскій не есть принадлежность или собственность какого-либо лица или семейства. Напротивъ того, правительство есть принадлежность народа, оно учреждено для блага народнаго, а не народъ существуетъ для блага правительства".

Итакъ, правительство имѣетъ обязанности, изъ которыхъ уже вытекаютъ его права. Для выполненія своихъ обязанностей правительство облекается верховной властью. Этой верховной власти уже подчинены исполнительные органы, которые и составляютъ государственное правленіе. Цѣлью правительства является достиженіе благоденствія народа; въ частности благоденствіе государства распадается на двѣ отдѣльныя задачи — на безопасность государства и на его благосостояніе.

Таковы теоретическіе взгляды автора „Русской Правды". Они изложены Пестелемъ въ краткой формулировкѣ.

Извѣстная зависимость взглядовъ Пестеля отъ политико-философскихъ ученій конца XVIII и начала XIX вѣковъ очевидна. Въ его міровоззрѣніи доктрина естествен-

наго права играетъ большую роль и притомъ не только для опредѣленія политическихъ правъ народа, но служитъ опорою и для его соціалистическихъ принциповъ. Мы не будемъ останавливаться надъ вопросомъ о томъ, къ какому ученію въ частности ближе примыкаютъ взгляды Пестеля. Первоисточникъ ихъ кроется въ той философско-политической и экономической литературѣ, на которую ссылается самъ Пестель, какъ на источникъ своихъ воззрѣній. Кратко изложенные имъ его взгляды лишь суммируютъ общіе выводы, къ которымъ онъ пришелъ путемъ изученія и размышленія. Впрочемъ и не особенно важно опредѣлить въ частности ближайшій первоисточникъ общей схемы Пестеля, такъ какъ основная задача „Русской Правды"—изложить преобразованія, необходимыя для Россіи. Въ послѣднемъ отношеніи Пестель держится крайнихъ воззрѣній, напоминающихъ намъ литературу памфлетовъ якобинскаго клуба. Новое устройство государства должно снести всѣ остатки стараго режима, и государство для достиженія общаго благоденствія должно быть сильнымъ и равноправнымъ какъ въ политическомъ, такъ въ извѣстной мѣрѣ и въ экономическомъ отношеніи. Для достиженія теоретическаго благоденствія при новомъ устройствѣ государства, нѣтъ нужды считаться съ историческими традиціями народа.

Переходя къ Россіи, Пестель указываетъ на необходимость ея преобразованія на основахъ, на коихъ должны быть устроены существованіе, жизнь и образованіе всякаго благоустроеннаго государства. Необходимо, чтобы Русское государство „находилось подъ властью и управленіемъ законовъ общественныхъ, а не прихотей личныхъ властителей, и доставляло бы возможное благоденствіе всѣмъ и каждому, а не зловластвовало надъ всѣми для выгоды единаго или нѣсколькихъ. Все, что отъ сихъ правилъ удаляется, а тѣмъ паче онымъ противорѣчитъ, есть зловластіе, испроверженіе правъ, уничтоженіе, на-

реканіе наносящее и гибель совершающее“. Теоретическія понятія о государствѣ, по убѣжденію Пестеля, совершенно противорѣчатъ существующему государственному порядку въ Россіи. Поэтому новый порядокъ долженъ быть основанъ „на однихъ только и справедливыхъ законахъ и постановленіяхъ; новый порядокъ не долженъ предоставлять „ничего личному самовластію“ и, напротивъ, долженъ, удостовѣрить, что русскій народъ „не есть и никогда быть не можетъ чьею либо собственностью или принадлежностью“.

Новый государственный порядокъ долженъ весьма радикально измѣнить весь существующій строй. Онъ не долженъ содержать въ себѣ *ни воспоминанія о нынѣ существующемъ порядкѣ, ибо оный прекратитъ свое существованіе;* въ немъ не можетъ быть мѣръ переходныхъ или приготовительныхъ, ибо этотъ порядокъ долженъ представлять собою цѣльность; въ новомъ уложеніи не должно содержаться и теоретическихъ разсужденій, ибо сюда войдутъ, одни лишь положительные законы.

Вотъ та общая задача, которую ставитъ себѣ Пестель.

Среди конкретныхъ сторонъ будущаго строя на первомъ планѣ надо выяснить, какія права предоставляются гражданамъ. Будущее государство должно существовать для гражданъ, для ихъ матеріальнаго и политическаго благополучія, на то и на другое членъ государства имѣетъ право. Дѣйствительно, среди правъ гражданъ встрѣчаемъ, какъ обычныя политическія права, такъ и черты, долженствовавшія придать государству новый характеръ.

Авторъ дѣлитъ права гражданъ, по обычной терминологіи входящія въ кругъ правъ политическихъ вообще, на два разряда: на права политическія и на права гражданскія. Къ отдѣлу политическихъ правъ по его терминологіи относится право участія въ политической жизни страны, право быть членомъ волостного обще-

ства и пользоваться участкомъ земли. Это—два вида правовой жизни гражданина, не отдѣлимые въ представленіи Пестеля. Имъ предшествуетъ опредѣленіе всеобщаго гражданскаго равенства. Къ гражданскимъ правамъ, по Пестелю, относятся такія права, какъ свобода личности и проч.

V.

Равенство сословій.

Пестель является большимъ противникомъ какого бы то ни было раздѣленія гражданъ на сословія и классы, выдѣляющіе одну группу людей отъ другой. Въ отдѣлѣ о сословіяхъ онъ посвящаетъ этому вопросу весьма много вниманія. Съ его точки зрѣнія такія дѣленія создались для подавленія народной массы и для корысти привилегированнаго меньшинства. „Гражданскія общества,— говоритъ онъ, — а, слѣдовательно, и государства составлены для возможно большаго благоденствія всѣхъ и каждаго, а не для блага нѣкоторыхъ“. Поэтому всѣ люди имѣютъ одинаковыя права на выгоды, доставляемыя государствомъ, и имѣютъ обязанность нести тяготы въ пользу государства. Поэтому „всѣ люди въ государствѣ должны непремѣнно быть предъ закономъ совершенно равны и что всякое постановленіе, нарушающее сіе равенство всѣхъ предъ закономъ, есть нестерпимое зловластіе, долженствующее непремѣнно быть уничтоженнымъ“. Раздѣленіе на сословія ему представляется пагубнымъ, потому что сословія „только однимъ пристрастіемъ дышутъ, что нѣкоторымъ членамъ народа выгоды даютъ, въ коихъ другимъ отказываютъ безъ всякой причины и безъ всякой для государства пользы, что для пресыщенія корысти нѣсколькихъ лицъ жестокую оказываютъ несправедливость противъ наибольшей части народа“. Поэтому Пестель рѣшительно высказывается за полное

равенство всѣхъ гражданъ. Всѣ жители должны составить одно сословіе гражданъ, и всѣ граждане должны имѣть одни и тѣ же права и быть равны предъ закономъ.

Установивъ общую точку зрѣнія, Пестель считаетъ нужнымъ отпарировать тѣ доводы, которые иногда приводятся въ защиту сословнаго дѣленія въ государствѣ. Такъ, иногда указываютъ, что сословія образуютъ извѣстную постепенность въ государствѣ, являясь залогомъ порядка. Но въ этомъ стараются увѣрить лишь люди, „зловластіе любящіе“ (словомъ зловластіе Пестель переводитъ тиранію). Такой взглядъ—остатокъ феодальной системы и ведетъ лишь къ тому, что одни пользуются въ государствѣ преимуществами, а другіе таковыхъ не имѣютъ. Мысль Пестеля сводится къ тому, что опирающіеся на такое соображеніе видятъ въ сословіяхъ извѣстнаго рода „чиноначальство“, и власть опирается въ управленіи государствомъ на высшія сословія. Пестель замѣчаетъ, что для управленія раздѣленія на сословія не нужно, потому что такое „чиноначальство“, необходимое для порядка въ государствѣ, естественно создается административною системою.

Другіе защитники сословнаго дѣленія указываютъ на то, что оно покоится на экономическомъ подраздѣленіи различныхъ классовъ. Но въ такомъ случаѣ дѣленіе частныхъ лицъ по различнымъ отраслямъ промышленности является „безразсуднымъ и зловреднымъ“. Такая исключительность можетъ вредить успѣхамъ промышленности. Такое дѣленіе можетъ сдѣлать то, что извѣстная группа лицъ получитъ вліяніе на народъ „не на общемъ мнѣніи, но на золотѣ и серебрѣ, посредствомъ коихъ подавляетъ общее мнѣніе“. Аристократія богатствъ, по мнѣнію Пестеля, гораздо вреднѣе феодальной аристократіи, потому что такая аристократія въ богатствѣ находитъ сильное орудіе для того, чтобы вліять на мнѣніе общества.

Высказавъ общій взглядъ о непримиримости будущаго государственнаго устройства съ сословнымъ дѣленіемъ, Пестель переходитъ къ частному разсмотрѣнію отдѣльныхъ русскихъ сословій. И на этомъ обзорѣ старается доказать отрицательныя стороны сословнаго дѣленія.

Онъ начинаетъ съ *духовенства*. Это сословіе требуетъ „сильныхъ добродѣтелей“. Но каждое сословіе имѣетъ свои выгоды. Между тѣмъ священнослужители не могутъ преслѣдовать своихъ мірскихъ выгодъ. Духовенство должно составлять наиболѣе почетную часть правительства. Поэтому духовныя лица должны войти въ составъ всего гражданства. Пестель весьма неодобряетъ исключительнаго участія чернаго духовенства въ высшемъ управленіи Церковью. Это несогласно съ церковными обычаями древнѣйшаго времени, когда бѣлое духовенство исключительно занимало архипастырскія должности. Поэтому временное правленіе обязано будетъ предоставить бѣлому духовенству съ теченіемъ времени всѣ высшія должности въ государствѣ. Черное же духовенство, какъ отрекающееся отъ всего мірского, не можетъ занимать высшихъ должностей въ церковномъ управленіи. Вообще Пестель враждебно относится къ монашеству; такъ, онъ совѣтуетъ даже издать законъ, по которому въ монастырь могутъ поступать только лица не моложе шестидесятилѣтняго возраста. Современное состояніе духовенства ему представляется весьма „горькимъ и жалостнымъ“, а потому временное правленіе обязуется улучшить матеріальный бытъ духовенства.

Затѣмъ Пестель переходитъ къ дворянскому сословію. Въ обрисовкѣ этого сословія наиболѣе рельефно сказываются основные взгляды Пестеля.

Указавъ на преимущества дворянскаго сословія въ Россіи, Пестель подробно объясняетъ государственный вредъ дворянскихъ привилегій. Дворяне владѣютъ крѣпостными людьми. Но „обладать другими людьми, какъ собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и

наслѣдовать людей наподобіе вещей, употреблять ихъ по собственному произволу безъ предварительнаго съ ними соглашенія и единственно для собственной своей прибыли есть дѣло постыдное, противное человѣчеству, противное законамъ естественнымъ, противное святой вѣрѣ христіанской“.

Поэтому крѣпостное рабство должно быть уничтожено. Авторъ высказываетъ даже надежду, что едва ли найдется хотя одинъ „злосовѣстной“ дворянинъ, который бы не содѣйствовалъ уничтоженію рабства. Но если бы по уничтожденіи крѣпостного права временнымъ верховнымъ правленіемъ нашелся бы такой „извергъ“, который словомъ или дѣломъ вздумалъ бы противиться уничтоженію рабства, то такой долженъ быть взятъ подъ стражу и подвергнутъ строжайшему наказанію, какъ врагъ отечества. Вообще временному правленію вмѣняется въ непремѣннѣйшую и священнѣйшую обязанность уничтожить крѣпостное право.

Дворяне владѣютъ майоратами. Верховное правленіе должно уничтожить это право, предоставивъ каждому наслѣднику соотвѣтственную долю наслѣдства.

Дворяне пользуются податными льготами. „Только зловластіе можетъ всѣ тягости возлагать на однихъ, а другихъ всѣми выгодами осыпать: честный человѣкъ безъ угрызенія совѣсти не можетъ пользоваться трудами и пожертвованіями ближнихъ, безъ всякаго со своей стороны возмездія или соучастія“. Поэтому дворяне не могутъ быть освобождены отъ податей.

Дворяне пользуются нѣкоторыми преимуществами по суду и при наложеніи наказанія. Это несправедливо. „Должно дворянство наравнѣ со всѣми прочими россіянами за одинаковыя преступленія одинаковымъ надлежать наказаніямъ, и ежели тѣлесныя наказанія будутъ признаны необходимыми, то должны онымъ быть подвергнуты дворяне такъ точно, какъ и всѣ прочіе люди“.

Дворяне не отбываютъ воинской повинности и имѣютъ исключительное право замѣщать всѣ должности. Эти преимущества должны быть уничтожены. Воинская повинность должна отбываться по очереди или по жребію. Впрочемъ, для всѣхъ гражданъ предоставляется возможность отбыть военную службу офицеромъ по выдержаніи соотвѣтственнаго экзамена. Должностныя мѣста должны замѣщаться сообразно познаніямъ и способностямъ всѣхъ гражданъ.

Дворянство именуется благороднымъ сословіемъ и имѣетъ право на титулы и гербы. Все это „пустые звуки, удовлетворяющіе одному только надутому тщеславію и гордому самолюбію. Если съ титуломъ связаны преимущества, то это вредно, пагубно для государства и противорѣчитъ принципу равенства; если титулы преимуществъ не даютъ, то они—ребяческое пустословіе, но уничтожить даже и этотъ пустой намекъ необходимо. „Хотя, — говоритъ авторъ „Русской Правды“, — можетъ-быть, нѣкоторые люди и будутъ полагать, что при уничтоженіи первыхъ четырехъ родовъ дворянскихъ преимуществъ пятый родъ можетъ быть сохраненъ въ предположеніи, что, льстя одному только пустому самолюбію, не будетъ оный производить существеннаго вреда, но мысль сія совершенно несправедлива, ибо всякое существованіе отдѣльно отъ общей массы народной сословія есть вещь пагубная по той причинѣ, что такое сословіе не долго будетъ удовлетворяться однимъ наслажденіемъ самолюбія. Оно, вѣрно, будетъ скоро искать существеннѣйшихъ выгодъ и, отдѣлившись разъ отъ общей массы народной, будетъ всегда жертвовать благомъ общимъ для пресыщенія своей корысти и для овладѣнія существеннѣйшихъ преимуществъ, нарушающихъ равенство всѣхъ предъ закономъ: сіе первѣйшее, главнѣйшее и прочнѣйшее основаніе государственнаго благоденствія. Чего не дѣлали древнія козни дворянскія?“ Впрочемъ, гербы могутъ остаться, при условіи разрѣ-

шенія каждому гражданину измышлять себѣ какой угодно гербъ.

Авторъ „Русской Правды“ считаетъ уничтоженіе всѣхъ признаковъ дворянскаго сословія важнѣйшею задачею временнаго верховнаго правленія. „Законы безъ сихъ мѣропріятій всегда пребудутъ орудіемъ одного только зловластія нѣкоторыхъ человѣкъ надъ массою народною для общей пагубы цѣлаго государства. Довольно долго существовала возможность для нѣкоторыхъ угнетать всѣхъ прочихъ; пора теперь положить рѣшительный конецъ сему гнусному и неистовому распорядку вещей. Добрые дворяне, истинные сыны отечества, съ удовольствіемъ и радостью примутъ сіе постановленіе въ полномъ убѣжденіи, что не нужно имъ вышеупомянутыхъ отдѣльныхъ преимуществъ, дабы общею пользоваться любовью и довѣренностью, дабы посредствомъ оныхъ занимать разныя государственныя должностныя мѣста, участвовать въ разныхъ частяхъ и отросляхъ правленія, продолжать имѣть случай и возможность оказывать отечеству услуги, личными достоинствами пріобрѣтать признательность и уваженіе соотчичей и, наконецъ, самимъ пользоваться всѣми гражданскими выгодами и частными благами, пріобрѣтаемыми средствами праведными и никому не обидными. Они будутъ чувствовать, что выгоды, доставляемыя дворянству наравнѣ съ прочими россіянами новымъ государственнымъ порядкомъ, сею „Русскою Правдою“ опредѣляемымъ, несравненно обширнѣе и значительнѣе тѣхъ преимуществъ, коихъ дворянство симъ лишается, и что они, слѣдовательно, мѣняютъ малое на большое, не говоря уже о томъ, что теряютъ постыдное, а пріобрѣтаютъ похвальное и достойное. Что же касается дворянъ, закоснѣвшихъ въ своихъ враждебныхъ противу массы народной предразсудкахъ и мыслящихъ, что вся Россія для нихъ однихъ существуетъ, то крѣпкую питать можно надежду, что таковыхъ дворянъ окажется весьма мало, однакоже ежели паче чаянія

найдутся таковые недостойные сыны отечества, то противу нихъ надлежитъ принять мѣры рѣшительныя, дабы въ полной мѣрѣ укротить свирѣпый ихъ нравъ и поставить въ невозможность отечеству вредить, хотя бы къ тому и нужными были дѣйствія скорой и непреклонной строгости".

Въ такомъ же порядкѣ Пестель разсматриваетъ положеніе и другихъ сословій. Очертивъ замкнутое положеніе купечества, онъ выставляетъ требованіе объ освобожденіи промышленности и торговли отъ сословныхъ тормозовъ. Временное верховное правленіе объявляетъ купечество уничтоженнымъ сословіемъ, и всѣ члены его записываются по волостямъ. Всѣ граждане имѣютъ право свободнаго торга и промысла. Кромѣ того, верховное правленіе имѣетъ „всѣ старанія приложить къ устраненію тѣхъ многочисленныхъ препятствій и неудобствъ, которыя нынѣ столь сильно торговлю затрудняютъ и торговцевъ угнетаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и перебрать всѣ тарифы, дабы они какъ можно болѣе торговлю облегчали, къ лучшему ея ходу способствовали и притомъ остальнымъ отраслямъ промышленности не вредны". По отношенію къ торговцамъ должны быть выработаны новыя правила обложенія торговли.

Промышленность въ собственномъ смыслѣ также должна быть свободна. Свобода ея опредѣляется слѣдующими тремя условіями: 1) Чтобы каждый гражданинъ имѣлъ право и позволеніе заниматься тою или тѣми отраслями промышленности, которыя онъ заблагоразсудитъ избрать, лишь бы честенъ былъ и къ законамъ исполнителенъ. 2) Чтобы каждому дозволено было любою заниматься промышленностью не только въ однихъ городахъ и назначенныхъ мѣстахъ, но равнымъ образомъ и въ селеніяхъ всякаго рода и вообще вездѣ, гдѣ только пожелаетъ; и 3) чтобы сама промышленность была освобождена, „елико возможно болѣе, отъ всякихъ затрудненій и препятствій, производимыхъ иногда не

только худо обдуманными постановленіями, но и посторонними дѣйствіями и причинами, такъ чтобъ она находила въ распоряженіяхъ правительства не препоны своему преуспѣванію, но, напротивъ того, защиту и содѣйствіе".

Что касается низшаго городского класса, мѣщанства, то въ данномъ случаѣ Пестель отрицательно смотритъ на всѣ перегородки, которыя отдѣляютъ его отъ другихъ сословій. Онъ является большимъ противникомъ цехового устройства и тѣхъ стѣсненій, которыми обставлена мелкая торговля, производимая ремесленнымъ классомъ. Цехи должны быть уничтожены, всѣ стѣснительныя права для торговли также уничтожаются, и мѣщане переходятъ въ общій составъ россійскаго гражданства.

Таковы взгляды Пестеля на высшія и на городскія сословія государства. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ предполагаетъ нивелировку сословій. Но наибольшимъ интересомъ отличаются тѣ страницы „Русской Правды", которыя посвящены крестьянамъ. Разумѣется, крестьянскій вопросъ—наиболѣе сложный и отвѣтственный при тогдашнемъ положеніи Россіи. Общая мысль Пестеля заключается въ сравненіи крестьянскаго населенія Россіи съ остальными ея классами. Крестьяне также составятъ полноправныхъ россійскихъ гражданъ. Но, проводя свою общую мысль, предлагая мѣры къ указанному переходу, авторъ „Русской Правды" даетъ сжатыя, но очень мѣткія характеристики современнаго ему положенія различныхъ разрядовъ крестьянства. Начнемъ съ государственныхъ крестьянъ.

Пестель даетъ краснорѣчивую характеристику того положенія въ которомъ находятся военныя поселенія. „Одна мысль о военныхъ поселеніяхъ, прежнимъ правительствомъ заводимыхъ, наполняетъ каждую благомыслящую душу терзаніемъ и ужасомъ. Сколько пало невинныхъ жертвъ для пресыщенія того неслыханнаго

зловластія, которое съ яростію мучило несчастныя селенія, для сего заведенія отданныя. Сколько денежныхъ суммъ, на сей предметъ расточенныхъ—всѣ силы государства нарочито соединяя для гибели государства: и все сіе для удовлетворенія неистовому упрямству одного человѣка".

Онъ разбираетъ тѣ выгоды, которыя были обѣщаны государству введеніемъ военныхъ поселеній, и шагъ за шагомъ опровергаетъ розовыя надежды, которыя на нихъ возлагались. Военныя поселенія не избавляютъ государства отъ рекрутской повинности, такъ какъ во время войны армія должна пополняться рекрутами изъ другихъ слоевъ населенія. Для войска весьма вредна осѣдлость и „безпрестанное нахожденіе каждаго воина въ кругу своего семейства". Это изнѣживаетъ воина и лишаетъ его воинскаго духа. Поселенія не приносятъ казнѣ матеріальныхъ выгодъ, потому что если казна не несетъ на нихъ издержекъ, то зато населеніе освобождается отъ податей, что одно другое покрываетъ. Но есть причина нравственнаго порядка, которая не должна допускать правительство къ выдѣленію одной части населенія исключительно для несенія военной службы. „Никакое правительство не можетъ никогда права имѣть отдѣлить отъ общей массы народа часть онаго съ тѣмъ, чтобы на сію часть возложить за исключеніемъ остальныхъ самую тягостнѣйшую и жесточайшую повинность, какова есть военная. Какъ можно до такой степени всѣ чувства совѣсти и справедливости отвергнуть, чтобы навѣки нѣкоторыя семейства назначить для войны со всѣми ихъ дѣтьми, внуками и вообще потомствомъ; на сіи семейства возложить исключительно повинность военной службы и пролитіе крови за народъ, коего они знаютъ только потому, что за него всегда готовыми быть должны терять всѣхъ своихъ дѣтей, сихъ драгоцѣннѣйшихъ предметовъ ихъ любви и нѣжности. Развѣ военные поселяне не такія же чувства имѣютъ, развѣ они не такіе же граждане

нашего отечества, развѣ они не тѣ же права имѣютъ на благоденствіе, какъ и прочіе россіяне, развѣ прочіе россіяне не тѣ же имѣютъ обязанности къ отечеству, какъ и они, и развѣ защита отечества не есть священная обязанность для всѣхъ и каждаго? И потому яснымъ образомъ изъ всего можно вывесть заключеніе, что военныя поселенія суть самая жесточайшая несправедливость, какую только разъяренное зловластіе выдумать могло“. Но, съ другой стороны, и военныя поселенія весьма опасны для государства: они образуютъ государство въ государствѣ. „Легко можно предвидѣть, что, если бы вся армія была поселена и сей порядокъ былъ бы уже совершенно введенъ такъ, чтобы поселенныя войска къ оному привыкли, и изъ памяти ихъ бы изгладилось всякое воспоминаніе о прежней связи войска съ гражданами, то скоро бы поселенія захотѣли управляться собственными своими начальниками и чиновниками, выбранными изъ ихъ среды, чего никакая дисциплина удержать бы не могла, и потомъ въ скорости взглянули на государство, какъ на ближнюю добычу, и, зная силу, овладѣли бы онымъ совершенно и раздѣлили бы между собою, какъ варвары дѣлили завоеванныя земли“.

Все это приводитъ Пестеля къ мысли о необходимости немедленнаго уничтоженія военныхъ поселеній, выдѣленія въ нихъ войска отъ поселянъ и перехода послѣднихъ въ разрядъ россійскихъ гражданъ. Пестель не одобряетъ также мѣръ, принимаемыхъ государствомъ по отношенію къ дѣтямъ солдатъ. По общему правилу мальчики забираются въ военную службу. Этотъ порядокъ долженъ быть уничтоженъ, а уже отобранныхъ дѣтей слѣдуетъ подготовить въ особыхъ педагогическихъ институтахъ, и изъ нихъ образуется первый кадръ учителей уѣздныхъ и губернскихъ училищъ.

Различные разряды государственныхъ крестьянъ, какъ-то: разрядъ казенныхъ крестьянъ, удѣльныхъ, а равно и разрядъ вольныхъ земледѣльцевъ, должны быть уничто-

жены и, всѣ эти крестьяне наравнѣ съ другими гражданами переходятъ въ составъ волостной организаціи.

Большой интересъ представляетъ отношеніе Пестеля къ крѣпостному крестьянству. Отношеніе къ нему Пестеля уже отчасти намъ извѣстно. Онъ мрачными чертами рисуетъ положеніе крѣпостныхъ. „Участь крѣпостныхъ людей въ полной мѣрѣ зависитъ единственно отъ мысли и воли ихъ господъ“. Нѣтъ никакого постановленія, опредѣляющаго отношенія между помѣщиками и крестьянами. Дворовые люди находятся въ самомъ жалкомъ положеніи: „дворовые люди суть самое жалкое состояніе въ цѣломъ пространствѣ Россійскаго государства... одна воля барина всю его участь составляетъ до конца его жизни“. Для крѣпостного права нѣтъ никакого оправданія. „Надобно также и о томъ въ совѣсти своей помыслить, что право обладать другими людьми, какъ собственностью своею,—продавать, закладывать, дарить и наслѣдовать людей наподобіе вещей, употреблять ихъ по своему произволу безъ предварительнаго съ ними соглашенія и единственно для своей прибыли, выгоды и прихоти есть дѣло постыдное, противное человѣческимъ законамъ въ той вѣрѣ христіанской и заповѣдной воли Всевышняго Творца, гласящаго въ Священномъ Писаніи, что всѣ люди предъ Нимъ равны, и что одни дѣянія ихъ и добродѣтели разницу полагаютъ“. Въ силу этого Пестель стоитъ на точкѣ зрѣнія немедленнаго освобожденія крестьянъ. Необходимость перехода крестьянъ въ свободные граждане онъ видитъ въ несоотвѣтствіи духа времени съ рабствомъ одной части населенія: „Успѣхи общаго просвѣщенія, — говоритъ онъ, — повсюду болѣе и болѣе распространяющіеся, лучшія понятія о взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ членовъ и частей государства, духъ времени, стремящійся къ свободѣ, на законахъ основанной,—все сіе заставляетъ желать, чтобы рабство было совершенно въ Россіи уничтожено, и чтобы полезное сословіе крестьянъ не было забыто,

особливо въ то время, когда Россія стремится къ установленію прочнаго законнаго порядка“.

Итакъ, крестьяне должны быть освобождены и не должны быть забыты правительствомъ. Освобожденіе крестьянъ и для Пестеля является не только вопросомъ соціальнымъ, но и экономическимъ. По мысли Пестеля, при освобожденіи крестьянъ верховное правленіе должно руководствоваться тремя главными правилами: 1) Освобожденіе крестьянъ отъ рабства не должно лишить дворянъ доходовъ, ими отъ помѣстій своихъ получаемыхъ. 2) Освобожденіе не должно произвести волненій и безпорядковъ въ государствѣ, для чего и обязывается верховное правленіе безпощадную строгость употребить противъ всякихъ нарушителей общаго спокойствія. 3) Освобожденіе должно крестьянамъ доставить лучшее положеніе „противъ теперешняго, а не мнимую свободу имъ даровать“.

Пестель предполагаетъ, что дворянскія собранія сами представятъ проекты освобожденія крестьянъ, которыми можетъ воспользоваться верховное правленіе. Однако, не полагаясь на будущіе дворянскіе проекты, Пестель указываетъ на лучшіе способы освобожденія крестьянъ. Такъ, по отношенію къ дворовымъ можно назначить выкупъ ихъ у помѣщиковъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ и тѣмъ ремесламъ, которымъ дворовый обученъ; слѣдуетъ также опредѣлить число лѣтъ службы, по истеченіи которыхъ дворовый освобождается безъ выкупа. Впрочемъ, для освобожденія дворовыхъ верховнымъ правленіемъ могутъ быть приняты и другія мѣры.

Крестьянскій вопросъ не можетъ считаться детально разработаннымъ въ „Русской Правдѣ“. Главнымъ образомъ не достаточно рельефно изображенъ процессъ освобожденія крестьянъ. Болѣе того, основной тезисъ Пестеля, по которому освобожденіе крестьянъ не должно лишить помѣщиковъ ихъ дохода отъ помѣстій, стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ проектомъ аграрной ре-

формы. Послѣдній предполагаетъ широкую экспропріацію частной поземельной собственности, даже не въ пользу крестьянъ, но вообще на государственныя нужды. Само собой разумѣется, что такой переходъ частной собственности въ распоряженіе государства, хотя и сопровождаемый уплатой за отчуждаемую землю, лишаетъ, однако, владѣльцевъ ея дохода. Кромѣ того и крѣпостное крестьянство должно перейти со временемъ въ составъ россійскаго гражданства и получить государственный надѣлъ. Такимъ образомъ должны прекратиться отношенія между помѣщиками и ихъ бывшими крестьянами. Слѣдовательно, основной процессъ перехода крестьянъ въ свободное состояніе остается совершенно неразъясненнымъ. Судя по отдѣльнымъ замѣткамъ, находящимся въ неприведенной въ порядокъ части „Русской Правды" Пестель усиленно работалъ надъ этимъ вопросомъ. Во всякомъ случаѣ совершенно ясно, что, по мысли Пестеля, освобожденіе крестьянъ должно произойти съ надѣленіемъ крестьянъ землею, и что крестьяне должны слиться съ остальнымъ составомъ россійскаго гражданства.

Итакъ, общій выводъ, который вытекаетъ изъ только что сдѣланнаго обзора соціальнаго строя государства, тотъ, что различіе между сословіями должно быть уничтожено, и будущее государство основнымъ закономъ признаетъ гражданское и политическое равенство всѣхъ классовъ населенія. Всѣ должны быть, какъ выражается Пестель, „переименованы въ россійскіе граждане".

Онъ останавливается также и на церемоніалѣ, которымъ сопровождается вступленіе въ составъ гражданства. Этотъ церемоніалъ, несомнѣнно, навѣянъ изученіемъ античной древности. Дѣти россійскихъ гражданъ вступаютъ въ составъ гражданства по достиженіи ими пятнадцатилѣтняго возраста. Волостное правленіе ежегодно собираетъ въ назначенный день въ приходскую церковь всѣхъ дѣтей, достигшихъ пятнадцатилѣтняго

возраста; сюда же сходятся родители ихъ и родственники и вообще всѣ прихожане. Послѣ молебна священникъ говоритъ приличную проповѣдь и „выставляетъ недорослямъ всю важность состоянія и всю святость той присяги отечеству, которую они потомъ и произносятъ“. Затѣмъ волостной предводитель всѣхъ угощаетъ, и этотъ день для волости является днемъ радости и веселья. Такъ „недоросли“ вступаютъ въ число россійскихъ гражданъ. Но правами гражданства они пользуются по достиженіи двадцатилѣтняго возраста. По всей видимости, этотъ порядокъ вступленія предполагается какъ для лицъ мужского пола, такъ и для женскаго.

Такъ опредѣляется составъ россійскихъ гражданъ. Итакъ, первое право россійскаго гражданина это — всеобщее равенство. Теперь мы можемъ перейти къ опредѣленію другихъ правъ, устанавливаемыхъ „Русскою Правдою“.

VI.

Аграрная реформа.

На первомъ планѣ надо поставить право каждаго на извѣстный поземельный участокъ для обработки его. Съ точки зрѣнія Пестеля, государство обязано предоставлять гражданамъ не только политическія и гражданскія блага, но также и матеріальныя, по крайней мѣрѣ въ томъ размѣрѣ, какой необходимъ для пропитанія каждаго. Такимъ образомъ право пользованія земельнымъ участкомъ изъ государственнаго фонда является составною частью политическихъ правъ гражданъ. Пестель именно стоитъ на этой точкѣ зрѣнія и о своей аграрной реформѣ онъ говоритъ въ неоконченной главѣ, озаглавленной „О народѣ въ политическомъ отношеніи“.

Прежде всего Пестель старается установить общую точку зрѣнія. Ему извѣстны двѣ главныя теоріи рас-

предѣленія поземельной собственности. Первая исходитъ изъ того, что человѣкъ находится на землѣ, только на землѣ можетъ жить и только отъ земли же можетъ получать пропитаніе. Отсюда исходитъ требованіе, что „земля есть общая собственность всего рода человѣческаго, а не частныхъ лицъ, и посему не можетъ быть раздѣлена между нѣсколькими только людьми за исключеніемъ прочихъ". Если хоть одинъ человѣкъ пользуется исключительнымъ обладаніемъ землей, то тѣмъ самымъ нарушается воля Творца, законъ природы, и естественное право человѣка устраняется „насиліемъ и зловластіемъ". Вторая теорія признаетъ трудъ источникомъ собственности. Та же теорія принимаетъ въ расчетъ и значеніе капитала для земледѣлія: владѣлецъ согласится вложить свой капиталъ въ обработку земли только въ томъ случаѣ, если будетъ имѣть полную увѣренность въ прочномъ обладаніи поземельной собственностью.

Оба мнѣнія Пестель считаетъ крайностями. Эти крайности можно примирить, если стать на точку зрѣнія тѣхъ основныхъ положеній, которыми совѣтуетъ руководствоваться авторъ „Русской Правды". Эти положенія заключаются въ слѣдующемъ. Пестель признаетъ, что человѣкъ можетъ жить только на землѣ и ея же продуктами поддерживать свое существованіе; слѣдовательно, „земля есть собственность всего рода человѣческаго, и никто не долженъ быть отъ сего обладанія ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ исключенъ". Понятія о частной поземельной собственности возникаютъ вмѣстѣ съ образованіемъ государства. Охраненіе собственности является священною обязанностью правительства, но признаніе послѣдняго положенія отнюдь не должно вести къ нарушенію законовъ природы и божественныхъ, ибо „они поставлены отъ Бога и природы и суть неизмѣнны, между тѣмъ какъ политическіе поставлены отъ людей и часто перемѣняются". Поэтому возможенъ среднiй выходъ. Надо прежде всего дать людямъ необходимое для

жизни, и на второмъ планѣ слѣдуетъ поставить „пріобрѣтеніе изобилія"; на первое имѣетъ право всякій человѣкъ, на второе — только тотъ, который успѣетъ сдѣлать пріобрѣтеніе. Если принять въ основаніе эти общія положенія, то и можно прійти къ тому выводу, что каждый человѣкъ долженъ пользоваться дарами природы въ той мѣрѣ, въ какой это нужно для его жизни, и въ этомъ отношеніи онъ подвергается зависимости отъ другихъ; зависимость эта, очевидно, предполагается во всемъ томъ, что касается способовъ распоряженія и пользованія землею. Но разъ всѣ имѣютъ возможность пользоваться въ необходимой мѣрѣ этимъ даромъ природы, то для остальныхъ должно обезпечить „совершенную свободу пріобрѣтенію и сохраненію изобилія".

Итакъ, Пестель стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что всѣ граждане имѣютъ неотъемлемое право пользоваться землею въ мѣрѣ, необходимой для ихъ существованія. Государство должно обезпечить этотъ размѣръ пользованія. Слѣдовательно, въ государствѣ должны быть общественныя земли. Пользованіе ими можетъ имѣть и ограниченія. Но, съ другой стороны, въ государствѣ можетъ быть и частная поземельная собственность. Однако общіе интересы должны стоять на первомъ планѣ, и, слѣдовательно, частные собственники должны поступиться своимъ правомъ въ томъ случаѣ, если оно нарушаетъ законы естественные, по которымъ необходимо каждому человѣку предоставить участіе во владѣніи землею.

Теперь прежде всего выяснимъ назначеніе и роль государственнаго земельнаго фонда.

Въ каждой волости земли дѣлятся на двѣ равныя части: на общественную волостную землю и на частную поземельную собственность или на „казенную" — въ волостяхъ, составленныхъ изъ селеній государственныхъ крестьянъ. Волостная земля принадлежитъ всему волостному обществу и составляетъ его неприкосновенную

собственность. Остальная часть земли принадлежитъ частнымъ лицамъ или казнѣ. Послѣднія земли предназначаются „къ доставленію изобилія". Волостная земля даетъ необходимое пропитаніе для тѣхъ, кто не имѣетъ другихъ средствъ къ жизни. Каждый, такимъ образомъ, будетъ обезпеченъ. Конечно, ввести такой порядокъ не легко. Но Пестель напоминаетъ, что въ Россіи народныя понятія весьма склонны къ подобнаго рода раздѣленію земель, т.-е. къ общинной собственности. Наконецъ этотъ порядокъ будетъ вводиться въ теченіе пятнадцати лѣтъ, и въ этотъ періодъ могутъ быть устранены различныя частности, которыя могутъ встрѣтиться на пути подобнаго рода распредѣленія земель.

Порядокъ пользованія общественной землей представляется Пестелю въ слѣдующемъ видѣ. Волостная земля раздѣлена на участки. Каждый участокъ долженъ быть такихъ размѣровъ, „чтобы необходимое для житья одного тягла доставлять могъ". Подъ тягломъ разумѣется мужъ съ женой и тремя дѣтьми. Замѣтимъ, что, по словамъ Рылѣева, такой участокъ, по расчету Пестеля, равнялся пяти десятинамъ земли [1]). Эти земскіе участки раздаются въ пользованіе членамъ волостного общества на годичный срокъ. По истеченіи этого срока участокъ можетъ перейти въ другія руки или предоставляется тому же хозяину. Каждый членъ волости можетъ требовать для себя столько участковъ, сколько пожелаетъ. Отъ пользованія участками не исключаются и тѣ члены общества, которые имѣютъ частную поземельную собственность. Если въ волости остаются неразобранные участки, то они сдаются въ аренду постороннимъ лицамъ. Но если участковъ оказывается меньше и заявленныя требованія не могутъ быть удовлетворены, то въ такомъ случаѣ оставляются безъ удовлетворенія требованія наибольшаго числа участковъ и имъ пред-

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1875 года, 436.

лагается меньшее число. Владѣльцы частныхъ земель могутъ быть также оставлены безъ удовлетворенія, затѣмъ занимающіеся исключительно земледѣліемъ предпочитаются тѣмъ, которые на ряду съ земледѣліемъ занимаются еще какими-нибудь промыслами.

Общественная земля устанавливается для доставленія каждому необходимыхъ средствъ къ жизни. Поэтому волость должна слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый занимался съ усердіемъ и прилежаніемъ своимъ участкомъ; въ противномъ случаѣ она можетъ лишить права на пользованіе участками.

Въ каждой волости учреждаются банкъ и страховое учрежденіе. Банкъ даетъ необходимое пособіе на первоначальное обзаведеніе.

Пестель былъ увѣренъ, что предлагаемая имъ аграрная реформа будетъ имѣть „неоцѣнимыя выгоды". Каждый гражданинъ будетъ обезпеченъ и будетъ увѣренъ въ томъ, что въ своей волости онъ найдетъ клочокъ земли, который дастъ ему на пропитаніе. Нищеты не будетъ, а это—важный залогъ поднятія нравственности въ странѣ. Націонализація поземельной собственности не можетъ препятствовать развитію промышленности и вообще стремленію къ увеличенію богатствъ, связанному съ обладаніемъ частною собственностью, ибо для послѣдней аграрная реформа не ставитъ препятствій. Аграрная реформа уничтожитъ нужду въ переселеніяхъ, которыя пагубно отражаются на переселенцахъ, вслѣдствіе разнообразія климата и почвъ въ Россіи. Умноженіе населенія уменьшитъ количество свободныхъ волостныхъ участковъ. Но отъ этого вздорожаютъ частныя земли, а возвышеніе цѣнъ на нихъ послужитъ къ поощренію направлять капиталы на устройство мануфактуръ, заводовъ и для всякаго рода коммерческихъ предпріятій. Аграрная реформа будетъ имѣть и моральное послѣдствіе. Каждая волость составитъ „политическое семейство, и связь между членами ея будетъ очень сильна.

блага, предоставляемыя государстомъ, усилятъ патріотизмъ. Все государство разобьется на мелкія общины—волости, и каждый гражданинъ получитъ отъ волости какъ матеріальное обезпеченіе, такъ и осуществитъ въ ней свои политическія права.

Въ такомъ широкомъ масштабѣ предполагаетъ Пестель аграрную реформу. Но является вопросъ, какими путями можетъ быть образованъ необходимый фондъ волостныхъ земель? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ, какъ въ тѣхъ статьяхъ „Русской Правды", которыя говорятъ о различныхъ разрядахъ крестьянства, такъ и въ одной замѣткѣ, которая находится среди необработанной части „Русской Правды".

Такъ, земля казенныхъ крестьянъ и удѣльныхъ дѣлится на двѣ половины. Одна составляетъ волостную землю, другая входитъ въ составъ государственныхъ имуществъ. Такъ дѣлается въ каждой вновь образованной волости. Крестьяне данной волости одинаково пользуются какъ той, такъ и другой землею, разбитою на участки. Въ первые десять или пятнадцать лѣтъ крестьяне уплачиваютъ оброкъ за ту и другую землю въ размѣрѣ, не превышающемъ установленнаго до реформы. Но когда вся государственная реформа будетъ завершена, то платежъ въ казну съ общественной земли прекращается, оброкъ будетъ взиматься только съ казенной половины земли.

По отношенію къ государственнымъ крестьянамъ, аграрный вопросъ рѣшался просто, потому что они обладали въ то время относительно большими надѣлами и, кромѣ того, земля не принадлежала имъ на правѣ собственности. Гораздо сложнѣе разрѣшается вопросъ по отношенію къ тѣмъ землямъ, которыя находятся въ частной собственности.

По отношенію къ небольшому разряду вольныхъ крестьянъ, владѣвшихъ землями на общинномъ правѣ или на частномъ, авторъ „Русской Правды" также тре-

буетъ раздѣленія этихъ земель на двѣ равныя половины. Но частные собственники этихъ земель должны быть вознаграждены или денежною уплатою за отошедшія земли или соотвѣтственнымъ участкомъ изъ казенныхъ земель, не вошедшихъ въ волостное дѣленіе. Земли, которыми крестьяне владѣютъ на общинномъ правѣ, дѣлятся также на двѣ части, изъ коихъ одна половина переходитъ въ волостной фондъ, а другая распредѣляется среди однообщинниковъ на правахъ частной собственности.

Такъ Пестель рѣшаетъ аграрный вопросъ по отношенію къ одной части земель. Но, разумѣется, наибольшую сложность весь этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ по отношенію къ крупному землевладѣнію съ крѣпостными крестьянами. Приходилось уже говорить, что аграрный вопросъ не законченъ разработкою авторомъ „Русской Правды“. Однако окончательная его схема выясняется изъ указаннаго уже отрывка, находящагося среди рукописи. Нѣтъ только теоретическихъ объясненій, которыми Пестель обычно сопровождаетъ всякую сторону своего проекта. Но, впрочемъ, въ данномъ случаѣ теоретическая обосновка вытекаетъ съ полной очевидностью изъ общихъ положеній „Русской Правды“: благо частныхъ лицъ должно уступать благу всего общества, поэтому владѣльцы частныхъ земель должны поступиться частью своей собственности въ пользу всего государства. Отсюда вытекаетъ право государства экспропріировать частную поземельную собственность.

Такъ, по отношенію къ частнымъ собственникамъ, владѣющимъ населенными имѣніями, Пестель предполагаетъ такую схему раздѣла земли между государствомъ и помѣщикомъ; расчетъ дѣлается относительно владѣльцевъ, имѣющихъ не меньше тысячи душъ крѣпостныхъ. Если у помѣщика на каждую душу приходится десять или болѣе десятинъ, то половина земли оставляется помѣщику, а половина экспропріируется въ пользу волости

безъ всякаго вознагражденія владѣльцу. Владѣющіе же землею въ размѣрѣ менѣе десяти тысячъ десятинъ при надѣленіи крестьянъ пользуются вознагражденіемъ по такому расчету, что половина земли переходитъ къ волости, половина остается у помѣщика, при этомъ помѣщики, владѣющіе землею въ размѣрѣ отъ пяти тысячъ до девяти тысячъ десятинъ, за уступку половины своей земли получаютъ изъ государственныхъ земель или соотвѣтствующую стоимость деньгами или прибавку землею такъ, чтобъ у нихъ въ общемъ итогѣ получилось пять тысячъ десятинъ. Такъ, напр., если владѣлецъ имѣетъ шесть тысячъ десятинъ, то ему оставляется три тысячи и двѣ тысячи десятинъ отводятся изъ казенной земли въ натурѣ или уплачивается деньгами. Владѣльцы, имѣющіе менѣе пяти тысячъ десятинъ, получаютъ добавочную землю въ полномъ размѣрѣ.

Расчетъ этотъ находится въ отрывкѣ среди рукописей „Русской Правды“ и не снабженъ детальнымъ поясненіемъ. Онъ сдѣланъ только для среднихъ и крупныхъ владѣній (свыше тысячи десятинъ), но общая мысль автора представляется довольно ясною. Крупные владѣльцы, имѣющіе больше десяти тысячъ десятинъ земли, безвозмездно уступаютъ крестьянамъ половину своей собственности. Имѣющіе менѣе пяти тысячъ десятинъ уступаютъ за вознагражденіе. Очевидно, этотъ принципъ относится и къ болѣе мелкимъ владѣніямъ. Наконецъ владѣющіе отъ пяти до десяти тысячъ десятинъ безвозмездно уступаютъ лишь часть своей собственности. Такимъ образомъ Пестель остановился на серединномъ пути въ вопросѣ о національзаціи поземельной собственности.

Легко догадаться, что, согласно общей мысли Пестеля, полученныя путемъ экспропріаціи земли не переходятъ въ собственность землевладѣльцевъ, но составляютъ общественныя земли. По мысли Пестеля, всѣ граждане расписываются по волостямъ, въ томъ числѣ и горожане

Пестель представлялъ себѣ волость весьма сходной съ фалангой Фурье. Волость составляетъ небольшая группа людей, имѣющихъ право на пользованіе, въ размѣрѣ, необходимомъ для поддержанія физическаго существованія, приписанной къ волости землей.

VII.

Дальнѣйшій обзоръ правъ политическихъ.

Если бы слѣдовать схемѣ Пестеля, что теперь пришлось бы остановиться на правѣ гражданъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Но это связано съ другими сторонами государственнаго строя. Поэтому удобнѣе разсмотрѣть предварительно здѣсь другія составныя части политическихъ правъ, которыя Пестель именуетъ „гражданскими" и разсматриваетъ въ главѣ „о народѣ въ гражданскомъ отношеніи". Авторъ даетъ такой перечень правъ, хотя не полный съ его же точки зрѣнія. Такъ, слѣдующія бываютъ „правила для дѣйствія гражданъ въ разныхъ обстоятельствахъ": „1) Правила, опредѣляющія личную свободу и увѣренность въ законности суда. 2) Правила, опредѣляющія участіе въ личныхъ и денежныхъ повинностяхъ. 3) Правила, опредѣляющія участіе, принимаемое гражданами въ государственной службѣ. 4) Правила, утверждающія свободное книгопечатаніе и опредѣляющія нравственныя дѣйствія. 5) Правила, утверждающія свободное вѣроисповѣданіе и касающіяся духовныхъ дѣйствій, и, наконецъ 6) Правила, утверждающія свободный ходъ промышленности и касающіяся хозяйственныхъ и благоугодныхъ дѣйствій. Первые три рода касаются преимущественно порядка общественнаго, а послѣдніе три касаются преимущественно порядка частнаго".

Начнемъ съ ученія о *неприкосновенности личности:* „Личная свобода есть первое и важнѣйшее право каждаго

гражданина и священнѣйшая обязанность каждаго правительства. На ней основано все сооруженіе государственнаго зданія, и безъ нея нѣтъ ни спокойствія, ни благоденствія", говоритъ Пестель, Съ цѣлью обезпеченія личной свободы гражданъ должны быть установлены слѣдующія правила. „Никто изъ гражданъ не долженъ свободы быть лишенъ и подъ стражу посаженъ, какъ законнымъ образомъ и законнымъ порядкомъ. Всякое дѣйствіе, сему противное, наводитъ строжайшую отвѣтственность на нарушителей". Законный порядокъ лишенія свободы заключается прежде всего въ томъ, что гражданинъ можетъ быть взятъ подъ стражу только полицейскимъ вѣдомствомъ; если бы въ случаяхъ крайности иное вѣдомство, частное лицо или воинская сила, содѣйствующая полиціи, принуждены были кого-либо арестовать, то арестованный долженъ быть немедленно представленъ полиціи. Эта подробность не должна насъ удивлять: „Русская Правда" составлялась въ то время, когда свобода гражданъ могла быть нарушена каждымъ сильнымъ лицомъ или каждымъ вѣдомствомъ. Домъ каждаго гражданина объявляется неприкосновеннымъ: въ него никто не можетъ войти безъ согласія хозяина, въ томъ числѣ и полиція; если полиція является въ домъ гражданина, чтобы взять его подъ стражу, то она должна представить письменное предписаніе подлежащей инстанціи съ объявленіемъ причины ареста. Повидимому, по мысли Пестеля даже и для арестованія полиція не можетъ войти въ частный домъ безъ согласія его хозяина. На улицѣ она можетъ взять подъ стражу гражданина, при условіи письменнаго объявленія до истеченія двадцати четырехъ часовъ о причинахъ ареста. Арестованные могутъ содержаться только въ правительственномъ арестномъ домѣ, имъ предоставлена облегченная возможность быть взятыми на поруки и почти неограниченное право свиданій съ посѣтителями.

Личная безопасность всѣхъ гражданъ опредѣляется еще и общимъ для всѣхъ судомъ: никогда не должны дѣйствовать никакіе чрезвычайныя судебныя комиссіи или суды. Исключеніе составляютъ лишь преступленія по военной службѣ, которыя подлежатъ военному суду. Суды должны пользоваться точнымъ текстомъ закона, не допуская толкованій.

Теперь перейдемъ къ другимъ правамъ, которыя предоставляются всѣмъ гражданамъ. Слѣдуетъ остановиться на отношеніи Пестеля къ религіознымъ убѣжденіямъ. Онъ отличаетъ *свободу совѣсти* отъ *свободы религіи.* „Внутренняя вѣра есть неограниченная собственность каждаго человѣка, какъ существа разумнаго, не имѣющаго ни малѣйшей обязанности давать въ томъ отчетъ кому бы то ни было, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неимѣющаго права отъ другихъ такого отчета требовать“. Это—свобода совѣсти въ собственномъ смыслѣ. Она предоставляется разумѣнію каждаго отдѣльнаго лица. Но относительно Церкви, какъ учрежденія, Пестель держится иного взгляда. Для него не всѣ религіи безразличны, и православная религія признается господствующею. Но, впрочемъ, онъ не опредѣляетъ, въ чемъ заключаются ея преимущества, такъ какъ на ряду съ православною религіею всякое исповѣданіе пользуется правомъ свободнаго существованія въ предѣлахъ государства, если оно не нарушаетъ правилъ нравственности, законовъ политическихъ или естественныхъ.

По отношенію къ свободѣ слова Пестель стоитъ на точкѣ зрѣнія свободы печати и разсмотрѣнія проступковъ въ этой области судомъ [1]). Однако повременныя изданія могутъ выходить въ свѣтъ только послѣ предварительнаго заявленія о выходѣ ихъ верховному правленію. Вотъ какъ опредѣляетъ Пестель правила о сво-

---

[1]) Это—позднѣйшій взглядъ. Во главѣ о приказѣ благочинія, относящейся къ болѣе раннимъ частямъ „Правды“, предвидится цензура.

бодѣ печати: „Коренныя правила въ отношеніи къ свободѣ книгопечатанія поставляются слѣдующія: 1) Каждый гражданинъ имѣетъ право писать и печатать все то, что онъ хочетъ, съ тѣмъ только, чтобъ его имя было на его сочиненіи выставлено. Отъ сего исключаются одни только личныя ругательства, которыя никогда допускаемы быть не должны. 2) Каждый гражданинъ пользуется правомъ имѣть типографію съ тѣмъ только, чтобъ о томъ было предварительно правительство извѣщено и чтобы на каждой печатной вещи находилось имя хозяина типографіи. 3) За мнѣнія и правила, въ сочиненіи изложенныя, отвѣчаетъ каждый писатель на основаніи вышеупомянутыхъ правилъ объ ученіи и проповѣдываніи, противныхъ законамъ и чистой нравственпости, и судится общимъ судебнымъ порядкомъ. 4) Ежели въ сочиненіи излагаются какія-нибудь происшествія или что-нибудь утверждается, то сочинитель обязанъ оные доказать, если къ суду обиженною стороною призванъ будетъ. Если же доказать не можетъ, то подвергается уголовному наказанію и суду присяжныхъ, судясь обыкновеннымъ порядкомъ, и 5) Сему распорядку подлежатъ всѣ сочиненія, большія и малыя, всѣ переводы, всѣ вѣдомости и срочныя изданія, всѣ живописи, гравировки, однимъ словомъ, все то, что какого бы ни было рода сочиненіе составляетъ. Верховному правленію разрѣшается всѣ подробности по своему усмотрѣнію постановить: срочныя же сочиненія должны быть издаваемы не иначе, какъ по предварительному извѣщенію правительства о семъ намѣреніи“.

Кромѣ правъ, которыя обыкновенно относятъ къ разряду правъ политическихъ, Пестель полагаетъ необходимымъ установить нѣкоторыя общія гражданскія права, которыя онъ вноситъ по своей терминологіи тоже въ разрядъ правъ „гражданскихъ“. Особая глава „Русской Правды“ посвящена этимъ вопросамъ; она озаглавлена „о народѣ въ гражданскомъ отношеніи“. Къ

числу этихъ гражданскихъ правъ Пестель относитъ, какъ уже разсмотрѣнныя о свободѣ печати и совѣсти, такъ и нѣкоторыя другія. Къ числу ихъ относится *право собственности* — „право священное и неприкосновенное". Поэтому, напримѣръ, государство никогда не должно допускать конфискаціи частнаго имущества. Но отчужденіе его въ цѣляхъ общаго блага допускается при условіи „полнаго возмездія" за отчужденное имущество.

Къ тому же отдѣлу правъ относится и *свобода промышленности*. Всякій можетъ заниматься любой отраслью промышленности. Вообще, Пестель стоитъ за свободу промышленности внутри страны и на точкѣ зрѣнія охраны ея и поддержки со стороны правительства. Такъ, внѣшнія таможенныя пошлины могутъ быть устанавливаемы только для поддержанія народной промышленности, но не для обогащенія казны. Но у Пестеля вездѣ сказывается одна черта—стремленіе не допустить скопленія богатствъ въ однѣхъ рукахъ. Какъ частныя, такъ и правительственныя монополіи не должны имѣть мѣста. Но особенно характерно, что Пестель предполагаетъ разрѣшать „временныя товарищества" съ промышленной цѣлью, но не допускаетъ „постоянныхъ компаній", въ родѣ Американской или Остъ-Индской. Въ этой неясно формулированной мысли надо видѣть желаніе Пестеля воспрепятствовать скопленію большихъ капиталовъ въ рукахъ крупныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій, такъ какъ онъ аристократію богатствъ считаетъ болѣе вредной въ государствѣ даже, чѣмъ феодальную аристократію.

Наконецъ къ тому же отдѣлу правъ относятся и такія постановленія, которыя вытекаютъ изъ договоровъ между частными лицами, или изъ семейственнаго права, напримѣръ, наслѣдованія, опеки, брака, отношенія родителей и дѣтей. Мы не будемъ слѣдить за этой стороной разсужденія Пестеля, такъ какъ она по существу не представляетъ большого интереса.

Предоставляя полную свободу населенію Пестель, однако, считаетъ нужнымъ наложить на общество и нѣкотораго рода ограниченія. Въ его представленіи эти ограниченія исходятъ изъ требованій государственныхъ и изъ требованій охраны нравственности. Такъ, „всякое ученіе, проповѣдываніе и занятіе, противные закону и правиламъ чистой нравственности, а тѣмъ болѣе развратъ и соблазнъ вводящія, должны быть совершенно запрещены“. Пестель самъ понимаетъ, что такое широкое правило можетъ повести къ тому же зловластію, съ которымъ онъ борется. Поэтому онъ полагаетъ, что временное правленіе издастъ такія правила, которыя не стѣснятъ, однако, гражданской свободы. Во всякомъ случаѣ онъ рекомендуетъ строгій надзоръ за увеселеніями и забавами и прекращеніе поединковъ.

Но всего интереснѣе, что руководитель Тайнаго Общества высказывается противъ какихъ бы то ни было *частныхъ обществъ*. „Всякія частныя общества, съ постоянною цѣлью учреждаемыя, должны быть совершенно запрещены, какъ открытыя, такъ и тайныя, потому что первыя безполезны, а вторыя вредны. Первыя потому безполезны, что они такихъ только предметовъ касаться могутъ, которые входятъ въ кругъ дѣйствія правительства и для которыхъ правительство уже учреждено со всѣми отраслями, частями и подраздѣленіями, особенно при существованіи волостныхъ обществъ. Вторыя же потому вредны, что они такихъ только касаться могутъ предметовъ, которые не могутъ быть сдѣланы гласными, а таковые предметы не могутъ быть иначе признаны какъ зловредными, ибо государственный порядокъ, въ сей „Русской Правдѣ“ постановляемый, не только ничего добраго и полезнаго не принуждаетъ скрывать, но даже, напротивъ того, всѣ средства даетъ на ихъ введеніе и обнародованіе законнымъ порядкомъ и къ объявленію такихъ предметовъ и статей дружески и благосклонно

всѣхъ и каждаго приглашаетъ. Слѣдовательно, скрывать нечего добро".

Опредѣляя права гражданъ, Пестель устанавливаетъ и ихъ повинности и отношеніе къ государственной власти. Изъ повинностей представляетъ интересъ рекрутская. Пестель предполагаетъ всеобщую рекрутскую повинность, при чемъ службѣ подлежатъ молодые люди, достигшіе двадцатилѣтняго возраста, и служба продолжается пятнадцать лѣтъ. Отъ обязательной воинской повинности освобождаетъ образовательный цензъ, университетскій или гимназическій дипломъ, и затѣмъ единственный сынъ у родителей не подлежитъ призыву. По отношенію къ государству Пестель требуетъ отъ гражданъ безпрекословнаго повиновенія законамъ и исполненія приказаній верховной власти.

VIII.

Государственный строй.

Познакомившись съ правами, которыя Пестель въ своей конституціи предполагаетъ распространять на все населеніе страны, перейдемъ теперь къ наиболѣе важному изъ политическихъ правъ населенія, именно—къ праву участія его въ политической жизни страны.

И къ этому вопросу Пестель прежде всего подходитъ съ точки зрѣнія теоретической. Въ древности малыя государства имѣли возможность рѣшать дѣла на народномъ вѣчѣ, состоящемъ изъ всѣхъ гражданъ. Но съ теченіемъ времени демократическія государства исчезаютъ и замѣняются феодальной аристократіей, которая угнетала несчастную Европу. Но, наконецъ, политическіе умы пришли къ мысли о возможности замѣны вѣча въ большихъ государствахъ представительнымъ образомъ правленія. Это—наилучшее разрѣшеніе вопроса. Но тутъ является новый вопросъ о способѣ избранія, такъ какъ

весь народъ не можетъ собраться въ одно вѣче. Невозможно также избрать столько народныхъ представителей, сколько слѣдовало бы составить избирательныхъ собраній, потому что получилось бы очень большое количество представителей, и они не будутъ въ состояніи заниматься государственными дѣлами. Пестель, очевидно, представляетъ себѣ, что народный представитель долженъ бы быть избранъ отъ даннаго избирательнаго собранія. Онъ не представляетъ себѣ возможности, когда нѣсколько избирательныхъ собраній могли бы голосовать за одного и того же кандидата. Вотъ почему онъ не видитъ иного выхода, какъ не прямые выборы въ члены народнаго вѣча.

Участіе народа въ политической жизни страны Пестель представляетъ себѣ слѣдующимъ образомъ. Основной ячейкой политической жизни страны является волость; въ волости каждый членъ ея можетъ осуществлять свои политическія права. Города и мѣстечки также раздѣляются на волости. Конечно, къ такой городской волости тоже тянутъ волостныя земли. Въ каждой волости имѣются два списка членовъ—гражданскій и скарбовый. По скарбовому списку каждый гражданинъ можетъ быть записанъ въ нѣсколькихъ волостяхъ, такъ какъ это списокъ имущественный и податной и, слѣдовательно, имѣющій имущество въ нѣсколькихъ волостяхъ записывается въ ихъ скарбовые списки. Но въ гражданскій списокъ каждый гражданинъ вносится только въ одной волости. Волость небольшое дѣленіе, повидимому, она, должна была состоять въ среднемъ изъ 1000 душъ мужского пола. Такимъ образомъ волость является политическимъ и аграрнымъ дѣленіемъ, она же и самоуправляющаяся мѣстная единица. Мы уже знаемъ, что Пестель предполагалъ, что волостная жизнь будетъ связывать членовъ волости матеріально и морально.

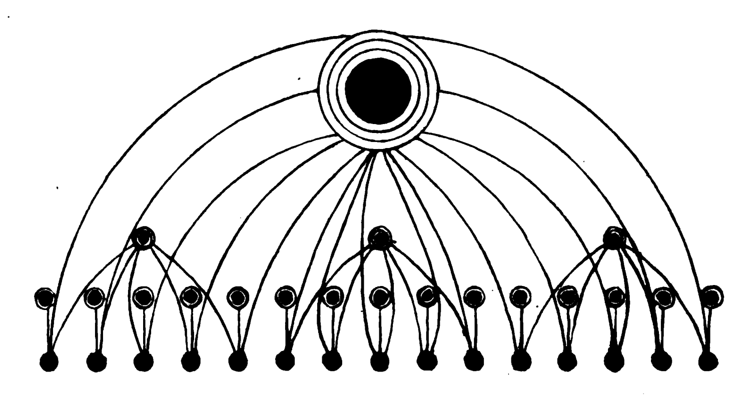
Теперь посмотримъ, въ чемъ въ ближайшемъ заключается политическая жизнь въ волости.

Здѣсь эта жизнь проявляется въ *земскомъ народномъ собраніи*. Оно состоитъ изъ всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ данной волости. Земское народное собраніе созывается разъ въ годъ и продолжается шесть дней, отъ одного воскресенья до другого. Время этихъ собраній опредѣляется закономъ, и они происходятъ одновременно во всемъ государствѣ. Въ земскомъ народномъ собраніи предсѣдательствуетъ *волостной предводитель*. Земское собраніе является собственно избирательнымъ собраніемъ. Его функціи сводятся къ избранію членовъ мѣстныхъ исполнительныхъ и политическихъ органовъ, а именно: членовъ намѣстныхъ волостныхъ собраній, намѣстныхъ уѣздныхъ собраній и намѣстныхъ окружныхъ или губернскихъ собраній. Во всѣ эти собранія члены избираются посредствомъ прямого избранія, но способъ избранія не опредѣленъ,— предполагалось ли оно тайнымъ или открытымъ. Число членовъ, избираемыхъ въ каждое намѣстное собраніе, предоставлялось опредѣлить будущему законодательству. Во всякомъ случаѣ намѣстныя волостныя собранія предполагается составить отъ ста до двухсотъ членовъ, что составляетъ весьма значительный процентъ избирателей, потому что волость предполагалась съ населеніемъ около тысячи человѣкъ.

Во всѣ намѣстныя собранія члены избираются ежегодно, съ правомъ переизбранія. Намѣстныя собранія ежегодно въ одинъ срокъ собираются во всемъ государствѣ, и засѣданія ихъ продолжаются столько времени, сколько понадобится для рѣшенія всѣхъ дѣлъ. Въ волостныхъ намѣстныхъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ волостной предводитель, а въ уѣздныхъ и окружныхъ — уѣздный и окружный посадники. Пестель даетъ графическую схему соотношенія собраній, которую мы и приводимъ (см. слѣд. стр.).

Компетенція волостного и уѣзднаго намѣстныхъ собраній распадается на три разряда дѣлъ. Прежде

всего собранія выслушиваютъ отчеты волостного или уѣзднаго правленія, а равно и жалобы частныхъ лицъ на тѣ же органы управленія. Выслушавъ отчеты, собраніе высказываетъ одобреніе или осужденіе дѣйствій мѣстныхъ органовъ. Вторымъ разрядомъ занятій является замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ въ волостныхъ и уѣздныхъ правленіяхъ, выборъ новыхъ должностныхъ лицъ и присяжныхъ судей. Покончивъ съ этими вопро-

● Земскія Волостныя Собранія ◉ Волостныя Намѣстныя Собранія ◉ Уѣздныя Намѣстныя Собранія ◉ Окружное Намѣстное Собраніе

сами, волостное или намѣстное уѣздное собраніе занимается „соображеніемъ общихъ дѣлъ до волости или уѣзда касающихся, разрѣшаетъ различныя предпріятія для общественной пользы, раздаетъ въ волостяхъ общественныя земли, разсматриваетъ просьбы иностранцевъ о вступленіи въ россійское гражданство и многое другое тому подобное".

Окружное намѣстное собраніе имѣетъ тѣ же функціи по отношенію къ округу или губерніи, но сверхъ того оно собираетъ представителей въ *народное вѣче*. Такимъ образомъ, авторъ „Русской Правды" отказывалъ

населенію въ прямомъ избраніи членовъ законодательнаго сословія въ государствѣ, предоставляя ему зато широкое участіе въ мѣстномъ управленіи. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить, что компетенція намѣстныхъ собраній опредѣлена въ очень общихъ чертахъ. Но, очевидно, дѣла, подлежащія ихъ рѣшенію, касаются преимущественно хозяйственно - административной стороны.

Надо еще замѣтить, что члены волостныхъ собраній не получаютъ никакого вознагражденія за свою работу; члены же высшихъ намѣстныхъ собраній получаютъ только прогонныя и столовыя деньги.

Выяснивъ строй мѣстнаго самоуправленія и политическія права гражданъ, авторъ „Русской Правды“ считаетъ необходимымъ сдѣлать поясненія выработанной имъ схемы. Въ этомъ поясненіи онъ защищаетъ два тезиса: во-первыхъ, тотъ, что его схема доставляетъ гражданамъ равныя и широкія права участія въ политической жизни; во-вторыхъ, тотъ, что его проектъ вовсе не угрожаетъ волненіями въ государствѣ. Эти объясненія весьма [интересны и важны, почему мы считаемъ необходимымъ привести ихъ цѣликомъ. „Такимъ образомъ будетъ весь народъ размѣщенъ по земскимъ собраніямъ для всеобщаго участія въ составленіи намѣстныхъ собраній. А въ полной мѣрѣ намѣстныя собранія будутъ симъ способомъ весь народъ и всѣхъ онаго гражданъ безъ изъятія представлять. Никто не будетъ зловластно отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ исключенъ, а поелику участіе сіе устроено будетъ порядкомъ представительнымъ и посредственнымъ, то и будутъ въ полной мѣрѣ соглашены возможность для гражданъ собираться всѣмъ на одно мѣсто съ обязанностью даровать всѣмъ гражданамъ одинаковыя права на сіе соучастіе. Строгое будетъ соблюдено безпристрастіе противъ всѣхъ и каждаго. Богатые не лишатся своихъ правъ, бѣдные пріобрѣтутъ оныя.

Гибельный обычай даровать нѣкоторымъ людямъ привилегію за исключеніемъ массы народной будетъ совершенно уничтоженъ. Выборы, не будучи направляемы никакими насильственными средствами, будутъ падать на самыхъ достойнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ мужей. Дворяне и богатые будутъ, вѣроятно, чаще другихъ гражданъ избираемы, если будутъ просвѣщеннѣе прочихъ; но таковой выборъ, основанный на общемъ довѣріи, не есть политическое право для лица, а есть обязанность. Выгода для всего государства тѣмъ болѣе, что достигаема будетъ правильнымъ образомъ безъ всякихъ насильственныхъ или принудительныхъ постановленій. Что же касается до опасенія, чтобы такъ называемая чернь не волновала государства, когда въ выборахъ участвовать она будетъ, то опасеніе сіе совершенно лишнее и напрасное. Чернь производитъ безпорядки только тогда, когда ее угнетаютъ или когда богатые для своихъ видовъ ее подкупаютъ и волнуютъ, сама же пребываетъ она всегда въ спокойствіи. Всѣ лѣтописи свидѣтельствуютъ о томъ, что волненія въ государствахъ никогда не были чернью производимы, но всегда богачами и аристократами. Въ изложенномъ же здѣсь порядкѣ не будутъ даже и богачи повода имѣть чернь волновать, ибо въ избраніи членовъ въ уѣздныя и окружныя намѣстныя собранія много волостей участвуютъ вдругъ и нельзя всѣхъ гражданъ во всѣхъ волостяхъ разомъ прельстить или подкупить. Да сверхъ того ни что не будетъ рѣшаться въ земскихъ собраніяхъ, а все—въ намѣстныхъ. На намѣстныя же собранія вліянія имѣть нельзя будетъ потому, что такъ какъ нельзя было имѣть вліяніе на избраніе членовъ въ сіи намѣстныя собранія, то и можно съ полною увѣренностью ожидать, что народъ, не будучи никакими побочными соображеніями и страстями волнуемъ, изберетъ въ члены намѣстныхъ собраній истинно достойныхъ людей. А отъ того тѣмъ еще болѣе можно ожи-

дать, что нельзя будетъ намѣстныя собранія волновать, и что всѣ ихъ дѣйствія къ общей пользѣ клониться будутъ и только оную въ виду имѣть. А изъ сего явствуетъ, что раздѣленіе народныхъ собраній на земскія и намѣстныя всѣ несправедливости и затрудненія отвращаетъ, сколько то въ силѣ законодательной власти состоять можетъ, соединяя притомъ подобнымъ же образомъ всѣ выгоды и удобства".

„Русская Правда" не полно опредѣляетъ функціи волости. О волостяхъ Пестель говоритъ въ той главѣ, которая трактуетъ о политическихъ правахъ населенія. Но отдѣлъ, касающійся мѣстнаго управленія, до насъ не дошелъ. Равнымъ образомъ не дошла та глава, которая должна была трактовать о высшемъ управленіи страны. О немъ можно судить только по сокращенному изложенію въ Государственномъ Завѣтѣ и по нѣкоторымъ показаніямъ лицъ, знакомыхъ съ содержаніемъ „Русской Правды". Но послѣднее свѣдѣніе почерпается преимущественно изъ показаній членовъ Общества Соединенныхъ Славянъ; они же имѣли подъ рукою Государственный Завѣтъ, сопровождаемый комментаріями Бестужева. Поэтому о верховномъ управленіи можно судить по Государственному Завѣту.

Пестель отвергаетъ правило Монтескье о равновѣсіи властей и принимаетъ правило „опредѣлительности круга дѣйствія". Очевидно, у Пестеля была своя теорія дѣйствія властей въ государствѣ и, вѣроятно, въ недошедшей части „Правды" слѣдовало бы ожидать теоретическаго развитія этой мысли. По Государственному Завѣту верховная власть раздѣляется на *законодательную* и *верховно-исполнительную*. Изъ этого видно, что въ его схемѣ судебная власть не должна была занимать самостоятельнаго положенія; впрочемъ, такое положеніе нужно принять съ большой оговоркой; такъ, повторяемъ, разъясненіе взглядовъ Пестеля установить нельзя. Кромѣ этихъ двухъ властей, онъ предпола-

гаетъ еще необходимой въ государствѣ *блюстительную власть.*

Законодательная власть находится у *народнаго вѣча*. Она состоитъ изъ депутатовъ, выбранныхъ народомъ на 5 лѣтъ. Ежегодно „нѣкая часть“ слагаетъ съ себя депутатскія полномочія и пополняется новыми народными избранниками. Народному вѣчу принадлежитъ законодательная власть — объявленіе войны, заключеніе мира. Вѣче засѣдаетъ опредѣленное время въ году, а когда оно не засѣдаетъ, то его замѣняетъ временная комиссія. Функціи этой комиссіи неизвѣстны. Вѣче само избираетъ себѣ предсѣдателя изъ членовъ, засѣдающихъ послѣдній годъ. Оно функціонируетъ въ полномъ составѣ и не дѣлится на камеры. Оно представляетъ собою „думу народа“, и никто не въ правѣ его распустить.

Верховная исполнительная власть ввѣряется *Державной Думѣ*, состоящей изъ 5 лицъ, избираемыхъ народомъ на 5 лѣтъ.

Ежегодно одинъ изъ членовъ Думы выходитъ и замѣняется другимъ избранникомъ. Члены ея предлагаются каждой губерніей въ качествѣ кандидата народному вѣчу, и уже изъ этихъ кандидатовъ оно одного избираетъ. Въ Думѣ предсѣдательствуетъ членъ, засѣдающій въ ней послѣдній годъ.

Державная Дума обладаетъ огромной властью: она является верховнымъ исполнительнымъ органомъ страны, ведетъ войну и переговоры съ иностранными государствами; всѣ министерства и вообще правительственныя мѣста зависятъ отъ нея, дѣйствуютъ съ ея разрѣшенія и исполняютъ ея приказанія.

Блюстительная власть состоитъ изъ *Верховнаго Собора* изъ 120 бояръ. Эти бояре избираются слѣдующимъ образомъ. Губерніи намѣчаютъ кандидатовъ, а выборы ихъ производитъ народное вѣче. Званіе бояръ пожизненное, но они не могутъ участвовать ни въ законодательномъ собраніи, ни принимать должностей по испол-

нительной власти. Народное вѣче препровождаетъ на одобреніе верховнаго собора принятые имъ законопроекты. Соборъ не разсуждаетъ по существу предмета, но наблюдаетъ лишь за исполненіемъ формы. Законъ получаетъ дѣйствительную силу только съ утвержденія Духовнаго Собора. Соборъ самъ изъ своей среды выбираетъ предсѣдателя срокомъ на одинъ годъ.

Верховный соборъ имѣетъ свои блюстительные органы. Изъ своей среды онъ избираетъ по одному генералъ-прокурору (приказный блюститель, по терминологіи Пестеля) въ каждое министерство и по одному генералъ-губернатору (областной посадникъ, по той же терминологіи) въ каждую область. Генералъ-прокуроръ разсматриваетъ журналы палатъ министерства и утверждаетъ ихъ опредѣленія, наблюдая за законностью постановленій и за соблюденіемъ формальнаго порядка, но не разсматривая вопроса по существу. Безъ его утвержденія постановленіе министерства не дѣйствительно. Преступленія по должности подлежатъ разсмотрѣнію Верховной Думы, а подъ судъ отдаетъ Верховный Соборъ. Генералъ-губернаторъ имѣетъ такія же обязанности въ области по отношенію къ областнымъ правленіямъ, какія генералъ-прокуроръ по отношенію къ министерствамъ.

Такимъ образомъ Верховный Соборъ удерживаетъ въ предѣлахъ законности Верховное Вѣче и Державную Думу, а при помощи своихъ органовъ—и всю администрацію. Положительныхъ же функцій Соборъ не имѣетъ. Блюстительная черта Верховнаго Собора сказывается и еще въ одномъ отношеніи: онъ назначаетъ главнокомандующаго арміей, который принимаетъ начальство, когда выступаетъ съ арміей за предѣлы страны, и слагаетъ свои полномочія, вступая вновь въ предѣлы государства.

Уже изъ того факта, что Верховный Соборъ является блюстителемъ законности по отношенію къ народному вѣчу, явствуетъ, что въ представленіяхъ Пестеля народное вѣче не является абсолютно владыкой страны: кругъ

его законодательной дѣятельности опредѣляется конституціонными законами,—оно не можетъ измѣнить конституціи. Въ самомъ дѣлѣ, въ Государственномъ Завѣтѣ встрѣчаемъ по этому поводу лаконическое замѣчаніе: „Различіе въ составленіи законовъ завѣтныхъ и всѣхъ прочихъ законовъ. Первые обнародуются и на сужденіе всей Россіи предлагаются“. Итакъ, предполагается народный плебисцитъ по вопросу объ измѣненіи завѣтныхъ законовъ. Нигдѣ ближайшимъ образомъ Пестель этой мысли не разъясняетъ. Одинъ изъ видныхъ членовъ Общества Соединенныхъ Славянъ комментируетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: „каждый гражданинъ былъ бы увѣдомленъ о предлагаемомъ для утвержденія законѣ и могъ бы дѣлать на оный свои замѣчанія“. Очевидно, это относится именно къ плебисциту.

Вотъ все что можно извлечь изъ довольно отрывочныхъ свѣдѣній о проектируемомъ Пестелемъ государственномъ устройствѣ.

Что касается законодательной иниціативы, то можно одно сказать, что главы приказовъ, т.-е. министры, могли представлять свои законопроекты на разсмотрѣніе вѣча. Что же касается до членовъ вѣча, то объ этомъ ничего нельзя сказать, такъ какъ соотвѣтственной главы „Правды“ до насъ не дошло.

IX.

Управленіе и судъ.

Во главѣ отдѣльныхъ отраслей управленія должны были стоять *главы приказовъ*, т.-е. министры. Упоминается о *палатахъ приказовъ*, изъ чего надо предполагать о рѣшеніи въ министерствахъ извѣстнаго рода дѣлъ коллегіальнымъ порядкомъ. Основы управленія предполагалось разработать подробно, о чемъ и свидѣтельствуютъ дошедшія до насъ части главъ о приказахъ

благочинія, правосудія, военныхъ, морскихъ и внѣшнихъ силъ.

Обратимся теперь къ мѣстному управленію. Основой областного дѣленія является волость. Волость соединяется въ уѣзды, уѣзды образуютъ округа или губерніи. Всѣхъ губерній предполагается пятьдесятъ три, изъ коихъ три именуются удѣлами — Столичный, Донской и Аральскій. Каждые пять округовъ составляютъ область. Области продполагаются слѣдующія: Чудская, Холмская, Сѣверская, Сибирская, Уральская, Славянская, Вершинская, Черноморская, Украинская и Кавказская.

Во главѣ управленія каждой области стоитъ генералъ-губернаторъ или главный областный посадникъ, который является „главнымъ блюстителемъ области". Онъ обязанъ наблюдать за дѣйствіями областныхъ управъ. Въ каждой области находятся слѣдующіе органы управленія или управы: *управа правосудія, управа благочинія, управа духовныхъ дѣлъ, управа просвѣщенія и управа казначейства*. Каждая управа состоитъ изъ предсѣдателя, прокурора и трехъ засѣдателей. Рѣшеніе дѣлъ предполагается коллегіальнымъ.

По предположеніямъ Пестеля, столичный городъ представляетъ собою отдѣльный округъ, подъ названіемъ столичнаго удѣла. Такимъ удѣломъ предполагается Нижегородская губернія безъ уѣздовъ Сергачскаго, Лукояновскаго, Арзамасскаго, Ардатовскаго и части Горбатовскаго. *Нижній-Новгородъ* назначается *столицей государства*, подъ названіемъ *Владиміра*, въ честь Владиміра святого (нынѣшній городъ Владиміръ получаетъ названіе Клязьмина). Перенесеніе столицы въ Нижній-Новгородъ Пестель объясняетъ слѣдующими мотивами, частью экономическими, частью историко-національными: 1) Что сей городъ въ срединѣ Россіи расположенъ. 2) Что, стоя на Волгѣ и Окѣ, онъ всѣхъ прочихъ удобнѣе для внутренней торговли и для привоза всякихъ припасовъ въ столь большомъ количествѣ для столицы не-

обходимыхъ. 3) Что Макарьевская ярмарка соединяетъ Европу съ Азіею въ сухопутныхъ торговыхъ отношеніяхъ. 4) Что освобожденіе Россіи отъ ига иноплеменнаго чрезъ Минина и Пожарскаго изъ сего города изошло, и 5) Что всѣ воспоминанія о древности Нижегородской дышутъ свободою и прямою любовью къ отечеству, а не къ тиранамъ его.

Мы не будемъ входить въ подробности предлагаемаго Пестелемъ распредѣленія Россіи на области. Объ этомъ можно судить по прилагаемой картѣ [1]). (См. стр. 376—377).

Большой интересъ представляли бы подробности мѣстнаго управленія. Но этотъ вопросъ полностью отсутствуетъ въ дошедшей „Правдѣ“. Впрочемъ, сохранилась самая интересная его сторона—статья о волостномъ устройствѣ. Каждая волость состоитъ приблизительно изъ тысячи душъ мужского пола. Если селеніе или мѣстечко имѣетъ населеніе менѣе тысячи душъ мужского пола, то нѣсколько селеній составляютъ одну приписную волость. Пестель даже совѣтуетъ изъ приписныхъ волостей составлять цѣльныя волости, соединяя нѣсколько деревень

---

[1]) Для поясненія прилагаемой карты необходимо сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: Пестель подробно опредѣляетъ географическое положеніе каждой будущей области и въ заключеніе даетъ общую характеристику имѣющимъ произойти перемѣнамъ въ распредѣленіи областей. Эти перемѣны слѣдующія: 1) Финляндія, Сибирь и Кавказъ новое получаютъ раздѣленіе и къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ своемъ составѣ предназначаются. 2) Части польскихъ и литовскихъ губерній, остающіяся за Россіею, поступаютъ: отъ Виленской губерніи въ Митавскій округъ; отъ Минской губерніи въ Витебскій и Черниговскій округи; а отъ Волынской губерніи въ Кіевскій округъ. 3) Молдавія съ Бессарабіею составляютъ Ясскій округъ, отдѣляя нѣкоторыя части въ Могилевскій (Подольскій) округъ. 4) Вятская, Могилевская и Таврическая губерніи упраздняются и поступаютъ въ составъ другихъ округовъ. 5) Эстляндія и Лифляндія соединяются въ одинъ округъ подъ названіемъ Дерптскаго. 6) Новый Одесскій округъ составляется изъ частей Херсонской, Кіевской и Подольской губерній. 7) Во многихъ губерніяхъ для лучшаго округленія и удобнѣйшаго состава областей, удѣловъ и округовъ нѣкоторыя перемѣны и перечисленія уѣздовъ необходимыми признаются.

въ одну, впрочемъ, не прибѣгая къ отягощенію жителей или къ принужденію. Онъ предостерегаетъ отъ многолюдныхъ волостей. Въ многолюдной волости управленіе затруднительно, равно и неудобно всѣмъ гражданамъ собираться на земское собраніе; наконецъ въ большой волости поля будутъ далеко отстоять отъ жилищъ, что неудобно для земледѣльческихъ работъ. Онъ совѣтуетъ, чтобы во всякомъ случаѣ въ волости было не болѣе десяти тысячъ душъ мужского пола. Города также превращаются въ волости. Впрочемъ, въ городахъ можетъ жить и большее количество жителей, если они не состоятъ членами данной волости. Каждая волость надѣляется количествомъ земли, необходимымъ въ качествѣ надѣла для живущаго въ ней населенія.

Мы разсмотрѣли существеннѣйшія стороны содержанія „Русской Правды". Таковы вопросы, касающіеся правъ гражданъ, экономическаго и административнаго строя. Намъ остается еще разсмотрѣть вопросъ, которому „Правда" посвящаетъ немало вниманія — именно о судѣ и системѣ наказаній. Эти отдѣлы заключаются въ той части „Русской Правды", которая озаглавлена „Краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго правленія. Сочиненіе русскаго гусара". Она носитъ подзаголовокъ „Гражданскій Судебникъ". Подобно основной части „Русской Правды", Гражданскій Судебникъ дѣлится на десять главъ. Въ оглавленіи эти главы носятъ такія названія: Общія разсужденія, предметы духовные, предметы нравственные, дѣла владѣйныя, предметы хозяйственные, повинности всякаго роду, производство письменныхъ дѣлъ, дѣла семейныя, дѣла договорныя, иностранцы. Но не всѣ эти отдѣлы написаны. Текстъ начинается со второго отдѣленія, излагающаго „о частяхъ, правленія, завѣдывающихъ устройствомъ государственной безопасности".

Мы не будемъ слѣдить въ подробностяхъ за содержаніемъ этой части „Правды". Остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ ея, и прежде всего на ученіи о законахъ.

Авторъ раздѣляетъ законы на два главные вида. Перваго рода законы составляютъ государственный уставъ или конституцію; второго рода законы опредѣляютъ порядокъ и кругъ дѣйствій правительства, а равно порядокъ и кругъ дѣйствій народа и отдѣльныхъ членовъ его. Отъ закона авторъ требуетъ слѣдующихъ качествъ: законы должны быть *существенны*, то-есть должны отвѣтствовать въ полной мѣрѣ природнымъ качествамъ, коренннымъ свойствамъ и *истинной сущности* предметовъ, для которыхъ издаются. При изданіи каждаго закона должно „единственно на сію сущность обращать вниманіе, единственно съ оною сообразовать всѣ опредѣленія, законами дѣлаемыя, и отнюдь не только не замѣнять сію сущность посторонними и побочными уваженіями, но ниже оныя уваженія съ нею соединять или совокуплять подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и какъ бы сей предлогъ не казался сильнымъ".

Какъ видимъ, эти опредѣленія и раздѣленія не представляютъ собою особеннаго интереса.

Перейдемъ теперь къ ученію о наказаніяхъ. Прежде всего авторъ требуетъ *одинаковой мѣры наказанія* за тожественныя преступленія для всѣхъ сословій безъ изъятія. Цѣлью наказанія авторъ полагаетъ не страданіе преступника, но удержаніе его отъ преступныхъ дѣйствій. Наказаніе должно быть всенароднымъ и послѣдовать какъ можно скорѣе послѣ совершенія преступленія. Авторъ вообще очень *сурово относится къ преступнику*. Онъ совѣтуетъ поддерживать увѣренность въ неизбѣжность наказанія въ томъ основаніи, что неминуемость даже малозначительнаго наказанія поддерживаетъ страхъ въ болѣе сильной мѣрѣ, нежели суровое наказаніе, избѣжать коего преступникъ имѣетъ надежду. „Вотъ причина, — говоритъ авторъ, — почему никогда не должны бы преступники быть прощены тѣмъ болѣе, что таковое прощеніе имѣетъ два пагубныя послѣдствія: во-первыхъ, то, что, возбуждая надежду на

ненаказанность, уничтожаетъ сильнѣйшую преграду нарушенію законовъ, а во-вторыхъ, то, что таковымъ примѣромъ даетъ совершающемуся наказанію видъ пристрастія и злобы, а не правосудія".

Далѣе авторъ доказываетъ, что *всенародность* наказанія является необходимымъ, какъ мѣра предупрежденія. Наказаніе должно слѣдовать по возможности немедленно по совершенію преступленія. „Исполненіе сего правила,— поясняетъ авторъ, — имѣетъ два благодѣтельныя дѣйствія: во-первыхъ, оно не даетъ времени охладѣть въ согражданахъ чувству ненависти противъ преступника и даетъ, слѣдовательно, правительству истинный видъ правосудія, а, во-вторыхъ, оно такимъ образомъ соединяетъ понятіе о преступленіи съ понятіемъ о наказаніи, что послѣднее можетъ быть однимъ только непремѣннымъ слѣдствіемъ перваго и произведеніемъ не власти правительства, но самаго дѣянія преступника. Въ противномъ же случаѣ возбуждаетъ страданіе преступника сожалѣніе и милосердіе и дѣйствуетъ на умы не такъ, какъ наказаніе, но только какъ зрѣлище. Для сего должны быть законы *милосердны* и судьи непреклонны и только *справедливы*".

Но зато авторъ рѣшительно высказывается *противъ жестокости наказаній*. Угрожаемый жестокимъ наказаніемъ преступникъ готовъ сдѣлать рядъ преступленій, дабы избѣжать наказанія. Жестокія наказанія вредно дѣйствуютъ на нравственность народа, побуждаютъ правительство прибѣгать къ прощенію, или судей—къ пристрастію. „Чѣмъ жесточѣе наказанія,— объясняетъ свою мысль авторъ, — тѣмъ жесточѣе дѣлается и самъ народъ, для котораго они употребляются и, слѣдовательно, и не производятъ они не только никакой пользы, но даже, напротивъ того, унижаютъ народную нравственность. Жестокость наказаній производитъ еще тотъ большой вредъ, что вводитъ частое прощеніе или исполненіе карательныхъ постановленій и

симъ средствомъ замѣняетъ голосъ закона самовластнымъ дѣйствіемъ членовъ правительства и справедливость правосудія пристрастіемъ судей. При семъ надлежитъ замѣтить, что жестокость наказаній менѣе дѣйствуетъ на умы, нежели продолжительность оныхъ, и что большая часть самыхъ ужасныхъ злодѣевъ всегда предпочитать будетъ смерть тяжкому и пожизненному заключенію. Сильныя потрясенія приводятъ въ ужасъ, но не дѣйствуютъ долго, между тѣмъ какъ страданіе небольшое, но продолжительное дѣйствуетъ несравненно сильнѣе и отвращаетъ, слѣдовательно, болѣе отъ преступленія".

Что касается *устройства суда*, то въ этомъ отношеніи важно отмѣтить, что „Русская Правда" рекомендуетъ судъ присяжныхъ, публичность судопроизводства и условное осужденіе. Судъ присяжныхъ учреждается для разсмотрѣнія существа дѣла и признанія виновности или невиновности; опредѣленіе наказаній зависитъ отъ судей. Присяжные назначаются по очередному списку. Но въ судопроизводствѣ авторъ готовъ сохранить одну старую черту. Сравнивая достоинства и недостатки устнаго и письменнаго судопроизводства, авторъ высказываетъ опасенія, что устное судопроизводство можетъ имѣть недостатокъ, состоящій во вліяніи краснорѣчія адвокатовъ на судей. Поэтому онъ предпочитаетъ сохранить письменное судопроизводство.

Интересенъ взглядъ Пестеля на выборъ присяжныхъ засѣдателей. Эту обязанность онъ считаетъ весьма важной, но присяжные избираются по очередному списку изъ среды гражданъ. Для сторонъ возможенъ отводъ присяжныхъ. Число присяжныхъ зависитъ отъ важности дѣла, но не можетъ быть больше 10. Ихъ рѣшенія единогласны. Кромѣ рѣшенія положительнаго или отрицательнаго, Пестель считаетъ полезнымъ ввести третій родъ сужденія „въ объявленіи сумнѣнія" — то, что римляне опредѣляли терминомъ Non liquet.

О судебныхъ инстанціяхъ полнаго представленія составить нельзя, потому что эта именно часть „Правды“ до насъ не дошла, хотя, повидимому, была написана. Пестель ссылается на всѣхъ „правовѣдцевъ“, признающихъ необходимость трехъ инстанцій суда. Можно только найти указаніе на способъ высшаго наблюденія за дѣятельностью судебныхъ мѣстъ. Наблюдательнымъ органомъ является глава приказа правосудія, то-есть министръ юстиціи. Онъ наблюдаетъ надъ „дѣйствіями законовъ“, надзираетъ за судебными мѣстами и разсматриваетъ правильность судопроизводства. Ему предоставляется обширное и неопредѣленное поле дѣятельности, такъ какъ онъ обязанъ даже взвѣшивать, насколько законы соотвѣтствуютъ своему назначенію въ смыслѣ взаимнаго отношенія между отдѣльными гражданами или между гражданами и правительствомъ, и о своихъ наблюденіяхъ онъ увѣдомляетъ законодательную власть, которая приступаетъ къ пересмотру законовъ. Тому же главѣ правосудія принадлежитъ надзоръ за всѣми судебными чиновниками. По надзору въ провинціи за дѣятельностью судебныхъ учрежденій государственному главѣ правосудія помогаютъ уѣздные губернскіе предводители и областные намѣстники.

Кромѣ незаконченной главы о приказѣ правосудія, въ „Русской Правдѣ“ сохранились главы о приказѣ благочинія, приказѣ внѣшнихъ сношеній, весьма незначительный отрывокъ о приказѣ морскихъ силъ и довольно значительная часть главы объ образованіи приказа военныхъ силъ. Послѣдній вопросъ разработанъ довольно старательно, но онъ не представляетъ общественнаго интереса. Замѣтимъ только, что вся иностранная терминологія, принятая въ военномъ дѣлѣ, замѣняется Пестелемъ русской терминологіей, частью древней, а частью его собственнаго изобрѣтенія.

X.

Государство Пестеля.

Мы познакомились съ содержаніемъ „Русской Правды“ Самъ авторъ ея не отрицалъ на слѣдствіи своего знакомства съ обширною политико-юридическою и экономическою литературою того времени. Онъ читалъ сочиненія Детю-де-Траси, Филанджіери, Бентама, Бенжамена Констана, Сея, не говоря уже о литературѣ французскихъ энциклопедистовъ. Мало того, онъ увлекался античною древностью и обращалъ большое вниманіе на русскую исторію. Мы даже знаемъ, что Пестель обладалъ обширною библіотекою, и вообще кабинетныя занятія стояли въ его распредѣленіи времени на первомъ планѣ. Такое направленіе его занятій вполнѣ соотвѣтствовало теоретическому уму Пестеля. Именно онъ прежде всего былъ теоретикъ и эта черта сказалась, какъ въ его проектѣ конституціи, такъ и въ томъ планѣ революціонныхъ дѣйствій, который былъ имъ разработанъ. Склонность къ отвлеченному мышленію и способность къ глубокому анализу давала Пестелю умственное первенство среди членовъ Южнаго Общества. Но такого первенства онъ не получилъ въ дѣлѣ практической подготовки революціи, хотя Слѣдственная Комиссія въ немъ именно видѣла главнаго двигателя подготовлявшагося переворота. Пестель, можно сказать, ушелъ въ разработку проекта конституціи и въ разработку плана переворота.

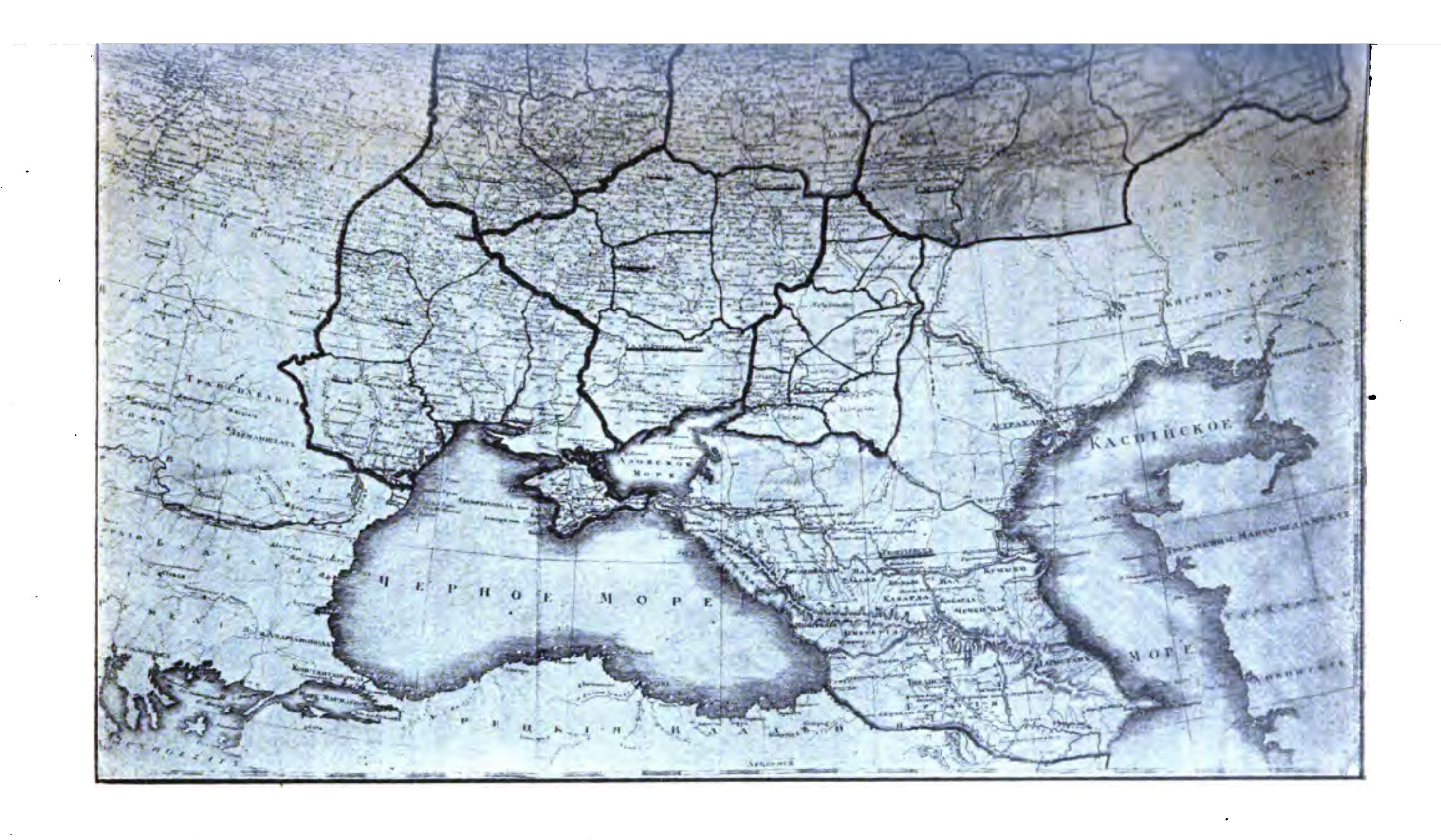
Такъ и „Русская Правда“ прежде всего интересна съ точки зрѣнія тѣхъ теорій, которыя выдвигаетъ и обосновываетъ ея авторъ. Въ обширной литературѣ, которой пользовался Пестель, можно найти тѣ или другія стороны его теоретическихъ воззрѣній. Этому факту не слѣдуетъ особенно удивляться и не слѣду[illegible]

большого значенія. Судьба всѣхъ трактатовъ, имѣющихъ цѣлью выяснить теоретически наилучшія формы государственной жизни, болѣе или менѣе одинакова: всѣ мыслители въ этой области, въ той или иной мѣрѣ, опираются на наслѣдіе предшествующаго времени, которое выражается или въ научныхъ трактатахъ или въ данныхъ, созданныхъ историческимъ опытомъ. Поэтому интересъ можетъ заключаться, по отношенію къ каждому данному трактату, особенно къ трактату новѣйшаго времени, въ большей или меньшей практической примѣнимости выдвигаемыхъ въ немъ политическихъ и гражданскихъ идеаловъ и въ большей или меньшей самостоятельности тѣхъ штриховъ политическаго или гражданскаго благоустройства, которые данный авторъ вводитъ въ свою теорію.

Такъ, справедливо указано, что нѣкоторыя черты своихъ воззрѣній Пестель опираетъ на мнѣнія Детю-де Траси. Этотъ авторъ вообще имѣлъ наибольшее вліяніе. Но интересъ и значеніе разбираемаго трактата заключается не въ тѣхъ отдѣльныхъ чертахъ, въ которыхъ авторъ его опирается на тѣхъ или другихъ предшественниковъ, а въ общей комбинаціи русскаго строя общей теоріей. Несомнѣнно, Пестель въ этомъ отношеніи и даже въ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ является вполнѣ самостоятельнымъ авторомъ. Но тутъ является кардинальный вопросъ,—что представляетъ собою то государство, теорію котораго развиваетъ Пестель.

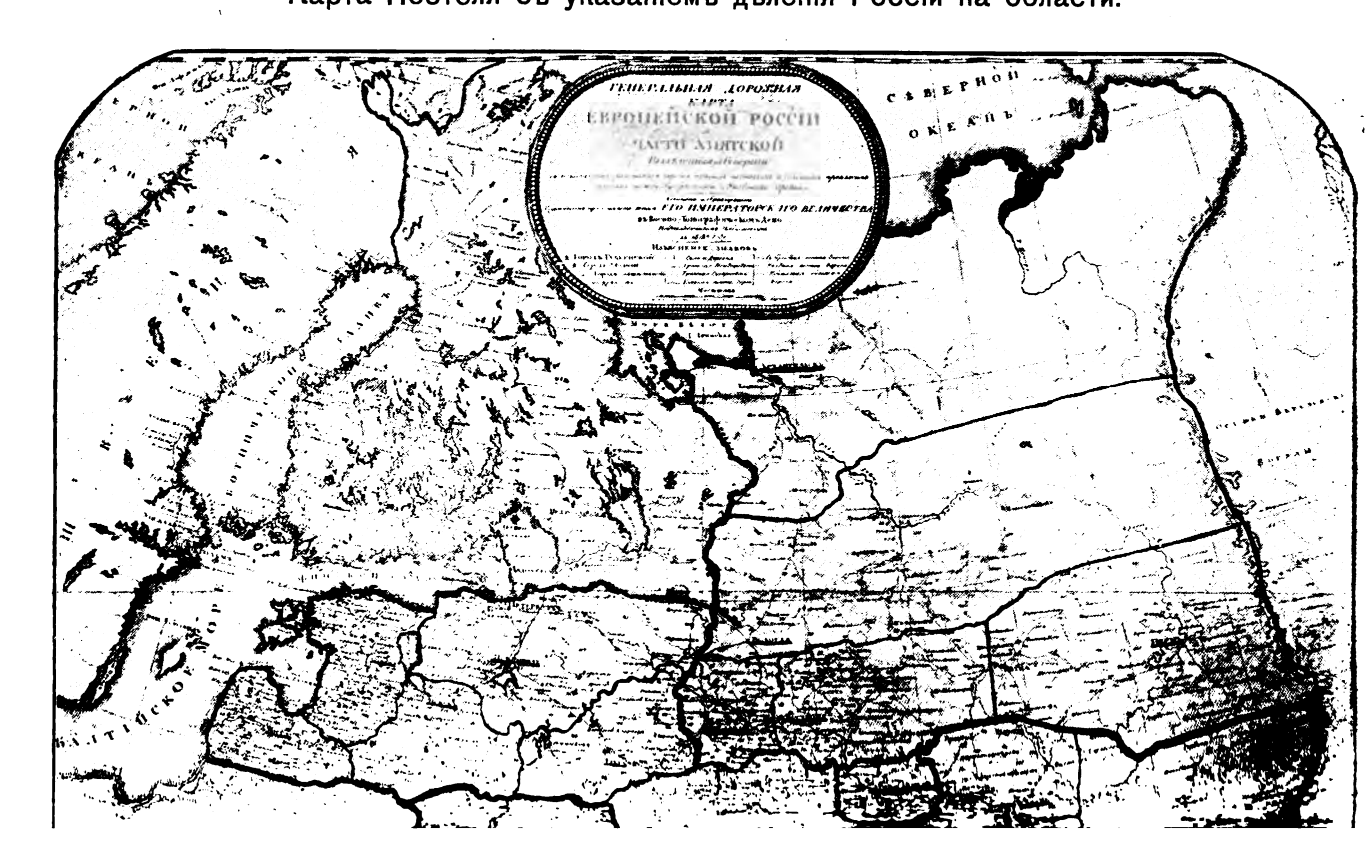
Основной тезисъ Пестеля—созданіе новаго государства, весь предшествующій строй котораго долженствуетъ подвергнуться коренному измѣненію.

Основныя черты этого государства заключаются въ слѣдующемъ. Это государство должно существовать для блага гражданъ—матеріальнаго, моральнаго и политическаго. Государство обязано доставить своимъ гражданамъ такого рода блага. Но граждане обязаны неуклоннымъ повиновеніемъ государственной власти. Это госу-

ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПІЙСКОЕ
МОРЕ

Карта Пестеля съ указаніемъ дѣленія Россіи на области.

дарство, стремясь къ благу отдѣльной личности, въ то же время предъявляетъ къ каждому гражданину суровыя требованія, способныя даже подчинить своимъ интересамъ, т.-е. интересамъ общественнаго блага, личную свободу и матеріальное благосостояніе отдѣльнаго индивидуума. Новое государство должно быть государствомъ сильнымъ, могущественнымъ, цѣльнымъ и нераздѣльнымъ. Оно должно быть связано сильнымъ патріотическимъ духомъ.

Пестель какъ бы понимаетъ, что его государство должно порвать съ исторической традиціей народной жизни. Для отдѣльныхъ національностей, входящихъ въ составъ Россіи, онъ даже сурово требуетъ такого разрыва съ ихъ прежнимъ національнымъ достояніемъ. Но, разумѣется, невозможно представить себѣ такого разрыва въ огромной основной народности, составляющей государство. И Пестель стремится, съ одной стороны, поднять патріотизмъ, лелѣемый уже новыми учрежденіями, а съ другой стороны, стремится соединить будущее государство съ историческими традиціями, и онъ переноситъ столицу въ Нижній-Новгородъ, гдѣ раздался могучій голосъ въ защиту русскаго народа. Онъ хочетъ связать новое государство только съ тѣми историческими традиціями народной жизни, которыя напоминали бы свободнымъ гражданамъ свободу ихъ предковъ.

Если собрать воедино черты государства Пестеля, то онѣ распадутся на основные три типа: государство античнаго міра, государство соціалистическое и государство наполеоновскаго режима. Опираясь на черты государственнаго строя столь различныхъ эпохъ и съ столь различными задачами, Пестель не является подражателемъ какого-нибудь опредѣленнаго мнѣнія.

Безразлично, самъ ли Пестель извлекъ изъ знакомства съ античнымъ міромъ нѣкоторыя черты для своего государства, или на него повліялъ Жанъ-Жакъ Руссо, Сенъ-Жюстъ или кто-либо другой изъ авторовъ, но во вся

комъ случаѣ авторъ „Русской Правды“ далеко не считаетъ возможнымъ перенести всѣ черты античнаго міра въ Россію. Онъ стремится не быть утопистомъ. Въ самомъ дѣлѣ, такія черты, какъ гражданскія празднества, торжественное вступленіе въ составъ гражданъ, стремленіе привить новому государству сильную патріотическую окраску и особенно — это дѣленіе на маленькія общины — волости, которымъ онъ готовъ даже привить характеръ античныхъ демовъ,—вотъ тѣ черты, отъ которыхъ вѣетъ античнымъ міромъ. Народъ огромнаго государства живетъ въ своихъ волостяхъ—демахъ, полною политическою и мѣстною жизнью. Это одна большая семья, связанная въ гражданскомъ отношеніи, морально и матеріально. Пестелю не нравится современное ему государство, съ его сильно развитымъ индивидуализмомъ отдѣльныхъ личностей, съ его борьбою партій, съ его вліяніемъ отдѣльныхъ слоевъ населенія. И онъ стремится уравнять будущихъ россійскихъ гражданъ такъ, чтобы никакіе элементы общества не могли имѣть преобладающаго значенія, чтобы воля гражданъ выражалась вполнѣ независимо. Эта причина побуждаетъ его избѣжать прямыхъ выборовъ и установить сложный процессъ представленія кандидатовъ въ Державную Думу или въ Верховный Соборъ. Правильна или неправильна мысль Пестеля, это въ данномъ случаѣ безразлично, но мысль его была именно такова.

Взгляды Пестеля носятъ сильную соціалистическую окраску. Но въ своемъ будущемъ государствѣ онъ не проводитъ этихъ взглядовъ до конца. И здѣсь видна его самостоятельность. Признавая возможность осуществленія наилучшаго государственнаго строя при полномъ равенствѣ гражданъ, онъ проникнутъ крайне отрицательнымъ отношеніемъ ко всякаго рода аристократіи, какъ къ феодальной, такъ и къ капиталистической; но къ послѣдней онъ относится болѣе нетерпимо, чѣмъ къ первой. Въ самомъ дѣлѣ, родовитый феодалъ

можетъ быть лишенъ своихъ титуловъ и гербовъ законодательнымъ декретомъ; его помѣстья тѣмъ же декретомъ могутъ быть отчуждены въ пользу государства. Но съ аристократіей капитала борьба гораздо труднѣе, безъ нарушенія элементарной справедливости, и вліяніе этой аристократіи можетъ проявиться болѣе тонкими путями. Но, съ другой стороны, Пестель понимаетъ, что всеобщее матеріальное равенство и утопично и можетъ вредно отозваться на всемъ строѣ страны; онъ охотно готовъ всякими мѣрами поддерживать приложеніе индивидуальныхъ способностей къ тѣмъ или инымъ отраслямъ промышленности, но боится скопленія богатства въ однѣхъ рукахъ. Съ другой стороны, онъ выставляетъ тотъ принципъ, что государство обязано давать минимумъ средствъ, обезпечивающихъ семью. Итакъ, будущее государство не должно давать преобладанія капитализму, но, съ другой стороны, обязано доставить минимумъ средствъ къ жизни для тѣхъ, кто можетъ приложить свой трудъ: „всѣ русскіе люди будутъ помѣщиками“, — вотъ къ чему стремится Пестель.

Такое государство способно дать гражданамъ, по глубокому убѣжденію Пестеля, величайшее благо. Но пользованіе этими благами требуетъ жертвъ, — въ извѣстной мѣрѣ самопожертвованія со стороны каждаго индивидуума. Богатый поступается своими средствами въ пользу государства; это касается крупнаго землевладѣнія. Всѣ обязаны подчиняться суровому режиму государственной жизни, и даже взглядъ Пестеля на нравственность отзывается сильнымъ пуританизмомъ.

Пестель весьма заботится о строгомъ подчиненіи гражданъ разъ установленнымъ правиламъ и законамъ. Отсюда вытекаетъ его суровый взглядъ на наказанія.

Да и вообще въ государствѣ Пестеля верховное правительство въ предѣлахъ закона должно бы пользоваться диктаторскими полномочіями. Онъ понимаетъ, что пре-

образовать государство въ желательномъ направленіи, измѣнить весь его строй, дѣло весьма не легкое. Но будущее государство принесетъ гражданамъ неисчислимыя блага, и Пестель не останавливается предъ мыслью о введеніи временной диктатуры въ лицѣ временнаго верховнаго правленія.

Насколько Пестель былъ склоненъ къ проведенію суроваго режима, можно заключить изъ недошедшей до насъ въ полномъ видѣ главы о государственномъ приказѣ благочинія, т.-е. о министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Надо, однако, сдѣлать тутъ же оговорку, что это произведеніе Пестеля, несомнѣнно, болѣе ранняго происхожденія, какъ и другія главы о приказахъ. Въ немъ есть черты, отвергнутыя Пестелемъ въ позднѣйшей редакціи „Правды“. Напримѣръ, тутъ предвидится предварительная цензура печати, которая категорически отвергается Пестелемъ въ позднѣйшей редакціи „Правды“, гдѣ онъ признаетъ свободу печати. Но во всякомъ случаѣ глава объ этомъ приказѣ можетъ свидѣтельствовать, что Пестель былъ склоненъ примѣнять въ государствѣ суровую власть, своими чертами напоминающую государство наполеоновскаго режима. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь Пестель является защитникомъ весьма большой централизаціи. Министерство внутреннихъ дѣлъ слѣдитъ за весьма мелкими проявленіями жизни населенія, которыя даже въ тогдашней Россіи находились въ вѣдѣніи органовъ самоуправленія, напр., городского. Напримѣръ, центральное вѣдомство огромнаго государства надзираетъ за доброкачественностью съѣстныхъ припасовъ, за торговыми цѣнами, за строеніями, за чистотою и очищеніемъ улицъ, за цѣлостью мостовъ и т. п. То же министерство снабжено широкою чисто полицейскою властью: надзоромъ за передвиженіемъ жителей, надзоромъ за книжной торговлей и печатью; въ его рукахъ находится расправа по мелкимъ проступкамъ, слѣдствіе по судебнымъ дѣламъ, во многихъ отношеніяхъ ему предоста-

вляется учреждать внутреннюю безопасность въ случаяхъ, законами неопредѣленныхъ, усиленный надзоръ за „зловредными людьми". Повторяемъ, что это произведеніе — одно изъ наиболѣе раннихъ. Отъ многаго Пестель отказался при дальнѣйшей обработкѣ своей „Правды". Но во всякомъ случаѣ оно лишь подтверждаетъ мысль, что Пестель готовъ былъ прививать въ странѣ блага, которыя должно принести его государство, суровыми мѣрами, напоминающими мѣры наполеоновскаго режима.

Пестель весьма заботится, какъ мы уже знаемъ, о прочности государства въ политическомъ отношеніи. Государство представляетъ гражданамъ величайшія блага. Но зато отдѣльныя народности, входящія въ составъ Русскаго государства, должны отказаться отъ своего національнаго историческаго достоянія и войти въ составъ обширной русской народности для того, чтобъ обезпечить политическую мощь новаго государства.

Къ вопросу о географическихъ предѣлахъ государства Пестель прежде всего старается подойти теоретически.

Онъ выдвигаетъ двѣ теоріи—право народности и право благоудобства, кои, по его мнѣнію, должны опредѣлять географическій составъ государства.

Съ точки зрѣнія автора „Русской Правды", русское государство очень обширно, и потому нѣтъ необходимости дальше расширять его границы [1]). Но, съ другой стороны, русское государство чрезвычайно разнообразно по составу населяющихъ его племенъ. Всякая народность естественно стремится къ независимости. Это стремленіе опирается на *право народности*. Но большее государство, состоящее изъ ряда племенъ, должно забо-

[1]) Для округленія границъ онъ предполагаетъ присоединеніе къ Россіи Молдавіи, всего Кавказа, земель Киргизъ-Кайсаковъ до Аральскаго моря и Монголіи съ теченіемъ Амура.

титься о безопасности своихъ границъ. Такая забота вытекаетъ *изъ права благоудобства.* Оба эти стремленія, вытекающія изъ права народности и права благоудобства, противоположны. При разсмотрѣніи того, какому праву надо дать перевѣсъ, необходимо взвѣсить какъ положеніе границъ большого государства, такъ и то обстоятельство, насколько данная народность дѣйствительно можетъ сохранить свою самостоятельность. Слабыя народности не могутъ существовать самостоятельно, ибо онѣ всегда попадутъ подъ власть сосѣднихъ большихъ государствъ. Право народности для нихъ „мнимое и несуществующее". Кромѣ того, маленькій народъ, находящійся между двумя сосѣдними большими государствами служитъ „поприщемъ" военныхъ дѣйствій между двумя сосѣдними большими государствами. Однимъ словомъ, такому народу необходимо соединиться съ господствующею народностью въ государствѣ и отказаться отъ самостоятельнаго существованія. Однако сильное государство „должно всегда помнить, что могущество, ему дано отъ Провидѣнія не для утѣсненія сосѣдей, но для дѣйствій праведныхъ и согласныхъ съ чистою справедливостью".

По отношенію къ подчиненнымъ народностямъ государство должно заботиться, „дабы они составляли въ государствѣ не только худо приклеенныя къ нему части, но сливались бы совершенно въ общій составъ, забывали бы свою прежде безсильную народность и вступали бы съ удовольствіемъ въ новую величественную народность, и, наконецъ, не должно противиться враждебными чувствами и дѣйствіями правильному отдѣльному существованію народа, могущаго пользоваться полной политической независимостью".

Съ этой теоріей Пестель подходитъ къ разсмотрѣнію народностей, населяющихъ Россію. Въ нее входятъ многія народности, которыя никогда не пользовались политической независимостью и не могутъ ею пользоваться по

причинѣ своей слабости. Такъ, Финляндія, Эстляндія, Лифляндія, Курляндія, Бѣлоруссія, Малороссія, Новороссія, Бессарабія, Крымъ, Грузія, весь Кавказъ, земли киргизовъ и сибирскіе инородцы, равно какъ и нѣкоторыя инородческія племена, обитающія внутри Россіи, искони принадлежали одному изъ сосѣднихъ государствъ, — самой Россіи или Швеціи, Даніи, Пруссіи, Польшѣ, Турціи, Персіи. Онѣ не способны по своей слабости поддерживать самостоятельное существованіе. Всѣ эти племена по праву благоудобства для Русскаго государства должны составлять его составныя части.

Всѣ онѣ долженствуютъ и въ будущемъ „навѣки отречься отъ права отдѣльной народности", и „на вѣчныя времена оставаться имѣющими въ составѣ Россійскаго государства".

Отказывая въ государственной самостоятельности различнымъ народностямъ, Пестель иначе смотритъ на Польшу. Рядъ условій, историческихъ и политическихъ, доставляетъ ей возможность существовать въ видѣ особаго государства, хотя и связаннаго тѣсными узами съ Россіей.

Въ теченіе многихъ вѣковъ Польша пользовалась совершенной политической независимостью и составляла большое самостоятельное государство. По отношенію къ Польшѣ вполнѣ справедливо возвратить ей право народности. „Великодушію славнаго россійскаго народа прилично и свойственно даровать самостоятельность низверженному народу въ то самое время, когда Россія и для себя стяжаетъ новую жизнь". Но опредѣленіе границъ между Польшей и Россіей должно быть установлено „по правилу благоудобства для Россіи", и самостоятельность Польши должна быть установлена при условіяхъ, обезпечивающихъ Россію. Пестель полагаетъ, что временное верховное правленіе можетъ даровать свободу Польшѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Чтобы границы между Россіею и Польшею опредѣлены были россійскимъ правительствомъ по правилу благоудобства для Россіи, и Польша бы сему опредѣленію границъ ни въ какомъ отношеніи не прекословила и приняла бы оное за неизмѣнный законъ коренной.

2) Чтобы возстановленіе Польскаго государства послѣдовало не чрезъ собственное отторженіе Польши отъ Россіи, но чрезъ правильную сдачу россійскимъ временнымъ верховнымъ правленіемъ губерній, предназначенныхъ къ отдѣленію въ составѣ Польскаго государства, новому польскому правительству, оставляя все въ теперешнемъ положеніи до воспослѣдованія сей сдачи, которая по утвержденіи всѣхъ условій немедленно исполнена быть имѣетъ.

3) Чтобы между Россіею и Польшею былъ заключенъ *тѣсный союзъ* на мирное и военное время, вслѣдствіе коего бы Польша обязалась все войско свое присоединить на случай войны къ россійской арміи, дабы тѣмъ въ полной мѣрѣ доказать, что благодѣяніе, Россіею Польшѣ оказываемое, сія послѣдняя съ должною признательностью принимаетъ и чувства искренней дружбы и преданности къ Россіи питаетъ и впредь питать будетъ. За то беретъ Россія Польшу подъ свое покровительство и служить будетъ ей ручательствомъ въ неприкосновенности ея предѣлоеъ, а тѣмъ паче ея существованія.

Наконецъ 4) Такъ какъ сношенія между государствами производятся чрезъ посредство ихъ правительствъ, и потому твердость и духъ сихъ сношеній преимущественно зависятъ отъ образованія правительствъ, то чтобы вслѣдствіе сего самоустройство Польскаго государства служило Россіи залогомъ и обезпеченіемъ, а потому и постановляются главными условіями сего устройства, безъ коихъ не должна Россія даровать Польшѣ независимости, слѣдующія три: А) Верховная власть должна быть устроена въ Польшѣ

одинаковымъ образомъ, какъ и въ Россіи, на основаніи 6 главы „Русской Правды". Б) Назначеніе и выборъ всѣхъ лицъ и чиновниковъ во всѣ правительственныя и присутственныя мѣста должны происходить по тѣмъ же точно правиламъ въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, на основаніи 4 и 9 главъ „Русской Правды", и В) Всякая аристократія, хоть на богатствахъ и имуществахъ, хоть на привилегіяхъ и правахъ родовыхъ основанная, должна совершенно навсегда быть отвергнута, и весь народъ польскій одно только сословіе составляетъ на основаніи 4-й главы „Русской Правды".

Затѣмъ, установивъ общую точку зрѣнія, Пестель разсматриваетъ отдѣльныя народности Россіи, указывая, почему онѣ должны войти въ ея составъ и въ какой мѣрѣ могутъ быть съ нею слиты.

По отношенію къ русскимъ народностямъ, Пестель также стремится къ проведенію нивелирующихъ началъ. Онъ раздѣляетъ русскую народность на великороссовъ, малороссовъ (населяющихъ Черниговскую и Полтавскую губерніи), украинцевъ (Харьковской и Курской губерній), руссеняковъ (Кіевской, Подольской и Волынской губерній), „бѣлоруссцевъ". Онъ не придаетъ большого значенія современному ему національному, отчасти религіозному (уніаты и католики) и юридическому различію этихъ народностей. На основаніи данныхъ историческихъ онъ приходитъ къ выводу, что „никакого истиннаго различія не существуетъ между разрядами, коренной русскій народъ составляющими, и что малые оттѣнки замѣченные должны быть слиты въ одну общую форму"; поэтому всѣ эти народности должно „истинными россіянами почитать, и отъ сихъ послѣднихъ никакими особыми названіями не отдѣлять".

Такимъ образомъ Пестель предполагаетъ нивелировку и въ средѣ русскихъ племенъ.

По отношенію къ каждой крупной народности Пестель даетъ указанія, какія, съ его точки зрѣнія, должны

быть приняты мѣры для слiянiя данной народности съ русскою. Мѣры эти иногда весьма радикальнаго свойства. Такъ, по отн шенiю къ Финляндiи, Пестель обязываетъ верховное правленiе ввести здѣсь „общее правленiе". Съ его точки зрѣнiя, новый порядокъ будетъ для Финляндiи „благодѣтельнѣе и прiятнѣе" не только сравнительно съ современными ему русскими порядками, но и съ финляндскимъ строемъ. Однако новый порядокъ сопровождается введенiемъ русскаго языка и устройствомъ русскихъ училищъ.

По отношенiю къ латышамъ, Пестель совѣтуетъ принять всѣ мѣры для совершеннаго искорененiя остатковъ феодализма. По отношенiю къ колонистамъ, заселяющимъ южный край и Поволжье, Пестель совѣтуетъ, вводя общегосударственное устройство, „обратить старательное вниманiе на введенiе между ими русскаго языка". Пестеля очень озабочиваетъ вопросъ о кочевыхъ народностяхъ. Онъ полагаетъ, что цѣлью государственной политики должно быть превращенiе ихъ въ осѣдлыхъ и обращенiе ихъ къ земледѣлiю. Но этихъ мѣръ сразу провести невозможно, почему онъ рекомендуетъ рядъ предварительныхъ мѣръ, напримѣръ, назначенiе опредѣленнаго пространства для кочевья, отправку миссiонеровъ и устройство складовъ и хлѣбныхъ магазиновъ; такiе склады могутъ сдѣлаться центрами поселенiй. По отношенiю къ татарскимъ народностямъ, Пестель даетъ совѣтъ воспретить среди нихъ многоженство. „Содержанiе же женъ взаперти есть большая несправедливость противу всей половины рода человѣческаго, а по сему надлежитъ употребить средства кроткiя, дабы магометане обычай сей оставили".

Положенiе Кавказа съ его множествомъ мелкихъ народностей интересуетъ Пестеля съ точки зрѣнiя экономической. Природа Кавказа богата, и, кромѣ того, черезъ него можно завести торговыя сношенiя съ Южной Азiей. Но кавказскiе инородцы—„опасные, ненадежные,

неспокойные и даже безполезные союзники". Опытъ показалъ, что кроткими мѣрами эти народы нельзя склонить къ спокойствію. Поэтому Пестель рекомендуетъ очень радикальныя мѣры по отношенію къ Кавказу. Онъ совѣтуетъ верховному правленію покорить всѣ кавказскія народности, въ томъ числѣ и приморскую часть, принадлежащую Турціи (Синопъ съ областью). Среди мирныхъ кавказскихъ инородцевъ ввести общегосударственное устройство, а буйныя племена переселить во внутреннія области Россіи, раздробивъ ихъ „малыми количествами" среди русскихъ волостей. На Кавказѣ должны быть устроены селенія русскихъ поселенцевъ, и весь край долженъ быть обращенъ въ спокойную и благоустроенную область.

Менѣе опредѣленнымъ характеромъ отличается мнѣніе Пестеля относительно евреевъ. Еврейская солидарность, поддерживаемая особенностями религіи и раввинатомъ, весьма не нравится Пестелю. Обособленность евреевъ поддерживается и привилегіями, полученными ими отъ Польско-литовскаго правительства. Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія Пестеля, евреи составляютъ государство въ государствѣ и пользуются большими правами. Пестель не винитъ евревъ въ томъ, что они отличаются сплоченностью, но вообще указываетъ, что между евреями и христіанами установились непріязненныя отношенія. Въ еврейскомъ вопросѣ можетъ быть два исхода: Собраніе ученыхъ раввиновъ и умнѣйшихъ изъ евреевъ можетъ принять рядъ мѣропріятій, „дабы вышеизложенное зло прекращено было" и такимъ порядкомъ замѣнено, „который бы соотвѣтствовалъ въ полной мѣрѣ общимъ коренны мъ правиламъ, имѣющимъ служить основаніемъ политическому зданію россійскаго государства". Это одинъ способъ рѣшенія еврейскаго вопроса. Другой заключается въ томъ, чтобы помочь евреямъ овладѣть какою-нибудь частью Малой Азіи. Это предпріятіе возможное, но оно „исполинское", почему и вы-

полненіе его не можетъ быть обязательнымъ для верховнаго правленія.

Мы разсмотрѣли главнѣйшія мѣры, которыя рекомендуетъ Пестель по отношенію къ различнымъ народамъ, населяющимъ Россію. Совѣты Пестеля иногда весьма радикальнаго свойства. Цѣль ихъ несомнѣнна—сліяніе всѣхъ народностей съ русскою въ политическомъ отношеніи и частью въ этнографическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, такія мѣры, какъ введеніе русскаго языка или какъ колонизаціи инородцевъ среди русскихъ и обратно, являютъ собою всѣ признаками обрусительной тенденціи. По отношенію къ каждой народности Пестель подмѣчаетъ наиболѣе сильную національную особенность ея и рекомендуетъ соотвѣтственную мѣру для того, чтобы парализовать ее. Оттого къ тѣмъ народностямъ, которыя не проявляютъ рѣзко выраженныхъ національныхъ тенденцій, Пестель относится довольно мягко. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ самъ останавливается предъ неразрѣшимостью общей задачи, которую онъ себѣ ставитъ. Таковъ, напримѣръ, его проектъ разрѣшенія еврейскаго вопроса. Онъ не знаетъ, какія мѣры можно придумать въ противовѣсъ еврейской исключительности, и полагаетъ обратиться къ тѣмъ же раввинамъ, которые, по его мнѣнію, ее поддерживаютъ, или предлагаетъ дѣйствительно исполинскую мѣру, въ возможности выполненія которой онъ сомнѣвается.

Тенденціи Пестеля въ національныхъ вопросахъ казались бы весьма странными и не соотвѣтствовали бы сильному государственному уму его, если бы ихъ взять отдѣльно, внѣ связи съ общими его государственными взглядами. Правда, онъ не понялъ національнаго вопроса въ Россіи и не нашелъ путей для наилучшаго его разрѣшенія. Но во всякомъ случаѣ національный вопросъ пріобрѣтаетъ нѣсколько иной колоритъ въ связи съ его общими взглядами.

Пестель представлялъ себѣ двоякаго рода выходъ въ разрѣшеніи національнаго вопроса: или сліяніе національностей въ большое могущественное государство или федеративное устройство государства.

Пестель былъ рѣшительнымъ противникомъ федераціи и въ основѣ его государственныхъ взглядовъ лежало представленіе о сильномъ, могущественномъ государствѣ, которое должна представлять собою Россія.

Съ точки зрѣнія теоретической, Пестель дѣлитъ государства на *нераздѣлимыя* и *федеративныя*. Подъ первую категорію подходятъ государства, удовлетворяющія слѣдующимъ признакамъ: такое государство имѣетъ одну общую верховную власть, общіе законы и ни одна область не имѣетъ права издавать для себя сепаратныхъ законовъ. Федеративное государство имѣетъ общую верховную власть, но отдѣльныя области его сохраняютъ свои особые законы и имѣютъ право издавать постановленія—„для собственнаго своего внутренняго *гражданскаго* и *политическаго* образованія и устраивать свое правленіе по частному своему усмотрѣнію". Однимъ словомъ, въ нераздѣлимомъ государствѣ законодательная власть и правительственныя учрежденія сосредоточиваются въ рукахъ верховной власти, а въ федеративномъ государствѣ власть раздѣлена и между центральною властью и между областными властями.

Авторъ „Русской Правды" приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ о невыгодахъ федеративнаго образа правленія. Весьма понятно, почему Пестель съ такимъ вниманіемъ остановился на критикѣ федераціи. Конституція Никиты Муравьева какъ разъ предполагала остановиться на этой формѣ правленія, и Пестель, защищая идею сильнаго государства и критикуя федеративный строй, тѣмъ самымъ стремился подорвать тѣ идеи, которыя признавались большинствомъ членовъ Сѣвернаго Общества. Но Пестель понимаетъ федерацію какъ союзъ самостоятельныхъ государствъ, т.-е. прини-

маетъ крайнюю ея форму. Съ его точки зрѣнія, въ федеративномъ государствѣ верховная власть лишена „принудительныхъ средствъ“ для проведенія изданнаго ею закона, ибо могутъ воспрепятствовать мѣстныя власти и проведеніе ея постановленій можетъ повести къ междоусобной войнѣ. Особые законы и особый образъ правленія въ областяхъ ослабляетъ между ними связь. Верховная власть для области является „нудной и непріятной“. Каждая область является „маленькимъ отдѣльнымъ государствомъ“ и даже во время войны „лукавый непріятель“ можетъ произвести раздоръ въ областяхъ. Въ федераціи любовь къ отечеству замѣняется любовью къ области. Всѣ эти признаки федеративнаго государства являются крайне опасными для цѣлости государства. Для Россіи такой порядокъ особенно опасенъ. Она и безъ того состоитъ изъ народностей, пользующихся различными гражданскими законами, говорящихъ на различныхъ языкахъ и исповѣдующихъ различныя религіи, наконецъ, принадлежавщихъ нѣкогда къ другимъ государствамъ. Такимъ образомъ федеративное устройство Россіи можетъ повести къ тому, „что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи тогда отложатся, и она скоро потеряетъ тогда не только могущество, величіе и силу, но даже, можетъ-быть, и бытіе свое между большими или главными государствами“.

Вотъ чего боится Пестель. По его мнѣнію, русское прошлое—именно удѣльный періодъ русской исторіи—доказало, какія неисчислимыя бѣдствія можетъ потерпѣть Россія, если ея области получатъ самостоятельность. Этотъ горькій опытъ долженъ предостеречь потомство.

Пестель является настолько убѣжденнымъ противникомъ федеративнаго строя, что предлагаетъ даже издать особый коренной законъ россійскаго государства, по которому *всякая мысль* о федеративномъ для него устройствѣ отвергается совершенно, „яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло. Избѣгать надлежитъ всего того,

что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно къ таковому устройству государства вести бы могло". И, кромѣ того, должно быть „объявлено", что русское государство является „единымъ и нераздѣльнымъ, отвергающимъ притомъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства".

Все это разсужденіе Пестеля о невыгодахъ федераціи является прямымъ отвѣтомъ на проектъ конституціи Никиты Муравьева. Этотъ проектъ, дѣйствительно, стоялъ на такой точкѣ зрѣнія, при которой область получала самостоятельность, дававшую ей положеніе союзнаго государства. Разумѣется, могутъ быть различныя мнѣнія и въ настоящее время относительно предпочтенія того или иного строя государственной жизни, но мы подчеркнемъ еще разъ лишь ту особенность мнѣнія Пестеля, что онъ не видѣлъ середины между строго централизованнымъ государствомъ и крайнимъ развитіемъ федеративной системы. Это, впрочемъ, и понятно, такъ какъ государственная жизнь къ тому времени еще не выработала типа автономныхъ провинцій, или земскихъ областныхъ собраній и знала два крайніе типа государства: федеративное устройство Соединенныхъ Штатовъ, или типъ союзнаго государства въ родѣ Германской имперіи, или, напр., такое централизованное государство, какъ французская монархія временъ Наполеона.

Однако мы видѣли, что централизація законодательной и исполнительной власти не препятствовала въ представленіи Пестеля самоуправленію общины. Но эти общины были очень мелки по своимъ размѣрамъ и компетенція ихъ самоуправленія простиралась лишь на мѣстныя хозяйственныя нужды.

Но если Пестель требуетъ подчиненія всѣхъ племенъ и народностей одному политическому строю, то тутъ является интереснымъ вопросъ, насколько этотъ строй можетъ стирать тѣ или другія національныя различія и

даже вообще интересно выяснить, въ какое отношеніе къ государству становится тогда народность.

Для высшаго блага государства, для его силы и могущества необходимо, чтобы на всемъ его пространствѣ были *одни* и тѣ же *законы* и *одинъ* и тотъ же *способъ управленія.* Пестель различаетъ законы политическіе и законы „духовные", т.-е. религію. Онъ полагаетъ, что законы вѣры, то-есть религія, могутъ быть различны въ государствѣ. Различныя религіи нисколько не препятствуютъ единству политическихъ законовъ. То же самое по отношенію къ законамъ гражданскимъ и уголовнымъ. Правила нравственности или способъ отправленія правосудія опираются на общія понятія о нашихъ обязанностяхъ по отношенію къ ближнему и потому могутъ быть однообразны на всемъ пространствѣ государства. Политическіе законы также служатъ къ общему благу. Но такъ какъ встрѣчается разнообразіе „естественныхъ мѣстностей въ государствѣ", то политическіе законы должны охватывать только „число предметовъ, общее уложеніе составляющихъ". Изъ этого вытекаетъ тотъ выводъ, что при общихъ политическихъ и гражданскихъ законахъ могутъ существовать въ государствѣ и особые законы, опредѣляющіе тѣ или другія особенности хозяйственной жизни отдѣльныхъ областей. Но и эти законы входятъ въ составъ обще-государственныхъ законовъ. Если бы Пестель подробнѣе развилъ эту мысль, то онъ, очевидно, пришелъ бы къ мысли о цѣлесообразности особыхъ мѣстныхъ положеній, и слѣдовательно, нивелировка всѣхъ мѣстныхъ особенностей не получила бы такого радикальнаго характера, какой придаетъ ему Пестель.

Но это только одна сторона дѣла. Установивъ необходимость общаго законодательства для всей страны, авторъ „Русской Правды" идетъ дальше. Всѣ отдѣльныя народности должны въ конечномъ итогѣ составить: *одинъ народъ и всѣ различные оттѣнки въ одну об-*

щую массу слить, такъ чтобы обитатели цѣлаго пространства россійскаго государства всѣ были русскіе. Вотъ конечный процессъ, къ которому должна привести общность политическихъ законовъ страны, и это требованіе въ представленіи Пестеля должно служить той же цѣли созданія сильнаго государства. Для приведенія столь радикальныхъ перемѣнъ въ государствѣ прежде всего необходимо, чтобы вездѣ *господствовалъ русскій языкъ.* Это облегчитъ сношеніе и поведетъ къ однородности мысли среди разнороднаго населенія, составляющаго Россію. Далѣе должны быть даже „уничтожены" отдѣльныя названія племенъ. Это общія средства, которыя рекомендуетъ Пестель для всѣхъ инородческихъ племенъ Россіи.

Если связать его съ тѣми частными указаніями, которыя онъ дѣлаетъ относительно отдѣльныхъ племенъ, то получается, съ его точки зрѣнія, „что цѣль будетъ достигнута и что всѣ различныя племена, въ Россіи обрѣтающіяся, къ общей пользѣ, *совершенно обрусѣютъ* и тѣмъ содѣйствовать будутъ къ возведенію Россіи на высшую степень благоденствія, величія и могущества".

Таковъ конечный результатъ, къ которому приходитъ Пестель. Идея сильнаго государства въ его представленіи покрываетъ всѣ отдѣльныя національности различныхъ племенъ, и они должны подлежать сліянію съ кореннымъ русскимъ племенемъ. Утопичность такого представленія совершенно очевидна, и надъ ней намъ нѣтъ нужды останавливаться. Но, несмотря на это, идеей могущественнаго и однороднаго государства увлекались весьма многіе государственные умы, особенно въ теченіе XIX в., когда національный вопросъ сталъ играть столь крупную роль; въ числѣ этихъ государственныхъ людей стоитъ и знаменитый объединитель Германіи.

XI.

Конституція Никиты Муравьева.

Теперь, перейдемъ къ конституціи Н. Муравьева. Она является наиболѣе полнымъ отраженіемъ взглядовъ большинства членовъ Сѣвернаго Общества.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что текстъ этой конституціи не былъ вполнѣ обработанъ ея авторомъ. Это относится по крайней мѣрѣ къ тѣмъ редакціямъ ея, которыя до насъ дошли. Такихъ редакцій три: одна сохранилась въ бумагахъ Пущина, другая найдена Слѣдственной Комиссіей въ бумагахъ Трубецкого и третья написана самимъ Муравьевымъ по требованію Комиссіи уже въ крѣпости. Впрочемъ, если объединить всѣ три редакціи, то взгляды Муравьева могутъ быть выяснены съ достаточной полностью [1]). Дѣло въ томъ, что отдѣльныя редакціи конституціи взаимно дополняютъ одна другую.

Прежде всего выяснимъ ученіе Муравьева о населеніи.

Первый же параграфъ конституціи опредѣляетъ права населенія въ слѣдующихъ чертахъ: *Русскій народъ, свободный и независимый, не есть и не можетъ быть*

---

[1]) Текстъ конституціи Н. Муравьева недавно изданъ В. Е. Якушкинымъ въ брошюрѣ „Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи“. Тутъ же есть и изложеніе этой конституціи. Это—текстъ, сохранившійся въ бумагахъ Пущина. Другія двѣ редакціи изданы мною въ „Мемуарахъ декабристовъ“; о различіи этихъ редакцій см. тамъ же въ предисловіи. Въ статьѣ В. И. Семевскаго „Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка“ („Былое“, 1906 г., февраль), конституція Н. Муравьева подробно изложена на основаніи всѣхъ трехъ редакцій, и, кромѣ того, здѣсь сдѣланы надлежащія сопоставленія тѣхъ статей ея, которыя опираются на конституцію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Въ настоящей главѣ нашей цѣлью является лишь краткое изложеніе этого конституціоннаго плана, являющагося выраженіемъ тѣхъ идеаловъ, къ которымъ стремились декабристы.

принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

Конституція раздѣляетъ все населеніе Россіи на двѣ группы: *русскихъ* и *гражданъ*. Подъ именемъ русскихъ разумѣется все населеніе Россіи, коренные жители и дѣти иностранцевъ, родившихся въ Россіи, если они, по достиженіи совершеннолѣтія, изъявили желаніе остаться въ Россіи. Такимъ образомъ подъ этимъ терминомъ разумѣется все населеніе, безъ различія пола и возраста, находящееся подъ охраной русскаго законодательства. Подъ гражданами же разумѣется та часть населенія, которая пользуется политическими правами. Все населеніе, т.-е. всѣ „русскіе", пользуются личными и имущественными правами.

Въ числѣ этихъ правъ конституція объявляетъ *сословное равенство*. „Раздѣленіе между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно вѣрѣ, по которой всѣ люди—братья, всѣ рождены на благо, по волѣ Божіей всѣ рождены для блага, ибо всѣ предъ Нимъ слабы". Поэтому отмѣняется раздѣленіе на сословія дворянъ, мѣщанъ, гражданъ, однодворцевъ. Крѣпостное право отмѣняется. „Рабъ, прикоснувшійся къ землѣ русской, становится свободнымъ". Военныя поселенія также немедленно уничтожаются. Съ цѣлью полнаго равенства отмѣняется также и такая группировка населенія, которая своимъ источникомъ имѣетъ отличіе служебное, или по имущественнымъ признакамъ, или по занятіямъ; поэтому уничтожается дѣленіе на цехи, гильдіи и дѣленіе на чины въ гражданской службѣ.

Сословное равенство ведетъ къ *равенству передъ закономъ*: „всѣ русскіе равны передъ лицомъ закона".

Затѣмъ конституція признаетъ: *свободу печати*, преступленія въ области которой подлежатъ суду присяжныхъ; *свободу промысловъ;* широкое *право союзовъ*. Послѣднее право опредѣляется слѣдующими чертами: „Граждане имѣютъ право составить всякаго рода общества

и товарищества, не испрашивая о томъ ни у кого позволенія, ни утвержденія, лишь только бы дѣйствія оныхъ не были противозаконными. Каждое такое общество имѣетъ право дѣлать себѣ постановленія, лишь бы оныя не были противны сему уставу и законамъ общественнымъ". Вообще всякій русскій въ правѣ дѣлать все, „что не ограничено и не воспрещается закономъ и частными постановленіями, лишь бы онъ не вредилъ другому и не касался чужой собственности".

Право частной собственности на движимое имущество объявляется священнымъ и неприкосновеннымъ. Недвижимая же собственность можетъ быть экспропріирована государствомъ законодательнымъ путемъ.

Свобода религіи представляется полная „по совѣсти и чувствамъ своимъ", лишь бы только не были нарушаемы законы природы и нравственности.

Съ особою тщательностью Муравьевъ опредѣляетъ *право личной неприкосновенности:* „подозрѣваемый въ злоумышленіи" можетъ быть взятъ подъ стражу установленными властями. Но въ теченіе сутокъ ему должно быть предъявлено письменное объявленіе о причинѣ его задержанія, иначе арестованный подлежитъ немедленному освобожденію. Заключенный не по уголовному дѣлу можетъ быть немедленно освобожденъ за поручительствомъ. Предполагается точно опредѣлить, при какихъ условіяхъ власти получаютъ право произвести обыскъ въ частномъ домѣ или задержаніе частнаго лица. Относительно наказаній за преступленія постановляется: „Никто не можетъ быть наказанъ, какъ въ силу закона, обнародованнаго до преступленія и правильно законнымъ образомъ приведеннаго въ исполненіе".

Очевидно, въ цѣляхъ охраны основныхъ правъ населенія ему предоставляется широкое *право петицій и жалобъ* къ народному вѣчу, императору и къ областнымъ палатамъ. За общими правами гражданъ слѣдуютъ нѣ-

которыя специальныя права отдѣльныхъ группъ населенія. Священнослужителямъ предоставляется освобожденіе отъ постоя и подводъ и уплата жалованья, а въ конституціи, найденной въ бумагахъ Трубецкого,—и неприкосновенность церковныхъ земель.

Спеціальныя права предоставлены классу земледѣльцевъ. При освобожденіи крѣпостные крестьяне получаютъ въ собственность дома съ огородами. Земли экономическихъ, удѣльныхъ крестьянъ, военныхъ поселянъ и вольныхъ хлѣбопашцевъ составляютъ ихъ общественную собственность, при чемъ послѣдующіе законы должны опредѣлить способы перехода общественной собственности въ частную, равно и способы раздѣла общественной земли. Въ редакціи Трубецкого есть еще постановленіе, не совсѣмъ ясно формулированное, изъ котораго видно, что предполагался классъ постоянныхъ арендаторовъ, которые могли оставить арендную землю при условіи уплаты извѣстнаго вознагражденія. Владѣльцы общественной земли привлекаются къ участію въ политической жизни страны, посылая своихъ представителей на выборы.

Наконецъ отмѣтимъ и единственное ограниченіе: кочующія племена не пользуются гражданскими правами.

Что касается обязанностей населенія, то онѣ опредѣляются общими чертами, какъ обязанность повиноваться законамъ и законнымъ властямъ и являться на защиту родины по требованію закона.

Таковы права и обязанности всего населенія страны, всѣхъ „русскихъ“, по терминологіи Муравьева.

Изъ всего населенія выдѣляется группа, пользующаяся политическими правами,— граждане. *Гражданскія права* состоятъ въ правѣ избранія представителей и должностныхъ лицъ и въ правѣ быть избираемымъ. Для осуществленія гражданскихъ правъ требуются нѣкоторыя условія, личныя и имущественныя: извѣстный возрастъ (21 годъ), непорочность передъ закономъ, исправный

платежъ общественныхъ повинностей, извѣстное число лѣтъ постояннаго жительства въ данной области и, наконецъ, имущественный цензъ, неодинаковый для осуществленія различныхъ политическихъ правъ. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ установленія конституціи, неумѣющіе грамотѣ не могутъ пользоваться гражданскими правами.

Такимъ образомъ осуществленіе политическихъ правъ связано съ извѣстнаго рода цензомъ. По редакціи, найденной въ бумагахъ Трубецкого, вообще для осуществленія выборнаго права неизмѣннымъ условіемъ ставится обладаніе недвижимымъ имуществомъ цѣнностью въ 500 руб., или движимымъ цѣнностью въ 1000 руб. Но это только для участія въ уѣздныхъ выборахъ для избранія должностныхъ лицъ. Граждане каждаго уѣзда дѣлятся на четыре списка по имуществу. Высшій размѣръ ценза — недвижимое имущество на 30 тысячъ рублей и низшій — на 2 тысячи рублей, или вдвое больше движимаго имущества. Граждане перваго списка могутъ быть избираемы въ члены Верховной Думы, въ правители державъ и ихъ намѣстниковъ, въ совѣтники и въ тысяцкіе. Граждане второго списка (цензъ въ 15 тысячъ рублей недвижимой собственности) могутъ быть избираемы въ члены державныхъ думъ, судовъ; граждане третьяго списка (собственность на 2 тысячи рублей) могутъ быть избираемы въ члены палаты выборныхъ и державнаго законодательнаго собранія. Граждане четвертаго списка (недвижимой собственности на 7 тысячъ рублей) могутъ быть присяжными засѣдателями и избирателями въ законодательное собраніе. По списку Пущина, въ уѣздѣ ведется два списка: въ первый заносятся всѣ имѣющіе недвижимой собственности не менѣе 30 тысячъ рублей и во второй списокъ — имѣющіе не менѣе 5 тысячъ рублей. Граждане перваго списка пользуются правомъ быть избираемыми въ члены законодательныхъ собраній и въ должности, а члены второго

списка могутъ быть только присяжными засѣдателями и избирателями. Въ уѣздномъ же самоуправленіи пользуются правомъ выбора всѣ тѣ, которые владѣютъ недвижимой собственностью въ размѣрѣ не менѣе 500 руб.

Такимъ образомъ для осуществленія политическихъ правъ назначенъ сравнительно высокій имущественный цензъ.

Отъ разсмотрѣнія правъ населенія перейдемъ къ разсмотрѣнію управленія.

Проектъ конституціи исходитъ изъ того общаго положенія, что суверенная власть принадлежитъ народу: русскій народъ свободенъ и независимъ; источникъ верховной власти есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя.

Народный суверенитетъ выражаетъ свою волю въ установленіи конституціи. Право изданія конституціонныхъ законовъ принадлежитъ *народному собору* и *державнымъ соборамъ;* народному же собору принадлежитъ право „избрать другое поколѣніе на царство". Народный соборъ функціонируетъ только въ этихъ исключительныхъ случаяхъ.

Созывъ собора обставленъ рядомъ условій. Народное Вѣче посредствомъ закона объявляетъ о созваніи собора въ столицѣ или другомъ городѣ, съ указаніемъ предмета его занятій. Тогда населеніе выбираетъ особыхъ депутатовъ, число которыхъ равно числу членовъ Вѣча и которые избираются тѣмъ же порядкомъ, какъ и члены послѣдняго. Народный соборъ занимается только тѣмъ вопросомъ, для котораго онъ созванъ. Онъ засѣдаетъ не болѣе шести мѣсяцевъ, и рѣшенія его считаются дѣйствительными только при $^{2}/_{3}$ положительныхъ голосовъ. Соборъ вырабатываетъ только *проектъ* измѣненій въ конституціи. Этотъ проектъ поступаетъ въ *областные* соборы. Каждая область избираетъ на областной соборъ двойное число депутатовъ сравнительно съ тѣмъ, кото-

рое она посылала въ народный соборъ. Областной соборъ или отвергаетъ или принимаетъ проекты. Для принятія проекта требуется $^{2}/_{3}$ голосовъ въ каждомъ соборѣ и $^{2}/_{3}$ положительныхъ голосовъ изъ всѣхъ депутатовъ, голосовавшихъ на областныхъ соборахъ. Такъ утверждается измѣненіе въ конституціи.

Обычное теченіе дѣлъ государства совершается на основаніи конституціонныхъ законовъ. Эти законы покоятся на строгомъ примѣненіи двухъ принциповъ: во-первыхъ, *на раздѣленіи властей* на законодательную, исполнительную и судебную, и, во-вторыхъ, на *федеративномъ началѣ*. Все государство состоитъ изъ крупныхъ областей, или державъ, обладающихъ широкимъ правомъ самоуправленія, и объединяемыхъ центральнымъ управленіемъ, простирающимъ свою власть на вопросы, выходящіе изъ предѣловъ власти державъ и касающіеся всего государства. Принципъ раздѣленія властей тоже проводится какъ для центральнаго управленія, такъ и для областного.

Законодательная власть въ государствѣ представлена *Народнымъ Вѣчемъ*. Оно „пріемлетъ наименованіе его величества", такъ какъ представляетъ собою весь русскій народъ. Народное Вѣче состоитъ изъ двухъ палатъ, изъ *Верховной Думы* и *Палаты представителей*. Это и есть верхняя и нижняя палаты. Въ идеѣ Народное Вѣче, представляя собою высшую законодательную власть страны, дѣйствуетъ какъ бы нераздѣльно въ лицѣ своихъ двухъ палатъ и какъ бы составляетъ собою единое учрежденіе. Всѣ вопросы, за незначительными исключеніями, подлежатъ разсмотрѣнію обѣихъ палатъ. Оно ограничено только народнымъ суверенитетомъ: „Народное Вѣче не имѣетъ власти учреждать новыхъ конституціонныхъ законовъ, ни отмѣнять существующихъ,—однимъ словомъ, не имѣетъ права издавать постановленій ни о какомъ предметѣ, не помѣщенномъ въ семъ исчисленіи правъ его". Кромѣ того, авторъ проекта считаетъ нужнымъ

ограничить еще власть Народнаго Вѣча въ частности въ отношеніи вѣры и свободы слова: „Вѣра, совѣсть и мнѣнія гражданъ, пока оныя не обнаруживаются противозаконными дѣйствіями, не подлежатъ власти Народнаго Вѣча".

Компетенція Народнаго Вѣча представляется очень широкой. Ему принадлежитъ право издавать судебное уложеніе и учрежденія, опредѣляющія внутренній порядокъ управленія. Оно издаетъ исключительные законы, ему подлежитъ устройство и управленіе войскомъ, крѣпостями, опредѣленіе налоговъ и повинностей, заключеніе займовъ, покровительство наукамъ и искусствамъ, безъ права, однако, ограничивать свободу наукъ и искусствъ и свободу частнаго преподаванія. Оно опредѣляетъ правила службы гражданскихъ чиновниковъ и устанавливаетъ награды для нихъ. Забота о промышленности, путяхъ сообщенія, о народномъ кредитѣ и вообще о мѣрахъ народнаго благосостоянія также находится въ компетенціи Вѣча. Народное Вѣче имѣетъ право экспропріировать частную собственность (за справедливое вознагражденіе). Вѣче, однако, обязано издавать въ общенародное свѣдѣніе отчетъ о приходѣ и расходѣ государственныхъ суммъ. Казначейства не могутъ отпускать никакихъ суммъ, не утвержденныхъ Народнымъ Вѣчемъ въ формѣ законодательнаго постановленія. Относительно налоговъ, Народное Вѣче опредѣляетъ только тѣ изъ нихъ, которые идутъ на нужды всего государства. То же касается и издержекъ.

По отношенію къ областнымъ державамъ Вѣче имѣетъ право распускать правительственныя собранія державъ въ тѣхъ случаяхъ, если они преступаютъ предѣлы своей власти, и повелѣваетъ произвести новые выборы. Оно же избираетъ правителей державъ.

Кромѣ того, Вѣче имѣетъ слѣдующія прерогативы, обыкновенно находящіяся въ конституціонныхъ странахъ у государя: право амнистіи и объявленіе войны. При этомъ

Народное Вѣче въ его цѣломъ, или въ видѣ его верхней палаты принимаетъ участіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ: безъ согласія Народнаго Вѣча императоръ не можетъ заключать такихъ трактатовъ, условіемъ которыхъ является нападеніе на какую-нибудь страну или же уступка части территоріи, принадлежащей Россіи. Императоръ ведетъ переговоры съ иностранными державами и заключаетъ мирные трактаты съ совѣта и согласія Верховной Думы.

По отношенію къ императорской власти Народному Вѣчу предоставляются слѣдующія права: Только съ его разрѣшенія императоръ можетъ употребить войска для подавленія возмущенія внутри Россіи. Вѣче опредѣляетъ порядокъ и обрядъ вступленія новаго императора на тронъ.

Въ его присутствіи новый императоръ произноситъ присягу конституціи. Въ случаѣ отъѣзда императора изъ предѣловъ государства, его отреченія, смерти или болѣзни „тѣлесной или нравственной“, вѣче провозглашаетъ наслѣдника императоромъ или объявляетъ регентство. Регентство переходитъ къ предсѣдателю Верховной Думы. Такимъ образомъ по отношенію къ императорской власти Народное Вѣче является контролирующимъ учрежденіемъ. *Законодательная дѣятельность* обѣихъ палатъ протекаетъ при слѣдующихъ условіяхъ Всякій проектъ закона трижды докладывается въ каждой палатѣ. Всякій проектъ закона, одобренный Думою и Палатою представителей, идетъ на утвержденіе императора. Въ случаѣ неутвержденія имъ закона, онъ съ своими замѣчаніями отсылаетъ въ ту палату, въ какую проектъ поступилъ. Если здѣсь двѣ трети одобряетъ законъ, то проектъ поступаетъ въ другую палату и, получивъ тамъ одобреніе простого большинства, имѣетъ силу закона. Впрочемъ, если императоръ въ теченіе десяти дней не возвратитъ представленнаго ему проекта, то таковой во всякомъ случаѣ получаетъ силу закона.

Всѣ законы проходятъ чрезъ обѣ палаты; исключеніе составляетъ бюджетный законъ: онъ предварительно обсуждается въ Палатѣ представителей; Верховная Дума можетъ въ немъ сдѣлать измѣненія, но они имѣютъ значеніе только въ томъ случаѣ, если ихъ допускаетъ Палата представителей. Такъ какъ законодательная инициатива можетъ возникать въ обѣихъ палатахъ, то проектъ закона, отвергнутый въ одной изъ палатъ, можетъ быть представленъ вновь только въ слѣдующее собраніе палатъ, т.-е. очевидно черезъ годъ.

Верховной Думѣ принадлежитъ исключительное *право суда* надъ министрами, верховными судьями и другими сановниками имперіи, но она объявляетъ лишь подсудимаго виновнымъ и отрѣшаетъ отъ службы, мѣра же наказанія опредѣляется судомъ присяжныхъ.

Во внутреннемъ распорядкѣ каждая палата самостоятельна. Такъ, каждая палата избираетъ себѣ предсѣдателя, провѣряетъ полномочія избранныхъ членовъ, исключаетъ изъ своей среды недостойныхъ членовъ, опредѣляетъ публичность или непубличность своихъ засѣданій.

Члены Народнаго Вѣча получаютъ вознагражденіе отъ государства, они пользуются личной неприкосновенностью и могутъ подвергнуться задержанію только за измѣну. Члены палаты не могутъ принимать никакихъ должностей, и должностныя лица не могутъ быть избираемы въ члены.

Верховная Дума состоитъ всего изъ сорока двухъ членовъ, избираемыхъ палатами выборныхъ и областными или державными думами на четыре года. Ежегодно обновляется одна треть состава Верховной Думы. Члены Думы избираются изъ лицъ, имѣющихъ высшій цензъ, не менѣе 30 лѣтъ возраста и 9 лѣтъ русскаго гражданства (для перешедшихъ изъ иностраннаго подданства). Члены палаты представителей избираются на два года посредствомъ прямого голосованія.

Палата состоитъ изъ 450 представителей, по разсчету на 50 тысячъ жителей—одинъ представитель.

Таково устройство законодательной власти по проекту Муравьева.

Исполнительная власть находится въ рукахъ *императора*—„верховнаго чиновника россійскаго правительства“. Императорская власть наслѣдственна по прямой линіи; женщины не наслѣдуютъ. Императоръ соединяетъ въ особѣ своей всю исполнительную власть. Онъ является начальникомъ морского, сухопутнаго и земскаго войска. По отношенію къ администраціи онъ назначаетъ министровъ или главъ приказовъ; онъ выдаетъ грамоты на назначеніе всѣмъ чиновникамъ имперіи. Наконецъ ему же принадлежитъ контроль за исполненіемъ законовъ. Однако высшіе гражданскіе чиновники лично отвѣчаютъ за каждое свое дѣйствіе, даютъ отвѣтъ палатамъ и, наконецъ, подлежатъ суду Верховной Думы. Особа императора не подлежитъ сужденію и онъ не несетъ отвѣтственности. Если бы императоръ учинилъ какое-либо преступленіе, то оно приписывается нравственному его недугу.

Какъ глава государства, императоръ является представителемъ въ сношеніяхъ съ иностранными государствами, назначаетъ полномочныхъ министровъ, посланниковъ и консуловъ. Однако трактаты съ иностранными державами онъ заключаетъ съ совѣта и съ согласія Верховной Думы.

По отношенію къ палатамъ Народнаго Вѣча, императоръ представляетъ ему свѣдѣнія о состояніи Россіи и предлагаетъ на его сужденіе мѣры и законопроекты, которые ему представляются необходимыми. Онъ можетъ отсрочить засѣданіе палатъ, но не болѣе какъ на три мѣсяца. Онъ заполняетъ вакантныя мѣста выборныхъ чиновниковъ въ періодъ, когда Вѣче не засѣдаетъ, но такія назначенія имѣютъ силу только до конца перваго собранія Верховной Думы.

Императору присвояется титулъ его императорскаго величества и никакихъ другихъ титуловъ не допускается. Такія выраженія, какъ „именное повелѣніе“, „высочайшее повелѣніе“ отмѣняются, какъ „неприличныя“. Императорскій дворъ также уничтожается, и придворные чины не имѣютъ государственнаго значенія. Императоръ получаетъ опредѣленное пожизненное жалованье, и всѣ кабинетскіе доходы и регаліи переходятъ въ казначейство. Семья императора не пользуется никакими прерогативами и во всѣхъ отношеніяхъ сравнивается съ частными лицами.

Интересно постановленіе, въ силу котораго императоръ не можетъ удалиться изъ страны подъ угрозой устраненія отъ престола. Это постановленіе является какъ бы отвѣтомъ на постоянное отсутствіе императора Александра I.

Такимъ образомъ императорская власть, являясь властью исполнительной, въ то же время пользуется чрезвычайно незначительными прерогативами и находится подъ контролемъ Народнаго Вѣча.

Мы разсмотрѣли двѣ власти, дѣйствующія въ государствѣ. При этомъ оказывается, что исполнительная власть не вполнѣ свободна отъ контроля и воздѣйствія власти законодательной. Напротивъ, судебная власть занимаетъ болѣе самостоятельное положеніе.

Судъ является прежде всего точнымъ исполнителемъ законовъ. „Никакой судья и никакое судилище не имѣетъ права толковать законъ, ни рѣшать случаи, имъ не предвидѣнные—однимъ словомъ, не можетъ присвоить себѣ законодательной власти“. Судъ выдѣляется отъ власти полицейской и административной, что въ то время смѣшивалось. Вообще участіе полиціи въ судебныхъ дѣлахъ совершенно уничтожается, и всѣ мелкія дѣла, подлежавшія такъ называемому полицейскому суду, переходятъ въ судебныя учрежденія. Судъ никого самъ не

привлекаетъ къ отвѣтственности: судья судитъ только тогда, когда находится обвинитель.

Устройство судебной части представляется въ слѣдующемъ видѣ. Каждая область представляетъ собою отдѣльное цѣлое въ судебномъ отношеніи. Въ каждомъ уѣздѣ предполагалось нѣсколько *совѣстныхъ судей*, избираемыхъ самимъ населеніемъ на каждые четыре тысячи душъ мужского пола. Никто въ уѣздѣ не можетъ быть взятъ подъ стражу безъ предписанія совѣстнаго судьи. Онъ судитъ публично. Его компетенція ограничивается разсмотрѣніемъ проступковъ, за которые полагается заключеніе подъ стражу не болѣе, чѣмъ на три дня, или пеня въ размѣрѣ, не превышающемъ заработной платы трехъ рабочихъ дней. Эти проступки судья разсматриваетъ безъ участія присяжныхъ. Апелляція на рѣшеніе судьи поступаетъ въ *съѣзды совѣстныхъ судей.*

Въ судѣ принимаютъ участіе *присяжные засѣдатели*, *адвокаты* и *правительственная прокуратура.* Но не совсѣмъ ясно, въ какихъ случаяхъ дѣло поступаетъ на разсмотрѣніе присяжныхъ. Повидимому, присяжные засѣдаютъ и при совѣстномъ судѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ разсматриваетъ дѣла, наказаніе за которыя превышаетъ трехдневный арестъ.

Каждая губернія представляетъ собою одинъ *присудъ*. Во главѣ этого присуда стоятъ *областные судьи*, избираемые областными палатами. Въ каждомъ уѣздѣ совѣстные судьи разсматриваютъ подъ предсѣдательствомъ областного судьи уголовныя дѣла. Присяжные засѣдатели принимаютъ участіе какъ въ уголовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. Апелляція отъ этого уѣзднаго суда восходитъ въ областной судъ. Высшей судебной инстанціей является Верховное Судилище, состоящее изъ пяти или семи верховныхъ судей, избираемыхъ Народнымъ Вѣчемъ. *Верховное Судилище* находится въ столичномъ округѣ и по отношенію къ этому округу оно играетъ роль областного судилища. Но, кромѣ того, оно

имѣетъ контролирующую власть надъ областными судами, такъ какъ провѣряетъ ихъ отчеты и слѣдитъ за правильностью примѣненія ими законовъ. Оно же доводитъ до свѣдѣнія Народнаго Вѣча о неясныхъ или противорѣчивыхъ законахъ. Сверхъ того, каждое четырехлѣтіе Верховное Судилище представляетъ императору и обѣимъ палатамъ систематическій отчетъ о вышедшихъ законахъ съ своими замѣчаніями о тѣхъ изъ нихъ, которые кажутся неясными, излишними или противорѣчащими конституціи. Кромѣ того, Верховное Судилище разсматриваетъ преступленія высшихъ чиновниковъ, виновность коихъ признана Верховною Думою.

Надзоръ за дѣятельностью судебныхъ учрежденій осуществляется при помощи жалобъ, приносимыхъ на судей населеніемъ. Высшей инстанціей является областная палата, которая можетъ лишить судью его званія даже въ томъ случаѣ, если палата не имѣетъ прямыхъ уликъ, но, тѣмъ не менѣе, она имѣетъ нравственное убѣжденіе въ неправосудіи судьи.

Добавимъ еще, что для лицъ избираемыхъ въ судьи, требуется цензъ: для совѣстнаго судьи—движимаго или недвижимаго имущества на двѣ тысячи рублей, для высшихъ судей—на пятнадцать тысячъ рублей.

Разсматривая функціонированіе судебной власти, мы коснулись уже отчасти и устройства областного правленія. Оно играетъ большую роль въ конституціи Н. Муравьева. Она предполагаетъ прежде всего *новое областное дѣленіе* Россіи. Все государство дѣлится на большія области, или державы. Такихъ державъ тринадцать и двѣ области въ собственномъ смыслѣ. Державы дѣлятся на уѣзды, а уѣзды—на волости. Только для судебныхъ округовъ сохраняется губернское дѣленіе. Столицей государства предполагается по одной редакціи Москва, а по другой—Нижній-Новгородъ [1]).

[1]) Приведемъ списокъ державъ и областей съ ихъ столицами: Ботническая держава-столица Гельсингфорсъ. Волховская — Гр. Св. Петра.

Державы съ ихъ столицами — это крупныя географическія и частью историко-этнографическія области.

Хотя децентрализація управленія въ связи съ федеративнымъ устройствомъ государства долженствовала представлять собою основную идею конституціи Муравьева, базисъ ея, однако, въ проектѣ—эта сторона государственной жизни выяснена весьма слабо. Прежде всего авторъ проекта не считается съ установившимся областнымъ дѣленіемъ. Въ проектѣ замѣтно стремленіе создать искусственную схему.

Деревни дѣлятся на десятки и сотни съ выборными десятскими и сотскими. Нѣсколько деревень составляютъ волость съ выборными *волостными старѣйшинами.* Нѣсколько волостей составляютъ округъ съ окружнымъ старѣйшиною, назначаемымъ *тысяцкимъ.* Во главѣ уѣзда стоитъ выборный тысяцкій. Въ городахъ населеніе избираетъ сотскихъ и другихъ полицейскихъ чиновниковъ, тоже подчиненныхъ тысяцкому. Власть тысяцкаго очень обширна. Онъ предсѣдательствуетъ на всѣхъ многочисленныхъ собраніяхъ, составляетъ списки выборщиковъ и присяжныхъ засѣдателей. Наконецъ ему принадлежитъ во всемъ объемѣ полицейская власть въ уѣздѣ, надзоръ за тюрьмами, охрана суда и исполненіе его требованій и опредѣленій, наконецъ сборъ общественныхъ доходовъ. Волостные старѣйшины, по отношенію къ волости, обладаютъ тою же полицейской и исполнительной властью.

Центральное *управленіе державъ* разработано Муравьевымъ болѣе подробно. Каждая держава имѣетъ тѣ же органы управленія, какіе имѣетъ все государство.

Балтійская—Рига. Западная—Вильна. Днѣпровская—Смоленскъ. Черноморская — Кіевъ. Кавказская — Тифлисъ. Украинская — Харьковъ. Заволжская—Ярославль. Камская—Казань. Низовская — Саратовъ. Обійская — Тобольскъ. Ленская — Иркутскъ. Московская область — Москва. Донская область—Черкаскъ.

Въ каждой державѣ есть власть правительствующая, исполнительная и судебная.

Правительствующая власть каждой державы принадлежитъ палатѣ выборныхъ и Державной Думѣ. Въ палату выборныхъ члены избираются на одинъ годъ, а въ Державную Думу—на четыре года; въ послѣдней составъ обновляется на одну треть каждый годъ. Число членовъ разсчитано такимъ образомъ, чтобы отъ десяти тысячъ душъ мужского пола былъ одинъ представитель въ палатѣ выборныхъ, а въ каждой Державной Думѣ членовъ втрое менѣе, чѣмъ въ палатѣ выборныхъ. Для депутатовъ въ обѣ областныя палаты требуются тѣ же условія, какъ и въ обѣ государственныя палаты. Отношенія между обѣими палатами въ каждой державѣ совершенно такія же, какъ и обѣихъ государственныхъ палатъ.

Поэтому можетъ имѣть интересъ только объемъ компетенціи „правительственнаго собранія“ каждой державы, т.-е. обѣихъ ея палатъ. Эта компетенція сводится къ слѣдующему. Правительствующее собраніе каждой державы имѣетъ право: дѣлать постановленія, касающіяся внутренняго управленія державы; устанавливать новое административное подраздѣленіе державы; устанавливать мѣста избранія народныхъ представителей и порядокъ ихъ избранія; устанавливать налоги на мѣстныя нужды, напримѣръ, на устройство дорогъ, каналовъ, на общественныя постройки, на оплату жалованья чиновникамъ; устраивать учебныя заведенія, пути сообщенія. Правительство державы можетъ ходатайствовать предъ Народнымъ Вѣчемъ о созывѣ народнаго собора для пересмотра того или иного пункта конституціи.

Кромѣ того, въ одной изъ редакцій опредѣляются еще тѣ постановленія, которыхъ не имѣютъ право устанавливать державы. Такъ, держава не можетъ заключать союза, договора, вообще никакого трактата съ иностранными государствами или съ другою державою, не можетъ заключать миръ или объявлять войну, чеканить

монету, налагать таможенныя пошлины, содержать въ мирное время войско, раздавать титулы дворянства и отправлять пословъ или депутаціи въ иностранныя государства.

Исполнительная власть въ каждой державѣ ввѣряется избираемому Вѣчемъ правителю державы, его намѣстнику и состоящему при немъ совѣту. Правителю державы предоставляются ровно тѣ же функціи, какъ и императору. Въ его рукахъ находится исполнительная власть державы, онъ открываетъ, закрываетъ и отсрочиваетъ засѣданія палатъ, начальствуетъ надъ земскимъ войскомъ, утверждаетъ постановленія обѣихъ палатъ. При правителѣ находится совѣтъ изъ выборныхъ совѣтниковъ.

Мы познакомились съ конституціей Н. Муравьева. Повторяемъ, что она является далеко не разработанной во всѣхъ деталяхъ. Точка отправленія автора конституціи совершенно ясна при бѣгломъ же знакомствѣ съ ея схемой. Прототипомъ ея является конституція Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Это и понятно, такъ какъ наиболѣе вліятельная группа членовъ Сѣвернаго Общества съ Н. Муравьевымъ во главѣ предпочитала для Россіи именно этотъ типъ государственнаго устройства. Такъ, въ конституціи Муравьева прототипомъ для державы является Сѣверо-Американскій Штатъ, хотя у Муравьева правитель державы избирается Народнымъ Вѣчемъ. И въ устройствѣ центральныхъ правительственныхъ учрежденій проектъ Муравьева опирается на ту же конституцію. Власть императора едва ли не меньше власти президента республики, и вообще императоръ является по существу пожизненнымъ президентомъ, такъ какъ наслѣдникъ заступаетъ его мѣсто не по праву наслѣдованія, а на основаніи декрета Народнаго Вѣча. Несомнѣнно, той же конституціей навѣяно строгое отдѣленіе суда отъ административной и законодательной власти и въ особенности черта, присущая сѣверо-аме-

риканскому конституціонному устройству: верховный судъ дѣлаетъ представленіе Народному Вѣчу о законахъ, противорѣчащихъ конституціи. Впрочемъ, законодательство Штатовъ ставитъ этотъ вопросъ еще шире, такъ какъ здѣсь судъ можетъ освободить каждаго гражданина отъ исполненія закона, изданнаго конгрессомъ, если этотъ законъ противорѣчитъ конституціи. Наконецъ сюда же надо отнести и ограниченіе Народнаго Вѣча въ вопросахъ, которые могли бы нарушить конституціонную хартію. Иногда совпаденіе обѣихъ конституцій можно наблюдать и въ деталяхъ: такую деталь можно указать въ томъ постановленіи, которое воспрещаетъ императору отъѣздъ за предѣлы государства. Авторъ конституціи, однако, составляя свой проектъ, имѣлъ въ виду не одну конституцію Штатовъ; въ проектѣ видно знакомство его автора и съ другими тогдашними конституціями, напримѣръ, съ испанской, французской. Впрочемъ, мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на подробностяхъ и, ограничившись этими бѣглыми замѣчаніями, перейдемъ къ другимъ отраженіямъ политической мысли въ средѣ членовъ Сѣвернаго Общества.

Такихъ отраженій весьма немного, такъ какъ члены вообще признавали себя солидарными съ проектомъ Муравьева. Но въ средѣ членовъ были съ одной стороны лица, которыя считали вполнѣ достаточнымъ весьма умѣренную конституцію. Съ другой стороны можно намѣтить группу членовъ, предъявлявшихъ болѣе демократическія требованія къ будущему государственному устройству.

Прежде всего остановимся на критикѣ конституціи Н. Муравьева, исходившей изъ болѣе демократическихъ круговъ Сѣвернаго Общества. Н. Муравьевъ давалъ на прочтеніе свою конституцію членамъ Сѣвернаго Общества; иногда онъ читалъ ее въ собраніяхъ. Онъ даже предполагалъ по написаніи ея „распущать“ проектъ и среди не членовъ для того, чтобы такимъ путемъ при-

готовить общество къ принятію конституціи въ случаѣ успѣха революціи. Извѣстно нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ на проектъ Муравьева. Такъ, въ той редакціи конституціи, которая находится въ дѣлѣ Трубецкого, на поляхъ сдѣланы замѣчанія. Изъ этихъ замѣчаній интересны тѣ, которыя относятся къ крестьянскому вопросу. Какъ мы уже знаемъ, въ проектѣ Муравьева предполагались арендныя отношенія между помѣщикомъ и крестьянами. Конституція предполагаетъ особый законъ, который необходимо издать для опредѣленія вознагражденія, идущаго въ пользу помѣщика, или въ пользу волостной общины на экономическихъ и удѣльныхъ земляхъ въ томъ случаѣ, если крестьяне оставляютъ арендуемые участки и получается перерывъ въ платежѣ аренды. Составитель замѣчанія говоритъ, что при срочныхъ арендныхъ условіяхъ такое постановленіе не нужно. А освобожденіе крестьянъ необходимо „такъ устроить, чтобы подобныхъ разорительныхъ какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ переходовъ не было“. Что касается экономическихъ и удѣльныхъ крестьянъ, то авторъ вѣрно говоритъ, что вознагражденіемъ за неплатежъ податей ушедшихъ въ пользу общины остается его земельный участокъ и что платежъ стѣснитъ передвиженіе населенія и промыселъ. Авторъ замѣчанія, наконецъ, высказывается противъ сохраненія общины. По его мнѣнію, это „вѣрный способъ для стоячаго положенія земледѣлія,—при общей собственности оно никогда преуспѣвать не можетъ въ усовершенствованіи“.

Повидимому, Рылѣевъ весьма внимательно изучалъ конституцію Муравьева и сдѣлалъ рядъ замѣчаній на нее. Къ сожалѣнію, эти замѣчанія дошли до насъ въ обрывкахъ, по крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ они только извѣстны. Мы укажемъ существенную черту этихъ возраженій. Рылѣевъ считалъ введеніе ценза не согласнымъ съ законами нравственности, а при освобожденіи крестьянъ стоялъ за надѣленіе ихъ не только огородною

землею но и пахотною [1]). Кромѣ того, въ дѣлѣ Трубецкого сохранились еще пространныя замѣчанія на проектъ Муравьева, принадлежащія неизвѣстному автору. Сущность этихъ замѣчаній сводится къ слѣдующему. Авторъ прежде всего высказывается противъ системы ценза. Онъ находитъ также рядъ возраженій противъ той статьи конституціи, которая требуетъ, чтобы цензъ для членовъ верхней палаты былъ даже выше, чѣмъ цензъ для членовъ нижней палаты. Онъ спрашиваетъ: „Что послѣдуетъ изъ верхней палаты, если въ оной половина членовъ будетъ собрана изъ людей только богатыхъ, а не такихъ, которые своимъ умомъ, добродѣтелями, опытностью и любовью къ отечеству должны представить собою римскій сенатъ во времена Пирра". Такимъ образомъ авторъ рѣзко подчеркиваетъ свое несогласіе съ установленіемъ повышеннаго ценза для членовъ верхней палаты. Онъ высказывается за двухпалатную систему, но въ его представленіи верхняя палата состоитъ изъ людей „отличныхъ по уму, заслугамъ, испытанныхъ подъ бременемъ государственныхъ должностей и преданныхъ своей отчизнѣ". Такую палату предпочтительно составить изъ пожизненныхъ членовъ, „хотя бѣдныхъ, но заслуженныхъ". Такая верхняя палата должна имѣть опредѣленное число членовъ. Новые члены на вакантныя мѣста предлагаются императоромъ и каждой изъ палатъ, и выборъ долженъ быть съ согласія императора и обѣихъ палатъ. „Палата сія составится изъ людей извѣстныхъ и будетъ лавровымъ вѣнкомъ для гражданъ отличныхъ добродѣтелей. Она, не измѣняясь по волѣ богачей наемными голосами, не вмѣститъ и не потерпитъ въ сонмѣ своемъ невѣждъ и тогда только будетъ твердымъ оплотомъ между деспотизма и своевольства. Но если кто изъ членовъ ея сдѣлается подозрительнымъ, тогда члены низшей палаты

---

[1]) „Девятнадцатый вѣкъ", т. I, стр. 360.

должны его, подобно министрамъ, обвинять и требовать суда“.

Но особенно интересенъ рядъ замѣчаній неизвѣстнаго автора по вопросамъ о контролѣ за дѣятельностью министровъ и о власти императора.

По его мнѣнію, императоръ долженъ быть представителемъ народа и потому долженъ быть главою политической власти. Онъ долженъ быть повелителемъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ, награждать чинами и вообще императору должна быть предоставлена большая свобода дѣйствій. Въ дѣлахъ политическихъ онъ не долженъ совѣщаться съ членами верхней палаты. Но такъ какъ особа императора священна въ глазахъ народа, то дѣйствительная власть въ его рукахъ опасна. Поэтому императоръ долженъ дѣйствовать только черезъ своихъ министровъ, которые за все отвѣчаютъ своей головой. Не одно повелѣніе императора не можетъ имѣть значенія безъ подписи министра. Такъ, относительно войскъ императоръ считается ихъ главнымъ начальникомъ, но не командуетъ ими лично ни въ какомъ случаѣ, число войскъ опредѣляется палатами. Въ областяхъ должна быть образована особая милиція подъ начальствомъ областныхъ правителей. Эта милиція исключительно зависитъ отъ парламента, и на нее онъ можетъ опереться.

Вообще замѣчанія анонимнаго автора показываютъ въ немъ большую вдумчивость и знаніе западно-европейскаго строя. Онъ хорошо подмѣтилъ слабыя стороны конституціи Муравьева. Императорская власть у Муравьева является властью безличной. Она не облечена ни соотвѣтствующимъ сану конституціоннаго монарха довѣріемъ ни даже внѣшнимъ почетомъ. Она подвержена слишкомъ большому контролю со стороны палатъ, даже надзору ихъ, а между тѣмъ отвѣтственность министровъ у Муравьева далеко не является вполнѣ рельефно выдвинутой. Исполнительная власть по существу нигдѣ

не сосредоточена. Если взвѣсить то недовѣріе, которымъ пользовалась современная ему власть, то такое отношеніе къ нимъ вполнѣ понятно. Но Муравьевъ упустилъ изъ виду, что онъ составляетъ проектъ конституціи для будущаго государственнаго строя. Вообще вся эта конституція является весьма не совершеннымъ проектомъ. Одно условіе ценза и притомъ весьма высокаго для избранія въ должности надо признать выдающимся ея недостаткомъ. Масса крестьянскаго населенія лишалась бы участія въ политической жизни страны. Не говоримъ уже о многихъ, не выясненныхъ авторомъ вопросахъ, хотя бы, напримѣръ, о такомъ кардинальномъ вопросѣ, какъ освобожденіе крестьянъ, о составѣ волости и т. п. Въ ней недостаетъ цѣльности міровоззрѣнія ея автора. Если сопоставить правительственную власть всего государства съ властью державъ, то тоже получается впечатлѣніе нѣкоторой неопредѣленности. По духу конституціи, державы должны обладать весьма широкой административной и законодательной властью, но въ дѣйствительности конституція державы была сужена и не шла далѣе мѣстной администраціи и хозяйства, не имѣя, повидимому, права, напримѣръ, изданія мѣстныхъ гражданскихъ или уголовныхъ законовъ. Интересно, что впослѣдствіи самому Н. Муравьеву въ такомъ именно видѣ представлялись права державъ, между тѣмъ, какъ права императора тогда же ему казались достаточно обширными, чего, какъ мы видѣли, не было въ дѣйствительности. По адресу комиссіи онъ говоритъ, что „она не замѣтила, что независимость областей не согласуется съ монархическимъ правленіемъ, утвержденнымъ сей конституціей, и упускаетъ изъ виду не безъ цѣли, что областныя собранія не облечены державной властью. Областныя собранія среди совокупленныхъ губерній, вѣдая только распоряженіями и расправами мѣстными, содѣйствовали единству управленія державнаго. Эта конституція *не только не стѣсняла* исполни-

тельной власти (императорской), но доставляла ей свободу дѣйствія, необходимую для общей пользы, поручала ей соблюденіе державныхъ выгодъ; признавала ея необходимое участіе въ законодательной власти и надзоръ за общимъ ходомъ судопроизводства. Отдѣляя вѣтви управленія, она избавляла только исполнительную власть отъ посредничества между частными лицами, предоставленнаго самостоятельной судебной власти. Такимъ образомъ прекратилось бы смѣшеніе властей, столь гибельное въ общественномъ устройствѣ Россіи“ [1]).

Теперь мы можемъ остановиться на характеристикѣ политическихъ взглядовъ другихъ декабристовъ, принадлежавшихъ къ тому же Сѣверному Обществу. Мы уже имѣли случай отмѣтить, что здѣсь на ряду съ республиканскимъ направленіемъ, не всегда опредѣленно поддерживаемымъ [2]), преобладало конституціонно-монархическое. М. Фонъ-Визинъ въ своихъ запискахъ такъ характеризуетъ настроеніе Общества: „Большая часть членовъ желала для Россіи монархическаго образа правленія, ограниченнаго представительными институціями, по образцу Англіи и Франціи, но были приверженцы и республиканской свободы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, находя, что Россія сходствуетъ съ ними своимъ огромнымъ пространствомъ и несоотвѣтствующею тому малочисленностью населенія, а также извѣстными топографическими условіями и самымъ климатомъ съ сѣверною половиною Американскаго Союза“ [3]).

Во всякомъ случаѣ среди членовъ шли оживленные споры по поводу той или иной формы правленія.

---

[1]) Разборъ донесеній слѣдственной комиссіи въ 1826 г. Никиты Муравьева, „Полярная Звѣзда“, 1859 г. № 5, стр. 60.

[2]) Объ этомъ см. въ главѣ о Сѣверномъ Обществѣ въ нашей книгѣ „Тайное Общество декабристовъ“.

[3]) „Общественныя движенія въ Россіи въ I полов. XIX в.“, томъ I, стр. 187.

„Сѣверное Общество,—говоритъ Завалишинъ,—склонялось къ монархическому правленію и къ необходимости созвать *земскій соборъ* для освященія переворота общимъ народнымъ согласіемъ, Южное требовало республики и десятилѣтней диктатуры, чтобы приготовить народъ къ свободнымъ учрежденіямъ. Одни говорили, что для народа титулъ царя необходимъ, другіе возражали, что русскій самый демократическій народъ, что доказывалось господствомъ вѣча надъ княземъ въ древности и непринятіемъ майората въ новѣйшее время, несмотря на всѣ усилія даже такого насильственнаго реформатора, каковъ былъ Петръ I. Коренные русскіе стояли за форму унитаризма, полнаго государственнаго единства, говоря, что нечего будетъ желать меньшаго и худшаго, когда будетъ всѣмъ даровано большее и лучшее. Люди же нерусскаго происхожденія и нѣкоторые члены общества Соединенныхъ Славянъ, примкнувшаго къ Южному Обществу, требовали федеральнаго устройства и по меньшей мѣрѣ мѣстнаго партикуляризма“ [1]).

Но вообще преобладали монархисты. Ихъ теоретическіе взгляды отличаются бóльшею опредѣленностью, аргументы болѣе развитыми. Такъ, по мнѣнію барона Штейнгеля, „въ Россіи республика невозможна и революція съ этимъ намѣреніемъ будетъ гибельна“; онъ боялся анархіи, полагая, между прочимъ, что даже дворовые люди въ столицѣ немедленно набросятся на своихъ господъ [2]).

Но, разумѣется, нѣтъ никакой возможности сколько-нибудь точно услѣдить за всѣми теченіями въ средѣ членовъ Сѣвернаго Общества. Несомнѣнно только одно, что эти теченія были довольно разнообразны и даже съ вѣроятностью можно предполагать, что въ средѣ этого Общества преобладало умѣренно-конституціонное напра-

---

[1]) Записки, I, 247.

[2]) „Общественныя движенія“, I, 413.

вленіе. Такъ, напримѣръ, такой видный членъ Общества, какъ Н. Тургеневъ, при широкой гражданской свободѣ, свои желанія не простиралъ далѣе умѣренной конституціи. Укажемъ еще на сужденіе одного изъ членовъ, Назимова. Онъ показывалъ, что не разъ спорилъ съ кн. Оболенскимъ о конституціи Н. Муравьева. Онъ говорилъ о послѣдней, что она „не удобоисполнима", что она „влечетъ разрушеніе и гибель на Россію". Съ его точки зрѣнія „подвергать насильственной конституціи, какой бы то ни было, кромѣ самого правительства, никто не имѣетъ законнаго права". Поэтому Назимовъ полагалъ „при введеніи конституціи сначала сохранить существующее правленіе съ небольшими измѣненіями; потомъ, собравъ представителей, предложить имъ проектъ" [1]). Въ конечномъ результатѣ и Рылѣевъ остановился на мысли, что конституція должна быть утверждена на народномъ соборѣ.

Такимъ образомъ ни одно теченіе въ Сѣверномъ Обществѣ въ конечномъ результатѣ не признавало необходимымъ навязывать государству конституцію революціоннымъ путемъ, но предоставить выработку ея и утвержденіе народнымъ представителямъ. На этомъ сходились какъ умѣренные, такъ и болѣе радикальные члены Сѣвернаго Общества.

Изъ числа наиболѣе умѣренныхъ членовъ Сѣвернаго Общества, изложившихъ контуры проекта конституціи, надо еще отмѣтить Батенькова. Взгляды Батенькова вполнѣ сложились безъ воздѣйствія членовъ Сѣвернаго Общества. Революціонная волна захватила его незадолго до 14 декабря. Неудивительно поэтому, что онъ стоитъ особнякомъ среди декабристовъ.

Батеньковъ былъ убѣжденнымъ монархистомъ-конституціоналистомъ. Онъ полагалъ, что въ Россіи республика „устоять не можетъ": народъ слишкомъ привыкъ къ мо-

[1]) Показанія Назимова, стр. 26.

нархіи. На первомъ планѣ онъ считалъ необходимымъ установить въ Россіи гражданскій порядокъ [1]).

Въ заключеніе Батеньковъ набросалъ основной планъ конституціи, которая, по его мнѣнію, наиболѣе соотвѣтствовала бы Россіи. Это весьма умѣренная конституція.

Онъ прежде всего высказывается противъ республиканскаго образа правленія. Онъ „не любитъ республикъ", потому что въ нихъ господствуетъ деспотизмъ законовъ. Бросая взглядъ назадъ въ русское прошлое, Батеньковъ приходитъ къ тому выводу, что Россія благоденствовала тогда, когда при русскихъ монархахъ имѣло силу „вельможество". Напротивъ, разъ монархъ стоялъ лицомъ къ лицу къ демократіи, то для него исчезали всѣ предостереженія и онъ становился тираномъ. Простой народъ всегда довольствовался желаніемъ личной свободы, не ища политическаго вліянія. Поэтому Батеньковъ полагалъ, что въ Россіи надо дать преобладаніе крупному дворянству созданіемъ палаты вольможъ. Она долженствовала бы состоять частью изъ наслѣдственныхъ членовъ, частью изъ назначаемыхъ пожизненно государемъ членовъ изъ свѣтскихъ лицъ и духовенства. Затѣмъ онъ полагалъ необходимымъ нижнюю палату, составленную изъ депутатовъ отъ городовъ, отъ землевладѣльцевъ, отъ трехъ университетовъ и отъ трехъ академій. Законодательная власть должна находиться у императора и обѣихъ палатъ.

Исполнительная власть находится въ рукахъ не отвѣтственнаго императора, дѣйствующаго при помощи отвѣтственныхъ министровъ и отвѣтственнаго совѣта.

Въ области суда Батеньковъ предполагалъ введеніе суда присяжныхъ, при чемъ судебной власти онъ предполагалъ предоставить ревизію отчетовъ, какъ въ дѣлахъ административныхъ, такъ и въ дѣлахъ финансо-

---

[1]) „Мемуары декабристовъ", 166, 167, 172—174.

выхъ, утвержденіе привилегій, правъ состоянія и опредѣленіе наградъ.

Въ губерніяхъ Батеньковъ, предполагалъ необходимымъ существованіе особыхъ губернскихъ палатъ, созываемыхъ губернаторами.

Существующій порядокъ и вообще конституцію Батеньковъ предполагалъ гарантировать слѣдующими постановленіями. Изъ этихъ постановленій одни должны были бы сдерживать монарха морально, а другія матеріально. Къ числу моральныхъ обезпеченій Батеньковъ относилъ слѣдующія: свободу печати, независимость судебной власти, признаніе господствующей вѣры, установленіе церемоніаловъ, т.-е., вѣроятно, подъ этимъ осторожнымъ выраженіемъ надо предполагать присягу императора конституціи, законъ о наслѣдіи короны, законъ о наслѣдіи вельможъ, отвѣтственность министровъ и императорскаго совѣта. Матеріальныя гарантіи конституціи показываютъ въ Батеньковѣ крайнее недовѣріе къ моральнымъ обязательствамъ, принимаемымъ на себя монархами. Онѣ состоятъ въ слѣдующемъ: обращеніе военныхъ поселеній въ народную стражу, передачу въ вѣдѣніе города Петропавловской крѣпости, ограниченіе государя въ личномъ командованіи сухопутною арміею, учрежденіе родового вельможества, право вице-президента собирать палаты, если въ извѣстное число лѣтъ монархомъ онѣ собраны не будутъ, независимость трехъ университетовъ и трехъ академій, учрежденіе областныхъ палатъ, учрежденіе изъ нѣкоторыхъ портовъ вольныхъ городовъ, нѣкоторыя особыя права города Москвы [1]).

Взгляды Батенькова представляютъ собою крайніе правые взгляды въ средѣ членовъ Сѣвернаго Общества. Среди родовитыхъ сотоварищей онъ одинъ, происхо-

---

[1]) „Мемуары декабристовъ“, 144—148.

дившій изъ мелкаго дворянства нерусскаго происхожденія, отстаивалъ родовое вельможество.

Заключеніе.

Выясняя взгляды декабристовъ по отдѣльнымъ вопросамъ, мы подводили итоги нашему изложенію. Это избавляетъ насъ отъ повторенія этихъ заключеній [1]). Напомнимъ здѣсь лишь въ нѣсколькихъ словахъ основные выводы, вытекающіе изъ предшествующаго изложенія государственныхъ и общественныхъ взглядовъ декабристовъ.

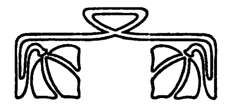
Они дѣйствовали въ одну изъ самыхъ мрачныхъ эпохъ русскаго прошлаго. Между тѣмъ, та же эпоха для Западной Европы была колыбелью свободы. Среда декабристовъ—это среда высоко-культурной части тогдашняго русскаго общества. Это — люди проникнутые глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, восторженные поклонники гражданской свободы. Образованіе и любовь къ свободѣ и родинѣ открыли имъ то тяжелое безправное положеніе, въ которомъ находилась Россія. Не случайно декабристы стали на путь революціи: въ освѣщеніи декабристовъ весьма рельефно выступаютъ всѣ отрицательныя черты тогдашняго строя, декабристы произнесли приговоръ эпохѣ, справедливость котораго не можетъ отрицать историкъ.

Выработавъ свое отношеніе къ настоящему, мысль декабристовъ обратилась къ будущему. Въ данномъ отношеніи иделы членовъ Тайнаго Общества раздвоились: одни изъ нихъ стремились создать типъ новаго государства, порвать со старымъ обветшалымъ строемъ окончательно, другіе — довольствовались свободой конституціонной монархіи. Идеалы республиканскаго государства,

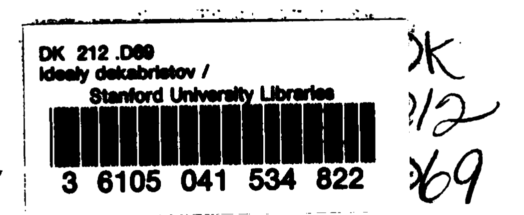
---

[1]) Не дѣлаемъ такого общаго заключенія также и для того, чтобы не повторяться: общее заключеніе читатель найдетъ въ послѣдней главѣ нашей книги: „Тайное Общество декабристовъ“.

или конституціонной монархіи для насъ интересны, такъ какъ они были составлены самими авторами проектовъ. Мы видѣли, что въ этихъ проектахъ есть на ряду съ положительными чертами свободнаго государства и такія стороны, къ которымъ многіе могутъ отнестись отрицательно. Такъ, въ конституціи Н. Муравьева ни съ какой точки зрѣнія не можетъ быть одобрена достаточно рѣшительная постановка крестьянскаго вопроса, неопредѣленное положеніе исполнительной власти и столь же неопредѣленное выясненіе сущности федераціи. Повидимому, Муравьевъ, отправляясь отъ своего образца Сѣверо-Американской конституціи, ближе, можетъ-быть, безсознательно для самого себя, подходилъ къ вполнѣ здоровой и цѣлесообразной для Россіи мысли объ областномъ земствѣ. Въ государствѣ Пестеля поражаетъ широта замысла, стройность идеи, но государство Пестеля, для блага своего, подавляетъ индивидуализмъ національностей.

423
12.-

423
12.–

STANFORD LIBRARIES